

В. И. Курбатов

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Аналитический обзор концепций

Учебное пособие

*Рекомендовано Академией гуманитарных наук РФ
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений*

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2001

ББК 60.56 К

93

Курбатов В. И. К 93 Современная западная социология: Аналитический обзор концепций: Учебное пособие. Серия «Учебники и учебные пособия». — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. — 416 с.

Данное пособие посвящено истории и развитию современной западной социологии. В нем в доступной форме излагаются основные направления и концепции, сформировавшиеся на данном этапе развития западной социологической мысли. Особое внимание уделено критической социологии, методологии социологических концепций, социологии критического реализма, феноменологической социологии, социологии феминизма и тендерных исследований. Пособие содержит биографии современных западных социологов.

Предназначена для студентов гуманитарных факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами западной социологии.

ББК60.56

ISBN 5-2224)1820-2

© Курбатов В. И., 2001

© Оформление: Изд-во «Феникс», 2001

ОТ АВТОРА

На разных этапах работы над этой книгой автору оказывали помощь и содействие люди и организации, которым в этих строках выражается благодарность. Прежде всего искренняя благодарность выражается Иммануэлю Уоллерстайну, профессору Йельского университета (Нью-Хэвен), за лично предоставленные через сеть Интернет эксклюзивные материалы, которые были использованы в работе над книгой. Благодарность также выражается Американской социологической ассоциации, в частности Карле Б. Хавери, и секретариату факультета социальных и политических наук (Кэмбридж) и лично Одетте Роджерс. Благодарность за оперативный ответ через сеть Интернет, который помог улучшить структуру данной книги, также выражается отделам по связи с общественностью Southern Sociological Society (USA), Brown University (USA), Arizona University (USA), University of Mainz (Germany). Автор также выражает благодарность Курбатовой О.В. за перевод ряда материалов для этой книги, в частности за перевод работ А. Гидденса «Social Theory and Modern Sociology», Cambridge, 1990; «New Rules of Social Method», Cambridge, 1994; Х. Уоррена «Ethnometodology», Prentice-Hall, 1982; Э. Гоффмана «The Presentation of Self in Every Life», N.-Y., 1988.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Создание точного портрета современной западной социологии — это задача большого масштаба всей историко-социологической рефлексии. Написание учебного пособия, связанного с аналитическим обзором различных социологических концепций, — несколько иная задача. Решение этой задачи предполагает систематичность изложения основных направлений развития социологической науки в XX веке, выявление основных научных школ, имен, их представляющих, сопряжение всего этого в контексте мультипарадигмальности, конкретного исторического фона, специфики социологического дискурса, соотношения национальных школ и мирового развития социологии, идейных предпосылок конкретных социологических концепций, их фундаментального содержания, прагматического смысла, практически-прикладного использования и их влияния на последующий ход развития социологических исследований.

Вместе с тем развитие науки не имеет границ, в современной западной социологии существуют национальные социологические школы. Можно непосредственно указать на американскую, французскую, немецкую, английскую, польскую и другие в качестве национальных социологических сообществ. Речь, конечно, идет не только об используемом в социологии национальном языке, хотя это, безусловно, важный показатель существования национальной социологии. В данном случае важно подчеркнуть наличие признанных в каждой стране своих социологических концепций и авторов, которые также известны, признаны и используются за рубежом.

Достаточно заглянуть в учебники по истории социологии и современной социологической теории, как становится ясным, что считается достижением современной мировой социологии. Сложился некий молчаливо признаваемый список имен и концепций, начинающийся с предклассиков и классиков: О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин — и заканчивающийся нашими современниками: Ю. Хабермас, Д. Александер, Н. Луман, Э. Гидденс, П. Бурдьё, А. Турен и др. Часто этот почетный каталог заполняется в зависимости от вкусов и пристрастий аналитика. Тем не менее есть несколько стратегических идей, переплетающихся друг с другом, которые помимо чьего-то вкуса и предпочтения, сложившейся конъюнктуры и образовательных стандартов характеризуют реальное взаимодействие современных социологических направлений в различных регионах мира.

Так, важной задачей социологии всегда была проблема совпадения и расхождения индивида и социального мира. Изменчивость и динамичность этого процесса является одним из критериев развития социума и индивида в этом социуме. Видимо, бытие современной социологии во многом заключается в том, что она стремится охватить этот динамический процесс, и в то же время постоянно утрачивает возможность схватить текучесть происходящего. Тогда социология начинает вполне обоснованно, и в то же время достаточно произвольно структурировать реальность, то есть онтологизировать социальный мир, стремясь в категориальной сетке «заморозить» и остановить эту мимолетную процессуальность. Тогда, очевидно, и возникают школы и направления, о которых и пойдет речь в этой книге.

Другой стержневой линией социологии является социальное развитие. Оно предстает разных гранях: изменения социальных структур и функций этих изменившихся структур, изменения социальных ценностей и социальных смыслов, изменения ролей социальных субъектов и изменения самих социальных субъектов, изменения социальных конвенций и новое наполнение и новая процессуальность и турбулентность социальных конфликтов. Соответственно тому, как понимается социальное развитие, так и формируются объяснительные модели в рамках тех или иных социологических школ.

При всем этом социология обрела общественно признаваемый статус некоего социального оракула, прогнозирующего метаморфозы общественного мнения, социальные оценки деяний политических деятелей, вероятные пути социального развития, исходы выборных кампаний и т.п. Более того, она облеклась в строгие организационные формы и стала почти что социальным институтом. Трудно сказать, что при этом она утратила: может быть, наивность социально-философского откровения, может быть, веру в способность разрешать ключевые социальные проблемы, может быть, энциклопедизм, на смену которому пришла социологическая специализация.

В отличие от глобальных систем времен начала социологии возникла автономизация и даже замкнутость социологических представлений в рамках выдвигаемых учеными концепций, что стало необходимым атрибутом нынешнего мира социологии. Такая ситуация не является типичной только для социологии. Она всегда возникает в условиях кризиса науки, кризиса ее курса, который все в меньшей мере способен изобразить новые социальные процессы, многоцветную палитру социальных и

культурных взаимодействий. Социология, как уже было сказано, неизбежно запаздывает и всегда лишь догоняет реальность созданием описательного, а тем самым, конструктивного и проективного словаря социального рельефа, характерного для конкретных обществ. Когда назревает потребность подвести имеющийся социологический дискурс под некий общий знаменатель глобального образа человеческой истории, то столкновение социологических парадигм ведет не к позитивному синтезу, а скорее рождает негативный синтез. Отвергаются неприемлемые постулаты и описания, а принятые положения приходят в состояние рассогласования между собой. Скажем, феноменологическая концептуализация с трудом увязывается с функционалистским объяснением, символический интеракционизм мало согласуется с интерпретативной методологией, критическая социология входит в рассогласование с социологией познания, а концепции социального обмена не вписываются в теории индустриального и постиндустриального общества. Иными словами, противоположные дискурсы порождают конфронтацию, но не дополняют друг друга. Понятийный аппарат «своей» концепции выдается за подлинный, а дискурс «чужой» доктрины в рамках соперничества подвергается критике, выставляется как метафорический, маскирующий реальность. Истина и правда социологического дискурса содержится, согласно такому подходу, в какой-либо одной концепции. Признание правомерными всех или основных концепций (и соответственно их дискурса) приводит к накоплению разноречивых выводов по одной и той же проблеме и ослабляет эвристичность каждой из них. Налицо противоречие современного социологического знания, которое не разрешается простым принятием предпочитаемых социологических концепций, поскольку оно сводится к апологетике отдельного социологического дискурса, т. е. к «парцеллярному» социологическому мышлению.

Мультипарадигмальное состояние социологии отражает общую ситуацию взаимодействия и смены парадигм в науке, описанную Томасом Куном. Конечно, в естественных науках это имеет место несколько иначе, чем в социальных науках вообще и в социологии в частности, но тем не менее имеется и много общего. Отличием является то, в естественных науках парадигмы, возникая из потребности привести научное мировоззрение к новому методологическому, эвристическому и систематическому единству, фундируют познавательный процесс, в социологии они проистекают из совершенно различных по своей плюра-

листичности и эклектичности посылов и приводят к концептуальному хаосу. Возникшие и существующие подобные парадигмы своим познавательным и нормативным смыслом определяют как поведение социологов, стремящихся разрешить свои исследовательские задачи, так и оценочное отношение к социологии. Но предвещает ли, подобно естественным наукам, существующий концептуальный хаос научную революцию в социологии? Думается, что в отличие от естествознания, в котором новые парадигмы являются объединенным мощнейшим катализатором научного роста, в социологии мультипарадигмальность ее современного состояния выступает средством концептуального размежевания и доктринального противостояния. По сути, сегодня западная социология представляет собой множество различных концептуальных схем, не подпадающих под объединяющие принципы общетеоретической методологии, производных от совершенно разных оснований, описывающих социальный ландшафт доступными им средствами (от психоаналитической и бихевиористской терминологии до структурно-функциональных концептов и математических методов). Каждый из подходов, претендующих на единственное правильное видение социальной панорамы, выступая единственной альтернативой всем остальным подходам, на самом деле является некоторой виртуальностью, т.е. одним из возможных способов объяснения социального мира. В соответствии с этим вся современная западная социология выступает как некий спектр различных интеллигентных виртуальностей. И это характеризует еще одно противоречие, связанное с тем, что локальные социологические сообщества, исповедующие различные парадигмы, институционализируются как лаборатории и институты, центры анализа общественного мнения и прогностические центры, учебные и исследовательские учреждения и выступают своеобразным социальным институтом. Подобное институциональное процветание, безусловно, способствует размыванию межпарадигмальных зазоров различных школ и направлений в социологии и создает условия для существования некоторого социологического контроля динамики состояния социума. Вместе с этим оказывается, что, являясь мультипарадигмальным, социологическое сообщество объединяется институционально, остается при этом концептуально расколотым. Эта виртуальность социологии выражает собой политеоретичность и полисемантическую социологического дискурса, лексический анархизм и размежевание на уровне «социологической парацеллы».

Надо полагать, что подобная методологическая ситуация в социологии и, как следствие, слабая продуктивность различных концепций, обусловлены в первую очередь кризисом внесоциологических общенаучных критериев современного социологического и, в частности социального знания.

При указанной методологической и эвристической неуверенности социологи продолжают судить о реалиях жизни социума, оценивая ее и давая краткосрочные и долгосрочные социальные прогнозы и предсказания. Наличие институциализированной социологической базы делает такие прогнозы почти что указаниями на необходимые векторы общественного развития. Нередко при этом представители социологического сообщества присваивают себе право моральной оценки текущей политики, нравов, человеческих поступков. Выходит так, что социолог судит о реальности социума на основе «первородного права своей профессии» и достаточно произвольно сконструированной им самим метафорической понятийной сетки, связанной с им самим выбранной для себя предметной области. Противоречие между методологическим произволом различных концепций и современным унифицированным положением социологии, почти как сложившейся государственно-бюрократической системы, постепенно превращает последнюю в «PR-методику» и «манипулятивную технику», которая выражается в практике взаимного обслуживания социологов, общественности, политической, правовой, финансовой и экономико-хозяйственной власти. При этом представители различных социологических направлений предпочитают свои наблюдения выдавать за научно обоснованные предостережения и прогнозы «за» или «против» власть предержащих.

И это выражает еще один парадокс нынешнего бытия социологии. Поскольку ориентированность мультипарадигмальных теоретических социологических изысков имеет практическую направленность в манипулировании обществом и общественным мнением от имени общественных наук, постольку общество приобретает определенный иммунитет против всякого социального прожектерства.

Равноценность разных стилей социологического дискурса признается сегодня многими. Между тем стиливое разнообразие не совпадает с типами социологического мышления. Социологический тезаурус растет, понятийный же ряд наращивается гораздо медленнее. Напор социологических метафор, многочисленных аналогий в научной литературе и публицистике обуслов-

лен задачей емко и образно выразить реально наблюдаемый предмет (социальный факт). Например, метафоры «социальное состояние», «социальное здоровье», «общество риска», «социальная динамика», «социальное конструирование», «социальное планирование», «общество модерна или постмодерна», «постсоветское общество» и ряд других требуют такого много-слового понятийного растолкования, что содержательная сторона данных обозначений заслоняет первоначальный замысел образно определить предмет. Разъяснение метафоры средствами социологического описания создает видимость постановки (и псевдораскрытия) серьезной проблемы, что превращает ее в достаточно искаженную «карту» социального ландшафта.

Парадокс современного социологического мышления заключается еще и в искусственности социологической метафоры для объяснения социальной реальности. Это связано с тем, что всякие концепции, претендующие на объективность наблюдения, кроме всего прочего, требуют адекватных форм описания, истолкования, экспликации, интерпретации и понимания. Но, подвергая сомнению такой тип мышления, необходимо отдать себе отчет в том, что без понятий, полных метафорически гибких смыслов и размытого содержания, невозможно вообще обрисовать наблюдаемые явления или вникнуть в суть поставленной проблемы. Это, видимо, связано с тем, что объект — изменчивая социальная реальность, представляет собой не единый, жестко ограниченный мир некоторого оговоренного неизменяемыми границами социума, а множество возможных социальных миров, среди которых один актуализирован, реален, а другие — суть его возможные, виртуальные альтернативы. Что, впрочем, не делает их менее реальными, чем реально актуализированный мир.

Соответственно этому социологическое мышление должно быть амбивалентным, не претендующим на некую абсолютную истину. Социология, выпестовавшись из недр философии вообще и социальной философии в частности, приобретает некую строгость, логичность и прогностичность, напроць утратила философскую диалогичность. И это, вероятно, одна из причин, характеризующих то, что мультипарадигмальность социологического дискурса характеризует не «pro» и «contra» в разыскании истины, а противопоставление школ и направлений, каждое из которых претендует на то, чтобы быть истиной.

Тем не менее школы и направления, в том числе и национальные, в современной западной социологии существуют. Они

являются общепризнанными, и результаты их исследований составляют содержание филиации социологических идей и в некотором отношении какие-то грани общественных умонастроений и даже общественной практики.

В данном учебном пособии, которое написано в жанре аналитического обзора, основные векторы развития современной западной социологии представлены следующими направлениями. Это прежде всего критическая социология в виде концепции социальных изменений (Этциони, Тириахьян), критической конфликтологии (Дарендорф, Коузер) и леворадикальной социологии (Хоркхаймер, Адорно, Фромм, Маркузе). Феноменологическая социология представлена такими направлениями, как феноменологическая концепция Шюца, концепция интеракции и идентичности Гоффмана, феноменология Бергера и Лукмана, социология повседневности Бернхарда, этнометодология Гарфинкеля.

Социология критического реализма дана в разработках Бхаскара и постулатах трансцендентального критического реализма Аутвейта. Структурно-функциональная и структурно-системная социология представлена классической структурной лингвистикой, структурным функционализмом Парсонса, функциональным анализом Мертона, системной теорией Лумана, функционализмом Дагласа, структурализмом Блау и Фуко, конструктивистским структурализмом Бурдьё.

Социологические концепции социальных отношений описаны начиная с концепции бихевиоризма, представлены символическим интеракционизмом Мида, Кули, концепцией социального обмена Хоманса. Особое место в современной западной социологии занимает предвидение векторов социального развития, в частности, социологические концепции индустриального и постиндустриального общества. Здесь дана концепция постиндустриального общества Белла, Тоффлера, Козна, Турена, Гэлбрейта, Уоллестайна.

Методологические социологические концепции представлены акционизмом Будона и Буррико, методологическими идеями Шюца, Макинтайра и концепцией социологии познания Маннгейма.

Завершает аналитический обзор социология феминизма и тендерных исследований. Этот блок включает в себя анализ либерального феминизма, марксистского феминизма, социал-феминизма, радикального и так называемого черного феминизма. Эти разработки представлены концепциями Иригари, Файерстоун, Дельфи и других авторов.

ЧАСТЬ 1

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ (Аналитический обзор)

1.1. Французская социология

С самого начала своего существования французская социология совмещает анализ социальных систем с эпистемологическим размышлением о статусе социальных наук. Тот факт, что французская социология уходит корнями в «Курс позитивной философии» Конта, в какой-то степени это объясняет. Примечательно, однако, что в течение всего столетия, отделяющего нас от публикации «Метода социологии», в котором Дюркгейм обнаружил блестящую программу научной социологии, это размышление оставалось в силе и сопровождало каждый этап развития этой дисциплины во Франции. Более того, сегодня, когда общая эпистемология переживает приступ постпозитивизма и постмодернизма, эпистемологическое размышление в социологии сохраняет свою силу и приводит к появлению бесспорно масштабных работ.

Попробуем представить это общее развитие следующим образом: первая часть, историческая, восстанавливает важнейшие моменты этого размышления со времен основания социологии на рубеже столетия и до ее послевоенного обновления, когда образовались основные исследовательские и педагогические институты этой дисциплины. Вторая часть посвящена современному периоду, который начинается с 1970-х гг.: через десять лет после 1968 г., когда экономические и политические изменения, связанные с первым нефтяным кризисом и постголлизмом, институциональные и демографические трансформации университета, изменения в интеллектуальном пейзаже, вызванные отходом от марксизма и структурализма, приводят к подлинному обновлению практического и мыслительного контекста французской социологии.

Французская социологическая школа

«Метод социологии» — вторая работа Дюркгейма. Выпускник Высшей нормальной школы, молодой профессор из Бордо предложил образец карьерного и рефлексивного стиля в социологии, которому суждено было сохраниться даже после уста-

новления в 1958 г. университетской специализации по социологии, стиля, который самой институциональной специфике высшего образования во Франции, прочно связывающей философию и социологию, привил — хотя бы отчасти — вкус к эпистемологическому размышлению. Вышедшая отдельным изданием в 1895 г. после первой публикации в «Revue philosophique» («Философский журнал») книга Дюркгейма развивает и специфицирует понятийный аппарат программы, которую он провозгласил с самого начала своей университетской карьеры: сделать из социологии позитивную науку, т.е. окончательно отделить ее от философских спекуляций, наделив строгим научным методом. По мысли Дюркгейма, речь идет в равной мере и о разрыве, и об основании. Основывая легитимность социологии на признании специфичности социального, реальности *sin generis*, внешней и принудительной для индивидов, Дюркгейм формулирует знаменитое правило о необходимости рассматривать социальные факты «как вещи». Эта объективистская позиция Дюркгейма, вызывавшая много комментариев и зачастую плохо понимаемая, — в основе своей методологическая; необходимо порвать с иллюзией того, что социальное может быть непосредственно дано нам в наших о нем представлениях, и ввести в социологию принципы экспериментального метода. Именно этим принципам посвящает он основную часть своего труда, построенную вокруг трех ведущих идей: классифицировать, объяснять, доказывать. В этом предприятии Дюркгейм решительно склоняет социологию перед авторитетом модели наук о природе, характерной для его времени: цель науки заключается в поиске каузальных законов, которые связывают феномены; наука опирается на прямое или опосредованное экспериментирование. В этом случае — который как раз касается социологии — наука действует с помощью систематического наблюдения за сериями данных, «со относительные вариации» которых она стремится зафиксировать и интерпретировать.

С точки зрения эпистемологии социологии, акт творения Дюркгейма в «Метод» и в других его великих исследованиях — таких, как «Самоубийство» — имеет двойную природу: с одной стороны, он является вписыванием социологии в рамки определенной *модели научности* (модели наук о природе), а, с другой — конструированием особой *исследовательской программы* (программы каузального анализа). Эти две ориентации повлияли на всю дальнейшую историю французской социологии. Вплоть до второй мировой войны ее развитие остается институциональ-

но неустойчивым и определяется дюркгеймианцами, интересы которых расходятся: социология преподается в университете в рамках лиценциата по философии, по ней специализируются лишь четыре кафедры: никто — хотя работы М. Мосса или М. Хальбвакса, безусловно, важны — не располагает институциональными ресурсами и личными возможностями, чтобы исполнять роль, которую раньше играл Дюркгейм. Когда эпистемологическая рефлексия выделяется из ряда общих и академических высказываний о социологии, она концентрируется вокруг двух методологических тем: вокруг введения в социологию статистического анализа в эпоху, отмеченную, в частности, развитием институций и инструментов социально-экономической статистики, и вокруг антропологического анализа, в процессе которого Мосс напишет множество заметок и очерков, хотя никогда и не объединит их в целостный текст. Если относительная астеня этого периода и контрастирует с подлинным кипением и непрерывным развитием социологии после второй мировой войны, было бы все же несправедливо забывать о том, что многие исследователи, вдохновившие это обновление, — Р. Арон, Ж. Фридман, К. Леви-Строс — именно в нем нашли основу своего будущего успеха.

Дюркгеймовский объективизм — и как образец научности, и как исследовательская программа — за пределами Франции вызвал, хотя и неявно, двоякую реакцию — принятия и отторжения. Косвенно он стал объектом критики натурализма и позитивизма, которую вела немецкая социология с начала столетия — как во имя «наук о духе» и понимающей социологии (Дильтей, Вебер, Зиммель), так и в процессе оживления гегелевской и марксистской мысли (Адорно, Хоркхаймер); в Соединенных Штатах, напротив, кодификация стандартизированного опроса и математического анализа причинности способствовала формированию оригинальной ветви дюркгеймианства, ветви, которая отбросила какой бы то ни было спиритуалистский акцент и сконцентрировалась на проблемах операционализации социологического анализа.

Обновление французской социологии

Еще перед войной дюркгеймовские объективизм и каузализм подверглись первым нападкам: коллеж социологии, недолговечное, но творчески продуктивное предприятие на границе этнологии и сюрреализма, отстаивал права интерпретативной мысли; немецкая мысль, эпистемологические импликации которой дюркгеймианство отвергало, стала объектом обстоятельного

рассмотрения Р. Арона. Он не ограничился представлением ведущих течений неокантианской философии и понимающей социологии: во «Введении в философию истории» он обратился к фундаментальному эпистемологическому размышлению об объективности исторического познания и способах применения причинного подхода в истории и социологии. Во многом отталкиваясь от Вебера, он соединял понимание смысла действия с объяснением его последствий. Выделяя различные виды причинности (историческая, социологическая, естественно-историческая), Арон оспаривал сведение их к одной модели у дюркгеймианцев.

Но, несмотря на влияние Арона, это направление не выходит на первый план в послевоенные годы. Французские социологи того времени изучают социологию практически. Вышедшие из различных интеллектуальных кругов, во многих отношениях измененные войной, сопротивлением и новым разделом мира, они в различных формах соединяют свою идеологическую и политическую позицию с освоением импортированных из Соединенных Штатов методов систематической эмпирической работы. В этом отношении дюркгеймовская традиция кажется выдохшейся и сохраняется лишь в качестве академического пережитка. В первое послевоенное десятилетие можно, таким образом, выделить общую критическую дискуссию о статусе социологического знания и специфическую рефлексию о моделях объяснения.

Каузальный анализ, источником которого являются первые исследования Дюркгейма в «Самоубийстве», кодифицируется и систематизируется под влиянием П. Лазарсфельда и американской операциональной исследовательской программы. Понятие каузальности утрачивает любые метафизические или категориальные коннотации, дабы описывать тот тип воздействия, которое определенная переменная x может оказывать на переменную y . Это отношение типа $x \rightarrow y$ само по себе является только рудиментарной формой сложных каузальных структур, которые важно уметь описать и рассчитать. Каузальный анализ, освобожденный таким образом от каких бы то ни было спекулятивных коннотаций, становится базовым инструментом эмпирического исследования, важнейшей методологической темой и точкой опоры определенной позитивистской эпистемологии, которая теперь отталкивается не от дюркгеймианского натурализма, а от логицизма Венского кружка. На этих различных уровнях каузальный анализ проникает во Францию сначала при поддер-

же Ж. Стетзеля, основателя Французского института общественного мнения, а затем — Р. Будона. Выпустив вместе с П. Лазарсфельдом французское издание знаменитого «Языка социального исследования», посвятив свою диссертацию математическому анализу причинности, Будон незадолго до 1968 г. становится, таким образом, лидером направления методологической строгости, которое с тех пор не прекращало развиваться внутри французской социологии, стремящейся к эмпирической результативности. При этом Р. Будон восстанавливает связь с французской традицией, с блеском реабилитируя анализ, данный в «Самоубийстве» и называя Дюркгейма основателем каузального анализа в социологии, включив его, как и Симиана, в корпус текстов «Эмпирического анализа причинности».

При этом можно сказать с некоторой иронией, что и структурализм, который развивается вокруг своеобразной тематизации понятия структуры, тоже будет восстанавливать связь с одним из направлений дюркгеймианства. Постоянно используя возможности лингвистики и фонологии, он предложит структуральную реинтерпретацию «тотального социального факта» М. Мосса. В предисловии к новому изданию работ М. Мосса Леви-Стросс отделяет тотальный социальный факт от простой идеи структурной сложности различных уровней реальности и приводит его к проблеме связи объективного и субъективного в этнологии, т.е. к понятию бессознательной системы отношений, определяющей организацию феноменов. Благодаря успеху этого характерного тезиса, возникшего в рамках этнологии, структурализм станет господствующей программой до 1970-х гг. Идея о бессознательной системе отношений могла бы показаться чуждой социологии, если бы не два ключевых момента: с одной стороны, отказ дюркгеймианства, символом которого является М. Мосс, разделить эти дисциплины; с другой стороны, подлинный эпистемологический переворот, предложенный К. Леви-Строссом. В своей работе 1949 г. «История и социология» он кардинально изменил отношения между социологией и этнологией, установленные Дюркгеймом: первая казалась ему колеблющейся между социальной философией (европейская традиция) и описанием (американская социография), вторая — и только она — предлагала, кроме этнографии (дескриптивной и монографической), сравнительную этнологию, которая, под именем культурной и социальной антропологии, представлялась Леви-Строссу подлинной социальной наукой. За определенным типом социальных институтов (например, дуалистические общества) культурная

антропология стремится «обнаружить — в хаосе правил и обычаев — одну-единственную схему, присутствующую и действующую в различных локальных и временных контекстах. Эта схема сводится к определенным отношениям корреляции и оппозиции, по-видимому, бессознательным, даже у народов с дуалистической организацией. Но эти отношения, поскольку они носят бессознательный характер, должны быть равным образом представлены и у тех, кто никогда не сталкивался с этим социальным институтом».

Каузализм и структурализм

Каузализм и структурализм определяют круг принципов и инструментарий, которые можно назвать «исследовательской программой». Их последовательное усиление, с первых дискуссий послевоенного периода и до работ 1970-х гг., представляет собой сложный феномен, определивший генезис современной французской социологии. Рискую, правда, несколько упростить ситуацию, можно свести этот феномен к двум силовым линиям.

а) Первая линия — скорее, методологического и аргументативного порядка: даже если каузализм и структурализм представляют собой только идеальное ядро сложных туманностей, пользуясь на различных уровнях либо языком переменных, либо языком гомологии и дизъюнкций, они являются теми сценами дискуссий и конфронтации, где французская социология и будет складываться в профессиональное сообщество. Овладение инструментами американской эмпирической социологии происходило в обстановке обостренного внимания к рефлексивности, о чем свидетельствует создание под руководством Навиля журнала «*Epistemologie sociologique*» («Социологическая эпистемология»), который в течение десяти лет (1964—1974) и в особенности до 1968 г. будет обеспечивать ученым Центра социологических исследований возможность общего самовыражения и размышления: методологические и логические проблемы рассматриваются в нем со строго аналитической точки зрения, в чем убеждают, например, названия статей, касающихся диалектики: «Возможна ли диалектическая технология» (1964. № 1), «Аналитическая теория диалектики» (1969. № 7), «О формализации гегелевской логики» (там же). Это рефлексивное восприятие инструментов глубоко повлияет на отношение к техникам исследования во французской социологии и найдет свое место и после исчезновения журнала П.Навиля. Другую природу, гораздо более теоретическую и идеологическую, имеет полемика,

сопровождающая успех структурализма. Она также укрепит позиции французских социологов, тематизируя отношения между структурой и историей, диахронией и синхронией, и проблематизируя, при посредничестве Л. Альтюссера, обращение к Марксу с акцентом на отношениях детерминированности и эффектах структуры.

б) Первую линию развития пронизывает интерес — рефлексивный по форме, объективистский по содержанию, — который между строк сохраняет дюркгеймианский пафос, находя в то же время новые эпистемологические референции. Эта линия не отличалась бы от первой, если бы почти одновременно не появилась группа работ, эксплицитно содержащих притязания уже не просто методологические, но эпистемологические: «Эпистемология социологии», «Чему служит понятие структуры?», «Ремесло социолога», «Кризис социологии». Эта историческая ситуация и явные эпистемологические устремления этих текстов делают их высшей формой выражения послевоенного развития. Отнюдь не преследуя цель обозначить свою идеологическую позицию и изобличить чужую, каждый стремится вписать научность социологии в рамки более широкой эпистемологии, сообщающей предприятию все его значение и легитимность. Включая свой текст в объемную работу под редакцией Ж. Пиаже, Л. Гольдман пытается найти третий путь — путь между марксизмом и позитивизмом, со стороны «генетического структурализма», одновременно согласующегося с его собственными исследованиями в области социологии познания и релевантного для генетической эпистемологии, за которую ратует Пиаже. Эксплицитно вписываясь в рамки социологической метатеории, авторы «Ремесла социолога» выявляют общие аксиомы познания социального у Маркса, Дюркгейма, Вебера и проясняют его этапы, основываясь на категориях «прикладного рационализма» Г. Башляра: эпистемологический разрыв, конструирование объекта, диалог с эмпирией. Дюркгеймовские темы также реанимируются (принцип непрозрачности, критика спонтанной социологии) или уточняются (разработка теории доказательства когерентностью дистанцируется от теории соответствия между высказываниями и фактами). Наконец, R Будон, провозглашая себя сторонником «позитивной эпистемологии» и попперовского рационализма, принимает аналитический стиль, унаследованный от логического позитивизма: ставя перед собой четкие вопросы — что такое формализм в социологии, что такое теория, как работает доказательство — он стремится в своей работе 1968 г.

досконально прояснить способы использования понятия структуры в гуманитарных науках.

«Ремесло социолога» было, вероятно, самой заметной из названных выше книг. Ее намеренно смещенное название — поскольку это ни описание профессии, ни совокупность предписаний — могло быть понято как эпистемология одной практики. Ее многочисленные референции соединились в одну модель научности, укрепленную авторитетом Г. Башляра и объединяющую как вклад французской школы социологии (включая структурализм), так и американскую эмпирическую социологию и марксизм. Единство социологии было восстановлено в соответствии с наиболее взыскательными принципами метатеории.

Пути эпистемологической трансформации Проследить пути эпистемологической трансформации достаточно трудно. Тем не менее мы сосредоточимся на двух направлениях: на смене контекста в социологической практике и на различных областях социологии, способных питать — прямо или косвенно — эпистемологическую рефлексивную дисциплину и участвовать в формировании особого пространства. С 1968 г. французская социология из чисто исследовательской дисциплины без специальной программы подготовки специалистов — самостоятельный лицензиат стал реальностью только в 1958 г. в Париже — превратилась в массовую академическую дисциплину, так или иначе представленную в большинстве университетов. После реформы 1968 г. университетские подразделения включали в себя все больше студентов и преподавателей; сегодня каждый из пятнадцати больших факультетов социологии во Франции — не считая более мелких подразделений в других университетах — насчитывает в среднем 1500 студентов, две или три исследовательских группы, от 30 до 50 преподавателей и исследователей со степенями и столько же лекторов и исследователей по контракту. Эта ситуация порождает новый рынок подготовки специалистов, заставляя преподавателей писать новые курсы и учебники. Несмотря на свои дидактические, а часто даже меркантильные цели, эта работа создает благоприятную атмосферу и всячески стимулирует деятельность по копированию, осмыслению и синтезу, которая, хотя и не является по сути эпистемологической, составляет часть общего рефлексивного движения дисциплины. Расширение институциональных основ французской социологии происходит наряду с общим процессом интернационализации и специализации дисциплины,

частично стирая некоторые национальные различия и увеличивая число референций и связей.

В этом общем развитии французская социология начинает приобретать особые устремления, которые — в некоторых областях и течениях — получают эпистемологические импликации, речь идет об исключительно сложной по структуре и разлетающейся туманности, систематически инвентаризировать которую было бы невыполнимой задачей. С другой стороны, тут проявляется одна из вечных черт французской социологии: вкус к рефлексии, к исследованию оснований и следствий, который — будь то метод, область исследования или течение — не дает исследователю ограничиваться простой операциональностью. Но в то же время это стремление неотделимо от периодически проявляющейся сдержанности по отношению к слишком спекулятивным и теоретическим работам, забывающим об эмпирии ради чистой теории. И поскольку все эти позиции, разумеется, находят свое место в широком спектре — от литературных и философских моделей до математической моделизации, — можно предположить, не слишком рискуя ошибиться, что доминирующий стиль французской социологии находится где-то посередине, будучи в одно и то же время рефлексивным и эмпирическим. Дюркгеймианство и социология первых послевоенных десятилетий могут рассматриваться как особые исторические версии этого стиля.

Современная версия этого стиля проявляется, на наш взгляд, в достаточно четко идентифицируемых и классифицируемых по определенной шкале ситуациях — в истории социологии, методологии, социологии знания и науки, в том или ином аналитическом направлении или теоретической позиции, в создании чисто эпистемологических трудов.

Этнометодология

Наконец, под влиянием этнометодологии и, шире, аналитической философии и прагматики некоторые исследователи (Конен, Кере, Фаро, Тевено и др.) в конце этого периода объединяются и, задавшись вопросом о языковых, контекстуальных, а также логических и когнитивных предпосылках обыденной и научной социологической деятельности, основывают в 1990 г. новый и исключительно многообещающий полюс для рефлексии: журнал «Raisons pratiques» («Практический разум»).

У следующей группы исследований более разнообразная, если можно так выразиться, геометрия: она могла бы точно так же фигурировать и в рубрике «углубление определенной аналити-

ческой программы» (в данном случае этнометодологии). В сущности, интерес к социологии знания во Франции, долгое время вписанный в макросоциологическую перспективу «социальных рамок познания» (Гурвич) или «видения мира» (Гольдман), был обновлен под влиянием этнометодологии, теории рационального выбора, прагматики аргументации, когнитивных наук. Связи между этим интересом и собственно эпистемологическими вопросами вполне возможны и даже нередки, хотя и не являются необходимыми. Последние работы Р. Будона, и особенно его отрицание релятивизма, которое он развивает, основываясь на модели аргументации от имплицитных посылок, весьма показательны в этом отношении. Точно так же социология науки, до этого вписанная во Францию в мертоновскую традицию, под влиянием сильной программы развила конструктивистские позиции, релятивизм которых стал объектом эпистемологической критики.

Четвертым источником, вызывающим эпистемологическую рефлексию во французской социологии недавнего времени, является исследование, тематизация, а иногда и защита специфической программы анализа социального. В этом отношении Р. Будон и П. Бурдые занимают, бесспорно, сильную позицию, поскольку принадлежат к обоим обсуждаемым здесь периодам и обладают престижем, приобретенным на поприще социологического анализа и рефлексии. Другие признанные социологи также вложили немало сил в развитие данного направления. Тем не менее различие между эпистемологической и теоретической позициями у них недостаточно ясно. Если бы можно было отказаться от этого различия и сформулировать вопрос шире, пришлось бы упомянуть всех крупных современных французских социологов — Ж. Баландые, Л. Больтански, М. Крозье, Э. Фридберга, Ж.-Д. Рено, А. Турена и др. — и это, ограничиваясь только «seniors». Но Будон и Бурдые вносят более специфический эпистемологический вклад, форма и содержание которого меняются на протяжении этого периода. В какой-то степени они отказываются от былого притязания на глобальность в пользу систематизации определенной точки зрения. Эта точка зрения, отражающая ту или иную позицию и понимаемая как единственно возможная альтернатива антиномии «объективизм — субъективизм», у П. Бурдые в конечном итоге обретает название «генетического структурализма». У Р. Будона она связана с распространением методологического индивидуализма, ранее тематизированного Поппером и Хайеком, и оборачивается критикой холистских интерпретаций социального изменения, тематизацией

логики эмерджентных эффектов и, наконец, анализом причин следования ложным теориям, в том числе и в сфере науки. Точно так же открытие или возобновление интереса к зарубежным социологическим течениям спровоцировало подлинную эпистемологическую рефлексию — в этнометодологии (см. выше), в понимающей социологии. Кроме того, сюда можно отнести М. Маффезоли, чьи постмодернистские позиции и защита «формалистской», эстетизирующей социологии также выражены в рефлексивном и эпистемологическом стиле.

Наконец, в последний период появились собственно эпистемологические работы. Данное выражение вовсе не означает, что эти работы, скажем, более ценные, чем труды предыдущего периода (многие из которых также могли бы быть включены в эту рубрику), но все же отличия очевидны.

Определенная эпистемическая уязвимость социологии, на которую указывают работы последнего периода, может быть оценена по-разному. С исторической точки зрения ясно, что традиционные объективистские позиции французской социологии и ее вера в единство общей модели научности поставлены под сомнение. Если не принимать во внимание постмодернистские позиции или возврат к немецкой традиции, это, как правило, не порождает релятивистских или дуалистических тематик, отвергающих всякую идею научности или восстанавливающих различие между науками о духе и науками о природе. Доминирующей кажется, скорее, идея общего научного устремления, меняющегося в зависимости от условий существования каждой дисциплины и заметного в упорядоченном многообразии, единственной проблемой которого является, по-видимому, определение границ. Не относясь к нормальной науке Куна, социология может принять идею многообразия, управляемого общей метатеорией или дисциплинарной матрицей. Однако необходимо помнить, что их возврат к позитивистской ортодоксии всегда может привести к сужению этого пространства.

Сквозь призму этой перспективы французская социология действительно кажется воссоединившейся с международным развитием и при этом не утратившей своей специфики. Сегодня нет ни такого исследовательского направления, которое было бы неизвестно, ни такого, которым бы пренебрегали, даже если некоторые из них долго получали права гражданства. В отличие от предыдущих периодов, когда удаленность, интеллектуальные традиции, контексты деятельности приводили к выборочному восприятию иностранных работ, ныне *это* восприятие определя-

ется, на наш взгляд, только следствиями неясности и неудобочитаемости массовой продукции, подчиненной логике банков данных, случайностям книжной торговли и произвольности сетей обмена. Материалы, к которым может обращаться эпистемологическая рефлексия, таким образом, умножились, поэтому неудивительно, что сама рефлексия преломляется, следуя логике областей исследования и направлений.

Тем не менее перед лицом этой глобализации практик и научных трудов нам представляется, что французская социология с самого начала сохраняет определенную специфику, которую не в состоянии полностью стереть присоединение к чужим знаменам. Менее склонная к чистой теории, нежели немецкая социология, и к безразличным к теоретическому значению своих актов операционализму и прагматизму, она удерживает — поверх трансформаций и отклонений — определенный вкус к рефлексивности, быть может, не всегда уместный, но составляющий основу ее эпистемологической позиции. Наконец, французская социология выражается — в этом, возможно, ее последняя специфическая черта — в игре амбивалентных отношений с французской философией. Значение ее различно в разных направлениях (Башляр, Альтюссер, Фуко, Гранже, Деррида, Лиотар, Серр), но в любом случае — это интеллектуальный ресурс, не способный, впрочем, привести дисциплину к приступам безрассудного энтузиазма, вызванным некоторыми из этих авторов за рубежом. Нужно ли видеть в этом один из результатов глубокой философской подготовки многих французских социологов, хранящий их от чрезмерного преклонения перед соблазнами некоторых речей? Или это следствие скрытого объективизма, унаследованного от контовской и дюркгеймовской традиции, столь третируемого доминирующими течениями французской философии? Этот вопрос еще ждет своего ответа и, скорее всего, он достоин внимания социологии знания.

1.2. Германская социология

Исследователи германской социологии, конечно, достаточно условно подразделяют социальную теорию на три основные области: социальную теорию **поколения** (Generation), теорию **социальной** среды (Social Milieu) и теорию социальной **личности** (Social Person). Это тройное деление, по мнению исследователей, должно не только пролить свет на положение совре-

менной социологии в Германии. Его главное притязание заключается в том, что такое представление о социальной теории должно привести к социологическим теориям более высокого уровня, чем даже того требует объективность социологического знания.

Франкфуртская школа

Первое значительное изменение в социальной теории в Германии связано с удалением от университетской службы целого поколения социологов, ставших известными в последние десятилетия. Уходят на покой Юрген Хабермас во Франкфурте, Томас Лукман в Констанце, Никлас Луман в Билефельде, а также многие другие из того военного поколения, которое уже в последние годы 2-й мировой войны, несмотря на очень молодой возраст, занималось активной деятельностью. Их энергичный стиль борьбы «проявился» во время съезда Немецкой социологической ассоциации 1964 г. в Гейдельберге, посвященного празднованию 100-летнего юбилея Макса Вебера, в знаменитом диспуте между Юргеном Хабермасом и Теодором Адорно. С одной стороны, герменевтика и толкование текста, с другой — коммуникативная способность и ее обоснованность в личной убежденности и общем обязательстве. Необходим более тщательный, чем это возможно сейчас, анализ различий между использованием языка и производством письменных текстов в новом поколении, которое в настоящее время приходит к власти не только в немецкой социологии.

Юрген Хабермас — наиболее оригинальный ум поколения так называемой «Франкфуртской школы». В его работах социальная теория получила явный неомарксистский оттенок. Анализ любой социальной среды (*milieu*) и современных социологических проблем, которые Хабермас всегда представляет в терминах эмпирических и сугубо социологических дефиниций, следует начинать (согласно направлению социальной теории, предложенному Хабермасом) с рассмотрения истоков социальной теории от Вебера до Парсонса в оригинальных интуитивных находках, почерпнутых Марксом у Гегеля. После недавнего крушения марксистско-ленинских социетальных структур Востока следует ожидать обращение Франкфурта к ортодоксии, контуры которой уже просматриваются.

По Хабермасу, за этим должно последовать всеобщее освобождение, таящее в себе свойственную ученым свободу «*herrschaftstreie Diskurse*», поскольку социальная теория начинается с либеральной концепции общества. Но читателю, и тем

более молодому писателю, следует обратить внимание на презрение к здравому смыслу, которым проникнута (как неким «критическим» гарантом от эмпирической очевидности нежелательных социальных изменений) категориальная основа кантианско-гегельянской традиции в социальной теории. В непосредственно следующем за этим поколении, которое за десятилетия или более научилось противостоять любым формам «Herrschaft», сохраняя таким образом эту доминирующую концепцию социальной теории, уже произошли некоторые, хотя и не столь существенные изменения: во Франкфурте Ульрих Оверман (Oevermann) работал над «объективной герменевтикой» — методом транскрипции текста с целью выявления глубоколежащих значений персональных изречений, что позволяет «объективно» обнаружить их скрытый смысл; Клаус Оффе (Бремен) занялся политологией, в то время как Веллмер в Берлине оставался наиболее близок к исходным интересам Хабермаса в социальной философии. Можно наблюдать лишь общие черты значительного распространения этой франкфуртской среды идей в последующем поколении немецких и других социологов.

Кроме продуктивности школы, образованной каким-либо ученым, часто превосходящей конечный продукт самого ученого, существует производительность поколения (особенно в науке), которую также называют школой. Итак, для того чтобы прояснить некоторые факты из мнения поколения, я собираюсь рассмотреть среду и поколение (а не личность и поколение).

Разные поколения Франкфуртской школы

Третье поколение франкфуртской традиции упрочило свои позиции и слишком широко распространилось по миру, чтобы его можно было назвать «школой» или перечислить поименно. Более глубокие корни этого явления становятся очевидными при дальнейшем изучении немецкой социологии. Роль оппозиции к критической социальной теории была ранее заявлена Никласом Луманом, который использовал «системную теорию» как номиналистическую замену любой теории и всей общей социологии, без всякого уважения к ее истории. То внимание, которое системная теория уделяет рукописям, шрифтам, совсем не связано с самими историческими текстами. Лумана интересуют только рукописи как таковые; оставленные монахами или математиками для случайного или намеренного чтения, эти рукописи должны заново открыться системными исследователями как свидетельства прошлой вовлеченности в социальную жизнь. Конструирование теории сводится к производству текста, в самом стро-

гом смысле, что вызвало немало жестких нападок исследователей в традиционных областях социологии. Людвиг Ландгребе довольно рано начал критиковать недостатки подхода Лумана в своем эссе, описывающем подъем нового поколения социальных теоретиков с момента принятия Лумана членом Вестфальской Академии наук.

В течение всей своей профессиональной деятельности Луман преподавал в Билефельде: многие из его студентов остались там же. Именно в Билефельде Луман раскрыл чрезвычайную важность системной теории. Кажущийся беспроблемным переход системных концепций в смежные области (наук) был менее приемлемым для социологов, чем для их соседей в социальной политике, экономике, юриспруденции и даже в музыке и поэзии.

Эта же история передачи власти в немецком социологическом истеблишменте с разрывом в поколение повторяется в области социальной феноменологии. Пример тому — третье поколение ученых-феноменологов, которое образовал Т. Лукман после своего переезда из школы социальных исследований (New School for Social Reslarch) в Нью-Йорке во Франкфурт в 1965 г. К 1972 г. во Франкфурте не осталось ни одного ведущего социолога: Хабермас оказался в своей 10-летней «ссылке» в Старнберге (Бавария). Тенбрук перебрался в Тюбинген как последователь Дарендорфа, который к тому времени уже начал политическую карьеру, Граф Кроков рано отошел от университетской жизни и начал писать книги об исторических проблемах Востока и Запада; Вольфганг Запф уехал в Маннгейм для создания исследовательского института, а затем перешел в Берлинский центр искусств и наук (WZB). За десять лет Франкфурт, подобно Гейдельбергу и другим более ранним центрам социологии, был опустошен, — лучшее доказательство неприспособленности поколения-68, которое следовало бы назвать социальным движением.

Интерес к социологии концентрируется вокруг трех отправных точек (немецкого происхождения). Вильгельм Дильтей (1839—1911), наиболее выдающийся и ранний критик Гегеля, предложил желающим понять преимущества «Geisteswissenschaften» изучать успехи поколений, вместо гегельянского движения «Geist». Шестьюдесятью годами позднее Карл Маннгейм (1893—1947) стал первым социологом, развивающим концепцию поколений с целью пересмотра теории классовых конфликтов Маркса. Представитель этого же поколения, мой учитель социо-

логии, политической науки и социальной философии в Геттингене Хельмут Плеснер (1892—1985), был среди первых социологов, предложивших и развивших эмпирические методы изучения состава поколений интеллигенции, а именно ученой среды университетских профессоров в Германии и в Голландии. Эти исследования, проведенные перед войной, сначала в Кельне, а затем в Геттингене, не принесли ему всеобщего признания со стороны его коллег по профессии. Анализ ученой среды, по мнению Плеснера, значительно облегчал раскрытие структуры личности, чем рассмотрение последней с точки зрения поколения. Здесь лежит реальная основа моей классификации второго порядка, предложенной выше для осознания различий и особенностей внутри социальной теории.

Изменения в поколениях вносят изменения и в профессиональные элиты. Другими словами: социальные изменения и их внутренняя обоснованность в изменяющихся структурах власти и элиты проявляются через их поколенный состав. Социальные теории, которые рассматривают лишь одну из сторон этого тройного феномена, едва ли могут привести к полному пониманию двух других, хотя односторонность, чаще всего, является признаком восстановления после разрушения. Восстановление социологии в Германии после второй мировой войны началось с возвращения социологической элиты из ссылки: Рене Кёниг работал во время войны в Цюрихе, Адорно и Хоркхаймер занимались исследовательской работой и даже издавали журнал в США. Хельмут Плеснер поддерживал полулегальное существование социологического «Номо Absconditus» в Голландии, находившейся под немецкой оккупацией.

Первое поколение послевоенной социологии в Германии было обучено этими тремя «Kurfursten». То, что позже стало известно как Франкфуртская школа, возглавляемая Теодором В. Адорно (1903— 1969), фактически было явной неомарксистской социальной теорией. Для Франкфуртской школы были свойственны не слишком удачные процессы институциональной «чистки»: Хоркхаймер был отвергнут Адорно и испытал вскоре судьбу, сходную с судьбой Зигфрида Кракауэра (Kracauer), и конфликт Хабермаса с Франкфуртской школой мог бы быть рассмотрен под этим же углом. «Die Koiner Schule» стала центром восстановления эмпирического неопозитивизма в Германии (Рене Кёниг (1905— 1992), развивая при этом стиль школы-поколения, тесно связанного с американской социологией. Третьим центром стало более старшее поколение, лидировавшее еще до войны.

Философские традиции, критическое отношение к Гегелю и Марксу, но позитивное к современным социальным теориям философии жизни и их «*conditio humana*», утвердились в Геттингене под руководством Плеснера (1892—1985). Эти три центра были доминирующими в германской социологии с начала 1950-х и до конца 1960-х; их ослабление в 1962—1970 гг. привело к феномену «*Herrschaftsfolge*», описанного выше. Эта несомненная очевидность превосходства (названного «*Herrschaft*» в немецком языке) опирается на ряд «невидимых» понятий и теоретических конструкций, таких как письмо, текст, герменевтика. В частых методологических диспутах (как, например, известный «*Positivismus-Streil*») данные теории нашли достаточно сильное выражение, но при этом они не касались наиболее уязвимых фундаментальных проблем марксизма, оставшихся незатронутыми и после разделения нации.

1.3. Американская социология

Американская социология представлена многими яркими именами, но в этом созвездии, как звезда первой величины — имя Питирима Александровича Сорокина, русско-американского социолога. Его творчество трудно определить принадлежностью к какому-либо одному социологическому направлению. Он интересуется и глобальными вопросами исторического процесса. Исторический процесс, по Сорокину, есть цикличная флуктуация типов культуры, каждый из которых — специфическая целостность и имеет в основе несколько главных посылок (представление о природе реальности, методах ее познания).

Сорокин выделяет три основных типа культуры: чувственный (*sensate*) — в нем преобладает непосредственно чувственное восприятие действительности; идеациональный (*ideational*), в котором преобладает рациональное мышление; идеалистический (*idealistic*) — здесь господствует интуитивный вид познания. Каждая система «истин» воплощается в праве, искусстве, философии, науке, религии и структуре общественных отношений, радикальное преобразование и смена которых происходят в результате войн, революций, кризисов. Кризис современной «чувственной» культуры Сорокин связывал с развитием материализма и науки и выход из него видел в будущей победе религиозной «идеалистической» культуры. Сорокин один из основателей (родоначальников) теорий социальной мобильности и социальной стра-

тификации. Развитое Сорокиным учение об «интегральной» социологии (охватывающей все социологические аспекты культуры) оказало значительное влияние на современную социологию.

Сорокин создает позитивистскую модель социологии, основанную на бихевиоризме. Социологическая концепция этого периода сформировалась под влиянием идей О. Конта, Э. Дюркгейма, М.М. Ковалевского, Е. В. Де-Роберти, Л. И. Петражицкого, Г. Зиммеля, а также В. М. Бехтерева и И. П. Павлова. Сорокин, оставаясь на позициях социального бихевиоризма, разрабатывает основные положения теории «социальной стратификации» и «социальной мобильности», которые были изложены в книгах «Социология революции» (1925) и «Социальная мобильность» (1927). Но уже в конце этого периода, под влиянием философии Э. Гуссерля, Сорокин все больше обращается к проблемам философии культуры, критикуя «голый эмпиризм». Это нашло отражение, в частности, в работе «Современные социологические теории» (1928).

Далее в его творчестве на передний план выдвигаются проблемы культуры, которым отводится роль определяющего фактора социальной жизни и поведения человека. Итогом работы этого периода было создание интегральной системы социологии культуры.

В последующие годы интересы Сорокина уходят от этнографических к социальным проблемам, но он все же несколько раз возвращается к данной теме: так, в 1917 г. была опубликована одна из наиболее полных работ по религии коми — «К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян». Основная идея работы: реликты тотемизма как исторически первой формы религии сохраняются в мировоззрении коми до начала XX века. Заметим, что Сорокин, как и Э. Дюркгейм, вкладывает в понятие «тотемизм» несколько иное содержание, чем классическая этнография после Дж. Мак-Леннана. Основы тотемизма, по Сорокину, заключены в разделении окружающего мира на сакральное и профанное, и этим он и пытается объяснить содержание религиозно-мифологических верований коми. Выводы Сорокина находились в русле современных ему исследований, которые позже привели к обоснованию роли двойного принципа в культуре обществ с дуальной социальной организацией, что наиболее полно было сделано в структурной антропологии Леви-Стросса.

Ранние социологические работы Сорокина писались на основе неопозитивистско-бихевиористической методологии. В сво-

ей первой книге «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический эпос об основных формах общественного поведения и морали» (1913) социальный феномен (сфера «надоргани-ки») определяется им как «социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов», то есть всякое взаимодействие, если оно обладает психическим характером, суть социальное явление. Такое явление будет обладать как чисто психологической, внутренне психологической, так и символической, внешней природой. Игнорируя индивидуальные внутриспсихологические процессы, социолог, по мысли Сорокина, призван описывать только внешние факты, то есть не всю социальную жизнь. Отсюда Сорокин констатирует три основные формы актов поведения людей — дозволенные, должные и рекомендуемые, как не противоречащие представлениям о должном и дозволенном, а содержащие в себе «сверхнормальную роскошь». Каждая из этих форм существует как бы в связке с соответствующей ей оппозиционной санкцией: рекомендуемым актам (подвиг или услуга)—награды; запрещенным (преступление)—кара; дозволенным—«должные реакции» поведения.

Согласно Сорокину, теоретическая социология распадается фактически на три основных раздела: 1) социальную аналитику (социальная анатомия и морфология); 2) социальную механику (ее объект—социальные процессы); 3) социальную генетику (теория эволюции общественной жизни).

Сорокин формирует представления о социальной генетике (или социальной динамике). Он определяет исторические тенденции, или линии развития, обнаруживающиеся вне повторяющегося во времени развития как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон, или институтов, и объясняет отклонения и отступления от этих тенденций.

Начав социологический анализ с простейшей клетки общества — социального взаимодействия, — разложив ее на составные компоненты, Сорокин приходит в конечном итоге к выводу о том, что причинно-функциональная связь всех частей социального взаимодействия приводит к образованию коллективного единства. Как и в любой социологической концепции, перед Сорокиным стоит проблема решения дилеммы «общество — личность». Если реализм (Дюркгейм) эту проблему решал в пользу целого (общества), а номинализм (Вебер) в пользу личности, то Сорокин решал ее по-своему: «Общество, или коллективное единство как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы невзаимодействующих индивидов, суще-

ствует. В качестве такой реальности *sui generis* оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но, вопреки реализму, общество существует не «вне» и «независимо» от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немислимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов. Термины, подобные «социальному сознанию», «душе народа», «национальному духу» и т. д., могут фигурировать только в качестве поэтических образов; взятые же в своем буквальном смысле, они не соответствуют действительности».

Ярчайшим представителем американской социологии является Олвин Тоффлер, футуролог, публицист, один из авторов концепции «сверхиндустриальной цивилизации». Его имя вошло во все серьезные социологические и философские словари. Его книги на интеллектуальном рынке идей получили широкую известность, переведены на многие языки и стали бестселлерами. Очередная книга под названием «Сдвиг власти. Знания, богатство и насилие на пороге XXI века» (1990) стала, по мнению самого автора, завершением «трилогии», подвергающей анализу основные тенденции человеческого общества на пути к новому, информационному этапу его развития. Есть пространное реферативное изложение на русском языке двух первых работ «трилогии»: «Футурошок», «Третья волна» и кратко «Сдвига власти». Тоффлеровская интерпретация новейших тенденций в технологическом и социальном развитии современного общества, глобальных проблем человеческой цивилизации осуществляется в рамках имеющей широкое распространение на Западе группы теорий типа «постиндустриализма». Тоффлер был одним из первых, кто стал предупреждать о возможных опасностях, вытекающих из культов технологических императивов. Под напором ускоряющегося темпа перемен зашатались прежние религиозные, национальные, общинные, профессиональные устои жизни людей. Для сохранения душевного равновесия, самовосприятия жизни, для того, чтобы избежать шока от столкновения с будущим, люди должны стать несравненно более приспособленными и пластичными по сравнению с прошлыми временами.

«Футурошок» (1970) — книга о факторах ускорения, о социальных и технологических изменениях. Сердцевиной проблемы эскалации ускорения в обществе Тоффлер считает знание, которое служит основным горючим для машины технического прогресса. В «Третьей волне» (1980) ученый предпринимает круп-

номасштабный анализ новой цивилизации, делает упор на описании основных очертаний вновь появляющегося общества и объявляет об уходе века индустриализма. Историческое развитие предстает, по Тоффлеру, в виде смены «волн» цивилизации: сельскохозяйственной цивилизации, индустриальной цивилизации и постиндустриальной цивилизации. Именно во времена последней эпохи знание становится важнейшим ресурсом переходной экономики, поскольку оно сокращает потребность в сырье, рабочей силе, времени и капитале.

Так называемая «Чикагская школа» представлена многими яркими именами. В их числе С.Берджерс, Г. Блумер, Л. Вирт, П. Лазарсфельд, Р. Парк, Р. Редфильд и другие.

С. Берджерс, как видный представитель Чикагской школы, занимался исследованием межкультурного взаимодействия в рамках городских сообществ. Проблема межкультурного взаимодействия была особенно актуальна в связи с интенсивными миграционными процессами. Наиболее изучаемыми данным социологом были следующие проблемы: проблемы гетто, молодежных сообществ и молодежной преступности, культурной ассимиляции и изоляции, проблемы маргинализации. Он составлял «социальные карты города», с помощью которых наблюдал распределение гетто, молодежных преступных групп, а также распределение различных учреждений, устанавливал корреляцию типов социальных проблем друг с другом в зависимости от структуры города, его физического типа. С помощью «социальных карт города» Берджерс определял концентрические зоны города: деловые районы и пригороды, промышленные зоны и районы эмигрантов. Он полагал, что все социальные явления могут быть интерпретированы как адаптивные реакции на изменения среды: физической, социальной, межличностной.

Герберт Блумер в развитии своей концепции исходит из установок прагматизма, характеризуя объект социологического анализа в категориях реального социального взаимодействия. Он выделяет три уровня взаимодействия: символический (свойственный только человеку) и несимволический (свойственный всему живому). Он стремится избавиться от «сциентистики», ориентированной на эмпиризм, и провозглашает проблематику массового общества. Его понимание массы как элементарно и спонтанно возникающей коллективной группировки сыграло большую роль в определении массовой коммуникации как важного фактора социализации.

Луис Вирт — представитель так называемой «городской социологии». Он выдвинул и обосновал авторское понятие городского образа жизни, противопоставив его традиционному укладу жизни сельской общины. В своей концепции он объединил характеристики пространственной и социальной организации крупного города.

П. Лазарсфельд, являющийся одним из видных представителей Чикагской школы, связал свою работу с отработкой методологии социологического исследования, которая включает в себя следующие уровни: спецификация исследовательской проблемы; прояснение значений социологических понятий; логическая структура обобщений; выяснение природы социологических данных. По его мнению, главные цели социологической методологии являются следующими: экспликация (объяснение социальных процессов); критический анализ теории и использование ее в качестве логической ориентации эмпирического исследования.

Роберт Парк — один из основателей Чикагской школы — автор социально-экологической теории. Социология, по Парку, изучает образцы коллективного поведения, формирующиеся в ходе эволюции общества как организма и «глубоко биологического феномена». Поэтому общество имеем помимо социального (культурного) уровня биологический, лежащий в основе всего социального развития. Движущей силой этого развития является конкуренция, которая по мере продвижения общества от биологического уровня к социальному принимает различные сублимированные формы: от борьбы за выживание через конфликт и адаптацию до ассимиляции. Социальная эволюция, по его мнению, проходит четыре стадии и любой социальный организм имеет четыре соответствующих порядка: экологический (пространственное, физическое взаимодействие), экономический, политический и культурный. По мере продвижения к культурному порядку усиливаются социальные связи, ограничивается конкуренция, сдерживается биологическая стихия и общество достигает оптимальной «соревновательной конкуренции и согласия».

Роберт Редфильд, следуя теоретической перспективе, намеченной Парком, опираясь на свои полевые исследования, разработал понятия «народного общества» и «городского общества». Эти понятия (идеальные типы) описывали две противостоящие друг другу модели организации социальных отношений. В своей концепции Редфильд стоял у истоков нового направле-

ния — культурантропологии, сложившейся к концу 69-х годов, — городской антропологии или антропологии города.

Н. Смелзеру принадлежит заслуга в становлении социологии экономики в качестве полноценной социологической дисциплины. В своей крупной работе — «Теория коллективного поведения» (1962) — Н. Смелзер развернул собственную теорию ценностно-ориентированного коллективного поведения. В отличие от теорий «психического заражения», мобилизации и других он выделяет в механизмах формирования массового действия когнитивные компоненты: единство взглядов, ценностей, верований его участников. Многие современные массовые движения, например, движение «зеленых», объясняются этой теорией лучше, чем другими теоретическими подходами.

1.4. Британская социология

Надо сказать, что название, вынесенное во главу данного раздела, является достаточно условным, поскольку говорить о существовании британского социологического сообщества весьма проблематично. Общность языка и, очевидно, проблематики привели к тому, что труды британских социологов можно в каком-то отношении ассоциировать с трудами американских социологов, хотя при этом, конечно, сохраняя некоторую самобытность. Выделяются и определенные специфические линии развития.

Так, в британской социологии отдана дань эволюционной теории. В частности, это касается работ К. Боулдинга, Э. Мэйо, Э. Тайлора.

Кеннет Эварт Боулдинг с 1937 г. живет в США и с 1968 г. работает в Колорадском университете. В своей концепции он исходит из принципа изоморфизма всех мыслимых систем в природе и обществе, из которого выводит необходимость создания общей теории систем как «скелете науки», на который наращивается «плоть и кровь» отдельных научных дисциплин. Он вводит понятие экологического взаимодействия как первоосновы понимания эволюционной перспективы человечества. Следуя Т. де Шардену, он понимает человеческую историю как ноогенетическую эволюцию артефактов, создаваемых при наличии необходимых знаний, энергии, материалов. С этих позиций Боулдинг развивает эволюционную экономику — подход к экономической и общественной жизни на основе понятий экологического взаи-

модействия и мутаций. Главным показателем прогресса, по Боулдингу, является улучшение качества жизни. В этой связи в его саботаж на первый взгляд выдвигаются задачи обеспечения стабильного мира, решение которых требует формирования целостного взгляда на взаимосвязь всех процессов в рамках системы «человек — общество — природа», понимание природы кризисов и способов их разрешения, овладение проблематикой эффективного управления процессами. Отсюда Боулдинг выводит необходимость создания «всемирной единой экологической системы» и, соответственно, морального обновления человечества.

Тайлора Эдуарда Бернетта можно считать одним из основоположников эволюционизма. Исходя из эволюционной концепции поступательного прогрессивного развития человечества, он решительно выступает против утверждений о регрессе отдельных народов. Он считает, что народы всего мира, стоящие на разных ступенях эволюционного развития, вносят свою лепту в единую общечеловеческую культуру. Развитие культуры Тайлор уподоблял биологическому развитию, подходя к нему с естественно-научных позиций. Отстаивая однолинейную эволюцию, он рассматривал ее как саморазвитие идей: технических изобретений, технологий, научных знаний и т.п. Строя эволюционные ряды отдельных элементов культуры, Тайлор выделяет их как предмет изучения социальной теории. Одним из его ближайших учеников, реализовавших эволюционные идеи Тайлора, был известный этнограф Дж. Фрейзер.

Элтон Мэйо, которого также можно считать и американским социологом, явился одним из основоположников индустриальной социологии и «доктрины человеческих отношений». Большое влияние на формирование его концепции оказали идеи Дюркгейма и Фрейда. Изучая влияние различных факторов на развитие общества, Мэйо показал особую роль человеческого и группового фактора. Обобщение эмпирических данных привело его к созданию социальной философии менеджмента. В основе концепции Мэйо лежат следующие принципы: 1. Человек представляет собой «социальное животное», ориентированное и включенное в контекст группового поведения. 2. Жесткая иерархия подчиненности и бюрократической организованности несовместима с природой человека и его свободой. 3. Руководители промышленности должны ориентироваться в большей степени на людей, чем на продукцию. Это, по его мнению, обеспечивает социальную стабильность общества и удовлетворенность индивида своей работой и своим положением в обществе. Рацио-

нализация управления, учитывающая социальные и психологические аспекты трудовой деятельности людей, — основной путь решения классовых противоречий капиталистического общества. Отсюда и разработка новых средств повышения производительности труда: «паритетное управление», «гуманизация труда», «групповые решения», «просвещение служащих» и т.д.

В области теоретической социологии нельзя пройти мимо трудов Томаса Бартон Боттомора, английского социолога неомарксистской ориентации. Он, как специалист в области теории классов современных индустриально развитых стран Запада, внес определенный вклад в развитие теории стратификации. Придерживаясь общепринятого деления социальной структуры на следующие формы: каста, сословие, социальный класс и статусная группа, он характеризует класс в большей степени с точки зрения экономических параметров. Считая буржуазию и рабочий класс основными классами индустриального общества, он намечает характерные элементы социальной структуры постиндустриального общества, отдавая должное среднему классу.

Немало внимания Боттомор уделяет вопросам развития социологии и ее роли в современном обществе. По его мнению, современное состояние западной социологии характеризуется большим количеством соперничающих теоретических схем и повышением интереса к вопросам методологии социального познания. Это он оценивает как выражение своеобразного протеста против социологического позитивизма и прагматизма. Перспективы развития социологии Боттомор увязывает с общекультурными изменениями, требующими осмысления в теоретических конструктах, созданием нового понятийного аппарата и т.п.

ЧАСТЬ 2

КРИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Гуманистическое направление в социологии связано с критической линией, представители которой выступали против «академической» социологии и индустриализма. Их социально-критический анализ неустойчивого состояния общества в 60-е годы указывал на присутствие связи между социальным кризисом в странах Западной Европы и позитивистски ориентированной фундаментальной теорией общества, а также прикладной социологией. С одной стороны, они подвергали критике явное расхождение в структурном функционализме между социологической теорией и социальной практикой. С другой — они критиковали ангажированность социологии через ее вовлеченность в систему социального управления и контроля в обществе. В частности, социолог-эмпирик имеет своим результатом «удвоение фактичности» и последующую апологетику того, что существует, удостоверяя наличные формы существования социального мира как «научно зафиксированную» действительность. Эта идеология заключает в себе «реставрационную» тенденцию эмпирической социологии. Отсюда — при реальном плюрализме она с усердием поддерживает то, что существует.

В критической социологии отражены идеи трагического скептицизма, связанные с разочарованием в «технорациональности»: ни приоритет техноразума и сциентизма, ни привлечение советника, эксперта не смогли повысить рациональную природу общества. Индустриальное общество своей неумной жадой подчинить себе природу спровоцировало глобальную экологическую катастрофу, которая лишь усиливала экономический кризис и опасность гибели рода человеческого. В этих условиях был подвергнут критике «социальный эксперимент» на путях индустриализма, в том числе и коммунистический эксперимент, с его репрессивной культурой — подавлением коллективизмом (корпоративизмом) индивидуализма. Представители критической социологии показали, что социально-политическую систему нельзя сконструировать, сидя за столом и на основе технико-экономических данных. Для этого нужно знать требования реального человека, его духовный мир и моральные установки. При этом светлые идеалы будущего учить людей не способны, ибо

будущее не может иметь опыта. Нас может учить лишь позор прошлого.

2.1. Концепции социальных изменений

На смену структурно-функциональным стабилизационным идеям неизменности и неизбежности существующего статус-кво теперь приходят критические идеи (Г. Беккер, У. Мур, Н. Смелзер и др.) о необходимости и готовности к переменам — фундаментальным социальным изменениям в обществе. В частности, У. Мур в работе «Социальное изменение» (1963) открыто выступил против точки зрения об аномальности фундаментальных изменений. Если в функционализме социальное изменение практически отождествлялось с адаптацией, то теперь оно приобретает новое значение — реформистской перестройки. С ним связывают реальное преобразование и дальнейшее продвижение «открытого» общества по пути высокого массового потребления, наилучшим образом отвечающего основным человеческим потребностям. В этом смысле социальное изменение рассматривается как другая сторона социального порядка.

Изменение мира сопряжено с преобразованием человека, поэтому нельзя ждать того момента, когда мир изменится до такой степени, что уже трудно будет приспособливаться к наступающим переменам. Человек также должен изменяться, чтобы не отстать от ритма перемен, а это требует перестройки прежде всего мышления, разума. Только посредством новых идей человек может переделать себя и общество.

Крупные сдвиги в характере производительных сил, изменения в структуре рабочего класса, усиление роли менеджеров в социальном управлении, изменения в размере и структуре потребления населения и другие перемены свидетельствовали о социальной «трансформации» капитализма, способности к самосовершенствованию и открывающихся перед ним новых исторических перспективах.

Рассмотрение проблем социального изменения включало вопросы: 1) насколько изменения случайны или целенаправленны; 2) каков их источник и начальные условия, с которых начинается большая шкала изменений; 3) что является нормой изменений; 4) каковы их механизмы; 5) как соотносятся управляемые и спонтанные процессы изменений и др.

Эти аспекты изучения социального изменения обусловили обращение к соответствующим методам исследования. Во-пер-

вых, это исторический метод, который позволяет анализировать изменения человеческого общества на основании многочисленного исторического материала. Его предпосылкой является эволюционистская точка зрения, полагающая, что общества неизбежно развиваются и проходят по определенному направлению определенные стадии либо как звенья в цепи событий, либо как ритмические падения и взлеты.

Во-вторых, сравнительный метод, позволяющий объяснять социальные изменения путем классифицирования (типологизации) сходств и различий между двумя и более таких явлений. Например, различие между изменением, которое однажды происходит внутри системы без разрушения или нарушения ее идентичности, и изменением» разрушающим систему и быстро превращающим ее в нечто совершенно иное.

В-третьих, функциональный метод, особо подчеркивающий взаимосвязанность социальных институтов, деятельности и явлений, и направлен на поиск объяснений через анализ этих взаимоотношений. Данная функциональная ориентация теории социального изменения дает возможность разработки апологетических концепций исторического развития, включающих в себя исторические прогнозы.

2.11. Теория «активного общества» А. Этциони

В семейного способа производства, и почти все женщины являются актуальными или потенциальными наемными работниками в капиталистическом способе производства.

Дельфи предлагает очень серьезный анализ эксплуатации женщин, но ее подход имеет, как минимум, два слабых места:

1) Ее подход — экономический: она рассматривает брачные отношения как чисто экономические и, соответственно, объясняет феномен брака только как экономический феномен. Она пренебрегает сексуальным и психологическим аспектами отношений между полами. В конце своей статьи Дельфи переходит от производства к биологическому воспроизводству, утверждая, что контроль за репродукцией «является и причиной, и средствами второго великого вида угнетения женщин, сексуальной эксплуатации», но вопрос о соотношении этих двух видов угнетения остается открытым.

2) Неясно все же, как Дельфи объясняет подчиненное положение женщин.

Дельфи отвергает все формы эссенциализма (естественно-биологического объяснения) — в природе мужчин и женщин не

существует ничего, что могло бы объяснить подчинение; женщин мужчинам. Дельфи сознательно предлагает социологическое объяснение патриархата, объяснение, которое не сводит патриархат к биологическим или психологическим факторам. Ее собственный подход связывает возникновение патриархальных отношений с социальным институтом брака. Но как же тогда объяснить существование эксплуатации женщин мужчинами в рамках самого семейного способа производства? Почему женщины терпят ее?

В своей более поздней работе Дельфи объясняет желание женщин выйти замуж наличием их эксплуатации вне домашней сферы, но разве это проливает свет на причинно-следственную связь? Эксплуатация женщин вне дома, как правило, считается внешним последствием, а не причиной их эксплуатации в семье.

Итак, сформулируем еще раз основные особенности радикального феминизма:

Женщины исторически были первой угнетаемой группой. Угнетение женщин является наиболее распространенным видом социального неравенства, поскольку существует практически в каждой из известных человеческих общностей.

Угнетение женщин — глубочайшая и наиболее тяжелая форма угнетения, и оно не может быть устранено посредством каких-либо косвенных по отношению к нему социальных трансформаций (например, уничтожения классового общества). В своих теоретических построениях А. Этциони разработал методы управляемого развития посредством эффективного руководства социальными процессами. Он делил социальные системы на активные и пассивные. Помимо нормативных связей они состоят из равноправных видов связи «по принуждению» и утилитарных связей. Пассивные системы лишь реагируют на изменения в среде, приспособляясь к ним. Активные — могут целенаправленным образом воздействовать на среду, изменяя в то же время свою собственную структуру.

В последних важную роль играют процессы сознательного планирования и регулирования: активные системы могут создавать кибернетическую схему еще не существующего будущего и организовывать свои изменения в направлении будущего ее состояния. Такой подход является дополнением к структурному функционализму с его идеей спонтанно-регулирующейся социальной реальности. В таком виде теория Этциони охватывает и стихийные, и планируемые изменения большого масштаба — социетальные изменения.

Активность социальной системы зависит от трех факторов:

1. Кибернетического фактора, включающего информационные качества системы: способность собирать, обрабатывать и использовать знания о реальности, а также способность ставить цели и принимать решения.

2. Фактора власти, включающего способность ее осуществления не только на нормативно-символических средствах контроля, но также опирающегося на средства насилия и распределения материальных ресурсов. Последние Этциони рассматривает как потенциал власти, цели и способы применения которого зависят от воли правящей элиты.

3. Факторы согласия, наличествующего в демократических обществах.

Первые два фактора образуют контролируемую способность системы. При этом контроль как ненормативное регулирование (в отличие от идеи Парсонса), сложное взаимодействие власти и информации. Но уровень активности системы определяется не только степенью контроля, но и степенью согласия. Поэтому в совокупности три фактора образуют управляющую способность социальной системы.

Подвижное взаимодействие контроля и согласия, их удельный вес определяются наличными целями социетального управления. Система, в свою очередь, состоит из элементов, каждый из которых сам по себе обладает всеми тремя способностями (факторами). Отсюда вытекает, что проблема максимальной активности системы состоит не в максимизации контроля, а в оптимизации соотношения контроля и согласия.

В качестве идеала Этциони рисует полу-утопическую картину «активного общества», которое совмещает в себе высокую степень контроля (как это существует в обществах тоталитарного типа) с высоким уровнем согласия (какой наличествует в демократических обществах). В данной концепции трансформации и «активации» развития современных обществ реализуется критическая установка на существующее статус-кво, носящая реформаторский характер.

2.12. «Структурная социология» Э. Тириакияна

В концепции «структурной социологии» Э. Тириакияна одним из существенных компонентов являлось социетальное изменение. Последнее он рассматривал предельно широко: социетальное изменение представляет собой тотальную трансформацию институциональных структур и предполагает «качественное из-

менение» (скачок) в функционировании общей модели организации, носит радикальный (революционный) характер. Оно не случайно и не иррационально, а закономерно и возникает как реакция на напряжения внутри данной институциональной структуры. Поэтому по своему содержанию и движущим силам социетальное изменение — это моральное, или, точнее, религиозно-моральное изменение.

В подходе к обществу как тотальности и анализу этой тотальности Тириакийян опирался на традиционный структурализм и функционализм (частично) в социологии. Однако его «структурная социология» опирается на феноменологизм—специфическое субъективистское восприятие природы социальной общности.

В отличие от социетального, «социальное изменение» происходит путем постепенного количественного изменения в рамках данной институциональной структуры, т. е. носит эволюционный характер и является предпосылкой социетального. Последняя является глобальным «феноменом» интересубъективного сознания, т. е. представляет собой социально-психологическую реальность.

Основой социальной жизни является латентная структура как совокупность моральных оценок (культура). Последняя, по определению Тириакийяна, есть многослойная система символов, каждый из которых выражает суть определенной ценностной ориентации. Социальная структура является институциональной областью культуры, которая никогда полностью не институциализируется. Поэтому в каждой культуре существуют внутренние противоречия (конфликты) между институциональной и неинституциональной (вне усвояемого порядка) областями. Победа одной из борющихся моральных сил означает ее институциализацию. Имеющееся противоборство моральных сил, по Тириакийяну, является источником социетального изменения. При этом нарастающая актуализация неинституциональных феноменов (моральный компонент неинституциональной религии) и означает, собственно, ход социального изменения.

Важнейшим этапом социетального изменения является момент «кризиса» — критическая точка, когда масштабность структурирования становится очевидной для всех.

Революция (социальный катарсис) может развиваться или в направлении деструкции (насильственной) социополитической трансформации, или же в направлении конструктивной (нена насильственной) социоэкономической деятельности.

Социетальное изменение, по Тириакийяну, происходит на уров-

не целостного общества. Оно революционно по форме, религиозно-моральное по содержанию и по своим движущим силам. При этом можно осуществлять кратковременные исторические прогнозы, но не пути развития, а революции, основываясь на индикаторах «революционной ситуации». Ими являются: а) возрастание степени урбанизации; б) распространение сексуального промискуитета и исчезновение общественной нетерпимости по отношению к этому явлению; в) возрастание активности неинституциональной религии. Последний индикатор является наиболее важным.

Тириахьян разработал шкалу интервалов, составляющих в сумме индекс революционного потенциала. В ней нулевое значение (точка 0) произвольна — некоторое гипотетическое состояние «утопии». На этой основе общество представляет собой «гомогенную моральную общность», в которой отсутствуют противоречия между моралью и актуальной эмпирической действительностью. В нем отсутствуют напряжения, могущие вести к трансформации социальной системы.

В действительности, согласно Тириахьяну, некоторая часть общества принципиально не институциализируется, и глубинные влияния культурной основы нарушают ход изменений (или делают его невозможным). Точка 1 — это момент кризиса: ситуация революционной бури, которая разрушает старую структуру.

Промежуточные интервалы с равными значениями предполагают промежуточные уровни социальной деструкции. При уровне дезорганизации 0,85 и выше ход событий неизбежно приведет к радикальной альтернативе — революции, контрреволюции, при которых преобразование наличной системы неизбежно.

Данная шкала интервалов позволяет делать ограниченные социально-исторические прогнозы, состоящие в сопоставлении структурных характеристик настоящего с теми, которые в исторических ситуациях прошлого предшествовали определенному ходу событий. На этой основе строятся вероятностные выводы (суждения) о возможном ходе социальных процессов.

При изучении социетального изменения Тириахьян решал вопрос связи социологии с другими науками следующим образом. История представляет сравнительный материал об исторических трансформациях различных обществ. Антропология выявляет значения и уровни различных культурных символов. Социология же рассматривает данные символы как символы групповой идентификации. Последние показывают, как группа в религиозной форме идентифицирует себя с реальностью. За-

дача социологии — рассматривать возникновение, «всплытие» из глубин неинституционального морально-религиозного сознания новых культурных символов в качестве указателя как источника, так и возможного направления социетального изменения.

2.2. Критическая конфликтология

На рубеже 50—60-х гг. в социологии проявился повышенный интерес к проблеме конфликта. Работы Р. Дарендорфа, А. «озера», Р. Миллса, Р. Мура, К. Болдинга и других сделали эту тему доминирующей и едва ли не самой популярной. В результате формируется конфликтологическая парадигма немарксистской ориентации, в которой конфликт был представлен как универсальный и позитивный фактор, динамизирующий социальный прогресс и поддающийся рациональному регулированию. Идея равновесия при этом рассматривалась как красивая, но ложная теория. Точка зрения в ней на конфликтные ситуации как только питающие революционные брожения, дестабилизирующие социальный мир и ведущие к распаду систем была также поставлена под сомнение.

Уже сторонники теории малых групп (Л. Гумплович, Г. Ратценхофер, Н. Михайловский, Ж. Тард, Г. Лебон, Ч. Кули и др.) рассматривали конфликт сквозь призму закона борьбы за существование как естественного закона общества. Распространению точки зрения на конфликт как неизбежный в социальной жизни феномен способствовал выход в свет работы Т. Зиммеля «Конфликт» (1955).

2.21. Конфликтологическая парадигма Дарендорфа

Одним из первых, кто в этот период занялся разработкой конфликтологической проблематики, был Р. Дарендорф. Его теория «социальных конфликтов» основана на идее «переплавки» социальной структуры современного капитализма, в результате которой противостоящие друг другу крупные однородные классы перестали существовать. Существующие социальные группы различаются не по социально-экономическим причинам, а исключительно отношениями власти (господства и подчинения). К ним он относил: 1) господствующие элементы, 2) классы нижестоящие, 3) класс свободных интеллектуалов. Особую роль Дарендорф отводил категории служащих, имеющей тенденцию к расширению за счет других социальных групп (аналог концеп-

ции «растущего среднего класса»). Между дробными социальными группами имеет место многообразие аспектов взаимодействия в едином общественном организме, одним из проявлений которого является конфликт: он есть оборотная сторона интеграции — результат сопротивления существующим в обществе отношениям господства и подчинения.

Ввиду того, что социальные конфликты не имеют своей подоплекой классовые, производственные отношения, они не носят антагонистического характера. В условиях усиления тенденции к социальному усреднению, конкретным выражением которой является «возвышение класса служащих», абсорбирующего соседние социальные слои, конфликт выступает неизбежным и необходимым динамизирующим фактором общественной эволюции, социального прогресса. Подобная природа социального конфликта обуславливает и соответствующие пути их разрешения через «институционализацию», т. е. через «рациональное регулирование» и направление в нужное русло. Достигается это посредством разработки определенных процедурных правил, создания соответствующих третейских органов и применения законодательных и политических мер. Наличие различных типов микро- и макроконфликтов в условиях неравенства, неравномерности распределения, которые разрешаются демократическим путем, является показателем жизнеспособности общества.

Субъектами конфликта у Дарендорфа являются не классы в марксистском их понимании, поскольку они постепенно «размываются», вращаясь в иерархически организованный «класс служащих», но «классы» или «конфликтные группы», формирующиеся на основе отношения господства и подчинения. По Дарендорфу, сегодня «подавляющее большинство людей обрело относительно удобное существование» и этот «класс большинства защищает свои интересы так же, как раньше это делали другие правящие классы. Теперь этот класс устанавливает границы, ибо боится потерять свое благополучие. В результате одни теряют свои социальные гражданские права, другим отказано в них вовсе. Это деклассированные элементы, чернокожие, безработные.

Дарендорф предложил 15 типов конфликтов. Это конфликты внутри социальных групп, между группами, на уровне всего общества, между странами и т.д. Он подробно рассматривает причины конфликтов и возможности их регулирования, которые становятся тем острее, чем более затруднена «социальная мобильность», то есть продвижение к иным статусным позициям, чем

унаследованные. Благодаря тому, что традиционные гражданские права становятся всеобщим достоянием, проблемы неравенства переносятся в другие сферы жизни: борьбы за равноправие женщин, против загрязнения окружающей среды и т.п.

Не отрицая, что остались пережитки конфликта прошлой эпохи, Дарендорф считает, что индивидуальная мобильность заняла место классовой борьбы. Если люди и действуют организованно, то скорее объединяются в группы по интересам, чем в классовые партии.

Если ранее Дарендорф считал, что конфликт является универсальным и плодотворным средством развития общества, гарантом свободы, то сегодня он отмечает опасные тенденции. Наблюдается любопытная схожесть культуры деклассированных и контркультуры среднего класса: она заключается в том, чтобы быть как бы «вне общества». Общей является и привычка игнорировать официальные нормы и ценности». Эту привычку он называет «аномией». И это самый страшный конфликт для общества, поскольку оно не способно его пресечь. По его мнению, в 80-е годы в нормативном мире появились «опасные зоны» — с одной стороны, сила закона не действует, а с другой — происходит оправдание виновного. Нормы нарушались во все времена, и в любом обществе трудно обеспечить их соблюдение. Но обществу, смирившемуся с длительным существованием внутри него группы, по-настоящему в ней не заинтересованной, угрожает опасность. Это означает, что класс большинства отныне не уверен в устойчивости своего положения. Он устанавливает границы там, где их быть не должно, и колеблется, когда дело доходит до соблюдения правил, придуманных им же самим.

Самым опасным проявлением аномии является тирания, в каком бы облике она ни была. Что предлагает Дарендорф противопоставить этому? Расширить гражданские права и увеличить возможности выбора со стороны граждан. Отстаивая либеральные идеи и средства, Дарендорф не может принять концепцию равновесия общества, отказаться от теории конфликта. Вот его аргументы: «малая безработица оправдывается лишь тем, что понуждает людей к труду, ...следовательно, она благотворна». Или, «изживая частные учебные заведения и ошибочно утверждая примат общеобразовательной школы, ориентированный на интеграцию, а не дифференциацию в обществе, мы тем самым жертвуем реальной свободой во имя призрачного социального равенства». Следовательно, Дарендорф гово-

рит о равенстве возможностей, о том, что такое равенство делает людей равными и свободными.

Однако для этого необходимо добиться отмены как правовой, так и социально-экономической дискриминации. «Для того чтобы создать и обеспечить свободу в обществе, крайне необходимо, чтобы каждый человек мог стать гражданином, обрести свободу в плане его юридических прав и, таким образом, сделаться гражданином в социальном смысле этого слова. Поэтому гражданские права суть не столько содержание конституционной теории, оюгаько смысл практической социальной шолити-ки». Но какова должна быть социальная защита? Она должна быть такой, чтобы человек не мог пасть wt>ae общего исходного статуса, кроме того, надо урезать прерогативы меньшинства, которые в силу своего исходного статуса могут подвергнуть опасности гражданские свободы.

Дарендорф считает, что партия гражданшго равенства отслужила свой век, поскольку утрата привилегий малой части общества бесконечно перевешивается обретеннь!ми возможностями для большинства. Если общество выдержит эту новую справедливость, делает вывод ученый, оно вступит в новую эру либеральной справедливости.

2.22. Концепция баланса конфликтов А. Козера

А. Козер определял конфликт как сугубо идейное (идеологическое) явление, которое обнаруживает себя в борьбе за власть, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т. п. Он есть столкновение интересов и ценностей, проявляющееся в идеологическом противоборстве взаимодействующих сторон и ведущее к социальной напряженности и конфронтации. В обществах, где наличествуют «враждебные классы», конфликты грозят революционизировать социальные связи. Наличие конфликтов и их разрешение в обществах «плюралистической демократии» предотвращают окостенение социальных отношений и являются источником обновления. Открытое общество реализует себя через баланс конфликтов, устанавливающих принципы социального взаимодействия между группами и индивидами.

Однако не все виды идеологического конфликта выполняют данную роль. Поэтому особый вопрос — критерий прогрессивности или реакционности в конфликте, который позволяет определить его конструктивную или деструктивную значимость. А это, в свою очередь, определяет позитивное или негативное отношение

к самому идеологическому конфликту, где первое предполагает не избежание юли подавление всех и всяческих конфликтов, а дифференцированное к ним отношение на основе отказа от принципа «или борьба, или сотрудничество», неизбежно порождающего фронтационные, разъединительные тенденции.

Такой подход к идеологическому конфликту связан с проблемой идеологического компромисса и конвергенции. Ее решение связано с пониманием содержания и технологии протекания, выступающих в качестве оснований для классификаций, анализа и разрешения конфликта. Общество способно развиваться только в условиях конкуренции, цивилизованной борьбы, творческого состязания людей; идей, позиций, вещей, памятуя, что «лучшее есть враг хорошему». В этих, нормальных для общества, условиях существуют многообразные формы отношений от сотрудничества и конструктивного диалога до противоборства и конфронтации.

Конфликт — это столкновение противоположных интересов личностей, на которых основываются социальная жизнь и движение, которое проявляется в противоборстве взаимодействующих сторон, ведущем к социальной напряженности или конфронтации. В этом его универсальность: конфликт не исчезает, а лишь приобретает новые формы и масштабы, видоизменяется применительно к различным сферам жизнедеятельности — бытовой, экономической, политической, духовной и т. д. Он рождается из взаимной зависимости сторон, когда в зимах их деятельности — существует возможность преднамеренного блокирования действий другой стороны; (чего, скажем, нет в конкуренции). Конфликт сплачивает группу перед лицом внешней опасности и служит фактором восстановления социальной интеграции, укрепляя групповое самосознание. Подобные формы конфликтного поведения могут быть полезными участниками противоборства.

Обратимся к технологии конфликта безотносительно к содержанию. Есть две стадии конфликтного поведения

1) латентная (скрытая) — повышение уровня локальной неудовлетворенности, поворот общественного мнения к протесту и т. п.;

2) явная — социальные действия со стороны оппонентов. Конфликт состоит из нескольких компонентов: а) конфликтной ситуации, включающей в себя объект и оппонентов (социальные группы, общественные движения, партии, организации и т. д.); б) инцидента (действия со стороны оппонентов); в) социальной среды, влияющей на протекание конфликтного поведения.

Даже этот краткий перечень механизмов социального конфликта открывает путь к конструктивному аналитико-прогностическому поиску разумных решений в его разрешении (регулировании через переговорные процессы), адекватных каналов выражения конфликтного поведения и т. п.

Мы должны четко отдавать себе отчет в том, что все касающееся социальных действий, человеческого поведения имеет момент иррационального, связанного с подсознательным, эмоциональным, волевым, т. е. с такими жизненными силами, которые утверждают человеческую субъективность. Последняя как бы обуславливает в социальных явлениях некоторую «тайну», не поддающуюся подчас рациональному объяснению. Однако «социология конфликта», используя специальную социотехнику фактологического изучения конфликтных ситуаций, значительно повышает нашу способность объяснять, предвидеть и контролировать происходящее.

Основными путями разрешения конфликтов являются конвергенции на основе прагматического здравомыслия, терпимости к инакомыслию, уважения к его носителям как партнерам по поиску истины. Все это составляет новый пласт идеологической культуры, проявляющийся как фон, на котором протекают данные процессы. Вопрос заключается в том, какими способами должны достигаться консенсус и конвергенция, их критерии и мера, форма и границы и т. п. Одним из механизмов приведения к ним является компромисс как добровольная сдача позиций каждой из сторон конфликта для достижения общей цели. Тем самым снижается (снимается) конфронтационная возможность развития конфликта.

Формирующаяся конфликтологическая парадигма немарксистской ориентации давала свою версию социального мира, в котором общество осуществляет себя через конфликтные ситуации (баланс конфликтов): результирующая их разрешения формирует существующие социальные структуры и отношения. В целом, перенос акцента на идеи социального изменения и конфликта, наложившие ограничения на концепцию о спонтанном поддержании равновесия социальной системы, способствовал проникновению в социологию теории организации. На уровне математического моделирования начали изучать условия, характерные для конфликтных ситуаций, и возможности преднамеренных социальных изменений. Полученные при этом варианты моделей (образцов) процессов изменения затем проверялись эмпирически. Тем самым расширилось поле исследовательских

ситуаций, дополняющееся сферой сознательной организации социальных процессов.

2.23. Анализ предубеждений социологов против конфликта

А. Козер считает, что между социологами не было согласия относительно природы необходимых социальных преобразований. Среди главных фигур того времени — Уорд, Смолл, Росс, Веблен и Кули, которые являлись, можно сказать, «структурными реформаторами» и считали, что социальные перемены достаточно углубляются и оправдывают их утверждения, которые ведут к изменениям в общей структуре общества и приведут к возникновению новой социальной системы с иными структурными потребностями. Самнер и Гидденс, напротив, по его мнению, были, можно сказать, «частичными реформаторами» и предлагали меры, которые могли бы способствовать улучшению сложившегося институционального порядка, но не вносили коренных изменений и не касались важнейших структурных потребностей системы.

Обращаясь к трудам первых американских социологов, Козер отмечает, что конфликт действительно является основной категорией их разработок и в дальнейшем виделся ими как одна из составных частей социальной организации. Взгляд на общество, и в особенности на социальные изменения в нем, не учитывающий феномен конфликта, кажется им далеко не полным. Первое поколение американских социологов обращалось к той части общества, которая была вовлечена в конфликт, отстаивала и придавала большое значение различным видам действий, с ним связанных. Это группа признавала представителей социологического мышления своего времени и положительно к ним относилась, тем самым поддерживая и укрепляя их представления о себе. Поскольку же общественность придавала большую ценность действиям, имеющим отношение к конфликту, и подходила к ним с положительной точки зрения, то социологи этого поколения не только сосредоточивали свое внимание на феномене конфликта, но и старались оценивать его положительно. Конфликт виделся им как нечто неотъемлемо присущее общественной структуре, а те его виды, которые оценивались негативно, могли быть устранены, как казалось, путем простых структурных изменений. Так, даже негативная оценка определенных видов конфликта указывала на необходимость структурных реформ.

Следующее после «отцов-основателей» поколение социологов, в особенности представители Чикагской социологической

школы, столкнулось уже с несколько иной ситуацией. Например, научная подготовка и ориентация Роберта Парка, казалось, особенно не отличались от взглядов предыдущего поколения, но за годы, последовавшие за первой мировой войной, в значительной степени изменилась аудитория. Так как университетские исследования ориентировались на потребности различных внешних агентств, то, соответственно, менялся и состав заинтересованных лиц, обращавшихся к социологам.

Хотя первое поколение социологов в целом согласилось бы с Чарльзом Кули, утверждающим, что конфликт в любом его виде является жизнью общества и прогресс зарождается в борьбе, в которой индивид, класс или институт старается реализовать свои представления о том, что ему кажется правильным, нынешнее поколение склонно замещать анализ конфликта изучением напряженности и психологических ошибок.

В дальнейшем речь у Козера идет об исследованиях Толкотта Парсонса и, в меньшей степени, других социологов нашего времени. Почти через все произведения Толкотта Парсонса, по мнению Козера, проходит неизменная тема: озабоченность наличием элементов, гарантирующих устойчивость социальных структур. Хотя у Парсонса периодически появляется заинтересованность в процессе социальных изменений, она имеет совершенно вспомогательный характер. Можно сказать, пишет Козер, что все работы Парсонса, начиная со «Структуры социального действия», являются распространенными комментариями к вопросу Гоббса: насколько возможен общественный порядок?

В то время как для первого поколения американских социологов центральными моментами были «законы» социальных перемен, структурная изменчивость и анализ того, что позже было названо «функциональными альтернативами», эти вопросы хотя и не были полностью обойдены Парсонсом, но не представляли для него первостепенного интереса. Несмотря на то, что *он* является одним из главных учеников Вебера в США и идеи Вебера оказали на него немалое влияние, Парсонса больше интересует социальная сплоченность перед лицом перемен, несущих в себе угрозу, чем утверждение Вебера, что конфликт не может быть исключен из общественной жизни... Мир — не более чем изменение или в форме конфликта, или в противниках конфликта, или в целях конфликта, или, в крайнем случае, в возможностях выбора.

Социологическое исследование Парсонса вытекало из его интереса к нерациональным элементам в экономическом по-

ведении. Проблему для него составили не столкновения рациональных интересов, занимавшие политических экономистов классического толка, но, скорее, нерациональные, не поддающиеся договоренности элементы в социальном контракте, которые ускользали от их внимания. Сосредоточившись на нормативных структурах, поддерживающих и гарантирующих общественный порядок, Парсонс начал рассматривать конфликт как явление, изначально вызывающее разрушительные, разобщающие последствия, которые нарушают функционирование системы. Парсонс считает конфликт в первую очередь социальной «болезнью».

в статье «Расовые и религиозные различия как факторы групповой напряженности» Парсонс дает нам несколько ключей к подобному толкованию сюжета. Отметив, что современный человек обратился к проблемам общественной организации, которые казались неразрешимыми для предыдущих поколений, он сравнивает эти проблемы с физическим недомоганием. Подобно тому, утверждает он, как мы далеко ушли вперед в лечении болезней, мы можем терапевтическими методами справляться с важными факторами группового антагонизма, хотя «конечный остаток трагического конфликта между желанными ценностями и человеческой беспомощностью достичь их» все равно сохранится. Поскольку работа Парсонса, считает Козер, касается в основном расовых и религиозных противоречий, то значение, которое он придает разрушительным элементам конфликта, жидется, судя по всему, на описании частных случаев; к аналогии болезни и конфликта он возвращается и в других своих работах.

Вовсе не считая конфликт потенциально позитивной и необходимой частью общественных взаимоотношений, социологи склонны находить в нем только разрушительные силы. Наиболее важной представляется Козеру перемена позиции социологов, произошедшая в последние несколько десятилетий. Подъем прикладной социальной науки и сопутствующее ему появление возможностей для социологов использовать свои знания во внеучебных организациях представляются в этом отношении важнейшими. Если в более ранний период социология была почти полностью академической дисциплиной, последние десятилетия стали свидетелями проявления ее прикладного характера и использования результатов исследований различными частными и общественными организациями, куда приглашаются и сами социологи. Американские социологи все больше отходили от чисто академических исследований, в которых они формулировали в основ-

ном проблемы, представлявшие частный интерес, к прикладным исследованиям, заказанным неоакадемическими организациями. В дополнение к тому, что социологи стали работать в рамках правительственных или бизнес-кругов, произошли изменения как в аудитории, так и в отношениях между ней и социологом. Предшествующая аудитория, несомненно, влияла на поведение социолога; возможно, она способствовала продаваемости его книг, но никак не могла повлиять на выбор социологом проблемы для исследования; новая же аудитория, напротив, зачастую оказывается не просто аудиторией, но еще и работодателем. Это, по мнению Козера, означает, что: 1) от социолога, присоединившегося к частной или общественной организации, ожидают, что он будет работать с проблемами, поставленными перед ним руководителями; и 2) проблемы эти, как утверждают Мертон и Лернер, в первую очередь будут связаны с сохранением существующего институционального устройства.

Руководители вовлечены в поддержание и по возможности, укрепление организационных структур, через которые они могут распространять свою власть и влияние. Какой бы ни произошел в эти структурах конфликт, они будут считать, что он препятствует нормальному функционированию. Руководитель, заинтересованный в существующем порядке и ощущающий себя его частью, склонен расценивать отступления от этого порядка как результат психологического функционирования и объяснять конфликтное поведение подобными психологическими факторами. Таким образом, он обеспокоится скорее наличием «напряженности», «стресса», «деформации», нежели теми аспектами конфликтного поведения, которые могут указывать на необходимость изменений в основе институционального устройства. Руководители также с большей вероятностью предположат, что конфликт нанесет вред структуре в целом, но не обратят внимания на значение конфликта для отдельных групп или социальных слоев, из которых она состоит.

Пренебрежение изучением социального конфликта, и особенно его позитивных сторон, в отличие от негативных, может, по мнению Козера, в основном быть отнесено за счет изменения роли американских социологов в обществе за последние десятилетия. При изменении аудитории от реформаторски настроенной к ориентированной на стабильность аудитории администраторов и бюрократов, при переходе многих социологов из академических и научных кругов во внеакадемические и технические были отмечены уменьшение заинтересованности в теории

конфликта и тенденция замещения анализа конфликта изучением «точек напряженности» и психологических ошибок.

Процесс выработки теории социального конфликта может включать в себя выделение из «классической» социологической литературы нескольких основных концепций, которые будут использоваться как опорные для дальнейших разъяснений, о также соотнесение этих концепций с доступными результатами, полученными в ходе исследований, и соответствующим теоретическим материалом. Преимуществом подобного процесса является привлечение внимания к достижениям предыдущих поколений социологов в теоретической области и вместе с этим бережное отношение к постулатам работ последующих, что может дать возможность развить первоначальные идеи в наиболее верном направлении. Однако подобный подход не был принят, и вместо этого было решено обращаться лишь к постулатам классического труда Георга Зиммеля «Конфликт».

2.24. Внутригрупповые социальные конфликты

Конфликт внутри группы может способствовать ее сплочению или восстановлению внутреннего единства в том случае, если последнему угрожают вражда или антагонизм членов группы. Вместе с тем, считает Козер, далеко не все разновидности конфликта благоприятны для внутригрупповой структуры, равно как не во всякой группе могут найти применение объединяющие функции конфликта. Та или иная роль конфликта во внутригрупповой адаптации зависит от характера вопросов, составляющих предмет спора, а также от типа социальной структуры, в рамках которой протекает конфликт. Однако виды конфликтов и типы социальных структур сами по себе не являются независимыми переменными.

Внутренние социальные конфликты, затрагивающие только цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально позитивный характер. В тенденции такие конфликты содействуют изменению внутригрупповых норм и отношений в соответствии с насущными потребностями отдельных индивидов или подгрупп. Если же противоборствующие стороны не разделяют более ценностей, на которых базировалась законность данной системы, тогда внутренний конфликт несет в себе опасность распада социальной.

Тем не менее сама социальная структура содержит гарантию единства внутригрупповых отношений перед лицом конф-

ликта: возможность институализации конфликта определяется степенью его недопустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений с согласования противоположных требований сторон или он окажется чреват социальным взрывом — ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, в условиях которой развивается конфликт.

В социальной структуре любого типа, считает Козер, всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, престижа или власти. Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций.

Группы, отличающиеся тесными внутренними связями, значительной частотой взаимодействий и высоким уровнем личностной вовлеченности, имеют тенденцию к подавлению конфликтов. Частые контакты между членами таких групп придают большую насыщенность эмоциям любви и ненависти, что в свою очередь провоцирует рост враждебных настроений. Однако реализация чувства враждебности осознается как угроза сложившимся близким отношениям; это обстоятельство влечет за собой подавление негативных эмоций и запрет на их открытое проявление. В группах, где индивиды находятся в тесных отношениях друг с другом, считает Козер, происходит постепенная аккумуляция, а следовательно, и усиление внутренних антагонизмов. Если в группе, которая ориентирована на предотвращение откровенных демонстраций ненависти, все же вспыхивает социальный конфликт, он будет особенно острым по двум причинам. Во-первых, потому, что этот конфликт явится не только средством разрешения проблемы, служившей для него непосредственным поводом, но своеобразной попыткой компенсации за все накопившиеся обиды, которые до сих пор не получали выхода. Во-вторых, пишет Козер, потому, что всеохватывающая личностная вовлеченность индивидов в дела группы приведет к мобилизации всех эмоциональных ресурсов, которыми они располагают. Следовательно, чем сплоченнее группа, тем интенсивнее ее внутренние конфликты. Полнота личностной вовлеченности в условиях подавления настроений враждебности угрожает в случае конфликта самим основам внутригрупповых отношений.

В группах с частичным индивидуальным участием, продолжает он анализ, вероятность разрушительного действия конф-

ликта уменьшается. Для групп такого рода типичной будет множественность конфликтных ситуаций. Эта особенность сама по себе служит препятствием для нарушения внутригруппового единства. Энергия индивидов оказывается распыленной в самых разных направлениях, что мешает ее концентрации на уровне какой-либо одной взрывоопасной ситуации, чреватой расколом всей системы. Далее, если невозможна аккумуляция враждебных эмоций и, напротив, имеются все шансы для открытого их проявления в целях вероятного снижения напряженности, конфликтная ситуация обычно ограничивается ее ближайшим источником, то есть не ведет к актуализации заблокированного антагонизма. Конфликт исчерпывается «фактами по данному делу». Можно поэтому утверждать, что интенсивность конфликта обратно пропорциональна его полинаправленности.

2.25. Внешние конфликты

Группы, которые поглощены непрерывной внешней борьбой, по мнению Козера, обычно претендуют на абсолютную личностную вовлеченность своих членов — с тем, чтобы внутренний конфликт привел в действие весь их энергетический и эмоциональный потенциал. Поэтому такие группы отличаются нетерпимостью к более чем однократному нарушению внутреннего единства. Здесь существует ярко выраженная тенденция к подавлению внутренних конфликтов. Если же такой конфликт все-таки возникает, он ведет к ослаблению группы путем раскола или насильственного удаления инакомыслящих. Группы, не втянутые в постоянный внешний конфликт, реже требуют от своих членов всей полноты их личностного участия. Как правило, такие группы отличаются гибкостью структуры и внутренним равновесием в значительной мере благодаря множественности конфликтных ситуаций. В условиях структурной гибкости неоднородные внутренние конфликты постоянно накладываются друг на друга, предотвращая тем самым глобальный раскол группы в каком-либо одном направлении. Индивиды вынуждены одновременно участвовать в нескольких самых разных конфликтах, ни один из которых не поглощает полностью их личностных ресурсов. Частичное участие в массе конфликтных ситуаций является механизмом, поддерживающим равновесие внутригрупповой структуры. Таким образом, считает Козер, в свободно структурированных группах, открытых обществах конфликт, который нацелен на снижение антагонистического напряжения, выполняет функции стабилизации и интеграции внутригруппо-

вых отношении. Предоставляя обеим сторонам безотлагательную возможность для прямого выражения противоречащих друг другу требований, такие социальные системы могут изменить свою структуру и элиминировать источник недовольства. Свойственный им плюрализм конфликтных ситуаций и позволяет искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство. Благодаря терпимости в отношении социальных конфликтов и попытке их институализации такие системы получают в свое распоряжение важный механизм социальной стабилизации. Кроме того, конфликт внутри группы часто содействует появлению новых социальных норм или обновлению существующих. С этой точки зрения социальный конфликт есть способ адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам. Общества с гибкой структурой извлекают из конфликтных ситуаций определенную пользу, поскольку конфликты, способствуя возникновению и изменению социальных норм, обеспечивают существование этих обществ в новых условиях. Подобный корректирующий механизм вряд ли возможен в жестких системах: подавляя конфликт, они блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы.

Внутренний конфликт может также служить средством для определения взаимного соотношения сил защитников антагонистических интересов, превращаясь в механизм поддержания или изменения внутреннего баланса сил. Конфликтная ситуация равноценна нарушению прежнего соглашения сторон. В ходе конфликта выявляется реальный потенциал каждого из противников, после чего становится возможным новое равновесие между ними и возобновление отношений на этой основе. Социальная структура, в которой есть место для конфликта, может легко избежать состояний внутренней неустойчивости или модифицировать эти состояния, изменив существующее состояние позиций власти.

Конфликты с одними членами группы ведут к коалициям или союзам с другими. Посредством этих коалиций конфликт способствует снижению уровня социальной изоляции или объединению таких индивидов и групп, которые в противном случае не связывали бы никакие иные отношения, кроме обоюдной ненависти. Социальная структура, которая допускает плюрализм конфликтных ситуаций, обладает механизмом соединения сторон, до тех пор изолированных, апатичных либо страдающих взаимной антипатией, для вовлечения их в сферу социальной

активности. Подобная структура содействует также возникновению множества союзов и коалиций, преследующих множество перекрещивающихся целей, что, как мы помним, предотвращает объединение сил по какой-либо иной линии раскола.

Поскольку союзы и коалиции оформились в ходе конфликта с другими группами, этот конфликт в дальнейшем может служить в качестве разграничительной линии между коалициями и их социальным окружением. Тем самым социальный конфликт вносит вклад в структурирование более широкого социального окружения, определяя положение разных подгрупп внутри системы и распределяя позиции власти между ними.

Не все социальные системы с частичным индивидуальным участием допускают свободное выражение противоборствующих притязаний.

2.26. Завершение конфликта

Некоторые социальные процессы, по мнению А. Козера, являются конечными; это значит, что они определяются своим переходящим характером, а способы их завершения институционально предписаны. Он приводит пример, что с заключением брачного союза заканчивается период ухаживания; завершением формального образования является достижение цели обучения, ознаменованное выпускными экзаменами или торжественным актом. Другие социальные процессы, такие как дружба или любовь, не имеют четкой точки завершения. Следуя закону социальной инерции, они продолжают действовать до тех пор, пока их участники не предложат ясных условий их прекращения. К такого рода процессам относится социальный конфликт. Если, например, в игре правила ее ведения одновременно включают и правила окончания, то в социальном конфликте непременно должна быть установлена четкая договоренность между соперниками относительно его завершения. В том случае, когда не достигнуто никаких взаимных соглашений к некоторому моменту борьбы, ее окончание становится возможным лишь как следствие гибели по крайней мере одного из противников. Это значит, что завершение конфликта содержит в себе ряд проблем, которые не свойственны конечным процессам.

Различные типы конфликтов можно классифицировать в соответствии со степенью их нормативной регуляции. На одном конце континуума можно поместить полностью институализированные конфликты (типа дуэли), тогда на его противоположном конце окажутся абсолютные конфликты, цель которых со-

стоит не во взаимном урегулировании спора, а в тотальном истреблении противника. В конфликтах второго типа согласие сторон сведено к минимуму, борьба прекращается только в результате полного уничтожения одного или обоих соперников.

Козер считает, что конфликты такого рода особенно изнурительны и дорогостоящи, по крайней мере для противников, обладающих примерным равенством сил. Если соперники стремятся избежать «игры с нулевой суммой очков», исходом которой может быть либо окончательная победа, либо столь же безусловное поражение любой из сторон, они обоюдно заинтересованы в создании механизмов, способных привести к обусловленному завершению борьбы. В действительности большинство конфликтов оканчивается раньше, чем побежденная сторона будет полностью разбита. Выражение «стоять до последнего», как правило, оказывается — только фразой. Спротивление в принципе всегда возможно до тех пор, пока в лагерях враждующих сторон остается хотя бы по одному воину. Тем не менее схватка обычно прекращается задолго до наступления этого момента. Так происходит потому, что соперники договариваются относительно условий завершения конфликта. Если абсолютные конфликты практически не допускают никаких соглашений по поводу их окончания, некоторым разновидностям высокоинституционализированных конфликтов присущи специфические точки завершения.

Если конфликт институционализирован не полностью, оценка сравнительной силы сторон оказывается нелегкой задачей, так что потерпевший может и не согласиться с фактом своего поражения либо вообще не знать о нем. Поэтому оба соперника, стремясь избежать лишних усилий, заинтересованы в том, чтобы момент выигрыша или пик борьбы, который делает невозможным дальнейшее предвосхищение победы, были бы обозначены как можно более четко, окончание конфликта становится в этом случае проблемой, которую должны решать оба оппонента.

Завершение конфликта представляет собой социальный процесс, который хотя и обусловлен намерениями противников, все же не может быть выведен из них непосредственно.

Исход конфликта, без сомнений, связан и с целями участников, и с теми средствами, которые они используют. Его длительность и интенсивность будут зависеть от устремлений оппонентов, от имеющихся в их распоряжении ресурсов, наконец, от времени и усилий, которые потребуются для выработки окончательного решения. Тем не менее завершение конфликта, то есть

достижение согласия по вопросу о том, что следует считать истинным решением проблемы, выдвигает на первый план такие факторы, которые не связаны напрямую с действиями сторон и должны быть поэтому рассмотрены отдельно.

Завершение всех видов конфликтов (за исключением абсолютных) предполагает обоюдную активность соперников. Поэтому данный процесс нельзя трактовать как одностороннее навязывание воли более сильного партнера более слабому. Вопреки соображениям здравого смысла решающий вклад в окончание конфликта вносит не только тот, кто, вероятно, останется в выигрыше, но и тот, чей проигрыш уже предрешен.

Соглашения, в которых четко зафиксированы цели противников и оговорен момент будущего исхода борьбы, уменьшают длительность конфликта. Раз одна из сторон добилась своей цели, а другая приняла этот факт как знак своего поражения, конфликт исчерпан.

2.3. Леворадикальная социология (Франкфуртская школа)

Критическая теория является одним из направлений в марксизме первых десятилетий XX века, которое представляло собой возрождение этого философского аспекта, как явствует из трудов Карла Корша, Жоржа Сореля, Антонио Грамши, Эрнста Блоха и Дьёрдя Лукача. Она получила развитие в основанном в 1923 году франкфуртском Институте социальных исследований и связана прежде всего с именем Макса Хоркхаймера.

Институт социальных исследований был связан Франкфуртским университетом, но не подчинялся ему; это был второй институт подобного рода в Германии после Исследовательского института социальных наук в Кёльне. Институт, что характерно, получил прозвище «кафе Маркс»; первоначально он занимался социально-историческими исследованиями на базе марксизма, сохраняющего верность Москве. Его первым директором был австрийский «научный марксист» Карл Грюнберг, а финансировал его Феликс Вайль.

Феликс Вайль был сыном мультимиллионера, сделавшего состояние на экспорте семян из Аргентины. Отец выделил 120 тыс. марок, и в июне 1924 г. Карл Грюнберг официально объявил об открытии института в специально построенных помещениях. В своей речи при открытии он заявил, что, как либе-

рализм, государственный социализм и историческая школа имели свои собственные институты, так и у марксизма теперь будет собственный институт. Вначале его собирались окрестить «Институтом марксизма». Однако это сочли слишком провокационным, и вместо этого институт получил более нейтральное название Институт социальных исследований.

В первые годы в институте велось множество исследований на основе довольно ортодоксальной марксистской точки зрения. Грюнберг считал марксизм индуктивной наукой, схожей с официальной позитивистской наукой, и никаких настоящих теоретических новинок в двадцатые годы не появилось. Зато завязалось плодотворное сотрудничество с недавно открытым Институтом Маркса—Энгельса в Москве, которым руководил исследователь марксизма Давид Рязанов (позднее казненный Сталиным). Франкфуртский институт перефотографировал множество дотоле неопубликованных материалов Маркса и Энгельса, на основе чего было создано первое издание собрания сочинений Маркса и Энгельса, знаменитого «MEGA», в котором в 1927—1932 гг. были опубликованы юношеские работы Маркса. В эти годы институтом была издана в том числе и «История буржуазного общества» Карла Августа Виттфогеля (1924), и несколько работ, посвященных тому, что позднее сделало Виттфогеля знаменитым, — исследования и теории об азиатском способе производства. Однако по-прежнему важнейшим направлением института оставались экономические и политические вопросы, что подтвердил выход в 1929 г. таких книг, как «Закон накопления и крах капиталистической системы» Генриха Гроссмана и «Опыты плановой деятельности в Советском Союзе в 1917—1927 гг.».

С того момента, когда институт в 1931 г. возглавил Макс Хоркхаймер (1895—1973), теоретическое направление института изменилось, поскольку произошел явный отход от ортодоксального марксизма и поворот к усиленным занятиям социальной философией и разработке теории.

Сотрудниками института почти сплошь были еврейские интеллигенты социалистической ориентации. Кроме Макса Хоркхаймера, в числе наиболее выдающихся следует назвать Фридриха Полака, Карла Виттфогеля, Генрика Гроссмана, Теодора Адорно, Лео Лёвенталья. В числе направлений института были также социальная психология и психоанализ, прежде всего благодаря тому, что какое-то время в институте работали Эрих Фромм и Герберт Маркузе.

В 1933 г. сотрудники института эмигрировали. После недо-

лого пребывания в Женеве большинство отправилось в Америку, где при Колумбийском университете был возрожден Институт социальных исследований для эмигрировавших немецких социологов. Институт издавал собственный журнал социологических исследований, который в США выходил с 1939 по 1941 г. под названием «Исследования по философии и социальным наукам».

Около 1950 г. некоторые сотрудники института возвратились в Германию, среди них Хоркхаймер и Адорно, в то время как Фромм, Маркузе, Лёвенталь и Випфогель остались в Америке. Франкфуртский институт был восстановлен, а Хоркхаймер и Адорно встали во главе Франкфуртской школы критической теории в 50—60-е гг. В первую очередь Адорно (1903—1969) и его ученик Юрген Хабермас возглавили новое движение протеста в Германии. Впрочем, они критиковали активные действия студенческого движения конца 60-х гг. и за это подверглись нападкам радикальных студентов. После написания совместно с Адорно «Диалектики просвещения» (1947) Хоркхаймер в значительной мере отошел от своих ранних воззрений. Ситуация в Германии после возвращения из эмиграции радикально изменилась по сравнению с той, когда возникла теория критики общества.

Отличительная особенность Франкфуртской школы — неомарксистская идея, опирающаяся как на западный позитивизм, так и на марксистский сциентизм, и в то же время критическая позиция в отношении и западного капитализма, и общества, созданного в Советском Союзе.

К наиболее важному вкладу теоретиков этой школы относятся:

а) дискуссия о соответствии неопозитивистской эпистемологии социальным наукам;

б) оценка доминирующих структурных, а также культурных формирований капиталистического и социалистического обществ;

в) сочетание идей Маркса и Фрейда, в результате чего теория Фрейда была радикализована, а марксизм пополнился более глубокой теорией личности.

2.31. Социальная философия критической теории

Критическая философия имеет социально-философские корни, которые необходимо рассмотреть для лучшего ее понимания. В центре мышления представителей критической теории всегда находится понятие разума. Оно получило особое значение в

эпоху Просвещения и Французской революции. В Германии особое внимание ему уделял Гегель, который сформулировал это понятие. Поэтому вполне справедливо, когда критическая теория интерпретируется как частичный возврат к младогегельянству.

Герберт Маркузе в своей книге «Разум и революция» (1941) представил философию Гегеля как предшественницу марксизма. Маркс был для Маркузе единственным законным наследником философии Гегеля. У Гегеля разум занял место традиционного и личного авторитета и стал условием свободы, которая дает возможность действовать в соответствии с познанием истины. Разум связывают с историей, он является ее духом и смыслом. Маркузе, будучи учеником Хайдеггера, определял разум как идею собственно бытия, в котором объединены все решающие противоречия и который в качестве критической инстанции может противостоять бытию, то есть может вскрыть иррациональность существующего общественного порядка.

Разум для критической теории — это синтетическая величина, а не аналитическая, как понятие рациональности, то есть с понятием разума вполне соединимо отрицание формальной логики диалектикой. Приравнение разума и логики привело бы, следуя Хоркхаймеру, лишь к новой метафизике.

Понятию разума принадлежит также центральное место в философском мышлении Хоркхаймера. В «Затмении разума» (1947, немецкое название: «К критике инструментального разума») Хоркхаймер различал объективный и субъективный разум. Субъективный разум Хоркхаймер обозначал как инструментальный, поскольку он устанавливает соотношение цели и средства с точки зрения субъекта. Это разум, преобладающий в современном обществе. Напротив, объективный разум автономен в том смысле, что он не ограничен расчетами цели и средств самосохранения, а пребывает выше их логики и разумности. Сюда относятся, например, великие философские системы, которые обосновывают иерархию всего существующего. Рамки общества и его мышление были проникнуты объективным разумом. Разум считался не присущей кому-то одному способностью, а силой, которая управляет всем обществом и является его непознанным смыслом.

Субъективизация разума и мышления означала в то же время и их инструментализацию; она стала инструментом относительно целей, о которых, однако, субъективный разум не может размышлять, а должен принимать их как данность. Тем самым

социальная жизнь изымается с уровня мышления и овеществляется. Теперь разумным считается то, что создано благодаря способности человека к логическому расчету. Она была направлена в первую очередь на покорение природы, причем люди не могли понять, что, поскольку они сами являются частью природы, они тем самым и себя превращают в инструменты. В насильственном приспособлении к требованиям цивилизации это происходит с каждым индивидом в процессе социализации: «В качестве конечного результата процесса мы *имеем*, с одной стороны, «Я», абстрактное Я, лишённое всякой субстанции, кроме желания превратить все на небе и на земле в средство своего сохранения; а на другой стороне мы имеем пустую, деградировавшую до простого материала природу, один только материал, которым нужно владеть, без какой-либо иной цели, кроме овладения им».

Формирование инструментализации разума в современном обществе можно вначале отметить в языке. Хоркхаймер указывал на то, что значение слов и высказываний приравнивается к их функции или их действию; понятия становятся лозунгами, а идеи переформулируются в методы и технику. Искусство вырождается в производство музейных экспонатов или культурных товаров. Жизнь отдельного человека становится банальным повторением схемы, которая подходит для любой анкеты. И даже философия была инструментализована, стала прагматизмом и позитивизмом. Они соответствуют современному индустриальному обществу.

«Абсурдность состояния, при котором возрастает власть системы над человеком с каждым шагом, который выводит его из-под власти природы, выводит разум из употребления в разумном обществе». В этой четкой фразе очень ясно выражено отношение и основная направленность критического мышления, как его понимали Адорно и Хоркхаймер, возможно, в самой важной книге критической теории — «Диалектике просвещения» (1944).

Просвещение как властвующая над природой демифологизация духа само впадает в миф вследствие присущего ему обобщения и абстракции. История воспринимается не как деятельность и поступки людей, а вновь как необходимость и судьба, поскольку общество и господство неразрывно связаны друг с другом, но господство вследствие разделения труда и рынка стало универсальным и приобрело власть над мышлением каждого отдельного человека. «Господство выступает перед отдельным человеком как общее, как разум в реальности». Просвеще-

ние становится тоталитарным, разрушает подобным образом самое себя и превращается в тотальный обман масс — в «миф XX столетия».

Критика в таких условиях означает примирение человека с природой, то есть в первую очередь направлена против овладения природой посредством разума. Разум, основа человеческого мышления, болен. Необходимо новое философское мышление, которое, однако, не будет себя ошибочно считать пропагандой, будучи руководством к действию. Философия в большей степени должна быть направлением истории и человечества. Тем самым критическая теория покидает аналитическую и прагматическую сферу марксизма и становится критикой науки и массовой культуры.

2.32. Критические социальные исследования

Разумеется, сотрудники Франкфуртского института не только предавались подобным философским размышлениям о смысле и задаче науки, но и занимались — прежде всего в 40-е гг. в американской эмиграции — эмпирическим анализом, который прямо или косвенно касался феномена национал-социализма. Однако при этом они считали национал-социализм результатом неизбежного развития технологического либо экономического характера.

«Диалектика просвещения» также ориентировалась на национал-социализм, интерпретируя его как эпохальный процесс развития мышления Просвещения в условиях индустриального рыночного хозяйства как конечный продукт либерализма, и тем самым отражала в реальной истории общую неотъемлемую тенденцию к авторитарно-бюрократическому господству и управлению производством во всей Европе в 30—40-е гг. Эта тенденция была характерна не только для фашизма и национал-социализма, но и для социализма. Поэтому Хоркхаймер говорил, обобщая, о «едином этатизме».

Более конкретным политико-экономическим анализом национал-социализма занимались Фридрих Полак и Франц Лойманн. Полак считал национал-социализм тоталитарной формой государственного капитализма, демократическая форма которого в принципе возможна, но не существует реально. Полак считал также тенденцию движения к государственному капитализму неизбежной. После того как оказались несостоятельными, с одной стороны, рынок, а с другой стороны, рабочий класс, соревновательный капитализм после фазы монополистического ка-

питализма переходит в государственный капитализм. Последний отличают три признака:

1. Сoglасительная функция рынка заменяется системой прямого контроля.

2. Этот контроль осуществляется государством.

3. Государство становится инструментом власти новой господствующей группы, которая возникла из слияния самых мощных собственников капитала, верхнего уровня руководства промышленностью и торговлей, верхних слоев государственной бюрократии и военных, а также бюрократии господствующей партии. При демократической форме государственного капитализма государство, с одной стороны, контролируется народом.

С другой стороны, Нойманн отвергал само понятие «государственный капитализм», для него национал-социалистская экономика есть монополизированный капитализм, то есть в принципе является частнокапиталистической экономикой, которая регламентировалась тоталитарным государством.

В условиях правления национал-социалистов произошло усиление монопольного положения крупнейших предприятий, укрепление системы концернов и разделение собственности и управления, но в то же время и техническая революция (между 1930 и 1940 гг.), прежде всего благодаря использованию новых химических технологий. Антикапитализм национал-социалистов был направлен против финансового капитала, а не против промышленного. Единственной действительно некапиталистической сферой национал-социалистической экономики был рынок труда; здесь государственный контроль был полным.

Именно американское изгнание было очень важным для сотрудников Института социальных исследований, поскольку здесь они получили важные психолого-эмпирические импульсы. Поэтому среди наиболее известных эмпирических работ института были социально-психологические исследования по проблематике предрассудков. Особое значение в этой связи имело проводившееся под руководством Теодора В. Адорно изучение «авторитарной личности». основополагающим тезисом было обоснование связи между идеологией и структурой характера, то есть то, что потенциально антидемократические, фашистские черты мышления и характера способствуют готовности к восприятию фашистской идеологии.

Адорно и его сотрудники составили так называемую Ф (фашизм)-шкалу, в показатели которой входят конвенционализм,

авторитарная покорность, авторитарная агрессия, суеверность, стереотипное мышление, властное мышление, деструктивность, проективность и преувеличенный интерес к сексуальности. Хотя исследование исходило из проблематики антисемитизма как системы предрассудков, Ф-шкала в ходе исследования стала обобщенным инструментом для измерения враждебных по отношению к меньшинствам предрассудков. Адорно установил, что у антисемитизма есть и функциональный аспект, то есть он является клапаном, в котором имеется субъективная потребность при определенной психодинамике, характеризующейся амбивалентностью авторитарных и бунтарских склонностей. Поэтому антисемитизм определяется не признаками самого объекта, а в гораздо большей степени потребностями субъекта.

В эмпирических работах этого периода уже начало высказываться мнение, что критические социальные исследования отличаются от традиционных эмпирических. Сбор фактов и их объяснение посредством научных категорий и гипотез — это не конечная цель, а лишь инструмент; цель заключается в том, чтобы с критической дистанции распознать заложенные в фактах исторические тенденции. При этом речь не идет об объективном познании, поскольку закоснелое упорствование на фактах есть выражение овеществления нашего мышления. Критическое мышление заключается не в «простом восприятии, классификации и подсчете, а как раз в решающем отрицании того, что кажется непосредственным».

В целом, перенос акцента на идеи социального изменения и конфликта, наложившие ограничения на концепцию о спонтанном поддержании равновесия социальной системы, способствовал проникновению в социологию теории организации. На уровне математического моделирования начали изучать условия, характерные для конфликтных ситуаций, и возможности преднамеренных социальных изменений. Полученные при этом варианты моделей (образцов) процессов изменения затем проверялись эмпирически. Тем самым расширилось поле исследовательских ситуаций, дополняющееся сферой сознательной организации социальных процессов.

Либеральная критика апологетических крайностей индустриального развития в рамках структурного функционализма открывала путь к реальной перестройке — «трансформации капитализма» перед лицом новых исторических перспектив — перед индустриальным развитием общества.

2.33. Леворадикальная социология

Идея исчерпанности возможностей, связанных с индустриальными моделями развития, получила серьезную поддержку в леворадикальной социологии, обосновывающей необходимость коренных (радикальных) социальных изменений, в том числе и с использованием средств политического насилия. Радикальной (революционной) критике была подвергнута безграничная индустриализация, нацеленная на постоянный экономический рост и открывшая перспективы глобальной катастрофы. При этом «рационализация» (наука и техника) рассматривается как основная сила «узаконивания» господства меньшинства над эксплуатируемым большинством в условиях «индустриальной цивилизации». Отсюда вытекал интерес к марксизму, давно осознавшему значение антагонистических противоречий и конфликтов в общественном развитии и необходимость их разрешения с помощью социально-политических революций. Негативным отношением леворадикальной социологии к НТР, оценивавшейся как «научно-техническая контрреволюция», она обязана своей популярности в движении «новых левых», официально выражающих оппозицию консервативной идеологии капитализма и советского социализма как «единого индустриального общества». Главный тезис радикальной критики заключался в том, что преодолеть кризис индустриального развития общества невозможно без серьезных политических, институциональных и культурных изменений.

Лидером радикальной социальной критики индустриальной версии прогресса выступала Франкфуртская школа, что обусловило ее захваченность марксологическим поветрием. Данная школа, как направление леворадикальной социологии (социально-философской мысли), сложилась в 30-х гг. под руководством Макса Хоркхаймера (директора Франкфуртского института социальных исследований). С самого начала она ориентировалась на проблематику диалектического и исторического материализма. С 1933 г. по 1950 г. Институт и его сотрудники находятся в эмиграции, с 1939 г. — в США, где были пущены организационные корни в американской университетской среде, оказавшие влияние на интеллектуальную жизнь Америки. По возвращении в ФРГ Франкфуртская школа стала центром молодой, критически мыслящей интеллигенции. Ее главные представители — Теодор Адорно, Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Макс Хоркхаймер, Юрген Хабермас, которые эволюционировали от «критической теории» к «негативной диа-

лектике» и, наконец, к левому радикализму. После разочарования в молодежных выступлениях 1968 г. последняя школа в социологии как таковая распалась.

На протяжении своего существования институт осуществлял «социальные исследования», опираясь на социально-философские теории и эмпирические методы в комплексном изучении философско-социологических проблем: «семьи и авторитета», «предвзвешенности», «отчуждения и властвующей элиты», «теории и практики», «политической и сексуальной революции», «индустрии культуры и манипулирования сознанием».

Критическое отношение к научно-технической рациональности индустриальной цивилизации, как специфической технологии господства социальных механизмов капитализма и социализма, обусловило потребность подняться над двумя классическими парадигмами социологии:

- 1) идущей от Конта через Дюркгейма и Вебера к Парсонсу;
- 2) идущей от Маркса — Энгельса через Ленина—Сталина к марксизму-ленинизму.

Усилиями Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймера марксологическое поветрие вылилось в «диалектическое» стремление в теоретическую социологию («диалектическая социология» или «критическая теория»). В нем негативно-диалектическая концепция трактовалась как определенное политическое действие, но не принимающее характера «политической акции». Данная концепция опиралась на «отрицающую» философию Гегеля: отрицающую противоразумную действительность общества, в котором господствует иррациональная стихия товарных отношений. Однако, по мнению Маркузе, осуществление разумного преобразования этой действительности он ошибочно возлагал на государство. «Критическая теория» Маркузе (вслед за Марксом) исправляла эту ошибку и связывала надежду на разумное общество с идеей революции. Но, в отличие от Маркса, не как «отрицание отрицания», а как тотальное отрицание — «абсолютное отрицание установившихся порядков».

Маркузе исходил из того, что закон и порядок везде и всегда являются законом и порядком тех, кто защищает установленную иерархию. Поэтому всех «мятежников» объединяет глубина отказа от существующей реальности (дух бунта против всякого порядка). Этот «великий отказ» есть протест и борьба за изначальную из свобод— свободу жизни без страха. Свободное общество построят те, кто захотят жить в соответствии с принципом «все дозволено», а если попросту — как кому придется в го-

лову. Главное — разгромить капитализм, а там посмотрим (активистская ориентация левого экстремизма).

В основе радикальной социологии лежала критика тотальной тенденции к одномерности, характерной для «единого индустриального общества». Она являлась следствием господства «технологической рациональности»]:

— монументализма (максимализации) — создания гигантских проектов и безудержной экспансии общества на природу, несущих опасность катастрофы;

— централизации управления, ставшей одной из серьезных проблем, переживаемых обществом;

— стандартизации образа жизни и синхронизации ритмов работы и досуга с технологическими ритмами производства;

— возрастания роли государства, установления тотального контроля над индивидом, ведущих к социальному напряжению и конфликтам;

— индустриализации развлечений, дегуманизирующей культуру: развитие «вещизма», «похоти желаний», потворствующих самым низменным желаниям и являющихся причиной нравственной деградации и духовного упадка.

Таким образом, научно-технический прогресс к общественному и тем более личностному прогрессу отношения не имеет. По иронии судьбы, «машинная цивилизация» оказывает дегуманизирующее воздействие и «плодит худших людей». Рассмотренные истоки одномерности объединяют две альтернативные системы индустриальной цивилизации — монополистического капитализма и государственного капитализма (казарменного социализма) в главном:

а) они являются индустриально-бюрократическими системами;

б) они являются централизованными системами панрациональной регуляции;

в) они преследуют схожие цели — накопления и экономического роста;

г) они игнорируют человеческий фактор («человек-винтик»).

В силу этого оба варианта «единого индустриального общества» обладают способностью сдерживать социальные качественные изменения, которые могли бы привести к установлению новых форм существования человечества — «коммунистического индивидуализма», где царствует «свободный разум свободных индивидов».

2.34. Концепция «одномерного человека»

Автором концепции «одномерного человека» является Г. Маркузе. В своей работе «Одномерный человек» (1964) он раскрыл понимание сути характера и специфики движущих сил революции в современном обществе. В этой работе обосновывался тезис о деградации пролетариата в «индустриальных странах», так как он интегрирован в систему и перестал быть «антагонистом» властвующих структур. По мнению автора, одномерное общество формирует одномерное сознание, являющееся результатом манипулятивного воздействия со стороны технократов, бюрократов, партocrats и т. п. Это воздействие осуществляется через индустрию школьно-вузовского образования, средств массовой коммуникации, досуга, армию, церковь и т. д.

Существующие ценности и повседневный язык современного общества, по мнению Маркузе, формировался в реальной жизни и отражает то, что люди видят по телевидению, слушают по радио, читают в газетах. Все это совмещается с тем, что они действительно видят, чувствуют, думают. В конечном счете «одномерные» люди говорят и языком своих господ, политиков, харизматических авторитетов, авторов рекламных текстов и т. п. Их критическое отношение к действительности снижается и ослабляется. Тем самым создается благодатная почва для социального конформизма и манипулирования массовым сознанием, придания ему одномерного характера и предотвращения опасных для индустриального общества оппозиционных настроений.

В результате всего этого формируется плоскостное, одномерное видение мира, на котором лежит ответственность возникновения глобальных проблем:

- ориентация на абсолютную рациональную и прагматическую эффективность производства;
- ориентация на создание и удовлетворение поработающих своим трудом людей и создающихся в результате этого потребностей;
- понимание сущностной обусловленности реального человеческого существования исключительно средствами и способами экономического роста;
- представление о простом и непосредственном совпадении расширения технико-рациональных структур и действий с духовным и ментальным развитием общества;
- представление о направленности исторического прогресса к всеобщему эгалитарному равенству или экономическому благополучию.

В результате этого возникший «одномерный человек» из «инертной и спящей массы» (рабочий класс), интегрированный в это общество, не способен ни выработать, ни воспринять революционно-преобразующее сознание как непереносимое условие и предпосылку социальной революции. Рабочие в случае серьезного кризиса рискуют потерять больше, чем только свои цели. Поэтому они во всех высокоразвитых странах представляют главную силу консерватизма и оплота существующего порядка.

Историческая необходимость тотального отрицания «единого индустриального общества» актуализировала перед представителями Франкфуртской школы вопрос о поиске тех сил, которые в состоянии сформировать «субъекта революционного (исторического) процесса». Несправедливые отношения господства и подчинения можно устранить с помощью радикальной критики, путем морального осуждения эксплуатации и угнетения и их идеологии. Эта так называемая «революция в сознании» должна освободить людей от угнетающих их ложных представлений, от одномерного сознания. В результате данной «интеллектуальной революции» должен произойти индивидуальный бунт каждого, «великий отказ» участвовать в игре «потребительского общества». Поэтому носителем революционной идеологии и исполнителем революции (субъект революции) являются те, кто обладает «двумерным» мышлением, способным критически оценивать действительность, противостоять манипулированию сознанием и не стать рабом одномерного сознания. Это прежде всего новый класс — интеллигенция и служащие, обладающие интеллектуальным и культурным потенциалом. Ведущая роль принадлежит гуманитарной интеллигенции, и она является реальной силой, способной осуществить революционное изменение общества. К интеллигенции примыкают студенчество и городские слои населения, которым также свойственно критическое мышление. Кроме них революционной силой являются также нищие массы третьего мира (люмпенизированные), ущемленные национальные и религиозные меньшинства (непролетарский протест).

ЧАСТЬ 3

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

3.1. Феноменологическая концепция А. Шюца

Когда в 60—70-е гг. появилась новая феноменологическая социология — социология повседневного поведения — как контр-парадигма функционалистской и позитивистской социологии, она опиралась на творчество Альфреда Шюца. Альфред Шюц (1899—1959) занимался в Вене юриспруденцией и наукой. Он учился у Ганса Кельсена и Людвиг фон Мизеса, а Эдмунд Гуссерль предложил ему должность ассистента во Фрейбурге. В 1939 г. он эмигрировал в США, где с 1943 г. по 1959 г. читал лекции в Новой школе социальных исследований в Гарварде. Его важнейшее произведение «Смысловое строение социального мира. Введение в понимающую социологию» появилось в 1932 г. в Вене. В США Шюц сохранил верность феноменологическому обоснованию в социальных науках, но не имел большого влияния, поскольку в США в это время наблюдался расцвет позитивизма. Его концепция приобрела известность лишь благодаря работам его учеников.

3.11. Гуссерлианские предпосылки феноменологии Шюца

Фундаментальной предпосылкой феноменологии является то, что, с одной стороны, любая предметность, любое положение дел является или может явиться в сознании в качестве определенной смысловой конфигурации, а с другой стороны, само сознание являет себя в своей интенциональной сущности в себе самом, обнаруживает себя как феномен.

Сознание по сути интенционально, оно представляет собой особого рода отношение между субъектом и объектом, и понятие интенциональности призвано описать это отношение. Признание интенционального характера сознания предполагает рассмотрение сознания как сферы «совершенной свободы», что диаметрально противоположно детерминизму, который стремится истолковать сознание как определенный, фиксированный объект. Интенциональность оказывается, таким образом, сущностей характеристикой сознания, выражающей тот фундаментальный факт, что сознание всегда является сознанием чего-то, что объект сознания всегда есть «подразумеваемый», всегда

«значимый» для сознания объект. Интенциональность, таким образом, предполагает наличие значения. По Гуссерлю, «всякий интенциональный опыт — и это важнейшая черта интенциональности — имеет свой «интенциональный объект», то есть свое объективное значение. Или, другими словами, иметь значение, мыслить «о чем-то» — кардинальное свойство всякого сознания. Для обозначения взаимодополняющих аспектов интенциональности Гуссерль использует термины «ноззис» и «ноэма»: особенный модус интенционального сознания («я мыслю», «я воспринимаю») именуется «ноззис», а его объективный коррелят («то, что я мыслю или воспринимаю») — «ноэма». Исследование объектов сознания, его содержания имеет, таким образом, большое значение для феноменологии, ибо модусы мышления, восприятия, припоминания и т. д. могут быть описаны лишь путем исследования того, что переживается в каждом из данных модусов. Интенциональность, стало быть, конституирует сознание, наделяя его содержанием значением; «я» ориентируется в мире благодаря интенциональности сознания.

Выделение взаимодополнительных аспектов интенциональности — ноззиса и ноэмы — важно также с точки зрения методологических задач феноменологии, ибо они служат описанию объектов сознания (ноэма) и описанию процесса их построения или конституирования (ноззис).

Мир, на который направлено интенциональное сознание, Гуссерль называет «жизненным миром». К жизненному миру принадлежим все мы в нашей донаучной естественной установке. Он является основой всех значений для всех наук, а также для феноменологии. Таким образом, жизненный мир—это наша непосредственная «интуитивная среда», где, по словам Шюца, «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием». Кроме того, жизненный мир рассматривается Гуссерлем как «интерсубъективный» мир, и именно в понятии интерсубъективности кристаллизуются возможности более тесного союза между феноменологией и социологией. Хотя сам Гуссерль несколько неопределенно высказывался о роли понятий жизненного мира и интерсубъективности в своем творчестве, придавая им главное значение лишь в поздних своих работах, в трудах Альфреда Шюца они, несомненно, занимают центральное место. Именно Шюц показал значение феноменологии для социологии. Понятие интерсубъективности раздвину-

ло границы феноменологической критики и обеспечило основу для ее применения ко всем наукам о человеке.

Понятие «интерсубъективный» используется для описания некоторых аспектов взаимной связи людей как существ жизненного мира. Интерсубъективность указывает на внутренне присущую сознанию социальность и на то, что мир переживается человеком как общий для него и других. Анализ интерсубъективности у Шюца проясняет ее отношение к социологии, ибо исследование различных измерений интерсубъективности приводит к выявлению некоторых фундаментальных черт социальности. Основная форма интерсубъективности квалифицируется Шюцем при помощи утверждения о «взаимности перспектив», предполагающего наличие двух идеализации. Эти идеализации представляют собой принимаемые как нечто само собой разумеющееся «правила» социальной жизни. Первое из них — правило «взаимозаменяемости точек зрения», следуя которому каждый из нас принимает на веру следующий факт: «Я и любой другой человек будем одинаково воспринимать наш общий мир, если мы поменяемся местами так, чтобы мое «Здесь» превратилось в его, а его «Здесь» — которое для меня сейчас «Там», — в мое». Мы полагаем, что в случае подобной трансформации мест наши способы переживания мира окажутся идентичными. Второй идеализацией является правило «совпадения систем релевантностей». Я и любой другой человек принимаем на веру тот факт, что, несмотря на уникальность наших биографических ситуаций, различие используемых нами систем критериев значимости «несущественно с точки зрения наличных целей». Мы оба считаем, по словам Шюца, что «Я и он, то есть «мы», интерпретируем актуально или потенциально общие нам объекты, факты и события «эмпирически тождественным», то есть практически достаточно одинаковым образом». Еще одно измерение интерсубъективности описывается «общим тезисом об alter ego», который, по мнению Шюца, сам по себе составляет «достаточное концептуальное основание... социальных наук». Тезис об alter ego описывает некоторые аспекты восприятия одним индивидом «другого» в его «живом настоящем». Одновременность нашего восприятия друг друга в живом настоящем означает, что я в некотором смысле знаю о другом в данный момент больше, чем он знает о себе самом: поскольку каждый из нас переживает мысли и действия другого в живом настоящем, тогда как собственные действия и мысли он схватывает лишь как прошлое посредством рефлексии, постольку я знаю больше о другом и

он знает больше обо мне, чем каждый из нас знает о своем собственном потоке сознания.

Акцентирование Шюцем временного аспекта человеческого опыта служит иллюстрацией того, какое важное значение придается в феноменологии проблеме времени и его отношению к сознанию. Шюц анализирует и другие аспекты интересубъективной природы обыденного знания, в частности, вопрос о его социальном происхождении и социальном характере распределения, о его укорененности в типичных конструкциях языка. Последний аспект является ныне предметом особого интереса этнометодологов.

3.12. Естественная феноменологическая установка

Естественная установка—это «наивысшая» точка зрения находящегося в конкретной ситуации «я». Для нее характерно обыденное практическое мышление, в рамках которого миры—природный и социальный — несомненны, просто «есть», приняты на веру. Хотя гуссерлевские описания и определения «естественной установки» оказались лишь необходимыми замечаниями, предваряющими исследование трансцендентальной сферы «чистого» сознания, ими был проложен путь, на котором встречаются ныне феноменология и науки о человеке. Цели феноменологической философии предполагают воздержание от естественной установки, «заклучение ее в скобки». Феноменологическая философия стремится к обнаружению внеситуационного, «чистого я». Шюц, прояснив возможность связей между социологией и феноменологией, показал, как изучение естественной установки прямо ведет к социологическим проблемам. Социологию интересует не трансцендентальное, а сфера мирового опыта — интересубъективный мир повседневной жизни. В то время как феноменология, следуя своим целям, «заклучает в скобки» естественную установку, задача социологии состоит в описании и выявлении процесс-самоконституирования обыденного социального мира.

Концептуальная приверженность Шюца к гносеологии Гуссерля и социологии действия Вебера была направлена на эпистемологическую модификацию методологической позиции школы предельной полезности, взгляды которой он разделял. Шюц придерживается принципа априоризма понятий, но считает неверным, что учение о предельной полезности не включает теорию интересубъективности. Веберовское понимание социального поведения с точки зрения идеальных типов Шюц с помощью

феноменологической теории познания освободил от чрезмерной зависимости от истории и обобщил. Он попытался также сделать понимание общей научной методологией. Шюц считает понимающую социологию кумулятивной непозитивистской фундаментальной наукой для всех социальных наук.

3.13. Социальная сущность сознания

Шюц пытался сочетать научные требования объективности с субъективными чертами феноменологического метода. Его работа «Феноменология социального мира» представляла собой попытку развить веберовский «метод понимания» при помощи понятий феноменологии. Прежде всего он углубил анализ тех смысловых критериев, которые мы, люди, используем при интерпретации и создании мнений об окружающем мире, что получило название социального конструирования действительности. Исходным феноменологическим вкладом в развитие «метопонимания» было рассмотрение того, как выглядит соотношение между научным знанием и нашим здравым смыслом. Шюц утверждал, что здравый смысл представляет собой адекватное средство для лишения понимания тотальной субъективности. Поскольку обыденный здравый смысл несет в себе черты коллективно разделяемого опыта, у части людей создается понимание общества и той действительности, в которой мы живем, посредством общих категорий культуры. Поэтому такое понимание не только является принадлежащим отдельному индивиду, но и свидетельствует о компетентном понимании у этого индивида как участника определенного культурного круга.

Шюц развивает далее и понятие Гуссерля «жизненный мир». Благодаря этой разработке, жизненный мир стал **одним** из тех понятий, которые теперь полностью вошли в язык науки об обществе. Оно встречается, например, у Хабермаса в его теории коммуникативного действия, где он сравнивает его с тем, что он называет миром системы. У Шюца жизненный мир состоит из будничных действий и институтов и социально принятых условий, которые конституируются и реконструируются в обыденном, неотраженном в сознании людей поведении. Шюц называет это знанием первого порядка. Знание второго порядка составляет, напротив, научным пониманием специалистов, при помощи чего обществовед интерпретирует и понимает осознанные здравым смыслом структуры жизненного мира.

3.14. Принципы феноменологической редукции

Метод, посредством которого феноменология исследует реальный опыт сознания, является одной из ее важнейших характерных черт. Понимание этого метода позволяет существенно прояснить отношения между социальными науками и феноменологией. Для его определения использовалось много терминов: редукция, эпохи, выключение мира из игры, воздержание от веры в существование мира, заключение мира в скобки. В нашем обсуждении используется термин «редукция». Этот метод основывается на гуссерлевском различении (1) естественной установки, характерной как для обыденного мышления повседневной жизни, так и для наивной позиции естественных наук и наук о культуре (во всех этих случаях мир, который предполагается исследовать, несомненно, «есть»), и (2) установки «радикального сомнения», ведущей к воздержанию от веры в существование мира, достигнутой при посредстве феноменологической редукции. В процессе редукции я элиминирую принимаемые мною на веру, свойственные естественной установке и удовлетворяющие меня с точки зрения моих практических целей представления о характерных чертах других субъектов и объектов окружающего мира и остаюсь с интенциональными объектами моего собственного чистого сознания. Все, что мы в нем обнаруживаем, — «истинно», или «объективно», по определению, ибо несомненно для меня как объект нашего сознания. Остаток, который остается мне в результате редукции, заключает в себе данное нашего интуитивного опыта; именно его и стремится опisać феноменология.

Нужно отметить, что понимание собственного переживания — нечто принципиально иное, чем понимание чужого субъективного смысла. Понимание речевых выражений может означать:

1) интерпретацию внешних и акустических впечатлений на основании собственного переживания;

2) интерпретация слова как знака также включает лишь акт самовыражения;

3) только когда наблюдатель интерпретирует ценностное значение как знак процессов в сознании говорящего, происходит подлинное понимание чужого.

Концептуально субъективная смысловая связь истолкования чужих поступков предполагает план цели действия как цели собственного действия, на основании чего мы представляем себе ход действий. Мы реконструируем действие в нашем сознании. Истолкование, интерпретация чужого переживания, понимание

чужого предполагает обратное соотнесение конституированной предметности с чужим сознанием и преодолевает прагматическое понимание повседневного социального мира. Оно требует осмысления переживания во внутреннем временном сознании посредством «феноменологического анализа структуры». Следовательно, сами схемы опыта толкователя становятся одновременно его схемой толкования. «Объективный смысл» может быть конституирован путем включения переживания в общую систему опыта толкователя. Иначе говоря, понимание поведения других осуществляется с помощью усвоенного образца интерпретации.

Принципиальное понимание чужого Шюц дифференцирует по «отношениям», которые существуют между действующим Я и истолковываемым, в «окружающем мире», «современном поколении», «прошедших временах» (история), «последующих временах» (будущее). Понимание как познание в сфере социальных наук относится к современным и предшествующим поколениям и потому требует не понимания «Так-бытия», воплощаемого «Ты», а понимаемого идеально-типически «Как-бытия», основой которого являются уже типизированные отношения. Задачу социальных наук Шюц видит в объективировании субъективных смысловых связей, причем объективация должна быть адекватна как каузально, так и по смыслу: иная формулировка веберовой связи каузального объяснения и смыслового толкования.

3.15. Феноменологические структуры жизненного мира

«Жизненный мир» охватывает все, что для человека является, несомненно, реальным и естественным. Жизненный мир с самого начала интерсубъективен, ибо существование других людей и их мышления и действий является одной из его естественных данностей. Жизненный мир я делю с другими людьми, он дня нас общий. И он охватывает знание о взаимоотношениях и характере социального опыта. Это знание включает также предположение, что социальный мир, включая меня самого, познается другими людьми тем же образом, как познаю его я.

Естественная установка исходит из того, что повседневная действительность — нечто само собой разумеющееся, но включает и прагматический мотив: она ориентирована на изменение жизненного мира посредством нашего действия. Жизненный мир — это действительность, которую мы модифицируем своими действиями и которая, с другой стороны, модифицирует наши

действия. Но это означает так же, что я должен истолковывать, интерпретировать эту мою действительность в целях своих действий. Эта интерпретация основывается на запасе прежнего опыта, который я приобрел сам, который был передан мне моими ближними и т.д. Этот запас знаний служит схемой моей интерпретации; весь мой опыт я оцениваю, опираясь на это знание, он для меня является типовым, но не упорядочен систематически. Запас знаний жизненно важного мышления — это совокупность само собой разумеющихся действий, меняющихся в зависимости от ситуации, с «горизонтом», за которым начинается неопределенность. Запас знаний состоит из решений проблем, которые в определенной ситуации воспринимаются как бесспорные, но в прошлом были конституированы интерпретациями «горизонта». Интерпретации «горизонта» определяются прагматическими мотивами, то есть, если действительность не поддается нашим действиям, совершаемым на основе имеющегося знания, и становится проблематичной, «горизонт» нашего знания должен быть интерпретирован заново, но лишь в той степени, в какой этого требует наша проблема; затем интерпретация прекращается. Таким образом, наше знание и его типизация представляют собой наслаение прошлых, ситуативно обусловленных проблем.

Но в то же самое время как знание повседневности ориентировано прагматически, не систематично, а его целью является несомненность, теоретическое знание отличается тем, что интерпретация выходит за рамки прагматических проблем, стремится к систематизации, и сомнение может быть сделано принципом приобретения знаний. Таким образом, жизненный мир повседневности — это не единственная реальность, но ей мы отдаем предпочтение из-за большого интереса к встрече с этой реальностью. В то же время это мир повседневных действий. Его структура характеризуется пространственными, временными и социальными напластованиями. Жизненный мир в первую очередь ориентирован на «здесь и сейчас», на зону досягаемости моего действия во времени и пространстве, причем существенную роль играет понятие внутренней продолжительности потока сознания, которое было введено Бергсоном: опыт во временном отношении переживается в нашем сознании не как законченный элемент или единство, а как длительность и связь. Актуальный опыт, прошлый опыт и предвосхищенный опыт объединяются в смысловой связи ситуативного переживания и обосновывают «субъективное время».

Понимание как процедура познания с учетом социального мира является основным принципом естественной установки, то есть интерпретации поведения других с помощью моего запаса знаний, который включает также знание обоюдности этой интерпретации. Исходя из практических цепей предполагается, что точки зрения действующих взаимозаменяемы и существует согласование релевантных систем (индивидуальные отличия считаются несущественными). Все вместе образует основной тезис взаимных перспектив, то есть предполагается, что принимаемый мною как данность жизненный мир принимается и другим как такая же данность. Взаимные перспективы являются предпосылкой того, что мы можем приспособиться к жизненному миру в его речевом выражении.

Существуют социальные отношения, одни из которых представляют собой непосредственные живые Мы-отношения, другие же не обязательно являются конкретными Мы-отношениями: властитель—подданный, начальник—подчиненный и т.д. Из этого формируется Вы-установка как тип. Типизация может содержать также элементы воспоминаний о живущих близких; тогда они именуется «персональными типами». Если рассматривать их исходя из определенных типичных функций, то можно назвать их «типами поведения». Если затем привлечь сюда личности, то появившиеся таким образом типы можно назвать «типами функционеров». Они характеризуются высокой степенью анонимности. Вы-отношение различается по отношению предков и потомков, истории, будущего, поколений.

При этом субъективный запас знаний обусловлен обществом. Поэтому он в основном не приобретен непосредственно самим человеком, а изучен. Историческая социальная структура предопределена уже самым ранним опытом. Общественная обусловленность субъективного знания о жизненном мире заключается в том, что субъективно значимые структуры, с одной стороны, зависят от их социальной данности, а с другой стороны, общество наложило отпечаток на биографию каждого. Социализация субъективно значимых структур обуславливает определенное истолкование ситуаций и других людей, которые взаимодействуют с нами в этой ситуации. Релевантные структуры были получены в различных ситуациях большей или меньшей непосредственности и анонимности. При этом Мы-отношения самой ранней социализации действуют как фильтр, обуславливающий определенный выбор.

«Жизненный мир как область практики» означает, что жизненный мир понимается как основа и исходный пункт действий.

Основанное на понятии действия, уже разработанном в логическом построении, общественное действие тематизируется как действие, обосновывающее социальные отношения. Они основываются на взаимном ожидании регулярной повторяемости взаимных действий определенной формы. Форма этих действий определяет социальные отношения, которые, со своей стороны, составляют общественный порядок.

Тем самым достигнуты границы жизненного мира в разных отношениях: границы жизни, границы мечты, границы действий. Мы также знаем об этих границах и благодаря этому — о трансцендентности мира. Мы ощущаем и переживаем эту трансцендентность в противоречиях, необъяснимости, проблемах взаимопонимания. В виде символов она входит в нашу повседневную действительность. Символические значения — это воспоминания об опыте во внеповседневной действительности. Они конституированы intersubъективно и образуют исторические связи, а часто даже институционализированные системы как особое знание.

Важнейшая знаковая система жизненного мира, которая конституируется intersubъективно и институционализируется обществом и тем самым является исторической, — это язык. Человек рождается в историческом жизненном мире, в котором язык имеет конфетную, предопределенную структуру. Структура языка сформировалась под влиянием общественных действий, в которых наступила согласованность, и потому опосредованно отражает общественные структуры, которые послужили рамкой этих действий. Язык — это основное средство организации общества в любой человеческой реальности; но он также — основная среда передачи определенной, то есть исторически, общественно организованной реальности».

Понимание в жизненном мире определяется языковой системой, упорядочением употребления и общественной структурой, а также посредством избыточности форм существующих возможностей выбора. Поэтому язык в его конкретной реальности следует рассматривать не как ставший самостоятельным процесс, а в его неразрывной связи с субъективной практикой.

3.16. «Понимающая социология» А. Шюца

А. Шюц опирался на гуссерлианские положения по проблеме жизненного мира, различая его как сферу непосредственно очевидного нерелфлексированного «верования» (жизнь) и переживание его, схваченное в рефлексии (мысль).

1. Живое «здесь-и-сейчас» неуловимо в рефлексии: жизнь и мысль — несовместимы (живое настоящее выпадает из сферы значимого).

2. Объективирующая рефлексия схватывает прошлое (уже пережитое) «внутреннего переживания времени» (дискретные элементы мира).

3. Значение — это способ, которым «Я» («Эго») рассматривает свое переживание (схваченное в рефлексии).

Согласно Шюцу, жизненный мир — это значение, которое наличествует (наличный запас знаний), это мир моей повседневности, конституированный в прошлом. Поэтому мы не можем «схватить» наше собственное действие в его актуальном настоящем.

Вместе с тем жизненный мир не является моим личным (собственным) миром: он переживается точно так же и теми, кто находится рядом со мной. В то же время эти «другие» являются моей неотъемлемой частью и элементом окружающей меня среды. Таким образом, «Я» и «другие» входят в их «биографические ситуации» как элементы мира повседневности: они одинаково строят свой «наличный запас знаний» и придают субъективное значение переживаниям.

Однако действия «другого» мы переживаем в их живом свершении, тогда как он свои — путем рефлексии лишь в прошлом. Поэтому каждый знает о «другом» больше, чем о себе, о собственном потоке сознания: получаемые при этом значения различны. Кроме того, в данном интенциональном акте постижение собственного переживания непосредственно, а постижение переживания другого осуществляется через «выражение» этого переживания — телесного, символического и т. п. Затем последнее соотносится с выработанной «Я» схемой интерпретации, что позволяет переходить от «выражения» переживаний другого в их актуальности к его живому опыту.

«Схватывание» собственного потока сознания и потока сознания другого происходит в едином интенциональном акте, объединяющем вместе эти два потока. В результате образуется настоящее, общее для обоих — чистая сфера «Мы»: дорефлексивная живая одновременность, то есть самоочевидно данный факт как факт жизненного мира.

Такова суть теории интерсубъективности, объясняющей с помощью феноменологического метода, что социальная реальность — это феномен сознания множественных субъектов: жизненный мир есть социально-психологическая реальность, кото-

рая формируется в коммуникациях «Я» и «другие». Следовательно, нельзя явления жизни делить на «первичные» и «вторичные», ставить их в функциональную (или причинную) связь, а затем подвергать рефлексии. Стремление позитивистских наук об обществе тематизировать (то, на что человек обращен) интерсубъективность, объективировать живую реальность человеческих отношений по канонам «научного метода» является искажением этой реальности.

Шюц определял понимание как интенциональный акт, который направлен на значение и являлся интерпретацией собственного субъективного опыта (творческой человеческой субъективности). Поскольку переживания в моем потоке сознания интерпретируются в свойственном мне контексте значений, то полная адекватность с интерпретацией другого невозможна: она всегда лишь приближительна. Отсюда вытекало различие двух типов понимания: понимания самого себя и понимания другого.

Проблема и цель понимающей социологии — знать то, что знают и другие, помочь понять друг друга. В решении данной проблемы Шюц опирался на два типа социального действия:

1. Первый тип: действие, не имеющее своей целью коммуникацию.

В свое время М. Вебер рассмотрел элементарный, казалось бы, пример эмпирически фиксируемого события: человек рубит дрова. Он поставил при этом вопросы: 1) какие возможные типы анализа можно применить в данном случае и чем они отличаются друг от друга? и 2) однозначна ли фиксация этого события при разных подходах к нему или нет? И хотя Вебер не дал окончательного ответа, его вопрос свидетельствовал о том, насколько многосторонне и многопланово можно рассматривать этот элементарный эмпирический факт, какие методологические трудности возникают перед исследователем, пытающимся систематизировать социальные факты и теоретически их обработать.

Такой же срез социологического отношения к данному эмпирическому факту анализировал и Шюц, выделяя возможные в данном случае виды «понимания». Во-первых, с точки зрения предметности и ее изменений (рубка дров как физическое событие: топор касается полена и оно раскалывается). Здесь имеет место понимание наблюдателем самого себя, то есть собственного (но не рубщика дров) переживания того, что имеет место рубка дров.

Во-вторых, с точки зрения фиксации некоего обиходного социального смысла, который закреплен за этим фактом (рубка дров

как человеческое действие, за которым стоит обладающее сознанием существо). Но и в данном случае понимание — это интерпретация наблюдателем собственного переживания в терминах своего наличного запаса знаний, то есть самоинтерпретация.

В-третьих, акцент может быть сделан на качественной характеристике самого действия (рубка дров как выражение целенаправленности, осмысленности, интенсивности и т.д. человеческой деятельности). Данный тип понимания, учитывающий наличие существования других, является фундаментом реальных социальных взаимодействий в жизненном мире. Здесь понимание наблюдателя концентрируется не на обозначениях, а на том, что лежит за ними, — субъективных значениях другого индивида. Это истинное понимание других.

2. Второй тип: действие, совершаемое с целью коммуникации (сознательно использующего знаки).

На примере различных типов анализа понимания человека, говорящего по-немецки, Шюц также констатировал наличие двух типов понимания:

а) самоинтерпретация, когда наблюдателя интересует значение слова, а не значение, придаваемое этому слову тем, кто его употребляет;

б) истинное понимание значения произнесенного слова, указывающее на то, что хотел сказать этим словом говорящий (по стижение субъективных значений другого индивида).

Итак, согласно Шюцу, мы воспринимаем все во взаимодействии с другими, на основе способности людей общаться и понимать друг друга. В ее основе лежит возможность типизирующего понимания, которое обеспечивается взаимозависимостью перспектив.

Развивая «метод понимания», он разделил знание на обыденное (обыденная типизация) и научное (научная типизация). На обыденном уровне явления выступают такими, какими они предстают для «здорового смысла», составляющего основу для обыденного восприятия. Обыденный здравый смысл несет в себе черты коллективно разделяемого опыта: нормативное знание, которое в фактической жизнедеятельности общности, группы (членом которой является индивид) приобретает черты универсальности и безличности — черты социальности.

Знание жизненного мира, основанное на здравом смысле, строится на интересубъективном понимании, базирующемся на двух фундаментальных постулатах о восприятии человеком окружающего мира.

Во-первых, постулат взаимозаменяемости точек зрения — обоюдности перспективы. Он допускает, что для того, чтобы общение между двумя людьми имело смысл, они должны уметь в разговоре встать на точку зрения другого и продолжать быть в состоянии понимать друг друга: необходима возможность обмена перспективами между ними.

Во-вторых, постулат совпадения «систем релевантности» — смысловой конгруэнтности перспективы. Как участники одного культурного круга, мы предполагаем, что потенциально общие объекты, поток событий достаточно одинаковы для меня самого и для других. Обе стороны в разговоре полагают, что они истолковывают ситуацию сходным образом: мы предполагаем, что оба отбираем и интерпретируем общие объекты одинаковым образом (идентично). Ввиду этого различия в перспективах становаются безличными по отношению к наличным целям любого из нас.

Шюц писал, что типизация степеней понимания зависит также от социокультурной близости взаимодействующих индивидов. Он выделял группу индивидов, с которыми меня связывает пространственное единство — сообщники, с характерными «мы-отношениями», как они описываются теорией интерсубъективности.

Другая группа — «просто-современники», с которыми меня объединяет единство времени. Для них характерны «они-отношения», соответствующие достижениям другого в его типичности.

Таким образом, обыденная типизация делает возможным идентификацию и узнавание окружающего нас мира: она придает ему смысл и является частью языка, на котором мы общаемся друг с другом. Благодаря последнему мы узнаем о вещах и привычных (известных) действиях в обыденном мире. Фокусируя внимание на социальной жизни, Шюц помещал естественное отношение к миру в нашем приобретенном посредством здравого смысла знании в типизациях мира жизни. Это знание, определяющееся жизненным миром и организованное в известных нам идеально-типических структурах — типизациях, он называл знанием первого порядка.

На научном уровне имел место процесс формирования категорий социальной науки как одного из процессов жизненного мира — научная типизация. Здравый смысл для Шюца являлся ресурсом в научной работе: он находится в мире предзаданного, но его затем делают очевидным и самостоятельным объектом исследования. Научное знание — это абстрактный мир научных понятий и законов, в котором образование понятий предполагает типизацию-^А научную типизацию. Она является знанием

второго порядка— типы обыденных типов (конструкты конструктов). Это знание составляется научным пониманием специалистов (тематизацией), при помощи чего социолог интерпретирует и понимает осознанные здравым смыслом структуры (типизации) жизненного мира. При этом используются процедуры эмпирической науки, для которых явления выступают такими, какими они представлены для здравого смысла. Тем самым, независимо от целевых установок и метода сбора фактов, числовые данные, получаемые в результате проведенного анализа, обретают устойчивость только в соответствующем контексте «здравого смысла». Сами же по себе они не являемся абсолютными. При разных подходах и разных контекстах единицы, выражающие количественные характеристики предмета исследования, могут различаться. В этом смысле методика определяет не только приемы сбора и количественной обработки данных, но и исследовательскую установку, контекст которой накладывает отпечаток на характер самой фиксации социального факта.

Таково, в принципе, решение Шюцем проблемы трихотомии «методология — теория — методы» применительно к социологии: феноменологическая философия — «понимающая» социология — эмпирические исследования. В конечном счете, «понимающая» социология, опирающаяся на феноменологическое решение фундаментальных социологических проблем, предстает как научная типизация с соответствующей ей эмпирической методикой. Критериями объективности этой методики являются:

1) Логическая связанность, обеспечивающая объективную обоснованность конституируемым социологом мыслительным объектам (идеальным типам) — теории.

2) Адекватность, обеспечивающая совместимость повседневной жизни с «конструктами конструктов» (правила перевода эмпирического материала в теоретические понятия).

3) Субъективная интерпретация, обеспечивающая соотносимость научного объяснения социальной реальности с субъективными значениями действий человеческих индивидов, из которых она формируется (проверка положений науки).

Проблему формирования и существования социологического знания Шюц увязывал с решением вопроса о месте социолога, как носителя этого знания, в жизненном мире. На уровне знания второго порядка — «понимающей» социологии, он вводил тезис о «научной установке» как позиции, с которой социолог наблюдает жизненный мир. Он трактовал ее, следуя за Гуссерлем: теоретическая деятельность ученого сосредоточена на «темати-

зированной закрытом мире» — мире специалиста, который недоступен непосредственному постижению. Становясь на эту позицию, социолог воспринимает жизненный мир как «здесь-и-сейчас» и рассматривает свою позицию в нем как безразличную относительно целей собственной научной деятельности. Тем самым исследователь вступает в новый мир (тематизированный) — мир науки, который организуется вокруг него в «корпусе» научного знания. Последнее социолог «принимает на веру» в данной научной ситуации, в соответствии с личными целями ученого объективировать жизненный мир. В данной рефлексии темы жизненного мира с его непосредственностью переводятся в опосредованные понятия объективного научного знания.

Итак, феноменологическая концепция социологии акцентирует момент субъективности, активного сознательного отношения человека к миру, игнорируя его объективность. Мир таков, каким он является в сознании: мир, сотворенный и творимый интересами и целями взаимодействующих субъектов (результат интересубъективного конструирования). Этим возрождается «гуманистическая» традиция как антипозитивистская (антинатуралистическая) реакция на физикалистский объективизм, игнорирующий творческую субъективность и тем самым ограничивающий идею универсальной науки, устраняя из нее ценностную и мотивационно-смысловую сферу человеческой деятельности и отношений.

3.2. Интеракция и идентичность в феноменологической концепции И. Гоффмана

Книга И. Гоффмана «The Presentation of Self in Everyday Life» была опубликована в 1958 году. Она содержит подробное изложение процессов и значений повседневных интеракций. Гоффман анализирует социальное взаимодействие исходя из перспектив символического интеракционизма. Его отправным пунктом является микросоциологический анализ. Он исследует детали индивидуальной идентичности, групповых отношений, влияние среды и передвижение интерактивной информации. Его взгляд, хоть и ограниченный принципами воспринятого подхода, все же обеспечивает новое воззрение на природу социальной интеракции и психологии индивида. Гоффман использует «драматургический подход» в своих исследованиях, интересуясь моделями презентации актерами самих себя и значением презентации в более широком социальном контексте. Интеракция рассматривается как

«представление», «актерская игра», формируемая средой и аудиторией, сконструированная с целью произвести «впечатление», соответствующее целям актера. Такое представление существует независимо от метального состояния индивида. Именно таким образом индивид развивает свои идентичности как функцию интеракции с другими на основе обмена информацией, которая позволяет делать более специфичные выводы относительно поведения и идентичности партнеров коммуникации.

Гоффман объясняет природу групповой динамики через обсуждение интеграции «команды» и отношений между «представлением» и аудиторией. Он использует понятие «команда» для того, чтобы проиллюстрировать работу группы индивидов, которые кооперируются в создании своих «представлений» для достижения целей, санкционированных группой. Тогда как желание создавать свое представление без учета группового образа приводит к обнаружению девиации, что уменьшает кредитоспособность группы, а следовательно, и впечатление, которое стремилась эта группа производить на аудиторию, что влечет за собой нереализацию групповых целей.

Описывая особенности взаимодействия и индивидов, и групп, Гоффман не рассматривает природу маргинализированных индивидов, не учитывает значение ритуалов и церемоний в процессе драматургического взаимодействия. Значение «управления впечатлением» наиболее заметно при наблюдении за маргинальными индивидами, которые должны каким-то образом интерпретировать для окружающих свою стигму для установления успешного взаимодействия, страдая от того, что другие ограниченно-определенно воспринимают их образ. Гоффман, однако, уделяет наибольшее внимание нормальной идентичности и заключает, что маргинальная идентичность имеет ограниченные возможности достигнуть полного принятия со стороны партнеров по взаимодействию.

Хотя Гоффман и рассматривает социальную интеракцию с позиций интеракционистской перспективы и микросоциологического анализа, однако за пределами изучения остаются соц институты и обширные соц процессы. Однако сам автор пытается придать своей работе характер макросоциологической перспективы. Несмотря на недостатки теоретической деятельности, автор дает развернутую панораму интерпретаций межперсональных интеракций. Вопреки необычности своей методологии, работа Гоффмана показывает глубокую аналитическую силу, специализирующуюся в неисследованной сфере социальной мысли.

3.21. Концепция «презентации себя и управления впечатлением»

Зачастую люди взаимодействуют «символически», даже в случаях своей неосведомленности об этом. В процессе коммуникации взаимодействующие оценивают жесты, интонации, одежду, используя оценочные категории и значения, усвоенные из «социализирующей» культуры.

Способы взаимодействия партнеров зависят друг от друга и никогда не остаются постоянными, а изменяются в зависимости от изменчивости характеристик ситуаций. Взаимодействие требует, очевидно, огромной ментальной работы, заключающейся в восприятии и оценки социальной ситуации, а также различных форм поведения коммуникативных партнеров.

Известно, что коммуникация осуществляется по-разному между людьми, являющимися носителями тех или иных физиологических и социальных признаков. Это подтверждают результаты наблюдений за изменением голоса, выражения лица, лексики и т.д. «Определение ситуации» — это очень важный процесс, главный для любой социальной коммуникации. Термин «определение ситуации» был предложен У. Томасом в 1923 г. Он использовал этот термин в известной теореме: «Ситуация, определяемая как реальная, реальна в своих последствиях».

Гоффман анализирует каждодневные взаимодействия, используя термин «определение ситуации» и «драматургический подход». Он рассматривает жизнь людей и их поведение, как актерскую игру. Он считает, что индивиды мотивированы представлять в процессе коммуникации избранную, частичную информацию о себе, таким образом управляя впечатлением, которое они производят на других. Активное «управление впечатлением» возникает для того, чтобы действующие имели возможность оперировать схожими определениями ситуации, то есть приписывать ситуации взаимодействия аналогичные характеристики.

Для управления впечатлениями актеры используют множество вербальных и невербальных средств. Например, такие невербальные средства коммуникативного оформления, как элементы физической среды, визуальная декорация (одежда и т.д.), жесты, вариации интонаций и т.д. Гоффман каталогизирует и описывает эти элементы управления впечатлением. Он показывает, как актеры взаимодействия могут представлять различные аспекты своей личности для разных групп людей. Он настаивает, что люди имеют много «реальных личностей» (real selves).

Гоффман занимался ситуативными системами действия, то есть, в отличие от функционалистов, не прочными структурами, а «моментальными снимками» поведения людей, которые что-либо делают вместе. Вместо объяснения «больших структур» он выбирает «атомистические рамки» и задает вопрос, а что же, «собственно», происходит в совершенно определенной реальной ситуации. Соответственно этому человек у Гоффмана определяется и объясняется без ссылок на культуру, историю, общественную структуру; он есть то, что он сейчас делает. Поведение определяет бытие, или «doing is being» («поступок есть бытие»).

3.22. Выразительное поведение

Согласно этому на первый план у Гоффмана выходит выразительное поведение, то есть, хотя поведение человека определено в содержательном плане, но наряду с этим индивид посылает сигналы, делает жесты и т.п., которые выражают это содержание, но могут относиться и к другим вещам. Это напоминает об известной возможности несоответствия между вербальной и невербальной коммуникацией. С помощью выразительного поведения, которое имеет преимущественно невербальный характер, человек сознательно или неосознанно производит определенное впечатление на других. Действительное впечатление у адресата следует при этом отличать от того, какое впечатление намеревается произвести действующий индивид. Выразительное поведение используется для представления себя, для создания впечатления, которое индивид хотел бы произвести на других («impression-management»).

Выразительное поведение может также «выдать» «истинные» или «собственные» мотивы, намерения, установки человека, может дать другим представление о нас, которого мы не имели в виду, может уличить наши слова во лжи. Однако оно может использоваться и намеренно, чтобы создать обманчивое впечатление, солгать и т.п.

В социальной интеракции индивиды реагируют как на содержание действия, так и на истолкование действия самим действующим, которое он демонстрирует своим осознаваемым выразительным поведением, но также и неконтролируемым выразительным поведением: восприятие этого также определяет их интерпретацию действия. Кроме того, интерактивная ситуация осложняется еще и тем, что участники в зависимости от обстоятельств могут занять в отношении своих собственных действий и поведения различные позиции («честная», «циничная» и т.д.).

Таким образом, многослойное событие Гоффман пытался охватить с помощью драматического анализа, который переносит принципы театра на социальную интеракцию. Он использует такие структурные элементы театральной ситуации, как отношения актер — публика, личность — роль, сцена — кулисы, чтобы отразить социальные ситуации и интерактивное поведение.

3.23. Человеческое взаимодействие

Систематически идеи Гоффмана можно сформулировать следующим образом:

— люди действуют в ситуациях не независимо друг от друга, а как участники ситуации;

— в этом взаимодействии ориентируются на образцы поведения, которые они, однако, вызывают к жизни и интерпретируют лишь посредством своего «исполнения»;

— люди действуют не только с учетом некой цели, которая представляет содержание действия, и вступают тем самым в контакт с другими, общаются друг с другом и на ином уровне, на котором они производят определенное впечатление о себе и истолковывают выразительное поведение других;

— люди в своем взаимодействии и в социальной коммуникации не всегда являются тем, чем они кажутся; впечатление, подразумеваемый смысл и содержание действия могут отличаться друг от друга.

3.24. Ролевая игра индивида

Ролевая игра индивида изменяется в зависимости оттого, идет ли речь о регулярно повторяющихся социальных ситуациях или о разовой ситуации. «Regular performers» («регулярные исполнители») лучше усваивают роль («обязательство»); типичны в этом случае профессиональные роли: здесь индивид подвергается особенно сильному давлению ролевых требований. Если индивид до такой степени идентифицирует себя со своей ролью, что находит себя в ней и в соответствии с этим аффективно ориентируется на нее, то Гоффман говорит о «role-attachment» («закреплении роли»). Если индивид полностью раскрывается в социальной ситуации и поведение становится бытием, то Гоффман обозначает это как «role-embrace» («принятие роли»). Если индивид лишь для вида идентифицирует себя со своей ролью, то налицо «role-simulation», которая становится очевидной в «выходе из роли», когда индивид не чувствует, что за ним наблюдают.

В том случае, когда возникают явные несоответствия между ролью и выразительным поведением, которые вызваны различной интерпретацией ситуации и совершаются сознательно, то речь идет о ролевых разногласиях или о дистанции от роли, при которой роль хотя и исполняется, но в то же время ясно дается понять, что личное «Я» не подчинено полностью ситуативному «Я» (например, с помощью насмешек, небрежного отношения и т.п.).

Игранные людьми роли сильно отличаются по своим экспрессивным возможностям, то есть существуют роли, которые «растяжимы», поскольку в них индивид своим выразительным поведением может «выпустить пар», в то время как другие роли этого не позволяют (например, студент и рабочий на конвейере).

Гоффман полагает, что Я — социальный продукт и может пониматься только в связи со своим социальным контекстом. Исходя из этого он не согласен, что «ситуация» является единственным или главным уровнем социальной реальности. Он предлагает понятие порядка интеракции, под которым он понимает совокупность основных правил и моральных обязательств, которые налагают ограничения на взаимодействие и организованы вокруг поддержания и сохранения социальных Я. Порядок интеракции продолжителен во времени и способен сопротивляться угрозам своему существованию. Порядок человеческого взаимодействия — это область, в которой продуцируется смысл. Смысл при этом возникает в ходе вовлеченности индивидов в ситуацию. Сочетание анализа микровзаимодействий индивидов с представлением об объективности институционального макропорядка дает возможность Гоффману сформулировать перспективное видение по преодолению микро- и макродуализма.

3.25. Структуры повседневных действий

Теоретический анализ Гоффмана затрагивает отношения между структурами и повседневными действиями, правда, все это рассматривается со стороны последних и с точки зрения уязвимости личной идентичности. Обыденные и повседневные действия рассматриваются Гоффманом не как следствия или предпосылки структурного порядка; он понимает их как сравнительно автономную сферу, которая своей автономией обязана тому, что контакты людей face-to-face (лицом к лицу) имеют определенные воздействия, которые нельзя свести к структурам, но которые оказывают на них влияние.

Основанные на традиции символического интеракционизма предпочтения и интересы Гоффмана заключались в показе того,

каким образом даже большинство мелких и явно незначительных наших действий структурированы социально и окружены ритуалом. В своих поздних работах, нацеленных на «синтаксис» выражения, Гоффман подошел близко к аналитическим интересам этнометодологии и диалогового анализа.

3.3. Феноменология П. Бергера и Т. Лукмана

Бергер и Лукман в своей концепции исходят из того, что в интеракции самым существенным являются выразительные движения, жесты и прежде всего язык, посредством которого осуществляется процесс коммуникации. Их роль является двойной: с одной стороны, они длятся не дольше, чем конкретная ситуация общения, но с другой — они являются обобщенными знаками, складываются в знаковые системы и тем самым становятся объективированными образцами, которые выходят за пределы субъективных намерений «здесь и сейчас» и, таким образом, делают возможной «реальность». Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность «*par excellence*». Это — реальность повседневной жизни. Ее особое положение позволяет ей называться «высшей» реальностью. Реальность обыденного мира не только полна объективации, в значительной степени благодаря этим объективациям она существует. Ибо в противном случае каждый жил бы только в мире своих представлений, а мышление, деятельность и бытие других было бы для него «нереальным».

3.31. Язык как информационно-знаковая система человеческого общества

В этом плане язык — это едва ли не самая важная информационно-знаковая система человеческого общества. Посредством языка передаются смысл, значение, мнение, которые не только являются прямым выражением субъекта «здесь и сейчас», но и образуют семантические поля, смысловые зоны. Бергер и Лукман, как и Мид, предполагают, что люди действительно связывают общие значения с понятиями и жестами, по крайней мере, в пределах их культурного сообщества. Именно это и делает возможным понимание.

Несмотря на то, что знания и языковые системы и символы обусловлены культурой и обществом, а потому существуют различия в значении, тем не менее Бергер и Лукман основное внимание

обращают не на обоснование различий, ибо последние служат лишь для ограничения общего жизненного мира. В данном случае целью является объяснение и обоснование общности, регулярности и типичных явлений в жизненном мире.

Человеческий опыт объективируется в первую очередь посредством языка и передается из поколения в поколение как общественный запас знаний. В некоторой степени он принимает характер и функцию «знания рецептов», которые могут помочь ориентироваться и принимать решения в различных ситуациях. Социальный ресурс знаний позволяет типизировать события и опыт обыденного мира и «осуществляться» в человеческих действиях.

Язык предоставляет человеку готовую возможность непрерывной объективации моего возрастающего опыта. Иначе говоря, язык раздвигает свои рамки так гибко, что позволяет человеку объективировать огромное множество переживаний на протяжении всей его жизни. Язык также типизирует личностные переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для одного человека, но и для других людей. В той мере, в какой язык типизирует опыт, он делает его анонимным, так как опыт, подвергшийся типизации, в принципе может быть воспроизведен любым, кто попадет в рассматриваемую категорию.

Нужно заметить, что Бергер и Лукман в еще большей степени, чем символические интеракционисты, подчеркивают институциональный, традиционный характер знания. Его осуществление в человеческих действиях хотя и представляет собой динамический элемент, но жизненный мир, познанный в прошлом и объективированный в знаковой системе, рассматривается как предпосылка действий в качестве вечного нового «осуществления». В отличие от Гоффмана, Бергер и Лукман не придают особого значения тому, что люди думают об этом знании, а также о его «осуществлении» в действиях, относятся к нему так или иначе, дистанцируются от него, используют его как инструмент в целях отражения этого обобщенного принуждения.

Язык конструирует также системы символического представления, которые, кажется, возвышаются над действительностью обыденного мира. Так возникают религия, философия, искусство, наука как символические миры, опосредованные языком, которые, однако, вновь должны быть переведены в обыденный мир, ибо только в нем они «осуществляются». Знание означает «осуществление» путем понимания объективированной обще-

ственной реальности и ее выработки в обыденном мире. Так что символизм и символический язык становятся существенными элементами реальности повседневной жизни и обыденного понимания этой реальности. И человек живет в этом мире знаков и символов.

Человеческое знание определяет взгляд на реальность, то есть на то, что считается реальным. Поэтому основы ее устройства должны иметь для человека фундаментальное значение, и вскрыть их — задача социологии. Она может это, поскольку сама возникла из жизненного мира и основывается на нем, даже если она кажется символической объективацией «с далекой звезды». Социология тоже должна быть переводимой в реальность обыденного мира, иначе она бессмысленна.

Человеческое общество у Бергера и Лукмана в одно и то же время и объективная, и субъективная реальность, оно есть продукт поведения людей. В силу того, что действия людей осмыслены с точки зрения языка, общество рассматривается индивидом и как субъективная, и как объективная данность, во всяком случае, как созданная человеком, которую каждое новое поколение должно усваивать путем интернализации.

2.32. Интернализация и институционализация

Институт интернализации представляет собой процесс объективирования социального опыта. Институционализация, по мнению Бергера и Лукмана, имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация «опривыченных» действий деятелями разного рода. Ее результатом является типизация действующих и типизация действий в ролях.

Институционализация стоит у истоков всякой общественной ситуации. Институты — это овеществленная деятельность людей, которая отражается в общественном знании как в объективированной осмысленности институционального действия. Это предполагает общественную память и процесс седиментации путем объективации опыта (воспоминания) с помощью знаковой системы. Благодаря этому возможна традиция.

2.33. Интерсубъективная седиментация

Лишь небольшая часть человеческого опыта сохраняется в сознании. И тот опыт, который сохраняется в нем, становится осажденным (седиментированным), то есть застывшим в памяти в качестве незабываемой и признанной сущности. До тех пор, пока не произошло такой седиментации, индивид не может при-

дать смысл своей биографии. Интерсубъективная седиментация также происходит в том случае, когда нескольких индивидов объединяет общая биография, а их опыт соединяется в общий запас знания. Интерсубъектную седиментацию можно назвать социальной, лишь когда она объективирована в знаковой системе того или иного рода, то есть когда возникает возможность повторных объективации общего опыта. Вероятно, лишь тогда этот опыт можно передавать от одного поколения другому, от одной общности — другой.

Язык объективирует человеческий опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех, кто относится к данной лингвистической общности, становясь, таким образом, и основой, и инструментом коллективного запаса знания. Объективация опыта в языке (то есть его трансформация в общедоступный объект знания) позволяет включить его в более широкую систему традиции благодаря моральным наставлениям, вдохновенной поэзии, религиозной аллегории и тому подобному. Язык становится хранилищем огромной массы коллективных седиментации, которыми можно овладеть монотетически, то есть в качестве целостной совокупности и без реконструкции первоначального процесса их формирования. Для признания институтов новым поколением они нуждаются в объяснении и оправдании, то есть в легитимации. Тем самым возникает вторичная объективация смысла; осуществляется новое осмысление первично объективированных институтов. Важную роль при создании этих символических смысловых миров играют теории и идеологии.

Для человеческих индивидов их область жизненного мира наделена общественным знанием в форме ролей. Социальные роли — это заменяемые типы в рамках объективированного запаса знаний; они представляют общественный порядок. Объективированная реальность, общественный запас знаний, институты и легитимация вводятся в субъективную действительность посредством процесса интернализации. Конечно, при этом индивид в процессе социального обучения усваивает общественное знание и «вбирает» его в свою личность в длительном процессе в течение всей жизни. Благодаря этому общественное знание становится фундаментом идентичности и «реальности» индивида. Субъективная реальность постоянно активизируется взаимодействием индивида в его социальной среде. На этой основе происходит новая интерпретация субъективной реальности, хотя и не как у Гоффмана через «ситуативный контекст» как таковой, а путем интернализации новых содержаний, кото-

рые также обуславливают модификацию идентичности. В современном обществе на индивида обрушивается самая разнообразная информация, которая уплотняется в разнообразные «реальности», альтернативные «миры» и тем самым делает относительным познание индивидом действительности. И как следствие, человек интернализует много реальностей для различных целей. Возникает «плюрализм реальности и идентичности», который может инструментально использоваться и результатом которого становится сеть взаимных манипуляций. Бергер и Лукман отмечают, что растет общее сознание релятивности всех миров, включая и свой собственный, который теперь осознается, скорее, как *один* из миров, а не как *Мир*. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как «роль», от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно «разыгрывать» под манипулятивным контролем. Эта ситуация имеет куда дальше идущие последствия, чем возможность для индивидов играть роль того, кем его не считают другие. Игра теперь идет с ролью того, кем его считают, но только совершенно иным образом. Подобная ситуация все в большей мере типична для современного индустриального общества.

2.34. Социальная идентичность

Авторы данной концепции пришли тем самым к несколько критическому выводу, из которого Гоффман исходит как из предпосылки — к выводу о многообразии реальностей. Основное направление их анализа становится схожим: Бергер и Лукман также считают, что в современном обществе индивидуальная идентичность человека находится под угрозой. Но если Гоффман противопоставляет «объективациям» личностную идентичность, то идентичность у Бергера и Лукмана — это уже социальная идентичность, релятивирование и множественность которой считаются типичными для современного общества массовых коммуникаций, тогда как Гоффман рассматривает уязвимость личностной идентичности как «естественное» условие человеческого существования в обществе. Индивидуалистически-либеральный оттенок анализа Гоффмана так же очевиден, как и консервативная культурно-критическая ориентация Бергера и Лукмана. Сам Бергер считает свою концепцию гуманистической, а социологию — «радостной наукой», которая не «заикливается» в сухой научности на точных методах. Теоретическую и концептуальную терпимость в отношении других концепций и призна-

ние ограниченности и относительности всех научных методов Бергер считал признаком зрелости науки и основой ее значения для людей. Кроме того, предмет социологии как одной из наук о человеке и человеческом обществе постоянно воспроизводит центральный вопрос о том, что значит быть человеком в определенной общественной ситуации.

2.35. Социальное конструирование реальности

Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. В рамках эмпирической социологической науки можно принять эту реальность как данность, а определенные ее феномены как факты без дальнейшего исследования оснований этой реальности, которое представляет собой философскую задачу.

Феноменологический анализ повседневной жизни или скорее ее субъективного восприятия воздерживается от причинных и этических гипотез, так же как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов. Это важно помнить, пишут Бергер и Лукман. Повседневное мышление содержит множество до- и квазинаучных интерпретаций повседневной жизни, которые считаются само собой разумеющимися. Поэтому при описании повседневной реальности прежде всего следует обратиться именно к этим интерпретациям, учитывая их само собой разумеющийся характер, хотя и в рамках феноменологических скобок..

Сознание — всегда интенционально. Оно всегда направлено на объекты или предполагает их. Мы никогда не сможем постичь некий мнимый субстрат сознания как таковой, но лишь сознание чего-то или кого-то, независимо от того, воспринимается ли это что-то или кто-то как элемент внешнего физического мира, или внутренней субъективной реальности.

По мере перемещения от одной реальности к другой человек воспринимает этот переход как своего рода шок, который вызван переключением внимания. Лучше всего это иллюстрируется тем состоянием, которое испытывает человек просыпаясь. Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью. По мнению Бергера и Лукмана, напряжение сознания наиболее высоко в повседневной жизни, то есть последняя накладывается на сознание наиболее силь-

но, настоятельно и глубоко. Невозможно не заметить, трудно ослабить ее властное присутствие. Следовательно, она вынуждает человека быть к ней предельно внимательным. Человек воспринимает повседневную жизнь в состоянии бодрствования. Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается мною как нормальное и самоочевидное, то есть составляет мою естественную установку. Я постигаю реальность повседневной жизни как организованную реальность. Ее феномены уже систематизированы в образцах, которые кажутся независимыми моего понимания и которые, налагаются на него. Реальность повседневной жизни оказывается уже объективированной, то есть конституированной порядком объектов, которые были обозначены как объекты до моего появления на сцене. Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно представляет мне необходимые «активации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретает смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь. Я живу в географически определенном месте; я пользуюсь инструментами — от консервного ножа до спортивных автомобилей, — которые указаны в техническом словаре моего общества; я живу в переплетении человеческих взаимосвязей — от шахматного клуба до Соединенных Штатов Америки, — вторые тоже организованы посредством словаря. Таким образом, язык отмечает координаты моей жизни в обществе и наполняет эту жизнь значимыми объектами.

С точки зрения авторов концепции, реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь-и-сейчас» — фокус моего внимания к реальности повседневной жизни. Это «здесь-и-сейчас» дано мне в повседневной жизни как реализм моего сознания. Реальность повседневности, однако, не исчерпывается этим непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны «здесь-и-сейчас». Это означает, пишут они, что я воспринимаю повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Ближайшей ко мне является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна моей оптической манипуляции. Эта зона вмещает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы инфицировать его реальность, или мир, в котором я работаю.

Реальность повседневной жизни в качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой

дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. Я знаю, что она является реальной. Хотя у меня и могут возникнуть сомнения в ее реальности, я должен воздержаться от них, поскольку живу повседневной жизнью согласно заведенному порядку. Такое воздержание от сомнений настолько устойчиво, что для того, чтобы отказаться от него, как мне того хотелось бы, я должен совершить резкий скачок в процессе теоретического или религиозного размышления. Мир повседневной жизни декларирует себя, и если хочу бросить вызов этой декларации, то должен приложить немало напряженных усилий. Этот момент предстает как переход ученого или философа от естественной установки к теоретической.

По мнению Бергера и Лукмана, мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение вследствие того, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Для нашей цели гораздо важнее временная структура. Темпоральность — это свойство, присущее сознанию. Поток осознания всегда упорядочен во времени. Можно различать разные уровни темпоральное™, поскольку она характерна для любого субъекта. Каждый индивид ощущает внутреннее течение времени, которое основано на психологических ритмах организма, хотя и не тождественных им. Вполне понятно, что темпоральная структура повседневной жизни необычайно сложна, так как разные уровни эмпирической темпоральности все время должны приводиться в соответствие друг с другом. Темпоральная структура не только налагает предустановленную последовательность на «повестку» любого дня, но налагается и на всю мою биографию. В рамках системы координат, установленной темпоральной структурой, я воспринимаю как ежедневный «ритуал», так и всю свою биографию.

3.4. Концепция В. Бернхарда социологии повседневности

В последнее время особое внимание исследователей привлекли к себе два понятия — обыденная жизнь (Alltag) и повседневность (Alltaglichkeit), обозначающие определенную сферу и способ жизни. Понятие повседневности входит в ряд словосо-

четаний, например, таких как повседневная жизнь, обыденное знание, обыденное сознание, повседневная речь, повседневное поведение человека, культура обыденной жизни. Повседневность является предметом целого комплекса научных дисциплин: социологии, психологии, психиатрии, лингвистики, теории искусства, теории литературы и, наконец, философии. Эта тема часто доминирует в философских трактатах и научных исследованиях, авторы которых обращаются к определенным аспектам жизни, истории, культуры и политики; при этом оценка повседневной жизни может быть различной. Важно, что в этих трудах субъективное переживание четко противопоставляется объективным структурам и процессам, типичные практические действия — индивидуальным и коллективным деяниям, длительные ритмы — однократным эпохальным событиям, подвижные формы рациональности — идеальным конструкциям и точным методам. Импульс к такого рода противопоставлениям дают различные направления философской и социологической мысли. В осмыслении понятия повседневности большую роль играет феноменология Э. Гуссерля и социологические принципы, разработанные в трудах М. Вебера и А. Шюца, этнометодология Г. Гарфинкеля, в которой соединились положения американского прагматизма с идеями интеракционизма Дж. Г. Мида, И. Гофмана и А. Стросса. В традиции лингвистического анализа поздний Л. Витгенштейн и Дж. Остин обратились к обычному языку, вернув ему самостоятельное значение. В марксизме усилился интерес к повседневной основе жизни различных общественных формаций в трудах, например, А. Лefевра, а позднее А. Хеллер и Т. Лейтхойзера. В произведениях отечественных авторов М. Бахтина и В. Н. Волошинова большое значение приобрела народная языковая и смеховая культура. В так называемом французском структурализме мне хотелось бы напомнить читателю о мифологии обыденной жизни Р. Барта и об «архивных» исследованиях М. Фуко, которые во многих отношениях соприкасаются с работами школы «Анналов». Исторические труды Ф. Броделя о структурах обыденной жизни также существенно способствовали разработке этой проблематики. Самые разнообразные исследования объединяются вокруг проблем обыденной жизни.

3.41. Методические принципы исследования повседневности в концепции В. Бернхарда

В концепции повседневности В. Бернхарда формулируются следующие методологические принципы.

1. Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания», которым противостоят процессы «преодолевания повседневности».

2. Повседневность — это дифференцирующее понятие, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры. Так, например, европейские национальные культуры прямо несопоставимы с американским смешением этих культур.

Речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни. Во всех теориях об обыденной жизни возникает вопрос о месте *теоретической речи*. Автор ставит вопрос о том, кто и откуда говорит об обыденной жизни? А также вопрос, о какой повседневности он говорит, о своей собственной или о повседневности кого-то другого? С его точки зрения, в ответах на эти вопросы нет согласия философов. Здесь возникают претензии на исключительность, оказывают влияние собственные скрытые предпочтения и ранее неговоренные оценки. «Экспроприация» обычного человека уже давно не является делом одних лишь философов. В концепции предлагается генеалогия повседневной жизни, которая не допускает преувеличения значения этой сферы, не возводит категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизирует теорию обыденной жизни.

3.42. Тематизация как спецификация рациональности обыденной жизни

В дальнейшем он обращается к *эвристической перспективе*. По его мнению, обыденную жизнь, функцию теорий обыденной жизни и определенных практических действий можно тематизировать различными способами, например, исходя из субъекта, из объективно существующего мира тел, из социальных отношений, из процесса языкового общения или из становящихся автоматическими действий. Исходная точка этой тематизации — это актуальная проблема *спецификации рациональности* обыденной жизни. Рациональность в данной концепции понимается в широком смысле этого слова как то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рассудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности. Эта плюрализация рациональности приводит к тому, что бесконечному количеству форм иррациональности противостоит не одна всеохватывающая фор-

ма рациональности, а специфичные, изменяющиеся формы рациональности, которые вместе с противостоящими им специфичными формами иррациональности отделяются от других форм рациональности. Такому широкому и изменчивому пониманию рациональности соответствует речь о логике чувств и красок, о порядке вещей или о многообразии действительностей. Существует рациональность, которая покоится в опыте и которая воплощается в действия и речь и не проистекает лишь из подчиненного цели рационального расчета или из притязаний на чистую значимость. В рамках данной концепции ориентация на проблематику рациональности и порядка не означает только изменение места, при котором разум истории или общества был бы перенесен в обыденную жизнь. Частичное перемещение разума, его расчленение и помещение в поля рациональности изменяет и его характер. «Рассеянному разуму» соответствует превращение области повседневной жизни в лабиринт, который не был спланирован какой-либо центральной инстанцией и не был создан по какому-либо образцу.

Исследование повседневности, которое не участвует в такого рода изменениях перспективы, легко застревает в произвольном наборе географических и исторических находок, украшая ими некоторые нынешние «постмодернистские» хранилища.

3.43. Грани повседневности: повседневное и неповседневное

Анализ начинается с противопоставления, в котором заложено исходное разграничение. Повседневное — это *привычное, упорядоченное, близкое*. В противоположность повседневному — неповседневное существует как *непривычное, вне обычного порядка, далекое*. Ни одна человеческая культура немислима без противопоставления повседневного и неповседневного.

Человек, по мнению Бернхарда, как «нефиксированное животное» в соответствии со своей природой должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе *привыкания* и *освоения* навыки человека преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, пространственной ориентации жилища, распределения времени и многого другого — всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться.

Обратная сторона *необычного* возникает из того, что все встречающееся нам в опыте никогда не вписывается в привычный мир. На границах хорошо знакомого мира нас подстерегает неизвестное и неожиданное, маня нас и пугая одновременно. Часто неизвестное является, пишет Бернхард, в тонком соединении внезапного и могущественного. В первую очередь это относится к моментам возникновения, преобразования, опасности уничтожения индивидуального и коллективного жизненного порядка, а точнее, к рождению, периоду половой зрелости, к полетам воображения, к болезни и смерти, а также к закладке города, к войнам и революциям, к возникновению Вселенной и природным катастрофам и часто встречающимся сегодня крупным авариям. Важным признаком повседневного является необычность, которая встречается в момент возникновения или при опасности разрушения существующего порядка.

Повседневное — это то, что происходит каждый день, что прорывается сквозь «упорядоченную суматоху» праздников. Праздники в свою очередь обуславливают появление мест их проведения и календарей. Противопоставление повседневного и неповседневного, просранного и сакрального возникает с древнейших времен и лежит в основе мифов и ритуалов. Так называемые «сокровенные уголки» в повседневной жизни ребенка и правила вежливости при встречах и прощаниях у взрослых имеют в основе то же самое противопоставление.

В. Бернхард отмечает, что человек как «нефиксированное» животное существует не только в порядке повседневности, а как бы на пороге между обыденным и необычным, которые соотносятся друг с другом как передний и задний планы, как лицевая и обратная стороны. Повседневность, по его мнению, имеет свой опыт и свою мудрость, свое лицо, свое предвидение, свою повторяемость, но также и свою необычность, свои будни и свои праздники. Поэтому нельзя анализировать повседневную жизнь как особую отдельную сферу и говорить об особой культуре повседневности.

3.5. Этнометодология и символический интеракционизм Г. Гарфинкеля

Основателем данного направления является Гарольд Гарфинкель. По мнению исследователей, он, вероятно, выступает главным творцом в области семантической редукции в социоло-

гии, хотя он сам и не прибегал к подобной терминологии и, напротив, выражал недоверие по отношению к классическим теориям значения. Тем не менее мне кажется, что именно он способствовал выдвиганию в социологии на первый план проблем значения, связанных с анализом языка. Гарфинкель — ученик Шюца и Парсонса, его труды отсылают к аналитической философии, но вписываются и в традицию прагматической философии, которая повлияла на направление, названное впоследствии символическим интеракционизмом. Следуя за такими авторами, как Г. Зиммель и Дж. Г. Мид, символический интеракционизм рассматривает взаимное действие человеческих существ и знаки, которые делают его видимым, в качестве центрального социального феномена. Сквозь данную призму такие сущности, как общество, институты, социальные классы или коллективное сознание не обнаруживают реальности, независимой от социальных взаимодействий. Социальное поведение не определяется структурами или системами — оно находит свое основание в собственном развертывании во времени. С точки зрения символического интеракционизма индивидуальная деятельность возможна только благодаря принадлежности к некоторому сигнификативному сообществу. Следовательно, она является не просто реакцией на окружающую среду, а интерактивным процессом ее конструирования. Поскольку одно и то же значение можно придать одним и тем же знакам, мы можем понять деятельность другого, то есть принять точку зрения другого на то, что происходит, предвидеть его деятельность в будущем и изменять наше собственное поведение в зависимости от поведения другого.

3.51. Радикализованный интеракционизм

Следует отметить, что фактически этнометодология радикализовала интеракционистский способ мышления, рассматривая когнитивные структуры социальной жизни как результат согласованной работы членов общества. Обращая внимание на практическое разумение и методы, посредством которых члены общества поддерживают те или иные виды организованной социальной деятельности, этнометодология пыталась придать другое направление дюркгеймовскому видению общества как порядка, который доминирует над обыденными социальными действиями. Таким образом, в перспективе действия члены общества «открывают, творят и поддерживают» своими действиями стандарты, призванные их действия ориентировать. Точно

так же, общее понимание, согласно Гарфинкелю, — это не пересечение пред существующих когнитивных правил, а скорее, операция, с помощью которой члены общества открывают смысл своих действий. Исходя из этого, этнометодологи полагают возможным прояснить ключевой социологический феномен, который приводит к появлению общества как порядка, структурированного институтами и правилами, при том что в реальности не существует никакой другой социальной структуры, кроме структуры общего действия членов общества. Следовательно, близкое отношение доминирует над всеми другими (хотя кажется иначе), поскольку, как говорит Гарфинкель, социальный факт — это непрерывное свершение.

3.52. Конверсационная программа

Таким образом, прагматический радикализм этнометодологии выделяет общее действие и практическое разумение в качестве единственной точки приложения социологического исследования. Сам Гарфинкель в своих работах много места уделял описанию постоянно возобновляющихся модальностей прагматического завершения социальных взаимодействий. Однако этот образ мышления был связан с риском в итоге прийти к сугубо описательному дискурсу, который привел бы к нескончаемому повторению идеи о радикально прагматическом характере социальной жизни, лишив себя любого средства конструктивного обобщения. Чтобы преодолеть эту проблему, некоторые этнометодологи вынуждены были искать более точные базовые операторы конституирования общества, в основе которых стало бы возможным социологическое обобщение. Именно здесь появляются контуры концептуальной конверсационной программы как попытки выделения порождающих и регулирующих структур повседневных речевых обменов. Конверсационные исследования, вышедшие из работ Сакса и Шеглоффа и продолженные во Франции Бернаром Коненом и Мишелем де Форнелем, стремятся вывести общие положения о приемах, позволяющих собеседникам, например, начать и закончить разговор или же сцеплять реплики с помощью того, что называют смежными парами: «приветствие/приветствие», «вопрос/ответ», «предложение/принятие или отказ». Их исследовательская программа напоминает программу Хомского и генеративной лингвистики, которая стремилась выявить базовые структуры лингвистической компетенции. Точно так же могла бы существовать базовая компетенция в социальном взаимодействии и в разговоре, правила которого подлежат выявлению.

Благодаря этому поиску внутренних правил конверсационного взаимодействия этнометодология разговора сближается с работами Гоффмана, который неоднократно показывал, что материя взаимодействия построена на совокупности правил и нормативных принципов. Идея о том, что взаимодействие управляется неким синтаксисом или грамматикой, то есть сообщаемым корпусом правил, дает нам в случае Гоффмана альтернативу позитивной социологии, занимающейся поиском причинных законов, объясняющих социальные явления. Однако, согласно Гоффману и в противовес этнометодологам, правила взаимодействия находятся на службе у агента, который их использует или манипулирует ими к выгоде самопрезентации. В действительности модель Гоффмана выдвигает на первый план понятия выражения и контроля за производимым впечатлением со стороны социального субъекта. Здесь главная схема — это схема игрока, который, зная правила, уважает их, в то же время пытаясь извлечь из этого выгоду. В самом деле, правила взаимодействия в достаточной мере известны, чтобы каждый мог их использовать как средство выражения или коммуникации просто путем их уважения или нарушения. Гоффмановская модель по формальным признакам весьма близка теории имплицитных намерений, предложенной Грайсом. Но в то время, как подход Грайса в основном нацелен на объяснение того, как слушатель может пользоваться своим знанием социальных правил и, особенно, принципом сотрудничества, чтобы установить намерения агента, Гоффман скорее изучает то, как агент пользуется известными ему правилами для того, чтобы произвести на другого хорошее впечатление.

3.53. Проблемы социологии смысла и ценностей: когнитивные категории

Погружение в интеллектуальный контекст позволит лучше понять принципиальные проблемы, которые обсуждались в рамках новой французской социологии смысла и ценностей. С того момента, как внимание исследователей обратилось уже не к общим или специфическим каузальным механизмам, а к семантическому или прагматическому содержанию социальных встреч, существенной проблемой стала идентификация базовых конституирующих элементов этой «материи взаимодействия» и уточнение возможных отношений между ней и остальным миром, т.е. объектами и, шире, естественными процессами. Тогда исследователи должны были лириком к лицу столкнуться с проблемами,

большей частью принадлежащими к философской, нежели к социологической традиции.

Дискуссия о когнитивных категориях и действиях заняла ключевое место в группе — предшественнице серии «Практический разум», особенно после прочтения этнометодологических текстов и записок позднего Витгенштейна. Отрицание Гарфинкелем любого внешнего регулирования социальных встреч и витгенштейновское понятие языковой игры привели к изучению внутренних форм регулирования социальной встречи. Эти внутренние способы регулирования могли бы быть приписаны психическим структурам субъектов, управляющим их действиями в отношении некоторых целей, что было бы привычной гипотезой методологического индивидуализма. Но для французских этнометодологов этот анализ обладает двумя недостатками. Он сводит социологию социальных встреч к психологии и постулирует существование субъектов, наделенных суверенной властью над собственной практикой, чему, как кажется, противоречит все то, что мы можем знать о феноменологии действия. Для того чтобы производить какое-либо действие, агенту не нужно представлять его в виде определенной категории. С другой стороны, анализ языковых игр подчеркивает зависимость психологических категорий от фраз, которые к ним отсылают. Гораздо легче, например, анализировать лингвистический контекст атрибуции намерения, чем наблюдать это намерение в реальности.

Эта проблема в очень конкретной форме проявилась в анализе разговора. Рассматривать ли приглашение как выражение определенного намерения или как языковой и прагматический процесс, посредством которого собеседники взаимно и последовательно присваивают друг другу места приглашающего и приглашенного? Такая постановка вопроса может быть распространена на всю совокупность речевых актов. Существуют ли какие-то определенные правила речевых актов, известные собеседникам и применяемые ими на практике, когда они обещают, приказывают, просят или спрашивают? Или правила речевых актов являются обобщением, произведенным аналитиком на основе саморегулирующихся процессов социальной координации? Здесь нужно вернуться к спору между Гарфинкелем и Гоффманом о статусе правил взаимодействия: имманентная грамматика или система правил, разделяемая агентами? И все же этнометодологи предпочитают видеть прагматическую рутину там, где более классический подход ищет правила, порождающие наблюдаемое поведение.

Отказ этнометодологов учитывать всякую систему внешнего регулирования действия в чем-то напоминает социологию Пьера Бурдьё, которая также видит в практике систему саморегуляции. Эта система регулируется агентами, которые создают впечатление следования какому-то правилу, но в реальности не следуют никакому. Идея инкорпорированного правила, в контексте которого агенты были и остаются социализированными безо всякой необходимости его формулировать или представлять себе, позволяет в обоих случаях избежать некоторых недостатков конвенционализма. Когда предполагают существование разделяемых правил, приходится искать их источник, и тогда гипотеза о некоей конвенции — это наилучшее объяснение. Но здесь есть другая проблема: для объяснения той или иной конвенции нам в любом случае потребуется предшествующая конвенция, и тогда мы легко рискуем прийти к регрессии до бесконечности. Прагматический подход этнометодологов обходит это препятствие, но ценой воздержания от обобщения и постулата имманентности социальной регуляции, о предельном статусе которой мы остаемся в конечном счете в неведении. Однако прагматическая компетенция членов общества и сама требует помещения в естественную реальность и анализа ее логических составляющих. Когнитивные категории, которые соотносятся с действием, — но также и с отношениями, ролями и социальными качествами — могут быть определены на основе некоторых критериев только потому, что эти категории фиксируют определенную реальность, участниками которой являются сами агенты, когда они реализуют свои социальные отношения. Следовательно, нет необходимости противопоставлять, как это делали этнометодологи, действие и когнитивные категории действия. Напротив, учитывая современные исследования в когнитивных науках, можно задаться вопросом о режимах и способах моментализации когнитивных категорий в действии или, еще шире, в естественной реальности.

3.54 . Этнометодология как направление теоретического анализа

Стимулом для теоретической деятельности Г. Гарфинкеля стали работы А. Шюца, особенно влияние Шюца заметно в ранних статьях основоположника этнометодологии, где последний также рассуждает о природе рациональности в условиях социальности. Главный аргумент его ранней теоретической деятельности основывается на проведении им различия между научной

рациональностью и здравым смыслом (или «естественной установкой»). С его точки зрения, мотивация актера объяснима исходя не из критериев наблюдателя, а из условий действия, определяемых особым образом именно действующим. Гарфинкель настаивает на множественности форм рациональности, ситуативно избираемых актерами.

Предубеждения и представления социального наблюдателя (социолога и т.д.) воспринимаемы последним как не влияющие на результаты исследования, однако оказывают искажающее воздействие на интерпретативные результаты наблюдения.

Социальная жизнь, как жизнь, проживаемая людьми, не должна быть рассмотрена как серия слабых попыток втиснуть ее в стандарты рациональности, определяемые как «научные представления и установки», но совсем наоборот — как серия акций, представлений, применительно к которым нерелевантны никакие имплицитные критерии.

Согласно Гарфинкелю, этнометодология может быть определена как направление теоретического анализа, изучающего активность, которая производит и управляет правилами и установлениями упорядоченной повседневной жизни. Переиначивая и конкретизируя это определение, можно сказать, что предмет этнометодологии — способы объяснения, интерпретации актерами своих и чужих действий.

3.55. Основные постулаты этнометодологии

Этнометодология базируется свой анализ на двух главных утверждениях. Они таковы:

- 1) все объяснения (суждения) — рефлексивны;
- 2) все объяснения (суждения) — индексичны.

Этнометодологическое исследование стремится не придавать индексичным суждениям, объяснениям независимый от конкретной ситуации статус. Индексичность суждений, в терминах этнометодологии, состоит в невозможности адекватного рассмотрения и оценки суждения вне ситуации его артикуляции, в противном случае последнее теряет адекватный смысл и содержание и искажается.

Таковой анализ имеет непосредственный интерес и значение для лингвистики, так как превосходит прежний структуралистский анализ языка, базирующийся на рассмотрении языка как абстрактной и самодостаточной системы знаков, значений и смыслов.

Прежде всего этнометодологи стремятся сделать объяснимость социальных практик способной объяснять самой, но не

стараясь переиначить индексичные выражения на манер тех социальных исследователей, которые объясняют социальный мир, ссылаясь на понятия общего уровня. А также этнометодологи не полагают необходимой границу между повседневной активностью и социологией, считая последнюю одними из видов социальной интерпретативной практики. Таким образом, считает Гарфинкель, и социолог, и деятель — являются равноправными в отношении смыслообразующей активности, членами социального взаимодействия.

Обсуждая тему рациональности, этнометодологи утверждают, что действие будет рационально в том случае, если оно имеет объяснение, таким образом утверждая основной профиль своей теоретической базы, а именно утверждение того, что активность, производящая повседневные смыслы, идентична действиям актеров, делающих эти смыслы понятными. Необходимо иметь в виду различия в нормах рационального действия, а также в оценке истинности убеждений и доказательств (которые можно сформулировать на данном языке, в данной культуре и т.д.). Иными словами, допускается, что иногда в принципе нельзя понять, «что сказал туземец». Однако описанная точка зрения предполагает, что существует некий «*неинтерпретированный опыт*», по отношению к которому могут оцениваться различия в интерпретациях и концептуальных схемах. В идее «свободного от интерпретации» опыта легко распознать идею «теоретически нейтрального наблюдения», всегда служившую мишенью для критики эмпиризма (Д. Дэйвидсон). Соответственно, критика модели «двойной герменевтики» часто строится на демонстрации того, что базовое единство норм рационального действия и истинность большей части высказываемых суждений являются предварительными условиями для возможности общения и, следовательно, для всякой интерпретации.

Если доминирующие подходы рассматривают интеллигибельный характер социального действия как данность, а *verstehen* — как метод исследования социального, то для этнометодологов и первое, и второе составляют собственно *предмет исследования*. Возможность понимания смысла взаимодействия и нормативная упорядоченность социальных ситуаций — это вновь и вновь воспроизводимые «достижения» участников, совместно пытающихся придать регулярный и предсказуемый характер множеству ненаправленных взаимодействий и коммуникаций. Эта совместная деятельность рефлексивного объяснения и основанного на таком объяснении проективного упорядочения взаимо-

действия носит, по выражения Г. Гарсринкеля, «умелый» и в высшей степени специализированный характер. Декларируемая цель этнометодологии — не объяснение или понимание действий людей в разнообразных социальных ситуациях, а детальное «прослеживание» последовательности интеракций (вербальных и невербальных) и выявление тех методов («этнометодов»), которые участники взаимодействия используют для придания смысла, регулярности «правильного» характера всему происходящему. Такое «прослеживание» особенно удобно осуществлять в тех случаях, когда взаимодействие становится проблематичным, коммуникация постоянно нарушается, и — в силу случайных причин либо намеренного вмешательства наблюдателей — «достижение» интеллигибельного и регулярного протекания разговора или совместной деятельности оказывается под угрозой.

3.56. Критика этнометодологии

Критика этнометодологии подчеркивает, что последняя как раз и совершает попытку создания «общей теории контекста», требуя привязки каждого теоретического описания к уникальным и случайным чертам конкретной наблюдаемой ситуации, тогда как и участники, и этнометодологи имеют довольно общее представление о том, чего надлежит «достичь» правильности, объяснимости т.п. (Ср. с критикой абсолютизации понятия «правила» в модели Уинча.) Этнометодолгический императив «полного описания ситуации» демонстрирует несколько наивную веру в возможности действующих, которым в большинстве случаев едва ли удастся достичь тотальной «объяснимости». Большая часть последствий межличностного или межгруппового взаимодействия оказывается непредвиденной и непредсказуемой для его участников. Кроме того, этнометодологи игнорируют возможность существования иных, не связанных со «смыслопорождением» особенностей ситуации и, следовательно, других факторов (скажем, классовых интересов или статусных различий), объясняющих происходящее (Дж. Бохман).

ЧАСТЬ 4

СОЦИОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

4.1. Основные принципы социологии критического реализма

Социология критического реализма была разработана М. Арчер, Р. Бхаскаром и У. Аутвейтом. Эта социологическая концепция претендует на то, чтобы быть своеобразной философией социальных наук, критически переосмысливая объект, предмет, постулирование объяснительных механизмов и попытку продемонстрировать их существование.

4.11 Философская и научная онтология

Рассматривая реализацию этих принципов для социальных наук, важно помнить о различии между философской и научной онтологией. Философская онтология того рода, что обрисована здесь, не говорит нам, каковы именно те структуры, сущности и механизмы, которые составляют мир; это — предмет отдельных наук. Например, в случае социальных наук реалистская метатеория сама по себе не даст нам возможности сделать выбор между концепцией, которая ограничивает себя изучением индивидуальных действий, и концепцией, которая формулирует свои объяснения в терминах более крупных социальных структур.

И тогда нам в первую очередь нужно спросить, какое понимание (account) социальной реальности *исключило* бы реалистскую программу очерченного выше вида? Вообще говоря, реализм окажется неприменим, если: (а) нет нетранзитивных объектов социальной науки, нет объектов, поддающихся реальному определению, и (б) нет ничего, что может быть объяснено в терминах порождающих механизмов.

Сначала рассматривается пункт (а). Нетранзитивность, напомним, означает, по существу, что «вещи наличествуют и действуют независимо от наших описаний», где «наши» относится к человеческим существам вообще. Кажется, совершенно ясно, что этот принцип нуждается в модификации в случае человеческих действий и социальных структур, где понятия (conceptions) действующего не суть нечто внешнее описываемым фактам, но составляют по меньшей мере часть реальности этих фактов. Например, ссора не может быть адекватно описана без ссылки на восприятие участниками их ситуации как ситуации враждеб-

ности. Если они не воспринимают ситуацию таким образом, они просто симулируют ссору. Иными словами, для участников ссоры «концептуально зависима» так, как этого не бывает в случаях столкновения двух астероидов или двух субатомных частиц. Однако эта концептуальная зависимость социальных феноменов не исключает их нетранзитивности.

4.12. Концепция природы общества

Самый убедительный способ такой аргументации — сказать что-нибудь вроде:

1) социальные ситуации не существуют независимо от способа, каким они интерпретируются включенными в них людьми или внешними наблюдателями;

2) такие интерпретации по существу произвольны.

Конечно, этот аргумент в принципе не отличается от радикального конвенционализма применительно к природному миру. Но в объяснении нуждается как раз его явно большая убедительность в качестве описания социального. Для этого избираются три утверждения относительно «общества».

1. Общество ненаблюдаемо.

2. Общество имеет теоретический характер.

3. Любое утверждение относительно общества стоит одно другого.

Первое утверждение, несомненно, должно быть принято. Конечно, мы можем изучать национальное сообщество или группу, наблюдая происходящее, задавая вопросы *etc.*, но тут нет ничего подобного наблюдению общества *как такового*. Границы французского общества не суть государственные границы Франции не только потому, что Франция еще где-то в мире располагает территориями и влиянием, но потому, что «французское общество» — это теоретическое понятие, причем «теоретическое» означает нечто большее, чем только ненаблюдаемое. Это можно лучше всего проиллюстрировать, обратившись к истории термина «общество» и различным способам его применения начиная примерно с XVIII в.

Иными словами, говорить о скоплении людей — в одной или более географических областях, с разнообразными формами материального оснащения *etc.* — как об «обществе» значит вступить в особую языковую игру, в которой разрешаются одни теоретические ходы и не разрешаются другие, и в частности вводится элемент абстракции.

В настоящее время в эмпиризме есть остаточный элемент истинности, состоящий в том, что применение абстрактных или

теоретических терминов должно быть узаконено таким образом, какой не требуется для вокабулярия «низшего уровня». Например, современное понятие общества должно быть втиснуто в часть концептуального пространства, занятого более ранним и несколько более конкретным термином «государство». Существовавшее вначале сопротивление введению этого термина было совершенно очевидно политическим: «общество» считалось как-то связанным с третьим сословием и потенциально угрожающим государству. В наше время эта политическая враждебность к понятию общества в большинстве случаев принимает форму индивидуализма: «индивид и общество». Но этот этический или политический индивидуализм является лишь одним из аспектов подхода, самым острым теоретическим инструментом которого является редукционистский тезис о «методологическом индивидуализме». Высказывается претензия, что болтовня об обществе, или о социальном целом вообще, — всего лишь стенографическая или суммарная запись того, что в конечном счете должно описываться и объясняться в терминах индивидуального действия. Как сформулировал Д. С. Милль, «законы феноменов общества не суть и не могут быть ничем иным, кроме как действиями и страстями человеческих существ, соединенных вместе в общественное состояние».

Авторами ставится вопрос, можем ли мы действительно обойтись без понятия общества. Как мы видели, наиболее предпочитаемой альтернативой является онтология индивидуальных лиц и их действий, и тут социальные структуры суть по отношению к ним просто суммарные, метафорические вторичные описания. Выгода состоит в том, что критерии идентичности людей непроблематически задаются их телами, которые почти всегда явно отличны от других тел. Оказывается, однако, что это продвигает нас не весьма далеко, так как более интересны те человеческие действия, которые предполагают сеть социальных отношений. И если эти социальные отношения являются непременным условием индивидуальных действий, то странно, видимо, было бы мыслить их как нечто сколько-нибудь менее реальное, чем эти действия.

Что правильно, конечно, так это то, что мы точно не знаем, как эти отношения характеризовать, и что наши характеристики окажутся пробными, соотнесенными с частными целями объяснения и т. д. Но это не означает, что какая-то совокупность реальных социальных отношений не является необходимым условием для всех, исключая самые банальные, человеческие действия. Ковырять в носу я могу вполне самостоятель-

но, но я не могу получить по чеку деньги, писать книги или объявлять войну безотносительно к существованию и действиям других людей.

В объяснении же нуждается то, почему в нашем обществе большинство людей примет на веру любое конфиденциально высказанное утверждение, скажем, о структуре ДНК, но скептически отнесется к утверждению о социальной структуре современной Британии, — и почему они правы, поступая так. Сказать, что биохимия — наука «зрелая», а социология — нет, значит очень мало помочь делу. Ссылки на точность измерения тоже бьют несколько мимо цели. Проблема состоит не в том, что мы не можем в общественных науках произвести точные измерения, но в том, что мы не уверены, какой цели они служат, поскольку интересующие объяснительные структуры и даже их объяснения кажутся безнадежно неясными.

Может показаться, что такого рода соображения имеют целью конвенционалистское понимание социальных наук, где все их важные термины окружены паническими кавычками, а все их утверждения предварены имплицитным «все происходит, как если бы». Но это значит слишком сильно уступить скептикам. Имеется ряд феноменов, таких как тенденция социальной позиции родителей оказывать влияние на успехи детей в учебе, феноменов, столь реальных и всеобщих, как и можно было бы разумным образом ожидать, хотя, конечно, нам еще требуется исследовать механизм, их производящий. Тот факт, что процессы интерпретации лежат в основе всех этих терминов, как и наших постулированных объяснений связи между ними, не исключает реалистического истолкования этих теорий. Вместо этого, как я буду доказывать в этой главе ниже, отсюда напрашивается вывод, что общественные науки более тесно связаны с мышлением на основе здравого смысла, чем естественные науки; они не столько сообщают радикально новое знание, сколько дают более адекватные формулировки наших интуиции относительно социальных обстоятельств.

4.13. Нетранзитивные объекты социальной науки

К тому же мы видели, что вопрос о нетранзитивных объектах социальной науки оказывается, по существу, вопросом об объеме и импликациях интерпретации в этой сфере. Вкратце я уже дал доказательство того, что даже если блоки, из которых сложено здание социальных наук, суть блоки «интерпретированные» — в смысле более радикальном и далеко идущем, чем

«интерпретированы» составные части естественно-научных теорий, — и даже если есть все основания, чтобы структуры, постулированные в социальных науках, были чаще всего представлены гипотетическим образом, то это отнюдь не препятствует нам задавать по поводу этих структур вопросы в реалистском роде. Сейчас же я более подробно рассмотрю ту идею, что элементарные структуры общества не просто интерпретированы, но суть *не что иное, как интерпретации*. Но даже если эта радикальная интерпретативистская позиция и могла бы выдержать проверку, отсюда, без дополнительных доказательств, еще не будет следовать, что нет критериев для оценки интерпретаций.

Авторы утверждают, что «реальное основание» действия лучше всего может быть понято как «основание, которое было причинно успешно в производстве этого действия, но реалистский анализ, думаю, не хуже поработает и для рационалиста, определяющего в этом контексте «реальное» как нечто вроде «рационально принуждающего» и, подобно Мартину Холлису, полагающего, что «рациональное действие и есть свое собственное объяснение».

Кроме того, вопросы о приложимости реализма к социальным наукам будут, видимо, по существу, вертеться вокруг первого из поднятых в этой главе вопросов: о существовании нетранзитивных объектов социальной науки.

4.14. Обоснование сути реализма Р. Бхаскар

Бхаскар, при обосновании сути реализма, начинает с вопроса: «Какие свойства обществ могли бы сделать их для нас возможными объектами познания»? Он доказывает, «что общества несводимы к людям», что социальные формы являются необходимым условием любого интенционального акта, что их *предсуществование* основывает их *автономию* как возможных объектов научного исследования и что их *причиняющая сила* (causal power) основывает их реальность. «Это, в свою очередь, влечет за собой «трансформационную модель социальной активности»: общество есть и вездесущее *условие* (материальная причина), и непрерывно воспроизводимый *результат* человеческой деятельности».

«Концепция реализма состоит в том, что люди в своей сознательной деятельности по большей части бессознательно воспроизводят (и попутно преобразуют) структуры, обуславливающие их самостоятельные «производства». Так, люди вступают в брак не для того, чтобы воспроизвести нуклеарную семью, и

работают не для того, чтобы поддержать жизнь капиталистического хозяйства. И тем не менее семья и хозяйство оказывают непреднамеренным последствием (и неизбежным результатом, равно как и необходимым условием) их деятельности.

Это, в свою очередь, влечет за собой реляционную концепцию предмета социальных наук, согласно которой практика действующих людей совершается внутри совокупности структурно и, следовательно, реляционно определенных позиций. Там, где эти отношения суть часть определения соотносимого, как в случае покупатель/продавец, они будут называться внутренними отношениями; там, где они произвольно случайны (например, закупщик/торговый инспектор), — это внешние отношения.

Эта абстрактная модель социальной реальности, которая, разумеется, обнаруживает сильное сходство с другими современными спецификациями отношений между действием и структурой, несомненно, совместима с самой различной степенью структурированности отдельных действий. Не нужен специалист по трудовому праву, чтобы заметить, что договорные обязательства ученого весьма отличаются от обязательств большинства трудящихся. Более интересная и менее определенная область полемики возникает между теми, кто подчеркивает сущностно волонтаристический характер всех человеческих действий, и теми, кто акцентирует определяющее действие структур (constraints) (которое, несомненно, может быть столь же расширительным, сколь и ставящим в узком смысле слова пределы). Например, что касается интерпретации текстов, существуют влиятельные направления, в которых эта книга была бы подвергнута анализу как более или менее автоматически произведенный продукт соединения теоретических и идеологических структур, плюс остаточная категория авторского желания и несколько других материальных условий.

Результатом же этого обсуждения является то, что мы должны более пристально рассмотреть отношения между социальными структурами и теми видами деятельности, которые они регулируют. Рой Бхаскар предлагает три «онтологических ограничения возможного натурализма»:

1) социальные структуры в отличие от природных структур не существуют независимо от видов деятельности, направляемых ими;

2) социальные структуры в отличие от природных структур, не существуют независимо от понимания (conceptions) деятелями того, что они совершают, осуществляя свою деятельность;

3) социальные структуры в отличие от природных структур могут быть лишь относительно устойчивыми (так что тенденции, в основе которых они лежат, не могут быть универсальными в том смысле, в каком универсален пространственно-временной инвариант).

Считается, что достаточно небольших поправок, чтобы сделать первый разграничительный принцип Бхаскара приемлемым для общей концепции реализма. Во-первых, ему должна быть придана контрфактичность, так чтобы он относился и к *возможным* действиям, регулируемым структурой (например, властная структура). Это могут быть негативные возможные действия, скажем, при утрашении, во-вторых, должно быть отмечено, что виды деятельности, которые поддерживают некую структуру, не всегда тождественны тем, которые она регулирует своим функционированием. Структура обмена дарами не существует независимо от самих дарений, но она также предполагает обладание или приобретение потенциальных даров (имеет ли место владение ими или приобретение такого рода).

Второй принцип Бхаскара также нуждается в некотором пояснении, после которого мы вынуждены рассмотреть центральные вопросы в споре между натурализмом и антинатурализмом. Во-первых, нам следовало бы отметить, что деятельность сама по себе требует, чтобы действующие лица имели *некоторое* представление о том, что они совершают; лунатизм есть только маргинальный случай действия.

Сошлемся на проводимое Бхаскаром различие между причинной взаимозависимостью (социальных структур и человеческих представлений о них), с одной стороны, и экзистенциальной нетранзитивностью, «которая представляет собой априорное условие исследования и применяется равным образом как к природной, так и к социальной сфере, — с другой. Оба эти принципа нужны реалистской социальной науке, в противоположность позитивизму, отрицающему взаимозависимость, и герменевтическим теориям, отменяющим нетранзитивность». Герменевтика, однако, права, обращая внимание на преимущественную важность смыслов для социальных наук и то обстоятельство, что смыслы должны быть поняты, а не просто зарегистрированы или измерены. К этому следует добавить практические сложности измерения и эмпирической проверки в социальных науках: фактическую бесполезность проведения экспериментов и невозможность их завершения, а также необратимость большинства социальных процессов etc. Очевидно, что определен-

ные выводы, такие как невозможность предсказаний, которые бы полностью опровергли позитивистски понимаемую концепцию социальной науки, отнюдь не отрицают реалистскую концепцию.

4.15. Соотношение между социальными науками и социальным знанием

Однако за всем этим стоит фундаментальная проблема, вкратце затронутая в начале этой главы, — проблема соотношения между социальными науками и социальным знанием на основе здравого смысла. Эта проблема неоднозначно оценивается в различных теориях относительно социальных и естественных наук, но совершенно очевидно, что социальные науки продолжают быть ближе к мышлению на основе здравого смысла, которое во всяком случае имеет наибольшее распространение и влияние в социальном мире. Имеется в виду то, что у нас есть интуиции относительно структуры почти всех социальных процессов, о которых мы можем захотеть помыслить; эти интуиции могут быть правильными или ложными, но они по меньшей мере пропускают нас к предмету. Авторы считают, что в противоположность этому, в области физической реальности у нас есть интуиции лишь относительно ограниченного круга феноменов — бильярдных шаров, но не частиц, стульев, но не молекулярных структур, людей и животных, но не бактерий и вирусов, и т. д. Грубо говоря, социальные науки начинают с рывка, обходя на старте естественные науки, но вместо того чтобы устремиться вперед в погоне за новым знанием, они движутся по малому кругу и тратят массу времени, снова и снова осматривая стартовые колодки.

4.16. Социальные феномены

Описание социальных феноменов на основе здравого смысла могут и должны быть взяты в качестве исходной точки в социально-научном теоретизировании. *Могут* быть, ибо они обеспечивают начала определений феноменов и таким образом помогают в деятельности (в противном случае ставящей в тупик) по конституированию, или, используя термин Гольдмана, по декодированию объекта, «с учетом того, что природа социальной реальности имеет вид мешанины». *Должны*, ибо, как бы ни были эти описания несовершенны, до той степени, до какой они суть восприятия действующих, включенных в эту ситуацию, они всегда оказывают влияние на саму природу ситуации. Здесь авто-

ры концепции соглашаются в какой-то степени с известным утверждением У.А.Томаса о том, что «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях». До какой степени это верно, будет зависеть, как я уже сказал, от специфических свойств данной социальной ситуации.

Теперь мы видим, что зависимость социальных структур от понятий и деятельности оказывается не столько препятствием, сколько средством социального теоретизирования. Иными словами, мы можем спросить, на что должно походить данное общество, чтобы люди, его составляющие, вели себя так, как они это делают.

Подытоживая эти основные принципы реалистской стратегии в социальных науках, можно отметить следующее. 1. Понятие реального определения является лейтмотивом для практики социального исследования на реалистической основе. 2. В области социальных наук ученый направляет свое внимание к объекту изучения, который уже неким образом определен в повседневной жизни и обыденном языке. Ученый в области социальных наук типичным образом стремится к повторному описанию этого объекта, так, чтобы выявить его сложность, способ, каким он определен своей внутренней и внешней средой как результат множества взаимодействующих тенденций. 3. Концепция объекта исследования решающим образом определяет типы метода, пригодные для его изучения. 4. Этнометодологический анализ разговорной речи не поможет нам понять норму прибыли в капиталистической экономике, а закон стоимости не объяснит, каким образом кому-то удастся без труда окончить телефонный разговор. 5. Исторический анализ может быть или не быть релевантным для изучения особой современной ситуации.

Иными словами, вопрос о том, что нужно для объяснения наблюдаемого социального феномена, всегда получает ответ в зависимости от контекста.

4.17. Ключевые проблемы реализма

В этом переопределении объектов социального исследования всякому выбору методов изучения предшествуют вопросы социальной онтологии. Какого рода объект мы пытаемся описать и объяснить? До какой степени он произведен с помощью интерпретаций со стороны человека и до какой степени структурирован «более глубинными причинами, недоступными человеческому сознанию»? Теперь (как реалистами, так и еще кем-нибудь) могут приводиться доводы по поводу этой вечной полеми-

ки в области социальной онтологии, но эти доводы, по-моему, не являются специфически реалистскими. Иными словами, они имеют отношение скорее к природе человеческих обществ, чем к природе теорий социальной науки.

Ром Харре, выдвигавший доводы в пользу интеракционистской, интерпретативистской социальной психологии, и Рой Бхаскар, защищавший более структуралистский и материалистический подход в социальных науках, могут законным образом истолковывать свои предложения в реалистских терминах. Оба могут сказать, что предлагают для обсуждения пути постижения фундаментальных структур и порождающих механизмов социальной жизни; в чем они расходятся, так это в описаниях конституции социальной реальности и того, как эта реальность может быть познана. Реализм не фиксирует исключительных прав ни за одним из этих подходов. Но он, однако, как раз *дает* общую схему, в рамках которой эти альтернативные социальные онтологии могут рационально сравниваться и обсуждаться, а не отметаться, как в позитивистской и конвенционалистской традициях, в качестве «просто» дефиниционных допущений.

Реалистские философии науки, как мы видели, отказываются от ряда позитивистских допущений относительно научного теоретизирования. Из них наиболее важны, вероятно, различение теории и наблюдения и модель объяснения как охватывающего закона, которые соответственно заменяются идеей сложного переплетения относительно «теоретических» и «следующих из наблюдения» утверждений и идей объяснения как попытки представить порождающие механизмы, которые приводят к появлению *экспланандума*. Следствием последнего принципа будет то, что объяснение не отождествляется с предсказанием, причем последнее, строго говоря, возможно лишь там, где система естественными или экспериментальными средствами отграничена. Для практических целей мы можем в социальной науке забыть о замкнутости, так что любые предсказания, которые мы делаем, необходимо будут пробными и не обеспечат решающих критериев проверки наших теорий.

Если, далее, критерии выбора теории в социальных науках имеют сугубо объяснительный характер, то как нам оценивать объяснения? Напомним, что реалистская модель объяснения включает в себя три основные ступени: постулирование возможного механизма, попытку собрать свидетельства в пользу или против его действительного наличия и элиминацию возможных

альтернатив. Следовательно, объяснительный механизм формируется, если:

1) постулируемый механизм способен объяснить определенные феномены;

2) у нас есть достаточные основания верить в его действительное существование;

3) мы не можем мыслить никаких равносильных альтернатив.

До сих пор все было хорошо, но эта абстрактная модель не помогает нам в социальных науках в такой, например, ситуации, когда от нас требуется выбрать между несколькими альтернативными теориями и связываемыми с ними механизмами, а объект исследования сложен и сверхдетерминирован. Любые указания с необходимостью будут неясными, но я полагаю, что следующие принципы достаточно нетривиальны. Во-первых, нам не надо пугаться теоретической абстракции, так как в рамках этой схемы «следующие из наблюдения» утверждения не имеют никакого особого преимущества. Сущности не должны умножаться без необходимости, но и не должны исключаться только потому, что они ненаблюдаемы. Во-вторых, реалистское акцентирование расслоения реальности должно заставить нас осознать необходимость согласования частных объяснений внутри более широкого контекста. Это не значит, что для объяснения мельчайших социальных событий надо обращаться к социальной тотальности, но это означает, например, что микроэкономические теории должны соединяться с утверждениями об экономических системах и их воспроизводстве и они несостоятельны в той мере, в какой у них такая связь отсутствует. Иными словами (и это может считаться третьим принципом), *априорные* соображения такого рода должны играть некую роль в оценке социальных теорий.

Итак, реалистская стратегия социальных наук должна детальным образом заняться концепциями интерпретации, которые были разработаны в рамках герменевтики и критической теории. Однако в *противоположность* прагматизму реализм настаивает на объективности онтологии. Философская онтология показывает, что должны иметься как нетранзитивные, так и транзитивные объекты науки (вещи, структуры, механизмы и т. д.), а онтологии отдельных наук объясняют нам, в пределах современного знания, каковы эти объекты. Это противоположно логическому эмпиризму и попперовскому критическому рационализму, которые рассматривают реализм как метафизический тезис либо бессмысленный, либо по меньшей мере непосредственно

недоказуемый. Прагматисты, со своей стороны, могут разрешить такого рода реализм по тем же самым (прагматическим) основаниям или же ограничить себя условной и непроблематической поддержкой принятых в настоящее время *научных* принципов онтологии. Наконец, рационализм может включать в себя ограниченное принятие реалистской онтологии, но настаивает на том, чтобы сочетать это со специальной теорией нашего знания о ее объектах.

Различение между сферами реального, актуального и эмпирического образует базис для реалистской критики эмпиристской доктрины «актуальности» каузальных законов (т. е. что они значимы для событий или состояний). Это, как показывает Бхаскар, означает обобщение специального случая закрытых систем и, таким образом, «препятствует постановке вопроса о тех условиях, при которых опыт действительно принципиально значим в науке».

Что касается отношения между наукой и философией, реализм занимает промежуточную позицию между антифилософской философией прагматистов и рационалистским пониманием философии как судьи для науки. Эмпиристские, конвенционалистские и прагматистские философские подходы — все они притязали быть философией для науки, но эмпиризм имел слишком ограничительный характер, а конвенционализм и прагматизм были слишком терпимы, чтобы предлагаемое ими руководство могло быть значительной помощью. Большую часть времени они в основном использовались как контрвооружение против оружия и направленное; одна позиция могла быть использована для нейтрализации ограничительных предписаний другой.

До какой степени все это будет справедливо и для реализма? Я думаю, что в значительной части его вклад негативен, ибо, как я доказывал, это «позиция, естественная для ученых» (если только они не оказываются весьма неуверенными в отношении своих оснований в некой отдельной сфере или же пытаются согласовать свою практику с комплексом сверхтонких философских категорий). Однако эти два условия достаточно хорошо описывают эндемическое состояние социальных наук, которые, таким образом, представляют, по моему мнению, одну из областей науки наряду с другими (другим кандидатом могла бы быть физика микромира), где реалистский подход носит достаточно спорный характер, чтобы поднять ряд интересных фундаментальных вопросов. В следующей главе я

рассмотрю импликацию реалистской метатеории для современных социальных наук.

4.2. Реализм и социальные науки

Ключевая тема реалистского натурализма, которая разрабатывается М. Арчер, Р. Бхаскаром и У. Аутвейтом, — это смысл, придаваемый структурным понятиям в общественных науках. С их точки зрения, в отличие от редукционистских форм позитивистского натурализма, к которым склонен прибегать бихевиоризм, реалистский натурализм подчеркивает расслоение реальности в качестве общего метафизического принципа. В форме, отставляемой здесь, он принимает еще и «герменевтический» принцип: понятия и теории общественных наук должны иметь вещественную, реальную связь с теориями «действителей», действующих субъектов в жизненном мире. Тогда в центре социальной онтологии *должно* стоять оправдываемое здравым смыслом представление о физически различных лицах, способных к независимому действию, — то, что Харре и Секорд иронически называли «антропоморфной моделью человека».

Если чуть больше разработать эту мысль, получится набор аналитических истин, который Стивен Луке называет «тривиальным социальным атомизмом»: «Общество состоит из людей с добавлением правил и ролей. Правилам следуют (или, наоборот, не следуют), и роли исполняют люди. Кроме того, существуют традиции, обычаи, идеологии, системы родства, языки — все это пути, какими люди действуют, думают и говорят». Методологические индивидуалисты, конечно, способны превратить это в нетривиальные редукционистские положения онтологического или объяснительного или того и другого характера.

4.21. Социальные понятия

Социологические понятия, с точки зрения У. Аутвейта, можно плодотворно классифицировать, исходя из видоизмененного различения эмпирического реализма, трансцендентального идеализма и трансцендентального реализма. Эмпиристы либо настаивают на редукционистском анализе понятий типа общества или социальной структуры, либо, по моде эмпирического реализма, толкуют общество на базе биологических или системных аналогий как эмпирически данный, самостоятельно существующий объект. Теории трансцендентального идеализма, отвергая этот тип холизма, восстанавливают понятие общества

как абстрактный принцип общения, социации, реализуемый в действиях и восприятиях индивидов. Наконец, для трансцендентального реализма «общество есть и вездесущее условие (материальная причина) и непрерывно производимый результат человеческой деятельности».

По его мнению, прежде чем более подробно рассмотреть существующие понятия социальной структуры, следует отметить усиливающуюся тенденцию в социальном теоретизировании отождествлять уровень «действия» со свободой, а «структурный», или «системный», уровень — с ограничениями. Противопоставление «действия» «системе», или «структуре», — одно из наиболее распространенных во всей традиции социального теоретизирования.

Совершенно противоположно этому социология социального действия строит понятие социальной системы как производное от социального действия и взаимодействия, социальный мир как создаваемый его членами, которые тем самым обрисованы как активные, целенаправленные, индивидуально и социально творческие существа. Следовательно, проблема этих «двух социологий» находит отзвуки во множестве других социальных тем, например в противостоянии либеральных и анархистских политических теорий, с одной стороны, и фашизма или сталинизма — с другой. Еще важнее то, что эти социологии можно рассматривать как выражение коренного дуализма в отношениях человека к реальности. В одно время мы чувствуем себя свободными, зависимыми и творческими в нашей общественной жизни; в другие моменты ощущаем подавленность от «нашего общественного положения и связанных с ним обязанностей». Или, поменяв знаки, мы, наоборот, можем ужаснуться от чувства нашей экзистенциальной свободы и впасть в сартровскую дурную веру, уютную гарантированность беспроблемной социальной рутины. На этом фоне попытка добиться примирения «двух социологий» на уровне социальной теории и методологии может оказаться неуместной. И все же любая адекватная социальная теория, безусловно, должна быть чувствительной к нашей интуиции в этом.

4.22. Структурация практики

С точки зрения авторов данной концепции, необходимо признать то, что Гидденс называет «дуальностью структуры». «Структуры следует концептуализировать не просто как налагающие ограничения на человеческую деятельность, но как обес-

печивающие ее возможность... В принципе всегда можно изучать структуры на основе их структура ции как ряда воспроизводимых практических обычаев. Исследовать структуриацию практики — значит объяснять, как структуры формируются благодаря действию, и, наоборот, как действие оформляется структурно». Более конкретно, это требует признания, «что понятие действия логически связано с понятием власти, если последнюю истолковать в широком смысле как способность добиваться результатов». Гидденс предлагает анализировать власть, исходя из категории «ресурсов»: «Действующие субъекты черпают ресурсы в производстве взаимодействия, но эти ресурсы выступают как структуры господства. Ресурсы — это средства, с помощью которых используют власть в обычном сложившемся порядке социального действия; но одновременно они суть структурные элементы социальных систем, возобновляемые в ходе социального взаимодействия. Социальные системы складываются как упорядоченные виды практики, воспроизводимые во времени и пространстве, во власти и пространстве; тем самым власть в социальных системах можно трактовать как явление, требующее воспроизводимых отношений автономии и зависимости в социальном взаимодействии».

Очевидно, что здесь налицо по виду обещающая попытка заново переосмыслить в понятиях отношения между действием и структурой в социальной жизни. Принципиальным считается вопрос о том, как могла бы реалистская метатеория опереться на этот и другие теоретические подходы? С точки зрения данного подхода, было бы ошибкой прямо переходить от метатеории к субстантивной, предметной теории, выдавая фальшивую метатеоретическую гарантию для конкретной формы теории. Но в то же время реалистская позиция явно повышает опасность в противопоставлении структуры и деятельности. Настаивая на реалистском толковании теории, можно усилить искушение свети одну к другой.

Сведения деятельности к структуре или деятелей к «носителям» структурных свойств правильно отождествляли с центральной проблемой в переформулировке марксизма Альтюссером, но Джон Урри в ряде текстов предполагал, что, возможно, эта опасность внутренне присуща реалистскому истолкованию марксизма или, в том же отношении, всякой другой социальной теории. В марксизме производство и присвоение прибавочной стоимости толкуется как скрытый механизм, который «создает цены, заработки, доходы, прибыль, ренту и т.п. феноменальные фор-

мы. Однако такая концепция проблематична в двух отношениях. Во-первых, она может приводить к взгляду на такие общества, как на характеризующиеся некоей «выраженной совокупностью» свойств, все аспекты или элементы которой — просто феноменальные формы определенной внутренней сущности или механизма. И, во-вторых, она не дает точного описания тех видов практики, в которые должны включиться индивиды, чтобы с необходимостью породить эти феноменальные формы. Многие аспекты капиталистического общества не являются непосредственным выражением его центрального механизма. Они — результат тех форм социальной практики и борьбы, которыми вынуждены заниматься самостоятельные субъекты».

Нужно отметить, что противоположная тенденция растворять структуры в действии и взаимодействии может показаться более естественным следствием реалистской позиции. Реализм в естественных науках, как отмечают указанные авторы, часто опирался на предполагаемую реальность сущностей, постулированных научными теориями, а не на истинность самих теорий. Теории электрона приходят и уходят, но мы знаем об электронах слишком много и слишком хорошо умеем управлять ими, чтобы сомневаться в их реальности.

4.23. Общество и социальные институты как символы

Согласно теории реализма, общество и институты внутри него не должны восприниматься как независимо существующие реалии, о которых мы порождаем символы. Скорее они сами — символы, которые мы описываем при объяснении определенных проблемных ситуаций. Так, понятие тредюниона или университета следует трактовать как теоретическое понятие, оправдываемое его объяснительной силой, а не как описательное понятие, оправдываемое его соответствием независимой реальности. Считается, формы социального и естественно-научного объяснений одинаковые, но их онтологические предпосылки и метафизические структуры совершенно разные. За символами действительности, которые придуманы в целях объяснения в естественных науках, кроется реальный мир действенных вещей; но за символами, придуманными для объяснения социальных взаимодействий посредством социальных действий, не лежит ничего, кроме самих действующих, их приспособительного поведения и их идей.

По мнению Аутвейта, обсуждение теории действия и методологического индивидуализма может помочь нам прояснить эти

темы. Основные усилия реалистской критики позитивистской и неокантианской метатеории направлены против их тенденции сводить онтологию к гносеологии и обе, в конечном счете, к методологии. Очевидно, что раз мы правильно поняли категории онтологических отношений между действием и структурой согласно линиям, намеченным гиденсовской концепцией «дуальности структуры» и «трансформационной моделью социальной деятельности» Бхаскара, то мы сможем увидеть проблемы редукции в теории действия и методологическом индивидуализме в надлежащем свете, а именно как методологические вопросы о целесообразных уровнях абстракции, осуществляемых в каждом отдельном случае практиками исследовательского процесса. Другими словами, если верно, что система отнесения к категории действия — это «попросту подход, более глубоко и точно проникающий в суть того, каким образом общество существует только в индивидах, находящихся в определенных социальных отношениях», то это не потому, что структуры не реальны и только теория действия имеет законную опору в базисной персоналистской онтологии Стросона, но потому, что для определенных целей это подходящий уровень абстракции, на котором можно работать.

Следовательно, данное онтологическое взаимоотношение между структурой и действием не есть только дело методологии, но эти два измерения — методология и онтология — могут и должны быть аналитически разведены. Методологический индивидуализм следует рассматривать просто как метод, целесообразный в одних контекстах и неуместный в других; путаница возникает, когда индивидуалисты пытаются идти дальше и фундировать свою методологическую программу в эмпирической реалистской онтологии, о чем сигнализируют такие термины, как «базис», «объяснение на твердой фактической основе» и т. п. (Проявлений этой путаницы — идеологическое клеймо, будто всякий, кто возражает методологическому индивидуализму, приговорен к презрению как проводник идей, логически ведущих к созданию концентрационных лагерей.) Содержательные проблемы индивидуализма, противопоставляемого холизму, имеют чрезвычайно широкий разброс и не могут быть затронуты здесь, но важно остановить эту тенденцию смешивать методологию и философию. Аутвейт отмечает, что недавно в своей книге Сюзан Джеймс показала, что методологическое противопоставление индивидуализма холизму нужно освободить от логически непоследовательного философского спора о возможности све-

дения высказывании о социальных структурах к высказываниям об индивидах. Согласно Джеймс, оставить аргументацию на этом уровне — значит пренебречь разнообразием социальных теорий и различными интеллектуальными (объяснительными) интересами, которые они предназначены удовлетворять. «Сосредоточиваясь на идее редукции, традиционный спор пропускает более глубокое и важное разделение: холизм и индивидуализм основаны на соперничающих воззрениях на природу индивидов, каждое из которых дает начало отличительной программе, как объяснять социальный мир. В свете этой интуиции проблему можно увидеть по-новому. Вместо того чтобы заниматься разнообразными критериями сводимости теорий, изучают отношения между собой и сравнительную силу двух родов причинного анализа: с одной стороны, того, который апеллирует к свойствам социальных целостностей, дабы объяснить черты индивидов, а с другой — того, который стремится объяснять характеристики социальных целостностей как результат индивидуальных черт».

Таким образом, утверждает Аутвейт, Джеймс показывает, что спор между холизмом и индивидуализмом — это «спор между равными партнерами», руководимыми разными интересами, с которыми они подходят к данному предмету. Поэтому, даже когда редукционизм, с одной стороны, и идеологическая подозрительность, с другой, исключены из обсуждения, остаются причины для неудовлетворенности «индивидуалистов» объяснениями в категориях социальных целостностей — безразлично, видят ли они их как образования, содержащие незаконную реификацию абстрактных сущностей или просто как неполные объяснения. Холисты, наоборот, остаются неудовлетворенными объяснениями, которые подчеркивают значение автономного выбора, делаемого индивидами, доказывая, что этот выбор причинно мало важен и что истинно важны структурные давления, формирующие действия индивидов, кем бы они ни были.

Надо признать как факт, что структурные понятия вроде «класса» — понятия «теоретические» и открытые для обсуждения. Но из этого не следует ничего особенного для подтверждения их «первичности» в объяснении. Многие из наиболее интересных объяснений в истории и общественных науках, если они вообще возможны, вынуждены принимать холистскую форму в том смысле, что настаивание на индивидуалистской редукции может показаться невыносимо искусственным.

4.24. Общественные науки и множественность методологических подходов

Для реалистской концепции существенно то, что общественные науки требуют множественности методологических подходов не меньше, чем естественные. О достоинствах этих подходов можно судить только по практике наук и по степени, в какой они, на взгляд обществоведов и публики, обогащают наше понимание социального мира. Последняя истина антинатуралистских концепций общественных наук состоит в признании того, что они неизбежно связаны с нашим ненаучным мышлением и действием в человеческом обществе, членами которого мы являемся. Признание этого устанавливает неустрашимые пределы редукционистским сциентистским теориям социального, которые сглаживают различия между социальными и несоциальными системами. Наиболее «социологичные» теории, как считают авторы, всегда сознавали это, но большим достижением последних двух десятилетий было, я думаю, обострение этого сознания благодаря влиянию аналитической философии языка в Англии и герменевтики с Европейского континента. Теперь пришло время, по-моему, строить на этих интуициях в направлениях, которые проложили Хабермас, Бурдье, Гидденс и др. И мне кажется, что реалистская философия науки и умеренный, или критический, натурализм обеспечивают наилучшие метатеоретические координаты для дальнейшего развития.

По мнению Аутвейта, сказать так — не значит утверждать, будто ничему нельзя научиться от социальных теорий, которые радикально антинатуралистичны или отвергают реалистскую метатеорию как ложную или неподходящую. В естественных науках метатеоретическая оснастка конкретной теории действительно будет часто оказываться не имеющей отношения к ее объясняющей способности и главному интересу ее умозаключений, почему исследование этих метатеорий можно без опаски оставить историкам идей. Однако философская метатеория часто имеет существенные последствия. В экономике можно продемонстрировать поддержку позитивистским конвенционализмом со всеми его несомненными приметами неоклассической теории, противопоставляемой классической или марксистской альтернативе. Позитивистские предпосылки были особенно сильны также в психологии, поставляя плохие, с реалистской точки зрения, доводы для опровержения психоаналитической теории. Позитивистское влияние крайне переменчиво: от сильного в политологии и лингвистике до гораздо более слабого в социальной антропологии.

Возможно было бы лучше, как считают Аутвейт и Бхаскар, обойтись без таких реалистских форм теории, как Марксова политекономия, психоанализ Фрейда, лингвистика Хомского и т. д., но важно, чтобы их не отбрасывали без суда на основании философской догмы, особенно такой, которая несколько потускнела в глазах самой философии.

Вышеизложенная дискуссия снова ставит вопрос о взаимоотношениях между философией и общественными науками. Предыдущие главы должны были убедить читателя, что эти взаимоотношения и очень тесны и чрезвычайно разнообразны. Как я подчеркнул вначале, одну из особенностей «нового реализма» составляет необычайно тесная взаимосвязь между философией и социологической проблематикой. Это сочетание философии и социальной теории было воспринято как интересное и своевременное, поскольку оно вышло на сцену после продолжительного периода теоретической (и растущей метатеоретической) неопределенности в социологии и в гораздо меньшей степени в других общественных науках.

Некоторые критики реалистской философии науки обвиняли ее в сходных тоталитарных поползновениях, особенно когда эта философия порождает натуралистические предписания для общественных наук. Однако притязания реализма не в том, чтобы любая конкретная наука в ее теперешнем виде действительно отразила бы объективные структуры природной или социальной реальности, но просто в том, что он осмысленно и прагматически полезно полагает существование таких структур, как *возможных* объектов научного описания. И еще раз: сходство реализма с прагматизмом и его сопротивление более предписывающим, нормативным философским теориям проявляется в отстаивании им положения, что выбирать между альтернативными описаниями — это в основном дело отдельных наук и, в меньшей степени, непрофессиональной публики.

Последнее ограничение важно, так как реализм вовсе не обязан льстиво возводить существующие специальные науки в ранг вещественных социальных и интеллектуальных форм в большей мере, чем конкретные теории и методы внутри этих наук. Следовательно, по мнению авторов концепции, притязания реализма слабее, но нам важно, что онтологические обязательства, будь то со стороны общих гносеологии или специальных научных теорий, неизбежны и должны рассматриваться серьезно. Именно в этом смысле провозглашается, что реализм есть философия для науки, включая общественные науки. Тут есть

неизбывное политическое обязательство перед общим проектом современной науки расширить и очистить наше знание природного и социального мира. Если, как кажется все более вероятным, конечным следствием некоторых элементов этого проекта будет угасание человеческой жизни и вымирание большей части животного мира на нашей планете, то, конечно, сей проект раскроет себя как абсолютная катастрофа. Несмотря на всю свою элитарность и политическую безответственность, на весь свой консерватизм, современная наука, понятая как систематическое исследование и интеллектуальная основа политики, — единственный путь, дающий надежду на понимание развития наших обществ и возможность сохранять влияние на него.

4.3. Социология нового трансцендентального критического реализма (У. Аутвейт)

В основе концепции У. Аутвейта предположение, что социология нашла в конце концов свою метапарадигму, которая скрыто присутствовала во всей теоретической традиции и которая, будучи раскрытой и осознанной, завершает кризисную ситуацию «антипозитивистского перелома», позволяет вконец изнуренной внутренними распрями социологии начать систематическое построение содержательной теории общественного мира. Этой парадигмой является «новый реализм», который, следовательно, и будет контекстом для освещения вопроса о состоянии современной и будущей социологии.

Углом зрения, через который будут рассматриваются эти вопросы, лучше всего определяют заключительные слова его книги «Новая философская концепция социальной жизни»: «Несмотря на всю свою элитарность и политическую безответственность, на весь свой консерватизм, современная наука, понятая как систематическое исследование и интеллектуальная основа политики, — единственный путь, дающий надежду на понимание развития наших обществ и возможность сохранять влияние на него».

Данное положение выражает реалистическую позицию автора в отношении науки, — равно отстоящую от модернистского восхваления науки и от постмодернистского осуждения ее, — позволяет предположить необходимую связь между «реализмом повседневности», точкой зрения «золотой середины» и опреде-

ленным вариантом философского реализма, метатеоретической точкой зрения. Автор во введении прямо говорит об этом: «Моя основная идея носит экуменический характер».

Для того чтобы ответить на вопрос о последствиях такой позиции для современной социальной теории, требуется реконструкция теоретической основы метатеории, которую У. Аутвейт называет «новым реализмом». Данный термин автор выбирает, ссылаясь на концепцию Роя Бхаскара, разработанную в книге «Реалистская теория науки»: «Существуют транзитивные объекты науки, которые созданы людьми для того, чтобы представлять нетранзитивные объекты науки, сущности и структуры действительности». Это — «трансцендентальный реализм», который в известной степени является опосредованием двух главных философских позиций и вместе с тем их отрицанием, в смысле «преодоления» их основных недостатков.

4.31. Постулаты трансцендентального реализма

У. Аутвейт, вновь опираясь на работы Бхаскара, дает характеристику ситуации, сложившейся в теории науки, следующими положениями:

1. Классический эмпиризм: последними предметами научного познания являются элементарные события.

2. Трансцендентальный идеализм: предметами научного познания являются модели, идеальные формы естественного порядка и т.п. Мир природы становится конструкцией человеческого разума, или, в современной интерпретации, инструкцией научного сообщества.

3. Трансцендентальный реализм предметами научного познания считает структуры и механизмы, которые порождают явления; и знание произведено внутри социальной практики науки. Предметы познания не являются ни просто феноменами (эмпиризм), ни конструкциями, которые навязаны явлениями (идеализм), но они есть реальные структуры, которые существуют независимо от наших знаний, от нашего опыта и от условий, обеспечивших к ним доступ».

Автор обосновывает фундаментальное заблуждение двух первых позиций, которое заключается в редукции «...онтологии к эпистемологии, вопросов о бытии к вопросам о нашем познании бытия». Поэтому «...они... сохраняют неявно онтологию «эмпирического мира», и это то, что «...по терминологии Бхаскара, является общим у эмпирического реализма с классическим реализмом и трансцендентальным идеализмом». Особенно важным

является проявление этой общности позиций в «...анализе оснований каузальных суждений: данное в опыте постоянство связей есть необходимое и достаточное условие для классического эмпирического анализа и необходимое, но недостаточное условие для трансцендентального идеализма. Очевидное различие с точкой зрения трансцендентального идеализма заключается в том, что для него условие не является ни необходимым, ни достаточным»». Последнее положение объясняет, в частности, и то, почему «трансцендентальный реализм» оказывается также «новым» реализмом.

Развиваемая У. Аутвейтом на страницах книги концепция в границах «трансцендентального реализма» включает следующие моменты:

1. Идентифицируется и описывается результат. 2. Предлагается гипотетический механизм, который — *если существует — может* этот результат объяснить. 3. Предпринимается попытка показать существование и действие этого механизма: а) позитивно, при помощи экспериментов, попытаться выделить и в некоторых случаях прямо наблюдать механизм; б) негативно, идя путем исключения альтернативных объяснений».

Опираясь на работы Бхаскара, Аутвейт утверждает, что такова действительная практика науки, которая была мистифицирована традиционными направлениями в философии науки (позитивизмом, а также конвенционализмом и прагматизмом, в которые трансформировался первоначальный позитивизм). Он подчеркивает положение Бхаскара о том, что трансцендентальная онтология вынуждается *эмпирической практикой* науки.

Итак, реализм, согласно изложенной точке зрения, это позиция, естественная для ученых, которая противоположна позитивистской «философии науки», которая навязывает науке авторитарные модели научного познания. По мнению Аутвейта, эмпирические, конвенционалистские и прагматические философские подходы — все они притязали быть философией *для* науки, но эмпиризм имел слишком ограничительный характер, а конвенционализм и прагматизм были слишком терпимы, чтобы предлагаемое ими руководство могло быть значительной помощью. В связи с этим в отношении между наукой и философией реализм занимает промежуточную позицию между антифилософской философией прагматистов и рационалистским пониманием философии как судьи науки.

Именно эта позиция «золотой середины», предложенная реализмом как метатеория, создает, по мнению Аутвейта, пер-

спективу интересных теоретических поисков в области социальных наук.

Автор концепции стремится показать преимущества «нового реализма» в области общественных наук, прежде всего социологии. Это доказывается тем, что реализм как философская метатеория является соответствующей философией для социальных наук и, по существу, первой действительной «философией социальных наук». Особое внимание при этом обращается на социологию как предмет метатеоретических интересов реализма. Традиционная философия науки, от позитивизма до неопозитивизма, общественными науками не занималась, считая, что последние таковыми не являются; они лишь прото-науки, лишь то, что наукой еще должно стать, и тогда они, естественно, подчинятся общей модели научного познания, разработанной на основе физики. Традиционная философия науки, по мнению автора, потерпела поражение, не сумев найти конститутивные элементы, составляющие основание научного знания. Предпринимавшиеся ранее попытки подчинить социологию стандартам неопозитивистской модели являются, с его точки зрения, анахронизмом. Трансформация оснований позитивизма на пути ослабления связи между теорией и опытом, предпринятая в конвенционализме и прагматизме, не является, согласно Аутвейту, удовлетворительным решением возникших проблем, ибо ставится под сомнение научная ценность правды, действительности и бытия, в соответствии с чем наука становится бессмысленной деятельностью. Английская аналитическая философия, континентальная герменевтика и марксизм, которые способствовали уничтожающему позитивистский эмпиризм «холистическому повороту» в философии науки, показывают иную, чем безоговорочное принятие трансцендентального идеализма, возможность понимания науки, формируют подход, который не превращает науку в бессмысленную деятельность и одновременно соответствует научной практике. Этим подходом и является трансцендентальный реализм. Специфика этого подхода особенно заметна в общественных науках, прежде всего в социологии, в которой возникла метатеоретическая рефлексия как результат экспансии 60—70-х гг. в социологию философской герменевтики, марксизма и их сочетания в форме «критической теории Франкфуртской школы». В качестве метатеоретической позиции они плодотворны для социологии лишь при условии возможности согласования своих положений с реалистической точкой зрения, что, по мнению

Аутвейта, нетрудно. Автор концепции выполняет эту задачу, показывая, что существенные для герменевтики и критической теории (не говоря уже о марксизме) онтологические решения совпадают с бхаскаровским вариантом реализма. Последний в отношении общественных наук требует принятия следующих положений: «общества несводимы к людям», «социальные формы являются необходимым условием любого интенционального акта», «их *предсуществование* основывает их *автономию* как возможных объектов научного исследования и... их *причиняющая сила* (causal power) основывает их реальность». Это, в свою очередь, влечет за собой трансформационную модель социальной активности: общество есть и вездесущее *условие* (материальная причина), и непрерывно воспроизводимый *результат* человеческой деятельности... Это, в свою очередь, влечет за собой реляционную концепцию предмета социальных наук, согласно которой практика действующих людей совершается внутри совокупности структурно и реляционно определенных позиций.

Антинатурализм герменевтики и критической теории, согласно Аутвейту, — вопрос второстепенный, вытекающий из принятия неопозитивистского видения естественных наук, видения, которое, что сегодня уже доказано, имеет немного общего с их адекватным описанием. После отклонения неопозитивистской точки зрения существование антинатурализма лишается оснований.

Трансцендентальный реализм, принимая результаты критики позитивистского эмпиризма, лучше всего выражает результаты и намерения новейших исследований науки. С точки зрения автора, современные дебаты сосредоточиваются вокруг более слабого утверждения о методологическом единстве науки в том смысле, что методы естественных наук могут быть, в общем, приложены к социальным наукам и что можно предложить такое понимание науки, под которое бы попадали собственные и более или менее специфические методы как естественных, так и социальных наук. Натурализм, в том смысле как его понимает автор, не отрицает, что имеются значительные различия в этих методах, основанные на реальных различиях их предметов и на тех отношениях, в каких находятся к ним науки о них. Здесь утверждение состоит именно в том, что социально-научному знанию может быть осмысленным образом дана реалистическая интерпретация.

4.32. Философия общественных наук

Подлинной философией общественных наук («философией для общественных наук») оказывается, следовательно, «умеренный натурализм» («qualified naturalism»). Это — трансцендентальный реализм с тремя «онтологическими ограничениями возможного натурализма»: 1) социальные структуры в отличие от природных структур не существуют независимо от видов деятельности, которые они регулируют; 2) социальные структуры в отличие от природных структур не существуют независимо от понимания (conceptions) деятелями того, что они совершают, осуществляя свою деятельность; 3) социальные структуры в отличие от природных структур могут быть лишь относительно устойчивыми (так что тенденции, в основе которых они лежат, не могут быть универсальными в том смысле, в каком универсален пространственно-временной инвариант).

Фундирование основных постулатов умеренного натурализма в качестве метатеории общественных наук, исследовательская практика которых в действительности направляется трансцендентальным реализмом, позволяет далее установить то, что, по мнению автора, «...мы имеем дело не с взаимно несоизмеримыми теоретическими парадигмами, но с различием акцентов, с теоретическими, а не метатеоретическими расхождениями в рамках одной широко разделяемой концепции на природу задач общественной теории — концепции, которая субстанциально отлична от позитивистской, имеющей ранее консенсус мнений и в своем основании технически более тонко разработанной, чем позитивистская». Это значит, что «мы являемся свидетелями появления определенной степени согласия с социальной теорией и этот консенсус соответствует реалистической теории науки и концепции умеренного натурализма социальных наук».

Эта концепция образует ядро общественных наук. Она явно видна в них на современном уровне развития, но может быть легко установлена и в классической социологии, в трудах ее основоположников. Аутвейт предпринимает попытку оценить социологическую традицию с точки зрения трансцендентального реализма. Он пишет, что скрытая метатеория Маркса является, по сути, реалистической, метатеория Вебера лучше поддается описанию в терминах конвенционалистских построений, в то время как позиция Дюркгейма оказывается где-то посередине. Результаты его оценки следующие: 1. Метатеоретические преимущества в большой степени предопределяют силу общей те-

ории общества Маркса. 2. Комбинация реализма с эмпиризмом в позиции Дюркгейма является неявной и неопределенной. 3. Вебер сочетает субъективный характер общественных наук или наук о культуре с объективными критериями оценки их результатов, что делает проблематичной объективность концепции «идеальных типов» в силу колебаний между сферой результатов и сферой ценностно определенных интересов. 4. Концепция Парсонса, основывающаяся на недоказанном положении о внутренне аналитическом характере социологии, опирается, в свою очередь, на позитивистское понимание отношения между наукой и ее предметом.

По Аутвейту, новый реализм вовсе не обязан льстиво возводить существующие специальные науки в ранг вещественных социальных и интеллектуальных форм в большей мере, чем конкретные теории и методы внутри этих наук. Притязания реализма слабее, но нам важно, что онтологические обязательства, будь то со стороны общих гносеологии или специальных научных теорий, неизбежны и должны рассматриваться серьезно. Ключевая тема реалистического натурализма — это смысл, придаваемый структурным понятиям в общественных науках. В отличие от редукционистских форм позитивистского натурализма, к которым склонен прибегать бихевиоризм, реалистический натурализм подчеркивает расслоение реальности в качестве общего метафизического принципа. В форме, отстаиваемой здесь, он принимает еще и «герменевтический» принцип: понятия и теории общественных наук должны иметь вещественную, реальную связь с теориями «действователей», действующих субъектов в жизненном мире. Тогда в центре нашей социальной онтологии *должно* стоять оправдываемое здравым смыслом представление о физически различных лицах, способных к независимому действию... и далее, социологические понятия можно плодотворно классифицировать, исходя из видоизмененного различения эмпирического реализма, трансцендентального идеализма и трансцендентального реализма. Эмпиристы либо настаивают на редукционистском анализе понятий типа общества или социальной структуры, либо, по моде эмпирического реализма, толкуют общество на базе биологических или системных аналогий как эмпирически данный, самостоятельно существующий объект. Теории трансцендентального идеализма, отвергая этот тип холизма, восстанавливают понятие общества как абстрактный принцип общения и социализации, реализуемый в действиях и восприятиях индивидов. Наконец, для транс-

ценденального реализма «общество есть и вездесущее *условие* (материальная причина), и непрерывно производимый *результат* человеческой деятельности».

4.33. Действие, система и структура

Первым шагом, который следует сделать для того, чтобы выяснить противопоставление между «действием» и «структурой», или «системой», является признание того, что называется «дуальностью структуры». Структуры всегда можно изучать на основе их структуризации как ряда воспроизводимых практических обычаев. Задача этого — переосмыслить в понятиях отношения между действием и структурой в социальной жизни. Однако, с точки зрения автора, было бы ошибкой прямо переходить от метатеории к субстантивной, предметной теории, выдавая метатеоретическую гарантию для конкретной формы теории. Но в то же время реалистическая позиция явно повышает опасность в противопоставлении структуры и деятельности.

Автор ставит проблемные вопросы о сути социального познания, к примеру, что мы имеем в виду, говоря о таких «сущностях», как протестантская экономическая жизнь, «habitus» Бурдье, бессознательное Фрейда и т. д.? Не следует ли в общественных науках говорить о социетальных символах?.. Общество и институты внутри него не должны восприниматься как независимо существующие реалии, о которых мы порождаем символы. Скорее они сами — символы, которые мы описываем при объяснении и обсуждении определенных проблемных социальных ситуаций. Но дело в том, что направить это обсуждение в русло учения реализма о сущностях значило бы допустить ошибку неуместной конкретности. Ибо человеческие индивидуальности могут и не быть главными определяющими субъектами общественной жизни, но они — единственные действующие, чьи действия не требуют действий других субъектов постоянно. И поэтому надо признать как факт, что структурные понятия вроде «класса» — понятия «теоретические» и открытые для обсуждения. Но из этого не следует ничего особенного для подтверждения их «первичности» в объяснении».

Резюмируем позицию Аутвейта.

1. Основные усилия реалистической критики позитивистской и неокантианской метатеории направлены против их тенденции сводить онтологию к гносеологии и обе, в конечном счете, к методологии.

2. Общественные науки требуют множественности методологических подходов не меньше, чем естественные. О достоин-

ствах этих подходов можно судить только по практике наук и по степени, в какой они обогащают понимание социального мира.

3. Оставляя за каждой теоретической точкой зрения свободу выбора онтологических установок и адекватных им методологических постулатов, утверждается, что *только* реализм как мета-теоретическая позиция создает возможность рациональной дискуссии относительно конкурентных метатеорий, представленных конвенционализмом и прагматизмом.

В целом намерение реалистической теории науки — реконструкция правил эмпирической научной практики. Возникает вопрос, может ли «трансцендентальный реализм» быть оппозицией по отношению к «эмпирическому реализму», присущему как «классическому эмпиризму», так и «трансцендентальному идеализму», то есть двум основным глобальным метатеоретическим ориентациям традиционной философии науки, для которых общей является «редукция онтологии к эпистемологии», вопросов о бытии к вопросам о нашем познании бытия, следствием чего оказывается использование ими «онтологии эмпирического мира»? Ответ на этот вопрос не является простым уже потому, что сам «трансцендентальный реализм», обвиняющий «эмпирический реализм» в применении скрытой, а следовательно, нерелексивной и некритической онтологии, а значит, и использующий догматические предрассудки (и предубеждения) о природе мира, таит внутри себя скрытые, а значит, догматические эпистемологические предпосылки, являющиеся онтологическими предрассудками (предубеждениями): а) о природе науки; б) о ее познавательных возможностях. Можно ли в этом случае говорить, что создана научная теория, которая функционирует как объяснение социального мира?

Сам Аутвейт утверждает, что общественные науки переживают драматические изменения в течение последних двадцати лет, изменения, затронувшие понимание собственной природы общественных наук и их методов. Он даже усиливает это утверждение: «Эта ситуация отражает распространенное среди социологов и представителей других общественных наук ощущение, что общественная теория требует радикального переосмысления. Что в этом случае служит основанием исходной постановки вопроса: «Какие свойства обществ могли бы сделать их для нас возможными объектами познания»? Что нужно уже знать для того, чтобы поставить вопрос в данной форме?

Проблема удвоения эпистемологической зависимости в предлагаемом варианте реализма полностью сохраняет свою силу,

даже если не принимать во внимание сомнение относительно действительных познавательных успехов общественных наук, то есть принять положение автора, что «драматические изменения», требующие «радикального переосмысления» общественной теории, уже подошли к завершению; уже «мы являемся свидетелями появления определенной степени согласия в социальной теории», которое «соответствует реалистической теории науки и концепции умеренного натурализма».

4.34. Особенности метатеоретической позиции нового реализма

Отсутствие восприимчивости «трансцендентального реализма» к скрытой «двойной» (или «удвоенной») «эпистемологичности» является, возможно, наиболее опасным именно в «философии общественных наук», поскольку не позволяет заметить теоретические ловушки, поставленные страхом перед эпистемологией, который заставляет видеть только «голую онтологию». Удвоение эпистемологической зависимости отчетливо дает о себе знать в приведенном рассмотрении «эволюции социологической традиции» с точки зрения «умеренно натуралистической концепции общественных наук». Аутвейт доказывает, что разногласие с трансцендентальным реализмом в социологических теориях влечет теоретическую непоследовательность; пустые места, возникающие вследствие непоследовательного метатеоретического реализма, имплицитно заполняются эмпиризмом, который как метатеоретическая позиция является самодеструктивным.

В предложенном варианте реализма причиной кризиса методологии социальных наук является отказ от поиска адекватных познавательных средств, могущих создать возможность решения познавательных проблем. Конвенционализм, эмпиризм и «эпистемологизированная» социальная философия не в силах разрешить данный кризис. Реалисты в социальных науках полагают, что познание такого объекта социального познания, как поведение людей в группах, нацелено на «эксплицирование реляционного качества», «в коем индивид пребывает соотносительно с коллективами, членом которых он является». Рассуждения об этом с точки зрения социальной эпистемологии и эмпирической социологии ведет с неизбежностью либо к этногенетической социальной психологии, либо к спекулятивной социологии.

Реалистическое понимание объяснения предполагает постулирование объяснительных механизмов и попытку продемонст-

рировать их существование. Анализ показывает, что «новому реализму» предстоит еще проделать большую работу. Главная задача, стоящая перед ним, заключается в том, чтобы выработать последовательную метатеоретическую позицию, связывающую три основных аспекта теоретизирования — онтологию, гносеологию и методологию. Представленный в концепции У. Аутвейта «новый реализм» пока не решает этой задачи. Он содержит в себе все неразрешимые проблемы старой эпистемологической перспективы, навязанной новой философии и современной науке дуалистической картезианской метафизикой. Созданная созерцательной эпистемологией научная рациональность является формой, недостаточной для общественных наук, и особенно для социологии. Все четче указывают на это появляющиеся «альтернативные» теории рациональности (прежде всего «критическая теория»), но они еще слишком слабы и зависимы от созерцательной концепции познания, чтобы стать действительно плодотворной альтернативой.

ЧАСТЬ 5

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНО-СИСТЕМНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В главе рассматриваются идеи структурной лингвистики, структурного функционализма и функционального анализа в современной западной социологии.

5.1. Структурная лингвистика

Системно-структурные идеи в социологии связаны с проблематикой упорядоченности и организованности, которая расширяет понятия о связях и их типологии, и создает предпосылки для перехода к понятию системы как центральному в данной ориентации исследования, с различными методологическими акцентами. Основоположниками этой концепции считаются Ф. де Соссюр, А. Р. Радклифф-Браун, Ж. Лакан и К. Леви-Стросс. Принципы данной концепции основываются на следующих допущениях.

Во-первых, когда предметом изучения являются системы, строение, структура и организация которых явно определены и ясно отграничены от среды и акцент в исследованиях делается на проблеме целостности, — поиск специфических механизмов связей целостности.

Во-вторых, когда систему еще предстоит конституировать из имеющегося фактического и эмпирического материала, то акцент делается на связанности, то есть системности и структуре объекта, — на основе постулирования и последующего исследования определенной системной совокупности связей. При этом данные грани достаточно относительно и условны, так как целостность немыслима без связей, а наличие связанности создает ту или иную (большую или меньшую) степень целостности. Именно на этом основании анализ структурной перспективы становится социологической традицией и получает название структурализма, в котором понятие «структура» является центральным.

5.11. Основные особенности лингвистического структурализма

Основной особенностью лингвистического структурализма является то, что он рассматривает объект исследования как связанное и интегрированное целое, между элементами которого

внутренние взаимодействия особенно устойчивы. Указанное понятие служит для обозначения вопросов о составляющих объекта (в противовес вопросам о его функциях) и позволяет представить сложность его в расчлененном виде. Функциональность компонентов в этой ситуации выступает лишь в качестве исходной предпосылки. Именно это позволяет лингвистическому структурализму, во-первых, выдвигать задачу типологического анализа структур. Таким образом, вопросы о структуре могут задаваться столькими способами, сколько существует видов составных частей объекта. Можно говорить, в частности, что общества состоят из институтов, социальных групп, классов, ролей, норм, санкций, символов и т. п. Во-вторых, многообразие и разнотипность структур открывает возможность комплексного, междисциплинарного подхода к предмету изучения.

Метаморфозы и потрясения человеческого сознания, гуманистический кризис человеческого бытия, вызванные глобальными кризисами человечества, ужасами мировых и гражданских войн, бесчеловечностью тоталитарных режимов, породили особый интерес к вопросу о ценности и смысле бытия. Именно этим во многом объясняется популярность философии экзистенциализма, которая пыталась дать на него ответ. Однако в теоретической сфере для экзистенциализма был характерен крайний субъективизм. В виде реакции на него стали формироваться семиотические, структуралистские и кибернетические концепции, претендующие на поиск объективных (нейтральных) критериев интерпретации социальной природы человека и социальности. Они были ориентированы на создание технических правил и моделей интерпретации в гуманитарных науках, особенно в этнографии и лингвистике: моделирующее прочтение текстов с формализованными приемами и инструментами эвристики, моделирования искусственного интеллекта и математической логики. В частности, лингвистический структурализм стремился разрабатывать различные специально-научные аспекты изучения языка в составе семиотических систем: язык рядоположен другим семиотическим системам.

Семиотический подход ориентирует на изучение языка как знаковой системы. Семиотическая концепция Ч. С. Пирса (провозвестника американского прагматизма и семиотики) основывается на том, что объективное существование воспринимаемой людьми действительности есть лишь гипотеза, необходимая для современной науки. Последняя является одним из способов достижения веры, столь нужной человеку для душевного

покою. И если все существующее есть лишь элементы опыта, а восприятия и понятия есть знаки, то все существующее оказывается знаками. При этом основным свойством знака является свойство вызывать мысль у человека. С этой стороны все воспринимаемое человеком оказывается знаками. Пирс впервые высказал мысль, что значение знака сводится к определению привычек, которые он производит.

Развивая науку о знаках, американский семиолог Ч. Моррис свел мышление к оперированию языковыми знаками и вообще информационно-знаковыми системами. Всеобщей наукой о знаках он объявил семиотику, основные проблемы которой изложил в 1938 г. в книге «Основы теории знаков» а затем в 1946 г. — «Знаки, язык и поведение». Семиотика, как общая теория знаковых систем, синтезировала различные подходы и соответствующие методы: психологический (язык как орудие мышления), логический (язык как система значений и логических связей), лингвистический (язык как знаковая система), социологический (язык как средство общения).

5.12. Ветви лингвистического структурализма

Англосаксонская версия структурализма в период между первой и второй мировыми войнами разрабатывалась в рамках английской социальной антропологии А. Р. Радклифф-Брауном (1881—1955). Опираясь на системные идеи Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, он осуществил дальнейшую разработку и распространение понятий «система», «структура», «функция» на общество и культуру. Британские антропологи изучали в основном «простые», «племенные», дописьменные общества. Однако их методики полевых исследований при анализе примитивных сообществ вошли в арсенал английской социологии при изучении локальных общностей (сельские и городские общины, производственные группы и т. п.). А.Р. Радклифф-Браун был по существу инициатором применения к племенным обществам идеи системного подхода при анализе и интерпретации социальных процессов. Он рассматривал структуру как некое целое, далее неделимое — структура родства, организация ритуала, политическая структура и т. п. Поэтому различия между обществами мыслились им как структурные. Задачей социальной антропологии Радклифф-Браун считал установление действительной таксономии функционирующих социальных систем. При этом подразумевалось, что структура обладает вполне ощутимыми эмпирическими характеристиками системы.

Французская ветвь структурализма получила развитие в 60-х гг. в работах К. Леви-Стросса, М. Лакана, М. Фуко и др., которые стремились реализовать принцип «социологизма» Э. Дюркгейма и его последователя М. Мосса [101]. К. Леви-Стросс в рамках этнологии исследовал системы родства и семейно-брачных отношений, племенные организации у первобытных народов, а также обряды, тотемизм, мифы, способы мышления и т. п. Он искал за ними скрытые фундаментальные структуры, которые определяют отдельные элементы систем и их варианты. Данные структуры усматривались им во всеобщих бессознательных формах деятельности интеллекта, а также в лингвистических (знаковых) структурах. Эти два момента (бессознательные логические и знаковые структуры) находились в центре внимания в структуралистских исследованиях.

Так, в частности, М. Лакан исследовал в этом плане развитие индивида, соединяя методы психоанализа и структурной лингвистики. М. Фуко разработал концепцию культуры, основываясь на различии бессознательных схем и «практике речи» в разных культурно-исторических эпохах. Он отрицал наличие единого исторического процесса и рассматривал каждую эпоху автономно. Однако в их основе Фуко усматривал единые интеллектуальные структуры. Социально-экономические процессы определялись им лингвистическими системами, соответственно, речь должна быть главным объектом исследований.

Лингвистический структурализм развивался неоднородно, но для различных его течений можно выделить общие принципы.

1. Приоритетность отношений в системе (а не элементов). Структура отношений не зависит от спецификации элементов, а скорее, определяет их.

2. Структура есть инвариантная характеристика системных отношений, которая воплощается в ряде конкретных вариантов на основе универсального изоморфизма — универсального кода структур, который позволяет в определенных условиях превращать их друг в друга средствами соответствующих правил перевода. Отсюда вытекает предположение о возможности создания общей теории социальных наук.

3. Принципиальный отказ от эмпирических методов исследований и стремление путем лишь усовершенствования формально аналитических методов и процедур решать исследовательские проблемы.

4. Доминантная приоритетность синхронического (описательного) изучения объекта над диахроническим (историческим) на

основе отрицания единого исторического процесса. При этом человек (субъект) рассматривался как отдельный элемент, который всецело обуславливается безличной (объективной) структурой. В предельных случаях проблема человека вообще устранялась. Заметим, что необходимо различать структурализм как лингвистическую теорию и структурализм как метод исследования в социальных науках вообще и в социологии в частности. В первом случае лингвистический структурализм чрезвычайно продуктивен и выдвинул много новых оригинальных идей и методов. Он, как говорится, вполне имеет право на существование в палитре различных методологических концепций теоретической лингвистики. Во втором случае претензии лингвистического структурализма быть единой методологией философии, логики и социологии не вполне состоятельны. Очевидно, что методы и методики лингвистического структурализма вполне плодотворно работают при изучении социальных феноменов, но, очевидно, они не перекрывают всей многоцветности палитры социальных отношений.

5.2. Функционализм (общие положения)

Обсуждая понятие «интерпретации», нужно отметить особую роль объяснения в социологии. Описание рационального действия обычно неизбежно содержит ссылку на цели, определяемые «с точки зрения действующего лица». Модели объяснения, используемые в науке, также нередко отсылают нас к понятию цели, хотя здесь цель не обязательно является «осознаваемой целью» какого-то конкретного индивидуального агента. В социологии также иногда используются «целевые» объяснения, не подпадающие под схемы интенционального, субъективно мотивированного действия отдельной личности. Такие объяснения и называют функциональными.

5.2.1. Функциональные объяснения

Функциональные объяснения часто относятся к воспроизводству обществ, культур или социальных институтов. Однако можно найти и другие примеры функциональных объяснений, относящиеся к процессам, которые происходят на микросоциальном и даже индивидуальном уровне. Таковы, в частности, психоаналитические объяснения, опирающиеся на конвенцию бессознательных мотивов.

Функциональные объяснения в социологии, таким образом, могут рассматриваться как один из типов телеологических объяснений, в которых некие события или действия становятся понятны посредством соотнесения с их последствиями, ожидаемыми в будущем. В современной социологии под функционализмом обычно (но не обязательно) понимают структурный функционализм, изучающий функциональные возможности социальных структур, и, наоборот, структурную реализацию определенных функций социальной системы. Исторически, однако, исследовательская программа функционализма восходит к организации и так называемой «биологической метафоре» общества.

Интеллектуальные корни функционализма можно обнаружить во взглядах «отцов-основателей» социологии: Конта (организмизм в трактовке общества), Спенсера (различение структуры и функции; закон прогрессирующей дифференциации; избирательное выживание как механизм отбора), Дюркгейма (проблема социальной интеграции).

Помимо классического, выделяют другие типы функционализма (М. Абрамсон):

— индивидуалистский функционализм, характерный для традиционной культурной антропологии и ориентированный на анализ того, как социальные институты и культуры удовлетворяют потребности индивидуального деятеля (Б. Малиновский);

— межличностный (точнее — внутригрупповой) функционализм, также характерный для ранней культурной антропологии (А. Радклифф-Браун), стремившейся продемонстрировать функциональность тех обычаев и установлений, которые могли восприниматься как примитивные или пережиточные с некой «евроцентристской» точки зрения (акцент здесь делался на функциональность культурных ресурсов, систем родства и т.п. для выживания и интеграции группы);

— наконец, говорят о социетальном функционализме (П. Штомпка), относя к нему и современных классиков структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон), и системных теоретиков.

Классический функционализм нередко критиковался за излишнюю «мягкость» критериев нормативной оценки научного объяснения, в частности за приверженность «незаконной» телеологии, объясняющей существование неких институтов, культурных практик или структурных ограничений надличными целями общества или группы без указания на то, с помощью каких каузальных механизмов социетальные цели становятся

актуальными причинами событий (структур, институтов и т.п.). Другая трудность, стоящая перед функционалистскими объяснениями — тавтологический характер определения системного целого и составляющих его структурных частей: целое определяется через части, которые, в свою очередь, не получают независимого от целого определения.

Примером классического функционалистского объяснения в социологии может служить теория социальной стратификации К. Дэвиса и У. Мура (1945), в которой неравенство профессионального престижа и власти рассматривается в качестве «бессознательно используемого устройства», с помощью которого общество рекрутирует индивидов для заполнения социальных позиций, требующих различных способностей и обучения. При этом предполагается, что высокий престиж и оплата — это своеобразная компенсация за выполнение нужных обществу, но обременительных и неприятных с точки зрения личности обязанностей. Хотя эта теория и отражает некоторые «народные» (не обязательно ошибочные) представления о справедливом вознаграждении профессиональных успехов, остается неясным, каким образом общество воспроизводит столь идеальное соответствие статусной структуры и структуры возможностей. Кроме того, довольно трудно обнаружить эмпирические примеры существования обществ, где власть, престиж и деньги распределены в полном согласии с функциональной полезностью социальной позиции для общества в целом.

5.22. Метатеоретические гипотезы

Р.Мертон подверг критике каноническую версию функционализма, рассматривавшую общество как целерациональную саморегулирующуюся систему, показав трудности, к которым ведет принятие этой модели объяснения («Явные и латентные функции», 1939). Кроме того, он попытался обосновать новую, радикально пересмотренную модель («парадигму») структурно-функционального *объяснения*. В центре осуществленного Мертоном критического пересмотра оказались три постулата («метатеоретических» гипотезы):

1. Постулат функционального единства общества. По мнению Мертона, нельзя принимать в качестве аксиоматического допущение о высокой степени интеграции социальной системы. Во-первых, реальные общества попросту не могут рассматриваться в качестве идеально интегрированных и слаженно функционирующих систем; во-вторых, вопрос о степени, а также фор-

мах и механизмах интеграции следует изучать сугубо эмпирически. Постулат функционального единства можно сохранить лишь в качестве метода изучения непреднамеренных последствий человеческого поведения, и все реальные результаты функционального анализа в культурной антропологии и социологии связаны как раз с изучением того, каким образом устойчиво воспроизводятся культурные и социальные практики, в которых обнаруживается «непредустановленная гармония» между целями конкретного деятеля, последствиями его действий и объективными потребностями выживания социальной системы. Именно здесь Мертон вводит различие явных и латентных функций, открывающее возможность перехода от акционистской к структурной перспективе. При более строгом подходе явная функция — объективный результат поступка, намеренно запланированный и признаваемый в качестве такового действующим, — полностью описывается рассмотренной выше моделью целерационального действия. Иными словами, явные функции ничем не отличаются от мотивов и целей и, следовательно, не требуют введения в социологию *сильных* версий функционального объяснения, подобных тем, которые используются в биологии. Сильное функционалистское объяснение в социальных науках применимо прежде всего к латентным функциям — непризнанным и непреднамеренным последствиям деятельности.

2. Универсальный функционализм — еще одна мишень мертоновской критики. Под этим подразумевается характерная для ранних версий функционализма тенденция рассматривать любое подразделение социальной системы, любую культурную практику как «полезные» для системы в целом. Как и в случае постулата функционального единства, Мертон отвергает «онтологическое» понимание универсального функционализма, сводя статус последнего к своего рода эвристическому приему, позволяющему оценивать «чистый баланс» функциональных и дисфункциональных последствий действия.

3. Наконец, Мертон подверг анализу третий неявный постулат радикального функционализма — постулат необходимости. В самом общем виде последний сводится к утверждению о том, что любой конкретный социальный институт, обычай и т.п. не обходим для удовлетворения существенной потребности системы. Это утверждение содержит в себе два взаимосвязанных предположения: а) о существовании базисных потребностей (функционального реквизита) социальных систем, т.е. условий «выживания» и сохранения социального порядка; б) о незаме-

нимости определенных структур в качестве такого реквизита. Как и Т. Парсонс, Мертон склонен согласиться с первым из этих предположений, но полагает, что задача установления функционального реквизита разрешима путем эмпирического исследования, а не чистого умозрения (как в случае ларсонсовской системы универсальных реквизитов). Второе из предположений Мертон решительно отвергает, предлагая взамен постулат множественности структурных альтернатив, реализующих некую функцию. В обобщенном виде логическая схема сильного функционалистского объяснения выглядит следующим образом:

1. Y — результат действия X.
2. Y благоприятно для Z.
3. Z не является целью действий, производящих X.
4. Причинная связь между X и Y либо само существование Y не «признаны агентами, участвующими в Z.
5. Y поддерживает существование X посредством «петли обратной связи», проходящей через Z.

Примером функционалистского объяснения, полностью соответствующего описанной схеме, может служить мертоновское объяснение функций политического рэкета («боссизма») в американской теневой политике: «боссизм» (Y) не является целью разделения властей и децентрализации политической системы в Америке (X), однако на локальном уровне позволяет добиться эффективной интеграции «разбросанных сегментов власти» и, следовательно, позволяет решать частные проблемы конкретных меньшинств (Z); противоречия в интересах названных локальных меньшинств создают заинтересованность в множественности агентов власти, то есть существует «петля» обратного влияния политического рэкета на сохранение децентрализованного характера политической системы.

5.23. Нормативный и логический функционализм

Для теории социального действия Т. Парсонса, впервые сформулированной во второй половине 1930-х гг. и — ввиду своего ключевого положения в ларсонсовской теоретической системе — подвергавшейся позднее многократным уточнениям и дополнениям, ключевыми являются две характеристики:

1. Нормативный рационализм, то есть стремление построить модель объяснения действия, которая бы рассматривала желания и убеждения действующего в качестве реальных причин действия (подобно ранее обсуждавшимся натуралистским моделям рационального действия). Однако при этом, в отличие

от утилитаристских теории максимизации полезности, предполагаемая модель должна накладывать социально нормативные ограничения на выбор наилучшего способа действия, позволяя, таким образом, гарантировать выполнение минимальных условий существования социального порядка.

2. Логический функционализм — рассмотрение целей индивидуальных (или институциональных) агентов социального действия в качестве логически необходимых условий существования определенных средств действия (или, соответственно, функций отдельных подсистем социального действия).

Здесь и далее нам потребуется определенная степень упрощения, неизбежная и полезная при анализе теоретических представлений Парсонса, заслуженно славящихся запутанностью в сочетании с тяжеловесным стилем изложения. В первом приближении, под логическим функционализмом здесь понимается то обстоятельство, что исключительная важность целей в объяснении человеческого действия (в отличие от физических событий) в принципе может быть выведена не из «дурной телеологии», а из самого определения социального действия: цель мотивированного поступка по определению оправдывает средства. Эту же идею еще проще сформулировал один из критиков Парсонса: «Когда вы что-нибудь делаете, вы пытаетесь нечто сделать».

Определив «функцию» как логическое отношение способа действия к цели, Парсонс оказывается перед лицом необходимости указать на источник самой цели. На каждом уровне анализа таким источником оказываются потребности системы более высокого уровня (то есть цели конфетной подсистемы всегда имеют «высшее» происхождение, гетерономны ей). Возникающую здесь очевидную угрозу асимптотического ухода иерархии целей в бесконечность все более глобальных систем Парсонс устраняет посредством своеобразного концептуального «замыкания»: постулируется, что окружением общей системы действия (т.е. более общей системой, по отношению к которой система действия может рассматриваться как подсистема), является конечная реальность «положения человека», в которой укоренены и явно метафизические «предельные ценности». Существование этих предельных ценностей не только смягчает остроту стоящей перед логическим функционализмом проблемы бесконечного ряда системных целей, но и становится решающим аргументом против отвергнутых Парсонсом «утилитаристских и позитивистских» моделей объяснения рационального действия, в которых, по его

мнению, переоценивается мотивирующая роль материальных интересов и физического окружения действия. (Поэтому ведущий теоретик неофункционализма Дж. Александер определил систему Парсонса как «нормативный идеализм», а Р. Бирстедт проциклично-обрамил, что почти весь круг ключевых для Парсонса тем очерчен уже в статье «Место предельных ценностей в социологической теории», опубликованной еще в 1935 г.)

5.24. Функциональная модель действия

Система координат действия, по Парсонсу, включает в себя и субъективные «резоны» действующего, и нормы, существование которых ограничивает волюнтаризм выбора целей. В «Структуре социального действия» (1937) дана схема единичного акта, суммирующая необходимые условия объяснения социального действия. Единичный акт включает в себя следующие компоненты: агента, или действующего; цель, или «предполагаемое будущее положение дел», поскольку оно релевантно системе координат действия; «ситуацию действия», включающую в себя: 1) «средства», то есть те элементы ситуации, которые действующий может контролировать, и 2) «условия», находящиеся вне его контроля; «нормативную ориентацию», ограничивающую выбор целей и средств, соответствующих данной ситуации.

Описанная модель, как полагает Парсонс, позволяет, во-первых, ввести в объяснение действия «точку зрения действующего», так как последний самопроизвольно выбирает цели и средства. Во-вторых, появляется теоретическая возможность нормативной координации действий тех индивидуальных агентов, которые включены в коллективное действие и, следовательно, открывается перспектива решения одной из центральных социологических проблем — *проблемы порядка*, тогда как утилитаристские и бихевиористские модели действия (из-за присущих им, по мнению Парсонса, атомизма и индивидуализма) вынуждены в той или иной форме вводить в теории социального порядка факторы внешнего принуждения (то есть, в конечном счете, факторы «силы и обмана»).

Критики Парсонса неизменно подчеркивают то обстоятельство, что волюнтаризм Парсонса является скорее номинальным и на деле оказывается своеобразной версией нормативного детерминизма (особенно в более поздних работах): из трех основных подсистем общей системы действия (личностная система — социальная система — культурная система) наименьшей концептуальной проработке подвергается личностная подсистема,

личность оказывается своего рода фиксированной иерархией предпочтений, «потребностей-диспозиций». Высший же уровень контроля реализует культурная система, представляющая собой не столько отдельную систему действия, сколько «третий мир» ценностей и норм, обеспечивающий, в конечном счете, и интернализацию деятелем нормативных давлений культуры (на уровне личностной системы), и институционализацию образцов (паттернов) взаимодействия в социальной системе.

Решает ли подход Парсонса проблему интерпретации, с которой столкнулась гемпелевская модель рационального действия? Процесс выбора целей в первой из названных моделей явно приобретает менее случайный и неопределенный характер, чем во второй, однако сомнительной становится сама возможность «выбора». Атомизм и индивидуализм натуралистской модели преодолеваются в модели Парсонса ценой столкновения с не менее болезненными проблемами, возникающими при описании поведения людей как конформистского «следования правилам» (об этих проблемах мы будем говорить подробнее при обсуждении интерпретативного подхода).

В сущности, модель, предложенная Парсонсом, как и модель Гемпеля, не дает никаких гарантий соответствия между научным описанием действия, данным социологом, и семантическим описанием с точки зрения действующего. Здесь также остается неразрешенной проблема объективного критерия приписывания интенциональных состояний либо нормы рациональности остаются необязательными с точки зрения «внутренней перспективы» действующего, либо они могут быть сведены к прямому причинному воздействию господствующей нормативной системы и, следовательно, понятие «рационального выбора» утрачивает всякое самостоятельное значение.

5.3. Макросоциологическая перспектива П. Блау

Одной из самых радикальных структуралистских концепций в социологии можно считать структурную теорию П.М. Блау, входящую к некоторым идеям Дюркгейма и Зиммеля. Макросоциологическая перспектива у Блау первоначально возникает в рамках разрабатывавшейся им теории обмена («Обмен и власть в социальной жизни», 1964), где Блау демонстрирует влияние структурных ограничений и неопределенности возможных прибылей/издержек на выбор в элементарной модели обмена. Ос-

новой для возникновения связей между людьми является «социальная аттракция» — стремление взаимодействовать с другим человеком либо в силу его собственной привлекательности, либо в силу возможности получить внешние вознаграждения (универсальными эквивалентами внешнего «подкрепления» в процессе обмена, по Блау, могут быть *деньги, услуги, уважение, уступки*). При невозможности предложить сколько-нибудь эквивалентный обмен «аттрактивной» персоне, действующий может либо отказаться от взаимодействия, либо предоставить другому «обобщенный кредит власти», которым тот волен воспользоваться позднее, потребовав от «должника» подчинения. Так неравенство индивидуальных ресурсов при элементарном обмене ведет к возникновению неравенства и власти. Неравенство и власть в межличностных отношениях предопределяют возникновение социальной структуры, а также сил социального изменения. Блау описывает этот процесс как цепочку, состоящую из трех звеньев:

- 1) межличностное взаимодействие ведет к возникновению различий статуса и власти;
- 2) дифференциация статуса и власти ведет к социальной организации и ее легитимации;
- 3) легитимация и организация усугубляют неравенство, создавая условия для оппозиции и социального изменения.

Социальная структура, однажды возникнув в процессе микросоциального взаимодействия, становится относительно автономным окружением последующих взаимодействий и накладывает на них определенные ограничения, разрушение которых может стать лишь результатом успешно организованной оппозиции. Сходным образом Блау описывает возникновение более сложных сетей межгруппового обмена, зарождение институтов, смену лидерства и т.п. В сформулированной им позднее более радикальной версии социологического структурализма Блау отказывается от использования в социологических объяснениях переменных, относящихся к уровню индивидуального действия или культуры, концентрируя внимание на дифференцированной структуре позиций и групповых процессах. Социальная структура возникает в результате распределения людей по различным позициям, влияющего на их ролевые отношения и взаимодействие. Дифференциация происходит по двум главным типам структурных параметров. К первому типу относятся номинальные параметры, дифференциация по которым не подразумевает непосредственного статусного ранжирования; возникающие

в результате подмножества имеют качественно определенные границы. Ко второму типу относятся градуированные (метрические) параметры. Здесь позиции явно упорядочиваются вдоль континуума непрерывно возрастающего статусного признака (например, дохода или образования). Социальная группа определяется на основе номинального параметра, в основе же статуса, по мнению Блау, лежат градуированные параметры. Отсюда выводятся две формы социальной дифференциации — *гетерогенность (неоднородность)*, как распределение населения по группам, и *неравенство*, как статусное распределение по градуированным параметрам.

Интеграция, как полагает Блау, возникает не под влиянием единой нормативной системы или принуждения, а в результате «далеко зашедшей» дифференциации (преимущественно по номинальным параметрам): в условиях высокой гетерогенности внегрупповые связи предпочтительнее отсутствия всяких ассоциаций.

5.4. Структурный функционализм Т. Парсонса

Основателем структурно-функционального анализа в социологии является Толкотт Парсонс. Он исходит из идеи равновесия, основанной на принципе спонтанного саморегулирования социально-экономических процессов, опирающихся на традиционные приоритеты частной собственности и индивидуальной свободы. Понятие «системный анализ» употребляется им для обозначения применения системного подхода к анализу конкретных прикладных комплексных проблем, ориентированного на максимально полный учет всех «входных-выходных» характеристик объекта и междисциплинарное его изучение. Последние выступают ценностями функционального приспособления к стихии рыночного хозяйства капиталистического общества. Данные механизмы поддерживают его в состоянии равновесия.

Основные идеи Т. Парсонса, вошедшие в теорию социологии, можно сформулировать следующим образом:

1. В любой социальной системе доминирует инструментальная, функциональная рациональность — организационная цель.
2. Общество имеет технико-экономическую структуру — профессиональную и стратификационную. При этом технология и экономика являются источниками социальной динамики, а культура — это консервативная сила, стабилизирующая общество.

3. Глубина и степень влияния в обществе определяются положением в иерархии отношений на ролевой основе.

5.41. Предпосылки, истоки и этапы формирования теории социального действия

Разработка концепции структурно-функционального анализа началась Парсонсом с разработки теории социального действия, изложенной в 1937 г. в работе «Структура социального действия». В ней он существенно видоизменяет и модифицирует идеи М. Вебера. По мнению Парсонса, носителем практически всего социального содержания является социальное действие. Социальное действие — основа анализа поведения людей. Это, в принципе, не было существенно новым, но он модифицировал данную теорию, прежде всего выйдя за ограниченные рамки рациональности, которая, по его мнению, сужает характер социального действия. К тому же он соединил социальное действие с учением о социальных ролях, в результате чего сформировалось представление об экспектациях, усвоенных индивидами в процессе их социализации.

Т. Парсонс отталкивается от идеи, что общество является доминирующим в трихотомии «общество—группа—индивид» и выступает главным объектом социологии. Оно есть мотивированная совместная деятельность людей и состоит из индивидов как физических организмов, которые действуют в определенной среде. Следовательно, чтобы исследовать общество, надо свести его к действиям участвующих отдельных индивидов, т. е. к понятному человеческому поведению. Выявив глубинный механизм социального действия, как начала социальной жизни, социолог получит ключ к объяснению любого социального феномена. Таким образом, индивидуальное социальное действие (человеческое поведение) является предметом социологии. Этим он как бы «возвращает» социологию к изучению «элементарного действия» отдельного индивида.

Социальное действие имеет специфическую структуру: действующее лицо, цель, ситуации, установки и нормативная ориентация, реакция предмета действия (действия другого лица). Если социальное действие — это действие одного индивида на другого с целью вызвать в нем (поведении) изменения, то система действий состоит из совокупности единиц действия и социальных отношений — устойчивой связи взаимно ориентированных социальных действий, обеспечивающей стабилизацию общества.

Действующее лицо стремится к достижению определенных целей и эмоционально реагирует на окружающее. Конкретный индивид принимает участие в процессах социального взаимодействия через свои различные цели. Поэтому он не выступает в социальных отношениях в качестве целостной личности, а осуществляет лишь «частичное участие» в социальной жизни через выполнение определенной социальной роли. Общепринятые экспектации социально-типичных стандартов поведения зависят от занимаемого лицом статуса — деперсонализированной социальной позиции. Это обеспечивает хозяйственные связи между субъектами социальных отношений в зависимости от вида: прирожденного (естественного) — социальное происхождение, национальность, пол, возраст, и достижимого (социального) — образование, профессия, квалификация, доход и т. п.

Ролевое исполнение поведения является функцией социального статуса и обеспечивает эффективное выполнение той или иной функции, независимо от того, кто и с какой целью ее выполняет. Посредством исполнения роли осуществляется персонификация социальных отношений, т. е. соответствующее ролевое исполнение поведения. Она позволяет отразить индивидуальное участие в социальной жизни и составить представление о ее внешних социальных связях и с социальной структурой и организацией в целом. Тем самым, роль дает возможность соотносить действующее лицо как личностную единицу с определенной социальной структурой, а статусно-ролевая система является своеобразной матрицей глобальной социальной структуры общества [110].

Описанная социокультурная природа ролевых предписаний и их связь с социальной позицией обуславливает то, что ролевые предписания поддерживаются и сохраняются обществом, а конкретные индивиды приходят и уходят (либо меняют свои социальные роли). При всем этом принятие человеком на себя определенной ситуативной роли всегда сопровождается процесс его включения в социальную среду и представляет явление социализации личности. Следовательно, статусно-ролевое поведение навязывается человеку обществом (общественные ожидания, обязательства) как определенная форма принуждения, превращая его в «актера» на социальной сцене.

В социальных действиях цель определяется личностной психологией «деятелей-актеров», которые руководствуются ценностями (социальной и личностной значимостью явлений), общепринятыми нормами и императивами (приоритетами социальных

предпочтений) и правилами-предписаниями. Единство ценностей, норм и предписаний, как высших принципов социальной гармонии, обеспечивает единство и целостность личности и интегрирует общество, создавая базис для всеобщего согласия и установления и поддержания социального порядка.

Нужно отметить, что статусно-ролевое поведение человека обуславливается тем, что выбор действующим лицом своего поведения происходит в рамках определенных ценностей и нормативно регулируется. Естественно, что при этом нормативно-ценностная сфера социального действия не поддается полностью объяснению и описанию методами эмпирической социологии.

Нормативно-ценностная система действия и цель действия образуют мотивацию социального действия, которая как идеальный смысл вкладывается в усилие по достижению цели. Нормативно-ценностная система является системой социальной ориентации. Механизм ее действия включается в процессе выбора того или иного варианта действия. Это осуществляется ориентацией индивидуальной цели на коллективные ценности, сиюминутных потребностей на перспективные цели, подчинения индивидуального поведения общему правилу и т.п.

Этим обусловлена многомерная мотивация конкретного социального действия. Очевидно, что у Парсонса субъектом социального действия выступает моральный индивид, который действует в конкретной ситуации и обладает свободой выбора, активностью и творчеством по отношению к другим индивидам и к социальному миру. Подобный подход является альтернативой понимания индивида как представителя вечной и неизменной «природы человека» — носителя инстинктов и влечений. Человек выступает своеобразным «творцом и архитектором» реальной социальной действительности.

Действие лица или поведение «актера», направленное на других, осуществляется в определенной ситуации, при специфических условиях прямого или опосредованного взаимодействия с другими людьми как прошлого, так и настоящего, и будущего (упреждающее действие). Действие или поведенческий акт человек совершает, ориентируясь на реакцию социальной среды — действия других. В этом плане социальная роль включает в себя:

— права: экспектации индивидом того, что другие будут вести себя по отношению к нему так, как это принято в социальной группе, данном обществе;

— обязанности: экспектации поведения индивида, соответствующего его статусу.

Такие ожидания-обязательства дают возможность заранее исчислять определенное поведение людей, их реакции на свои действия и оценивать шансы на успех собственных действий. Учет возможной реакции других на свои действия — это своеобразная плата за спокойные условия удовлетворения своих потребностей. Глобальная основополагающая общность ценностей и доверие тому, что и другие будут выполнять правила ролевой игры, являются связывающим (стабилизационным) началом общества, так как они делают возможным существование социальных отношений. Без этого нельзя заключить ни один социальный контракт и не может сохраниться ни одно общество.

Нужно отметить, что согласно Парсонсу, между природой человека и требованиями общества нет фундаментальной напряженности. Социальные действия по своей природе направлены к такому изменению установок, чтобы они вели к удовлетворению» определенных потребностей и стремлений. Общество находите в равновесии, если ролевые экспектации ясны и очевидны. Вместе с тем обществу приходится подчас побуждать своих членов выполнять социальные роли и выправлять ролевые отклонения, которые могут возникнуть:

- в силу того, что люди одновременно выполняют несколько ролей с противоречивыми требованиями;

- по причине того, что ценности и нормы в процессе социализации могут не интернализироваться в должной мере;

- потому, что ожидания в одной и той же роли могут не наводиться в гармонии друг с другом.

Для того чтобы отклонения от норм не выходили за определенные пределы, используется социальный контроль, который основывается на санкциях, предписаниях, пожеланиях, приказах, запретах и репрессиях по отношению к нежелательному поведению. Социальная система, как она трактуется Парсонсом, это организованное множество элементов, которые сохраняют связь и взаимодействие в данной системе. Социальная система обеспечивает интеграцию действий множества индивидов в разных формах их взаимодействия. Состояние равновесия в социальной системе поддерживается путем регулятивной деятельности социальных институтов. В социальной системе индивид, через которого осуществляется системная деятельность, выступает как исполнитель определенных ролей, т.е. как деятель.

5.42. Специфика структурного функционализма

Исходным пунктом структурного функционализма стало понятие «социальная система действия», выражающее спонтанный устойчивый результат возникающих между людьми социальных действий, который далее не редуцируется. С помощью данного понятия Парсонс стремился упорядочить сложную системную социальную действительность и подвергнуть теоретическому анализу, успешно применяемому к различным типам открытых систем. Согласно Парсонсу, социальная система представляет собой универсальный способ организации социальной жизни, который возникает в результате взаимодействия (связи) социальных действий на базе диктуемых социальных ролей. Она организуется в упорядоченное и самосохраняющееся целое образцами норм и ценностей, обеспечивающих и взаимозависимость частей системы, и последующую интеграцию целого. Человеку остаются только поиск оптимальных форм этой организации и трудная борьба за их воплощение в действительность, в которых обратная связь помогает поддерживать равновесие социальной системы.

Понятие «структура» у Парсонса — одно из центральных понятий. Структура — это совокупность устойчивых, стандартизированных отношений индивидов-деятелей (элементов). Отличительной чертой социальных структур является то, что действующие лица выполняют определенные функции и роли. Понятие роли здесь соединяет действующее лицо с некоторой социальной структурой, вводя ее в определенный образ действия, имеющий обязательную силу.

Очевидно, что поскольку отношения системы с внешним окружением меняются, необходимо ввести аспект динамических процессов и механизмов между требованиями, вытекающими из условия постоянства структуры, и требованиями данной внешней ситуации. Этот динамический аспект связан с функциональной частью анализа. В социальной системе функционируют социальные связи — взаимодействия как деятельная реализация ориентации на другого. Поэтому, очевидно, Парсонс ввел понятие «функция» как самое важное: именно оно проводит различие между прежней его «аналитической» позицией и новой, которую он именуется «структурно-функциональной». Данное понятие выражает рассмотрение структурной единицы с точки зрения ее отношения к чему-либо, выражения в определенном отношении. Все в мире функционально, и функциональная зависимость — это то, что придает совокупности элементов свой-

ство целостности, которым в отдельности не обладает ни один из них.

Задача социологии как раз и заключается в том, чтобы найти, что для чего предназначено в социальной системе, т. е. выяснить роль тех или иных элементов структуры в упорядочении, сохранении и работе системы. Функциональная дифференциация разделяет общество на автономные подсистемы. Им присуща своя динамика, ими управляют свои силы, что ставит перед обществом вопрос интеграции — иначе система может потерять самоконтроль и начать разрушаться.

Отталкиваясь от рассмотренных выше тезисов, Парсонс начал анализ социальной системы действия не с рассмотрения структурных элементов, а с выявления основных функциональных требований, без которых они и система в целом существовать не могут. Это позволило ему разработать общие теоретико-методологические установки и схемы объяснения, а также методику и технику исследования, противостоящую эмпиризму. Общество надо изучать как систему чего-то, и Парсонс рассматривает его как функционирующую систему. Последняя объединяет свои структурные единицы не путем установления между ними непосредственного взаимодействия, а на основе их функциональной зависимости, которая дает свойство целостности. Данная функциональность ориентировала на то, что исследователь имел дело с упорядоченными способами приспособительного взаимодействия между установившимися образцами действия, образующими эту структуру, и данными свойствами окружающих систем.

Следует заметить, что Парсонс, в отличие от мертоновского функционализма, исходил из четырех функциональных парадигм — «функциональных императивов», которым подчиняется существование любой социальной системы — адаптации, целеориентации, интеграции и поддержания образца. Они составляют необходимые условия (предпосылки) для образования целостности и поддержания равновесия как основной ценности социальной системы.

Можно сказать, что исходным тезисом функционализма является следующий: система не может выжить и функционировать, если не решены ее основополагающие проблемы. Поэтому данный анализ начинается с выяснения этих проблем. Парсонс выделяет четыре инвариантных функциональных проблемы, касающиеся любой системы:

1. Проблема рациональной организации и распределения ма-

териальных, человеческих и культурных ресурсов. Эти функциональные требования известны как проблемы адаптации: чтобы выжить, система должна приспосабливаться как к внутренним ситуациям, так и к изменениям внешней среды.

Данной функции соответствует экономика: она поставляет и распределяет материальные продукты, необходимые для удовлетворения определенных физических потребностей всех членов общества таким образом, чтобы они могли выжить.

Указанной подсистеме соответствуют такие социальные институты, как заводы, банки, магазины и т. п., осуществляющие регулирование адаптационными процессами.

2. Проблема определения основных целей и поддержания процесса их достижения. Данной функции соответствует подсистема — политика и политические организации — партии, движения и т. п. Они вырабатывают целевые установки и занимаются политическими видами деятельности, через функционеров побуждая членов общества работать на эти цели.

3. Проблема интеграции — сохранения устойчивости, внутреннего единства, солидарности. Данная функция осуществляется институтами социального контроля посредством создания и поддержания общих норм и ценностей, набора символов и общей культуры. Преднамеренное влияние общества на поведение людей осуществляется через определенную организацию — государственный аппарат и легитимные институциональные средства, чтобы успешно справляться с нарушениями равновесия и воспроизводства системы теми или иными формами побуждения или принуждения.

4. Проблема поддержания образца, мотиваций деятелей при исполнении ими требуемых социальных ролей и устранения скрытых напряжений в системе личностной мотивации (проблема латентности). Социальная система для сохранения существующего порядка должна выработать процесс и механизм социализации людей, позволяющие им приобретать свою индивидуальность и одновременно интернализировать нормы роли данного общества, развивать потребность подчинения этим нормам.

Социализация, согласно Парсонсу, является динамическим ядром социальной системы, так как создает предпосылки и для ее стабильности, и для изменений. Социализирующие институты — семья, школа, армия, церковь и т. п. сохраняют, совершенствуют и обновляют мотивацию индивидов, образцы их поведения, культурные принципы.

Заметим, что предложенные Парсонсом «функциональные императивы» имеют смысл лишь в структурной взаимосвязи. При этом, чем полнее и последовательнее осуществляются функциональные целесообразность и разделение деятельности на уровне социальных институтов и исполнителей норм-ролей, тем стабильнее социальная система. Данная системно-функциональная сетка, претендующая на универсальность и всеобщность, накладывалась как калька, на все социальные явления. Разработанная Парсонсом абстрактно-формальная модель анализа социальных систем предполагает инвариантность в ее применении ко всем структурным уровням. В частности, каждая подсистема образует, в свою очередь, систему с соответствующими функциями и социальными институтами. Например, в экономике адаптивная функция стоит перед предприятием. Последнее также может рассматриваться как подсистема с четырьмя функциональными требованиями, соответствующими социальными институтами и исполнителями норм-ролей. Эта система «русских матрешек» существует и в остальных трех функциональных сферах.

Характеристика любой социальной системы инвариантными функциями позволяет описать процесс ее дифференциации относительно этих функций, комплексно охватывая экономические, политические, социальные и культурные структуры. Ввиду этого, модель структурной дифференциации широко применялась для решения проблем модификации «традиционных обществ» в странах третьего мира, объяснения процессов индустриального общества — системы стратификации, основанной на сложном разделении труда и высокой степени дифференциации социальной системы.

5.43. Понятие социальной системы

Понятие системы у Парсонса опирается на ряд источников. Прежде всего на механическую модель системы, которую Парето использовал вслед за Хендерсоном и применял к политэкономии и социологии. Хендерсон разработал понятие системы, соответствовавшее физико-химической модели, и пытался применить его к биологическим системам. Представление о гомеостазе и, наконец, кибернетическое управление у Кеннона, Альфреда Эмерсона и Норберта Винера расширили понимание Парсонсом системы социальной структуры действий. По мнению Парсонса, управление в системах действий имеет кибернетический характер; некоторые критики использовали это как повод

упрекнуть Парсонса в том, что он исключает в качестве детерминантов действия власть и насилие. Мнение А. Эмерсона, что между генами и символами существует функциональная эквивалентность, привело Парсонса к убеждению, что между живыми системами органического и социокультурного мира существует фундаментальная непрерывность закономерностей, то есть и в том, и в другом мире действуют одни и те же законы.

Система для Парсонса, если концептуализировать различные понятия, характеризуется взаимозависимостью частей. На основе упорядоченного характера взаимозависимых вариантов система имеет тенденцию к самосохранению, что обычно именуется равновесием системы, если один элемент не вписывается в этот порядок, то происходит либо исключение элемента, либо другие части системы приспособляются в нему. Систему личности и социальную систему Парсонс считал эмпирическими системами, которые настолько отличаются друг от друга, что не могут быть сведены одна к другой. Тем не менее между ними существует взаимопроникновение, то есть невозможно себе представить систему личности, не включенную в социальную систему, и социальную систему, которая не является составной частью системы личности.

Парсонс сформулировал компоненты социального действия как часть системы; они сами также обладают системными свойствами, то есть не личность, культура и интерактивная структура представляют собой однородно монолитные единства, а организованные целостности с внутренней структурой, которая, однако, важна лишь до тех пор, пока между ее элементами и частями структуры других систем существуют процессы обмена. Структурные элементы, характеризуемые, таким образом, через свои соотносительные признаки, формируются как подсистемы вышестоящей системы, то есть система личности, система культуры и социальная система системы действия. Действие складывается из ряда взаимозависимых и взаимосвязанных элементов, однако вовне выступает как целое и как таковое вступает во взаимодействие с окружающим миром. Поэтому само действие можно считать системой, собственные системные качества которой активизируются в интерактивной системе (социальной системе). Однако последняя представляет собой в то же время подсистему действия, поскольку каждый «единичный акт» складывается из элементов как системы культуры, так и системы личности, организма и социальной системы. «Базовую единицу можно назвать «единичным актом». Точно так же, как

единицы классической механической системы — частицы — можно определить только через их свойства: массу, скорость, положение в пространстве, направление движения и т.д., так и единицы систем действия также имеют определенные свойства, без которых нельзя представить себе эти единицы «существующими». Социальная система возникает через интерактивные процессы, которые, в свою очередь, можно считать взаимозависимостью систем действия. В соответствии с этим социальную систему, с одной стороны, можно считать входящим фактором системы действия, а с другой стороны, системой систем действия в ситуации, когда системы действия становятся входящими факторами социальной системы. Единичный акт как часть системы, однако, является не образом действий, который можно изолировать и наблюдать, а неразрывной составной частью системы и потому лишь гипотетической сущностью. Единицами системы в интерактивной системе являются социальные роли.

Социальная система состоит из отношений между деятелями и интеракциями, определяемыми этой структурой. Атомарной единицей социальной системы является роль, то есть тот структурный отрезок из ориентации деятеля, который определяет и конституирует его участие в интерактивном процессе на основании дополнительных ожиданий. Роли определяются общепринятыми ценностными представлениями, они являются частью институтов, где они определяют распределение власти и престижа; они основываются на процессах дифференцирования и распределения, которые, в свою очередь, вновь делают необходимыми интегративные процессы.

5.44. Типы социальных систем

Парсонс различает «реляциональные институты», которые касаются дифференциации деятелей и ролей, их распределения в системе; «регулятивные институты», которые регулируют распределение средств производства и вознаграждений; «культурные институты», которые охватывают идеологию, религию, символы и т.п. и переводят их в систему культуры, и институты «интегративной структуры», которые непосредственно касаются проведения коллективных интересов и выражения социальной системы как коллективности.

После этого Парсонс по аналогии со своими «типowymi переменными действия» предлагает типологию социальных структур:

1) *Общества универалистского типа достижения* (индустриальное общество) характеризуются высокой оценкой плуралистических и индивидуалистических целей и их достижения посредством инструментальных действий. Универалистские нормы регулируют оценку достижений и соотношение между достижением и вознаграждением. Это вызывает институционализацию профессиональных ролей, имущественных отношений и процессов обмена. Важнейшей основой системы вознаграждений является «успех» как признание достижения. Относительное уважение в зависимости от престижа в рамках стратификационной системы обуславливает открытую систему социального расслоения, основанную на равенстве шансов и мобильности носителей ролей и средств производства.

2) *Общества универалистского типа приписывания*. В этом типе общества господствует тенденция к авторитарному регулированию и иерархическому контролю. Поскольку приписывание напрямую увязывает социальный статус со структурой коллектива, этот тип ориентирован весьма коллективистски; статус определяется не благодаря достижению, а иными, чем профессионально-структурными, преимущественно диффузными механизмами. На основе коллективизма доминирует также жесткий дуализм распределения тех, кто «за нас», и тех, кто «против нас». Это сочетается также с исключительно консервативной ценностной ориентацией, которая, однако, вновь может стать поводом для возникновения антагонистических, крайне радикальных ориентации. По мнению Парсонса, национал-социалистская Германия и СССР служат иллюстрацией этого типа.

3) *Общества партикуляристского типа достижения*. Олицетворением этого типа Парсонс считал древнюю Китайскую империю. Партикуляризм зиждется на важном значении семейных связей, а также связей между односельчанами, внутри которых, однако, существует не пассивное, а активное отношение к окружающему миру. Это проявляется в четкой субординации индивидов в зависимости от их семейного или деревенского статуса, которая распространяется на все общество вплоть до императора. Компонент достижения обусловил то, что общество не осталось чисто аграрно-феодальным, а в нем развивались как торговля, так и бюрократия с элементами достижения, причем из-за строгой субординации принцип достижения действовал довольно расплывчато, не ориентируясь на способности и успех.

4) *Общества партикуляристского типа приписывания*. Партикуляризм и здесь придает большое значение кровным и

общинным связям как исходным величинам в ценностном ориентировании. Однако его социальная структура и организация воспринимаются как данность. Отсутствие ориентации на достижения заставляет считать труд неизбежным злом; человек приспосабливается к существующим условиям; сохраняются однажды появившиеся образцы реагирования. Такие общества характеризуются слабой дифференциацией своей структуры и традиционализмом своего образа действий. Даже когда общества родового или деревенского типа превращаются в крупные государственные объединения, коллективность государства уступает более мелким единицам, происходит сегментация. Если контроль из центра должен быть усилен, то в таких государствах часто возникает диктатура. Латинская Америка представлялась Парсонсу типичным образцом такого рода обществ.

5.45. Социализация личности и социальная структура

В своей работе «Семья, социализация и интерактивный процесс» (1955) Т. Парсонс основное внимание посвятил анализу семейной социализации. При этом структура семьи оказалась важным исходным пунктом. Она различается, с одной стороны, по распределению власти, а с другой стороны, по инструментальным (направленным на внешние отношения) и экспрессивным (ориентированным на внутренние отношения) функциям. Парсонс подразделял структуру нуклеарной семьи на четыре роли в зависимости от величины и характера влияния в семье как социальной системе: роль отца (большая власть, инструментальный приоритет), роль матери (большая власть, экспрессивный приоритет), роль сына (небольшая власть, инструментальный приоритет), роль дочери (небольшая власть, экспрессивный приоритет).

Человек обучается не только воспроизводимым образцам поведения, он учится также различать между «Ты—Я», «Мы» и «Не-Мы» и перерабатывать это понятийно. Парсонс особо подчеркивал, что в этом процессе интернализации всегда присутствуют два аспекта — «социализации» на основе социальной интеракции и аспект личности и ее внутренней структуры. Процесс социализации Парсонс понимал как процесс, аналогичный терапевтическому, поскольку «социализатор» всегда играет двоякую роль: он принимает участие в системе действия с «пациентом» и одновременно представляет систему «нормального» мира.

В работе «Социальная структура и личность» (1964) Парсонс рассматривал систему личности; исходя из этого все ос-

тальные подсистемы действия образуют среду системы личности, однако содержатся в ней как элементы структуры. Поэтому социализация и процесс взаимопроникновения между социальной системой и системой личности определяются как усвоение требуемых ориентации для удовлетворительного функционирования в своей роли. С точки зрения системы личности, социализация есть усвоение системы культурных символов посредством интеракции. Это усвоение культуры происходит путем интеракции с другими людьми, и потому идентификация с их ролью содержит также всегда аффективную ориентацию на другие личности, а также умение их генерализировать и категоризировать в их роли. Условием социализации личности является то, что удовлетворение ее потребностей происходит не просто посредством объектов, а предполагает ценности, нормы и символы, которые усвоены личностью. Это и есть «Сверх-Я» Фрейда, которое Парсонс попытался переопределить по-новому — путем различения культуры как объекта и культуры, усвоенной личностью.

Интеграция личности — это функция Я, которое, однако, сталкивается с Оно (организм), внешней ситуацией (социальная система) и усвоенной системой символов культуры (Сверх-Я). Сверх-Я имеет у Парсонса главное значение, оно одновременно часть Я и расширение Я за счет включения усвоенной культуры. Она охватывает когнитивную систему отношений, общие моральные мерки (собственно Сверх-Я) и экспрессивные символы. Сверх-Я как расширение Я за счет элементов культуры «возникает» посредством социальной системы, то есть интеракций с другими. Важно при этом помнить, что Парсонс считает социальнокультурно-обоснованным не только Сверх-Я, но и Я, поскольку Сверх-Я есть часть, а у Парсонса — главная часть Я. Благодаря этому новому определению Сверх-Я Парсонс считал возможной разработку теории личности и теории социальной системы на основе общей понятийной схемы.

5.46 Социальные подсистемы

Парсонс рассматривает социальные подсистемы как составную часть более общей системы действия, другими составляющими которой являются культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы, — все это абстракции, аналитически вычлняемые из реального потока социального взаимодействия. В этом подходе три только что перечисленные подсистемы общей системы действия трактуются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей сре-

ды. Такое толкование не вполне обычно, особенно в том, что касается представлений о личностных свойствах индивидов. Полностью обоснования такого подхода представлены в других моих работах, здесь же для понимания последующего изложения важно помнить, что ни социальная, ни личностная подсистемы не являют собой нечто реально существующее.

Различение четырех указанных подсистем действия, по Парсонсу, носит функциональный характер. Оно проводится на основе четырех первичных функций, присущих, по нашим представлениям, любым системам действия, — это функции воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации.

Первичная интегративная проблема любой системы действия состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов, хотя в определенных целях в качестве субъектов действия можно рассматривать и коллективы. Интегративная функция приписывается здесь преимущественно социальной системе.

За культурной системой, по его мнению, закрепляется в основном функция сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Если в социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, то культурные системы складываются вокруг комплексов символических значений—кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия.

Личности индивида, как считает автор, отводится главным образом исполнение целедостиженческой функции. Личностная система — это главный *исполнитель* процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний. На уровне вознаграждения, в смысле мотивации, главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности.

Поведенческий организм трактуется как адаптивная подсистема, как сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы. В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и обработки информации в центральной нервной системе и механизм двигательной реакции на требования физической среды. Все эти взаимосвязи схематично представлены в табл. 1.

Таблица 1

Подсистемы	Преимущественные функции
Социальная	Интеграция
Культурная	Воспроизводство образа
Личностная	Целедостижение
Поведенческий организм	Адаптация

Затемненная часть таблицы представляет собой окружающую среду социальной подсистемы.

В этой таблице представлено самое примитивное схематическое описание основных подсистем и соответствующих им функций, присущих *общей системе действия*, в которой социальная подсистема является одной из четырех подсистем, которая специализируется на выполнении интегративной функции.

Есть две системы реальности, которые по отношению к системе действия являются ее средой, а не составляющими в принятом нами аналитическом контексте. Первая из них — это *физическая среда*, которая включает в себя не только явления, описываемые в терминах физики и химии, но и мир живых организмов, если только они не интегрированы в систему действия. Вторую систему, которую он представляет независимой как от физической среды, так и от самих систем действия, назовем в русле философских традиций *«высшей реальностью»*. Это касается того, что М. Вебер называл «проблемой смысла» человеческих действий и что она связана с системой действия посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентации, которые включают в себя познавательные «ответы», отнюдь не ограничиваясь ими.

При анализе взаимоотношений между четырьмя подсистемами действия, а также между ними и средой действия важно, как считает Парсонс, не упускать из виду явление *взаимопроникновения*. Возможно, наиболее известным примером взаимопроникновения может служить *интернализация* социальных объектов и культурных норм в личности индивида. Другим примером является приобретаемое путем обучения содержание опыта, которое систематизируется и хранится в аппарате памяти индивида. Можно упомянуть также *институционализацию* нормативных компонентов культурных систем в качестве конститутивных

структур социальных систем. По нашему мнению, граница между любой парой систем действия представляет собой некую «зону» структурных компонентов или образований, которые могут теоретически рассматриваться как *принадлежащие обеим системам*, а не просто относимые к какой-то одной из них. Так, например, было бы неверно утверждать, что извлекаемые из социального опыта нормы поведения, которые и З. Фрейд (в понятии супер-эго), и Э. Дюркгейм (в понятии коллективного сознания) рассматривали как составную часть личности индивида, должны считаться *либо* таковой, *либо* частью социальной системы.

Именно благодаря зонам взаимопроникновения может осуществляться процесс обмена между системами. Это особенно верно в отношении уровней символических значений и обобщенных мотиваций. Чтобы быть способными к символической «коммуникации», индивиды должны располагать общими для них культурно организованными кодами (например, языком), которые одновременно интегрированы и в системы их социальных взаимодействий. Чтобы личность могла пользоваться хранящейся в центральной нервной системе информацией, поведенческий организм должен иметь механизмы мобилизации и поиска, которые посредством интерпретации обслуживают мотивации, организованные на личностном уровне.

Таким образом, пишет он, социальные системы предстают как системы «открытые», находящиеся в состоянии постоянного обмена на входах и выходах в окружающую среду. Кроме того, они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы обмена.

Социальные системы — это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами. Если бы свойства взаимодействия можно было вывести из свойств действующих субъектов, то социальные системы были бы эпифеноменом, на чем настаивают «индивидуалистские» социальные теории. Позиция автора здесь резко противоположна. Она исходит, в частности, из утверждения Дюркгейма, согласно которому общество — и другие социальные системы — есть реальность *sui generis*.

Структуру социальных систем можно анализировать, применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли. Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по со-

хранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств. Нормы, основная функция которых — интегрировать социальные системы, конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций. Они не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей. Коллективы принадлежат к числу тех структурных компонентов, для которых наиболее важна целедостиженческая функция. Отбрасывая многочисленные случаи крайне неустойчивых групповых систем, таких, как толпа, мы считаем коллективом только такие, которые отвечают двум критериям. Во-первых, они должны иметь определенный статус членства, так что в целом может быть проведено четкое различие членов и не членов данного коллектива — критерий, применимый в широчайшем спектре случаев — от элементарной семьи до политических сообществ. Во-вторых, внутри коллектива должна наличествовать дифференциация его членов по статусам и функциям, так что от некоторых членов ожидается, что они будут делать нечто определенное, то — чего не ожидают от других. Роль — это такой структурный компонент, который в первую очередь выполняет адаптивную функцию. С ее помощью определяется класс индивидов, которые посредством взаимных ожиданий включаются в тот или иной коллектив. Поэтому роли охватывают основные зоны взаимопроникновения социальной системы и личности индивида. Какая-то отдельно взятая роль, однако, никогда не составляет отличительную особенность конкретного индивида. Отец является особенным отцом только для своих детей, с точки же зрения ролевой структуры своего общества он всего лишь один из категории отцов. Одновременно он также участвует во множестве других видов взаимодействия, например выполняет свою роль в профессиональной структуре.

То, что социальные системы представляют собой реальность *sui generis*, в частности, означает, что все перечисленные типы их структурных компонентов являются по отношению друг к другу независимыми переменными. Так, например, высокоабстрактные ценностные образцы вовсе не всегда узаконивают одни и те

же нормы, коллективы и роли при любых обстоятельствах. Точно так же многие нормы регулируют действия бесчисленного множества коллективов и ролей, но лишь в определенной части их действий. Поэтому коллектив обычно функционирует под контролем большого числа специальных норм. В нем всегда наличествует множество ролей, хотя почти каждая значительная роль исполняется во множестве конфетных коллективов. Тем не менее социальные системы состоят из комбинаций этих структурных компонентов. Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны «руководствоваться» конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями.

5.47. Понятие общества

Парсонс определяет общество как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы. Полная самодостаточность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы системы действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимобмена с окружающими системами. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимобмена и способность контролировать взаимобмен в интересах своего функционирования. Этот контроль может варьироваться от способности предотвратить или «пресечь» какие-то нарушения до способности благоприятным для себя образом формировать отношения со средой.

Физическая среда имеет для общества адаптивное значение в том смысле, что она является непосредственным источником материальных ресурсов, которые используются обществом посредством своих производственных, технологических и экономических механизмов. Распределение доступа к материальным ресурсам, будучи связано с системой разделения труда через экологический аспект жизни общества, требует решения вопросов территориального размещения различных подгрупп населения, а также закрепления за ними различных экономических интересов. У физической среды есть и второй значимый для общества аспект (ввиду важности физической силы для сдерживания нежелательных действий), в соответствии с которым эффективное социетальное целедостижение нуждается в конт-

роле за действиями в пределах определенной территории. Поэтому мы имеем дело с двумя проявлениями самодостаточности общества, которые относятся, соответственно, к экономическому и политическому функционированию в отношениях с физическим окружением — через технологию и организованное использование силы при исполнении военных и полицейских функций. Третье проявление социетальной самодостаточности относится к личностным системам индивидуальных членов общества, находящихся в особом рода взаимопроникновении с его организмами. Организм непосредственно связан с территориальным комплексом по той простой причине, что действия всегда свершаются в каком-то месте. Но его основная связь с социальной системой осуществляется через личность; главная зона взаимопроникновения — это статус членства. Общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может «полагаться» на то, что деяния его членов будут служить адекватным «вкладом» в его социетальное функционирование. В случае взаимоотношений личности и общества их абсолютная интеграция необходима не более, чем в других случаях взаимообмена, предполагающих самодостаточность. Но если подавляющее большинство членов какого-то общества испытывает крайнее «отчуждение», то говорить об этом обществе как самодостаточном нельзя.

Интеграция в общество его членов подразумевает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. Однако отношение здесь в основном трехстороннее, поскольку части культурной системы, так же как и части социальной структуры, интернализированы в личностях, но в то же время части культурной системы институционализированы в обществе.

На социальном уровне институционализированные *ценностные* образцы выступают в виде «коллективных представлений», которые определяют желаемый тип социальной системы. Эти представления соотносятся с концепциями типов социальных систем, с помощью которых индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Следовательно, именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации их собственного общества означает институционализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени. И в этом контексте самодостаточность определяется степенью, в которой институты общества *легитимизированы* согласованными ценностными приверженностями его членов.

На уровне культуры социальные ценности составляют лишь часть более обширной системы ценностей, поскольку оценке подлежат и все иные классы объектов, входящие в систему действия. Ценности также находятся в определенных отношениях с другими компонентами культурной системы — эмпирическим знанием, системами экспрессивных символов и конститутивными символическими структурами, образующими ядро религиозных систем.

«Коллективные представления» — это понятие, введенное Э. Дюркгеймом для обозначения культурной основы социальной организации. Он пользовался им в особенности при анализе религии. Парсонс рассматривает ценности, в веберовском смысле этого слова, как особую форму коллективных представлений, (см.: *Parsons T. Structure of social action. N.Y.: Free Press, 1968.*)

В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах. В контексте культурной легитимизации, таким образом, общество является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые в свою очередь легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму.

Важно помнить, что культурные системы не полностью совпадают с социальными системами, включая и общества. Наиболее значительные культурные системы обычно бывают, в различных вариантах, институционализированы во множестве обществ, в которых наличествуют и субкультуры. Например, культурная система, сложившаяся на базе западного христианства, является общей, со множеством оговорок и вариантов, для всей европейской системы модернизированных обществ. Далее в книге обсуждаются два способа отношений одного общества к другим. Во-первых, все общества, о которых можно говорить как о «политически организованных», находятся с другими обществами в различного типа «международных отношениях», дружественных или враждебных. Парсонс расширяет это представление, полагая, что такие отношения сами образуют некую социальную систему, которую можно анализировать с помощью тех же общих понятий, что и другие типы социальных систем. Во-вторых, какая-то социальная система может быть образована из социальных структур, членов и культур, принадлежащих двум или более обществам. Такие социальные системы многочислен-

ны и многообразны. Американские иммигрантские семьи часто сохраняют действенные связи с родственниками на «старой родине», так что их системы родства имеют американское и иностранное «ответвления». Нечто подобное можно сказать и относительно многих деловых компаний, профессиональных ассоциаций и религиозных объединений. Хотя, например, римско-католическая церковь и представляет собой социальную систему, совершенно очевидно, что она не является обществом, поскольку по нашим критериям ее самодостаточность очень низка. Минимален ее контроль над экономическими ресурсами через организацию производства; у нее нет автономного политического контроля над территориями; во многих обществах ее члены представляют собой меньшинство. Таким образом, мы принимаем в расчет социальные системы, имеющие «наднациональный» характер, так как в их составе наличествует множество обществ, и имеющие «межнациональный» характер, члены которых принадлежат многим обществам.

В соответствии с парсоновской четырехфункциональной схемой, предназначенной для анализа систем действия, мы аналитически делим общество на четыре *основные* подсистемы (как показано в табл. 2). Так, подсистема сохранения и воспроизводства образца преимущественно касается отношений общества с культурной системой и через нее с высшей реальностью; целедостиженческая, или политическая, подсистема — отношений с личностными системами индивидов; адаптивная, или экономическая, подсистема — отношений с поведенческим организмом и через него с материальным миром. Эти различия носят наиболее явственный и наиболее важный характер применительно к обществам, далеко продвинутым по шкале модернизации. Однако сама сложность отношений как между подсистемами системы действия, так и между подсистемами общества мешает четко проводить эти различия. Например, структуры родства могут быть помещены в каждую из трех упомянутых подсистем. Через свое отношение к питанию, сексу, биологическому происхождению и месту обитания они замыкаются на организм и физическую среду. Как первичный источник начального приобщения к ценностям, нормам и средствам коммуникации они теснейшим образом связаны с системой воспроизводства образца. Как первичный источник социализации они выходят на политическую подсистему.

В рамках такого рассмотрения ядром общества как разновидности социальной системы является четвертый компонент — его

интегративная подсистема. Поскольку мы интерпретируем социальную систему как интегративную для систем действия в целом, то особое внимание надо уделять тому, как она обеспечивает или, наоборот, не обеспечивает различные порядки и уровни внутренней интеграции. Эта интегративная подсистема общества будет называться *социетальным сообществом*.

Таблица 2

Подсистемы	Структурные компоненты	Аспекты процесса развития	Основная функция
Социетальное сообщество	Нормы	Включение	Интеграция
Воспроизводство образца или фидуциарная подсистема	Ценности	Генерализация ценностей	Воспроизводство образца
Политика	Коллективы	Дифференциация	Целедостижение
Экономика	Роли	Повышение адаптивного потенциала	Адаптация

Важно не допускать, как считает Парсонс, трактовку структуры социетальных норм как монолитной целостности. Поэтому он аналитически различает четыре ее составляющих, хотя в конкретной реальности они в высшей степени перемешаны между собой. Наши различия касаются оснований обязанностей и прав, а также характера санкций за нарушение норм и вознаграждений за их соблюдение или за высокий уровень их исполнения.

Ядро: социетальное сообщество.

Его центральное понятие — социетальное сообщество, звучит несколько непривычно, вероятно из-за того, что проблемы, охватываемые им, обычно обсуждаются в терминах политики или религии, а не в социальном плане. На его взгляд, основная функция этой интегративной подсистемы состоит в том, чтобы определять обязательства, вытекающие из *лояльности* по отношению к социетальному коллективу, как для его членов в целом, так и для различных категорий дифференцированных статусов и ролей внутри общества. Так, в большинстве современных обществ готовность к военной службе является проверкой лояльности для мужчин, но не для женщин. Лояльность состо-

ит в готовности откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя «общественного» интереса или потребности. Нормативная проблема состоит в определении тех случаев, когда подобный отклик усугубляет обязанность. В принципе в лояльности нуждается любой коллектив, но особую важность она имеет для социетального сообщества. Обычно от имени и в интересах социетальной лояльности выступают государственные органы, они же следят за выполнением соответствующих норм. Однако существуют и другие общественные инстанции, пользующиеся таким же правом, как государство, но не являющиеся просто разновидностями его структур.

Особую важность представляют отношения между лояльностями подгрупп и индивидов по отношению к социетальному коллективу, то есть всему обществу, и по отношению к другим коллективам, членами которых они являются. Фундаментальной чертой всех человеческих обществ является *ролевой плюрализм, участие* одних и тех же людей в ряде коллективов. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что расширение ролевого плюрализма является важной составляющей процессов дифференциации, ведущих к становлению общества современного типа. Поэтому одной из значительных проблем интеграции, стоящих перед социетальным сообществом, является проблема регулирования лояльностей его членов по отношению к нему самому и к другим различным коллективам.

Индивидуалистская социальная теория настойчиво преувеличивала значимость индивидуального «личного интереса», в его психологическом смысле, как препятствия, стоящего перед интеграцией социальных систем. В целом же личные мотивы индивидов эффективно канализируются в социальную систему через лояльность и членство в различных по отношению к ним коллективах. Непосредственной проблемой для большинства индивидов является проблема выбора и уравнивания своих обязательств в случаях конфликта конкурирующих между собой лояльностей. Например, нормальный взрослый мужчина в обществах современного типа одновременно является работником и членом семьи. И хотя требования, предъявляемые этими двумя ролями, часто находятся в конфликте, большинство мужчин жизненно заинтересованы в сохранении лояльности *обеим* ролям.

Социетальное сообщество представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, систему, для которой характерны дифференциация и сегмента-

ция. Так, семейные ячейки, деловые фирмы, церкви, правительственные учреждения, учебные заведения и т.п. отделены друг от друга (дифференцированы). К тому же каждый такой тип коллектива состоит из множества конкретных коллективов, например из множества семей, каждая из которых насчитывает лишь несколько человек, и из многих локальных сообществ.

Лояльность по отношению к социетальному сообществу должна занимать высокое место в любой устойчивой иерархии лояльностей и потому является предметом особой заботы всего общества. И все-таки высшее место в этой иерархии принадлежит не ей. Следует подчеркнуть значимость культурной легитимизации нормативного порядка общества, поскольку именно ей принадлежит наивысшая позиция. В первую очередь она действует через институционализацию системы ценностей, которая является составной частью и социетальной, и культурной систем. Затем выборочные ценности, являющиеся конкретизациями общих ценностных образцов, становятся частью каждой конкретной нормы, интегрированной в легитимный порядок. В системе норм, которые управляют лояльностями, следовательно, права и обязанности различных коллективов должны быть согласованы не только между собой, но и с легитимными основаниями порядка в целом.

С иерархической точки зрения, по Парсонсу, нормативное упорядочение социетального сообщества в терминах членства подразумевает существование *стратификационной* шкалы — шкалы признаваемого и легитимизированного (в той мере, в какой усвоены нормы и ценности) *престижа* входящих в это сообщество в качестве его членов коллективов, отдельных лиц, а также статусов и ролей, распространенных в этом сообществе. Оно должно быть скоординировано как с универсальными нормами, определяющими статус членства, так и с определенным разделением функций коллективов, статусов и ролей, которое в общем-то не обязательно предполагает наличие иерархии. Конкретная стратификационная система, таким образом, представляет собой сложную функцию всех этих составляющих.

Ввиду существования ролевого плюрализма возникает особая сложная проблема статуса индивидов в стратификационной системе. Стратификационные механизмы исторически имели обыкновение рассматривать индивидов прежде всего с точки зрения их принадлежности к большим коллективным системам, членство в которых определяло их статус. Подобную роль играли родовые коллективы, этнические группы, сословия, соци-

альные классы. Однако современное общество требует высвобождения индивидуальных статусов из такого рода коллективных уз, с чем и связан особый характер современных систем стратификации.

Положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его *престижа* или способностью оказывать *влияние*. Последнее мы рассматриваем как одно из обобщенных символических средств социетального взаимобмена, наряду с деньгами и властью. Оно состоит в способности добиваться от других социальных агентов желаемых решений, не предъявляя им в качестве соблазна какого-то ценного *quid pro quo* и не угрожая им какими-либо пагубными последствиями. Это влияние должно действовать через убеждение объекта воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны. Оно прежде всего апеллирует к коллективному интересу, но обычно исходит из того, что обе стороны, обеспечивая коллективный интерес и взаимную солидарность, удовлетворяют и свои частные интересы. Типичным случаем использования влияния является уговаривание вступить в контрактные отношения, основанные на «честном слове», или проголосовать за определенного политического кандидата. Влияние может обмениваться на какие-то подходящие случаю блага или на другие формы влияния в том смысле, в каком денежные ресурсы могут использоваться для покупки товаров, а могут накапливаться или обмениваться на другую валюту. Влияние может обмениваться и на другие обобщенные средства обмена, такие как деньги или власть.

5.48. Социетальное сообщество и воспроизводство образца

Основания культурной легитимизации, считает Парсонс, трансцендентны по отношению к конкретному и случайному характеру интересов, влияния и солидарности, выступая на социетальном уровне в виде *ценностных приверженностей*. В противоположность лояльности, проявляемой к коллективу, отличительной чертой ценностных приверженностей при исполнении обязательств является их большая независимость от соображений цены, выгоды или убытков, от текущих потребностей социума или окружающей среды. Нарушение ценностных обязательств определяется как совершение нелегитимного деяния; наоборот, следование долгу является делом чести и совести, которые, в

свою очередь, не могут быть представлены без понятий бесчестия и вины.

Хотя подобные формулировки могут звучать чрезмерно запретительно, на самом деле именно таковыми и бывают ценностные обязательства, а вид и степень воздействия их свойства накладывать запреты зависят от целого ряда факторов. Как правило, приверженность ценностям предполагает обязанность совершать конкретные действия по их реализации. Особенно если ценностная система имеет «активистский» характер, что в большинстве случаев присуще современным обществам, то это предполагает реалистическое признание вполне определенных условий для коллективного действия. Так, ценностные *системы* включают в себя категорию обязательств перед «ценностно обоснованными объединениями», солидарность в рамках легитимных коллективных взаимодействий и предприятий. Какие объединения являются ценностно обоснованными, это по-разному решается в конкретных обществах. Редко бывает возможно обеспечить легитимность ассоциации, связывая легитимизацию с вполне конкретными действиями, поскольку субъекты действия, чтобы иметь возможность реализовать свои ценности в меняющихся обстоятельствах, должны обладать достаточной свободой принятия решений. Одним из факторов, обуславливающих такую свободу, является высокий уровень генерализации ценностей, на основе которых осуществляется легитимизация объединения. Например, запрет на эксплуатацию человека человеком в экономических взаимодействиях весьма отличается от конкретного запрещения ссужения денег под проценты. Генерализация ценностных систем до такой степени, когда они становятся способными эффективно управлять социальным действием без опоры на подробно расписанные запрещения, является одним из центральных факторов в процессе модернизации.

На уровне культуры в качестве соответствующего аспекта ценностей выступает то, что принято называть моралью. Мораль предполагает оценку объектов опыта в контексте социальных отношений. Моральный поступок есть реализация культурной ценности в социальной ситуации, включающей взаимодействия с другими субъектами. Коль скоро речь идет о взаимодействии, здесь должны присутствовать стандарты, взаимно обязательные для его участников.

Моральные ценности — не единственный компонент ценностного содержимого культурной системы. Существуют другие, например эстетические, познавательные или собственно религиоз-

ные ценности. Культуры дифференцируются не только по линии морали; религия, искусство как область экспрессивной символизации, эмпирическое знание (в конечном счете наука) тоже становятся независимыми дифференцированными культурными системами. Наличие высокодифференцированной культурной системы со сложной сетью взаимосвязей является отличительной чертой современных, модернизованных обществ.

5.5. Функциональный анализ и «теории среднего уровня» Р. Мертона

В теории Парсонса речь шла в первую очередь о создании всеобъемлющей, универсальной теории и о кодифицировании в ее рамках понятий этой теории. Р. Мертону же напротив, важно было не создать теорию, а соединить структурно-функциональный анализ и эмпирическое социальное исследование. Поэтому «большой» теории он противопоставлял «теории среднего уровня» как альтернативу; они находятся между статистически-эмпирическими рабочими гипотезами и общей всеобъемлющей теорией. Эти «теории среднего уровня» представляют собой понятийные конструкции, которые еще можно проверить и обосновать эмпирически, но это уже нечто большее, чем обобщение эмпирических данных. Основополагающими понятиями «теорий среднего уровня» являются концепции «референтных групп», «явной и латентной функции», «аномии», «бюрократии», «социальной дисфункции» и т.п.

Построение таких теорий было важной частью работы Мертона, поскольку разделы эмпирических исследований часто далеко отстояли друг от друга. На протяжении своей научной деятельности Мертон участвовал в разработке теорий среднего уровня во многих областях, включая изучение референтных групп, бюрократии, массовой коммуникации. Многие из них он изложил в книге «Социальная теория и социальная структура» (1949).

5.5.1. Социальные дисфункции и латентные функции конфликтов

Р. Мертон отверг постулат антропологического функционализма, согласно которому общество представляет собой некое функциональное единство. По Мертону, не все социальные формы обязательно имеют положительные функции; гораздо чаще они обнаруживают остаток функциональных следствий и разви-

ваются и применяются посредством структурного напряжения между функциональными, дисфункциональными и нефункциональными следствиями. Также не существует неизбежных функциональных предпосылок, а одна и та же функция может в большинстве случаев выполняться альтернативными объектами. Отсюда он делает вывод: функции связаны с переменными структурами; существуют функциональные альтернативы для определенных функций. Принципиально особое внимание Мертон обратил на тот факт, что функции как объективные следствия действий людей отличаются от субъективного целеполагания. Функциональность системы и рациональность действий должны рассматриваться отдельно, хотя между ними существует связь. Мертон различал те функции, у которых совпадают сознательные субъективные намерения и объективные следствия, и именовал их «явными функциями». Латентные функции — это те, у которых объективные последствия отличаются от субъективных диспозиций, то есть эти следствия не предполагались или вызваны ненамеренно. «Вещь», институт могут иметь как явные, так и латентные функции. Явная функция машины — служить транспортным средством; латентные функции связаны с престижем, который обеспечивает дорогая машина.

Латентные функции конфликтов заключаются в их воздействии на повышение сплоченности группы. Религия имеет явные функции, но также и латентные, не общепризнанные следствия для социальной структуры вследствие большого значения, которое она придает традиции. Мертон считал латентные функции не только теоретическим инструментарием сложной и в какой-то степени иррациональной действительности, но и обязательными для социального планирования. «Социальный инженер», чтобы определенным образом изменить организацию, должен учитывать как явные, так и латентные функции институтов, традиций, характера поведения.

Прогноз латентных функций можно считать специфическим свойством социологического познания. Это прогноз связан с анализом в реальных исторических условиях влияния современных масс-медиа на политические, экономические и социальные решения. Он может проводиться в виде опросов. Результаты опросов перед политическими выборами, которые публикуются, могут так повлиять на избирателей, что они поведут себя совершенно иначе, и результаты выборов будут иными. Эффекты, играющие при этом роль, в американских социальных исследованиях были названы «эффектом попутчика» и «эффектом состра-

дания». В основном речь при этом идет об аналитическом учете социально-научной рефлексивности и собственной динамики, не отказываясь при этом от субъектно-объектного разделения.

5.52. Формы «ролевого набора» и разновидности референтных групп

Практика показывает, что людям свойственно анализировать свою ситуацию и ориентировать свое поведение, сравнивая себя с другими, ограничивая себя, уподобляя себя «другим», которые служат социальным обрамлением для самопознания и поведения индивидов. «Другими» могут при этом быть совершенно различные категории: собственная группа или коллектив, чужая группа, от которой хотят отмежеваться (негативная референтная группа), а также группы, к которым человек не принадлежит, но к членству в которых стремится. Могут иметь место ситуации, когда в определенной ситуации на поведение воздействует несколько референтных групп: например, сподвижники по профессиональному или политическому союзу, спортивному клубу, круг друзей, коллеги и др. Таким же образом можно дифференцировать поведенческие ожидания, которые возникают из роли индивида и которые представляют собой тогда ролевой набор различных ожиданий многих референтных групп в одной социальной роли. Между этими ожиданиями или поведенческим ориентированием могут существовать противоречия. В этой ситуации индивид оказывается перед ролевым конфликтом, внутри- или межролевым, в зависимости от того, относятся ли противоречивые ожидания к одной или нескольким ролям их носителя.

Р. Мертон использовал теорию референтных групп для иллюстрации своей концепции «теорий среднего уровня». С помощью аналитической концепции референтных групп можно объяснять характер поведения в его закономерностях и различиях, а именно — путем взаимодействия теоретической конструкции и эмпирического исследования.

5.53. Аномия и отклоняющееся поведение

Р. Мертон в своем анализе отклоняющегося поведения исходит из понятия аномии у Э. Дюркгейма. Тот трактовал аномию как состояние отсутствия норм в обществе. Мертон же определял аномию как отсутствие правил и предписаний (обычаев, нравов, институтов), которые устанавливают, как могут быть достигнуты цели, высокоценимые с точки зрения культуры.

Согласно Р. Мертону, аномия возникает вследствие несоот-

ветствия заданных культурой целей и институциональных возможностей индивидов в достижении этих целей. Люди стремятся преодолеть расхождение между целями и средствами с помощью определенного поведения. Индивиды демонстрируют принципиально различное отношение как к целям, так и к институциональным средствам, которые имеются в их обществе. Эти формы приспособления Мертон дифференцировал с точки зрения своей теории. В табл. 3 дается квалификация разных форм аномии.

Преобладание **конформизма** относительно культурных целей и средств характеризует общество как неаномичное. Напротив, остальные формы — это формы отклоняющегося поведения.

Таблица 3

	Цели	Средства
Конформизм	+	+
Инновация	+	-
Ритуализм	-	+
Ретритизм («уход»)	-	-
Мятеж	T	T

Индексы в таблице соответственно показывают следующее: — «+» — принятие, «-» — отвержение, T — отвержение традиционных ценностей и принятие новых.

Инновация: акцептирование целей и поиск новых путей их достижения. При этом речь может идти о положительном вкладе, но также и о негативно-девиантном поведении (криминал).

Ритуализм: приверженность обычаям, нравам, нормам не включает акцептирование целей.

Ретритизм: не принимаются ни цели, ни средства («аутсайдер»).

Мятеж: в этом случае старые средства и цели заменяются новыми.

Р. Мертон считал постоянный акцент на экономическом и социальном успехе как цепи в американском обществе «склон-

ностью», которая может привести к аномии, если эта цель будет сведена просто к сравнению результатов, без учета того, чтобы путь к ней тоже давал удовлетворение.

5.6. Функциональный анализ и системная теория Н.Лумана

Если Парсонс в своей функциональной концепции рассматривает функции как процессы дифференциации в системах, то Луман выводит понятие функции из уровня социальных систем, чтобы иметь возможность поставить вопрос о функции системных структур. Он проводит различие между функциональным анализом и системной теорией. Системная теория является основой применения функционального анализа, поскольку она конституирует проблему. По мнению Лумана, проблемы тесно взаимосвязаны и потому не могут определяться и решаться изолированно, как системные проблемы или как системы проблем. Поэтому теория должна выделить прежде всего специфический аспект проблемы из системных связей.

Понятия действия и системы у Лумана также могут быть сравнены с тем, как данные понятия определялись у Парсонса. У Лумана система конституируется смыслом, который, впрочем, она сама и производит. Поэтому коммуникационный процесс конституирует социальную систему как процесс, в котором возникает смысл и тем самым происходит образование системы. При такой предпосылке человеческое действие больше не может входить в системную теорию как субъективно обоснованное, а считается относящимся к системе. Действие становится «элементом для реляционирования», связью между прошлым и будущим системы. Действие как элемент социальной системы также не вызывает больше интереса относительно субъективной рациональности его цели; в гораздо большей степени цель включается в систему, и исследуется ее функция для системы. Для этого Луман вводит понятие «рациональность системы».

Понятие управления у Лумана и Парсонса также различаются. Парсонс полагал, что управление — это процесс в системе, Луман — что это вмешательство в решение проблемы. Современная системная теория делает тем самым несостоятельным и раскол между эмпирической и нормативной наукой. Теорией Парсонс и Луман считают организованную систему понятий.

Всякое определение некоторого понятия означает ограничение возможности других определений понятия, и теория предстает, таким образом, как контекст, сам себя имитирующий.

Понятие системы Луман определяет достаточно широко. Он различает три уровня системообразования, которые в то же время являются уровнями теории. Система понятий, которую Луман развил в «социальные системы», относится к уровню общей теории социальных систем, а не к уровню системной теории общества, организации или интеракции.

Намерением Лумана является создание универсальной теории социальных систем. Он хочет, чтобы это была единая теория, имеющая общую парадигму социологии в духе Томаса Куна, хотя он и не претендует на то, чтобы его концепция была «истинной в последней инстанции». Скорее, она должна дать универсальное определение предмета социологии, являясь продуктом смыслоструктурирующей системы.

5.61. Теория социальных систем Лумана

Предмет теоретической социологии, а если говорить в духе Лумана, теории социальных систем, социологической системной теории состоит не из «людей», а из «интеракций», «организаций», «общества», то есть тех аспектов, которые могут быть выделены с помощью символов. Если придерживаться предпосылки, что общество состоит из людей, то отсюда неизбежно последовал бы отказ от притязаний системной теории на универсальность, поскольку тогда она становится в онтологическом смысле «реальной» и тем самым не может больше соотноситься сама с собой. Человек в теории Лумана — не система и не часть системы, а окружающая среда системы, поскольку он всегда сложнее, чем система. Однако это условие является не столько логической предпосылкой системной теории, сколько интерпретируется как результат социокультурной эволюции, хотя и в другой связи. Если теория Хабермаса постоянно направлена на действительность вне теории, на которую последняя должна воздействовать посредством анализа и критики, то универсальная теория Лумана вращается вокруг самой себя, является своей собственной действительностью. Использование Хабермасом понятия «система» предполагает всегда существование далекой от теории и заданной действительности; понятие «системы» у Лумана самодостаточно, он растворяет «мир» в отношениях «система/окружающий мир», которые воспроизводят сами себя.

Основным понятием теории социальных систем является понятие комплексности. Множество элементов являются комплексными, если вследствие ограниченной возможности сочетаний каждый элемент не может быть больше соединен с любым другим. Социальный окружающий мир является комплексным, если его нельзя больше рационально реконструировать. Для установления смысла необходимо выбрать определенные элементы и связи, редуцировать комплексность посредством системообразования, то есть как ограничение допускаемых в системе связей. Структура соотношений комплексной связи реконструируется посредством второй связи с меньшим количеством соотношений (редукция комплексности). Образование системы происходит посредством селекции из комплексного окружающего мира. Поэтому окружающий мир всегда по определению отличается большей комплексностью, чем система. Человек как реальное существо обыденной жизни находится вне системы, поскольку не является предметом анализа. Самореференция означает, что система организует себя сама, а именно—посредством отбора элементов и связей, которая может быть рефлексивно соотнесена с процессом селекции (процессуальная самореференция) и изображена как дифференцированная «система—окружающий мир» (системная референция).

Важными элементами социальной системы являются коммуникации. Селекция происходит на основании ожиданий и ожидания ожиданий. Коммуникацию нельзя наблюдать прямо, поскольку она состоит из информации, сообщения и понимания как единого целого. Именно в единстве этих трех составляющих коммуникации заключается «смысл» как «избыток ссылок на возможности переживания и действия».

По Луману, социальные системы состоят из коммуникаций и конституируются через их смысл, но они должны считать себя действием, чтобы иметь возможность наблюдать за собой. Таким образом, общественные системы—это прежде всего коммуникационные системы, однако они включают в «селективный синтез» коммуникации интерпретацию коммуникации как действия и тем самым описывают сами себя как системы действий.

Соотношение личности и социальной системы рассматривается с точки зрения концепции взаимопроникновения. Человек является окружающим миром социальных систем, поскольку он сложнее, чем любая система коммуникации. В то же время вследствие наличия двух участников никакая коммуникационная система не может быть сведена к одной личности. Лич-

ность же, в свою очередь, состоит из систем, психической и органической. Между ними и социальной системой происходит взаимопроникновение. При этом речь идет о чем-то отличном от того, что имел в виду Парсонс под отношениями обмена или входа-выхода. Благодаря взаимопроникновению две системы взаимно делают возможными друг друга тем, что они привносят в другую систему уже конституированную собственную комплексность.

Автор теории социальных систем проводит различие между социальным и человеческим взаимопроникновением. Последнее возможно только посредством коммуникации и раскрывает сферу близости между двумя людьми. Но очевидно, что человеческое взаимопроникновение включает также потенциальную некоммуникабельность. Нравственность и мораль Луман квалифицирует как некую технику, которая выполняет функцию объединения социального и межчеловеческого взаимопроникновения.

Структуризация социальных систем происходит посредством селекции на основе критериев «иерархии» и «функции». Эти морфогенетические принципы социальных систем обосновывают структуры ожидания. Часто они патентны, то есть неосознаваемы, и эта латентность выполняет определенную системосохраняющую функцию. Упорядочение ожиданий в социальной системе происходит посредством идентификации «персон», «ролей», «программ» и «ценностей». Луман определяет «персоны» как социальную идентификацию комплекса ожиданий, которые направлены на отдельного человека. Напротив, «роль» — это всегда часть поведения человека, которая может восприниматься как целостность многими и сменяемыми людьми. Это расхождение персонально адресованных ожиданий и ролевых ожиданий является результатом социокультурной эволюции. «Программы» являются упорядочением ожиданий, которые выходят за пределы возможностей поведения индивидов; они принимают характер стратегий, если могут быть изменены в ходе своего осуществления. «Ценности» представляют собой общие, по отдельности символизированные преимущества состояний или событий.

Социальные конфликты Луман считает социальными системами особого рода. Как и все системы, они имеют тенденцию к самовоспроизведению и сохранению. Поэтому окончание социальных конфликтов не может происходить через саму систему, а лишь из окружающего систему мира. Он выделяет у соци-

альных систем два основных типа системообразования—интеракции и общества. Интерактивные системы характеризуются наличием лиц, которые определяют коммуникацию и ожидания, являющиеся ее основой. Поэтому в интерактивных системах вполне возможно межчеловеческое взаимопроникновение.

Интерактивные и общественные системы — это типы социальных систем, которые отмечают крайние позиции. Между ними находится тип организованной системы, в котором, в свою очередь, наблюдаются специфические принципы селекции и вариации. Принципом его организации является членство, в то время как у простых социальных систем (интеракций) — это присутствие, а общественные системы просто определяются коммуникативной доступностью. И лишь на уровне общественной системы и ее подсистем возможна эволюция, то есть изменение системных структур посредством вариации, селекции и реставрации.

5.62. Понятие общества

Н. Луман отмечает, что трудность в уточнении понятия общества связана со следующими тремя трудностями познания:

1. Гуманистическим предубеждением, согласно которому общество состоит из людей и отношений между ними. Неясно, состоит ли оно из рук и ног, мыслей и энзимов, и какие операции характерны для общества, если к нему относится и химия клетки, и алхимия бессознательных вытеснений. Очевидно, что здесь имеет место нестрогость понятий, и теоретик сам нуждается в помощи.

2. Предубеждением о территориальном многообразии обществ, согласно которому, например, Парагвай — это одно общество, а Уругвай — другое. Однако попытки строгого территориального разграничения обществ по государственной организации, языку, культуре, традициям оказываются безуспешными, так как это различия внутри общества, а не между обществами. Иначе получается, что социология пытается решить свои проблемы с помощью географии.

3. Теоретико-познавательным предубеждением, состоящим в различении субъекта и объекта познания и признающим познание как таковое лишь когда ему удастся избежать переплетения со своим предметом. Якобы лишь субъекты обладают привилегией самореференции, а объекты являются такими, каковы они есть. Но общество является самоописывающим объектом, общественные теории являются теориями общества в обществе.

Если это было бы недопустимо в теоретико-познавательном отношении, то невозможно было бы дать строгое понятие общества. Иначе говоря, понятие общества должно быть автологичным, содержать само себя. Вне социологии такой подход уже давно получил признание.

Уточнение понятия общества связано с выдвижением соответствующей теории, для чего уже имеется достаточно импульсов в развитии междисциплинарных наук: кибернетики, системной теории, теории эволюции, теории информации.

При разработке понятия общества предлагается исходить из понятия системы, первое несколько необычное и важное уточнение которого состоит в том, что под системой понимаются не определенные сорта объектов, а определенное различие, а именно: различие системы и окружающей среды. Система — это форма различения, которая имеет две стороны: систему (внутреннюю сторону формы) и окружающую среду (внешнюю сторону формы). Лишь обе стороны производят различение, производят форму, производят понятие. Окружающая среда для этой формы является столь же важной и необходимой, как и сама система. Все описываемое и наблюдаемое с помощью этого различения, относится либо к системе, либо к окружающей среде. Правда, вследствие такой малой степени сложности теории пока следует отказаться от обсуждения трудных вопросов о единстве системы и границе формы и ограничиться выяснением способа различения системы и окружающей среды.

Система, по мнению Лумана, является производимым произведением, точнее, формой различения системы и окружающей среды. Это обозначается понятием аутопойэсиса. Тот факт того, что система не может оперировать за своими границами и все ее операции являются внутренними, отражается понятием оперативной закрытости системы, которое ни в коем случае не означает автаркию системы или когнитивный солипсизм.

Таким образом, понятие оперативно закрытой аутопойэсической системе является первым этапом прояснения понятия общества, на котором из общественной системы исключаются люди и страны, а включаются операции самонаблюдения и самоописания. Однако люди и страны с их демографическими и географическими особенностями не теряются для теории, так как относятся к окружающей среде как к неизбежному компоненту различения, к форме системы. Они просто находятся не там, где их предполагали с фатальными последствиями для развития теории, не в обществе, а в его окружающей среде.

Наиболее важная часть работы над понятием общества, по мнению Лумана, состоит в точном выяснении операций, которые воспроизводят общественную систему из собственных продуктов, что позволяет добиться строгости понятия общества. В этой связи предлагается перестроить социологическую теорию на основе понятия коммуникации вместо понятия действия. Понятие социального действия не позволяет дать корректное понятие общества, так как действие соотносится с несоциальными величинами — субъектом, индивидом, живым телом, то есть местом в пространстве. Понятие коммуникации, напротив, позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую, аутопойэтическую систему, элементы которой — коммуникации воспроизводят себя посредством сети этих элементов — сети коммуникаций. Воззрение на общество как на аутопойэтическую систему коммуникаций, операциями воспроизводства которой являются коммуникации, делает понятие коммуникации решающим для определения понятия общества. Таким образом, построение теории общества должно осуществляться с двух точек зрения: системной и коммуникативной. Лишь так оно приобретает требуемую строгость. В данном случае понятие коммуникации не сводится ни к понятию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и констатации участия другого, ни к переносу информации от одного места к другому, так как оно не связано с носителями, конституированными вне коммуникации. Напротив, комбинация системной теории и теории коммуникации требует понятия коммуникации, позволяющего сказать, что все коммуникации производятся только коммуникацией в окружающей среде, допускающей и обеспечивающей это.

Понятие коммуникации основано на различении и синтезе информации, сообщения и понимания. Если такое различение имеет место, как в случае языка, то коммуникация может занимать сама собой, так как она достаточно сложна для этого. Следовательно, она может заниматься информацией, реальными высказываниями, трудностями понимания смысла коммуникации, его принятием или отклонением. Таким образом различение информации, сообщения и понимания является различением, производящим различение. Будучи однажды совершенным, оно поддерживает деятельность системы.

Мертон отмечает, что отдельное событие коммуникации завершается вместе с пониманием. Понятое может быть либо положено в основу дальнейшей коммуникации, либо нет, то есть коммуникации могут быть восприняты или отклонены. Следо-

вательно, коммуникации не обладают имманентной, квазилеологической тенденцией к консенсусу, иначе это означало бы конец истории. Напротив, коммуникация создает на каждом своем шаге бифуркацию восприятия и отклонения. Каждое коммуникативное событие закрывает и открывает систему. Только благодаря этой бифуркации может иметь место история, ход которой зависит от того, какое направление будет избрано: «да» или «нет». Вместе с таким понятием коммуникации на место обычных трудностей познания обычной теории общества выступают проблемы, лучше подходящие для теоретического исследования.

Из понятия коммуникации следует, по мнению Лумана, что конкретные люди являются не частью общества, а частью его окружающей среды. Если о ком-то говорят или пишут, это еще не социальное отношение, социальной операцией является лишь сама коммуникация.

Понятие территориальных границ, пишет Луман, также становится излишним, и излишне предположение о многообразии региональных обществ. Эволюция социокультурного мира благодаря языку, письменности, телекоммуникации настолько уменьшает значение пространственных отношений, что сегодня коммуникация определяет оставшееся значение пространства, а не наоборот.

Посредством коммуникации общество может тематизировать себя, информировать себя о собственных коммуникациях, подвергать информацию сомнению, отклонять ее, нормировать коммуникации как допустимые или недопустимые и т.д. Тем самым ясно двойное положение вещей: что общество является самоописывающей и самонаблюдающей системой, и что оно не только может использовать свой способ операций, но и должно это делать, чтобы осуществить такие самореферентные операции.

5.63 Общество как система коммуникаций

Согласно Луману, теперь можно определить понятие общества: общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопойэтически в совокупности всех коммуникаций. Эмерджентность такой системы включает коммуникации, так как они способны к подключению лишь внутренним образом, все иное они исключают. Воспроизведение одной из таких систем требует способности различения системы и окружающей среды. Коммуникации могут опознавать себя, отличать себя от других обстоятельств, относящихся к ок-

ружающей среде в том смысле, что хотя и можно совершать коммуникацию через них, но не с ними.

При использовании такого понятия общества мы теряем возможность делать высказывания о «человеке» (в единственном числе) для того, чтобы действительно начать с этого. Впервые «человек» появляется в теории лишь в 18 веке, когда еще не было возможности адекватно описать общество и приходилось пускаться в иллюзии «общество—будущее—человек», различать плохих и хороших людей, предаваясь тем самым морализаторству. Другие следствия из понятия общества касаются языка, отношения индивидуума и общества и понятия рациональности.

Системно-теоретическое понятие общества требует отказаться считать язык системой, т.к. невозможно одновременно понимать общество и язык как систему. Вместо понятия системы в отношении языка применяется понятие структурного соединения. Значение языка состоит в том, что он обеспечивает отдельное существование и структурное соединение коммуникации и сознания, индивидуума и общества. Благодаря своеобразию языка в акустической среде звуков и в оптической среде письменности он обеспечивает структурное соединение коммуникации и сознания, а также повышает возбудимость сознания посредством коммуникации и возбудимость общества посредством сознания.

Одновременно он исключает другие источники возбуждения социальной системы: язык изолирует общество почти от всех событий окружающей среды физического, химического рода или событий, формирующих образ жизни, за исключением единственного возбуждения импульсами сознания. Эта почти полная изоляция общества является условием его оперативной закрытости и возможностью построения высокой собственной сложности. По мнению Лумана, следует категорически исключить и «участие» индивидуума в обществе. Между ними нет никакой коммуникации, так как коммуникация всегда является внутренней операцией общественной системы. Поэтому общество никогда не может выйти за свои пределы с помощью собственных операций и охватить индивидуума. Это очевидно, (но почему же это не воспринимают?). Индивидуум, конечно, имеет возможность представить себе общество, а коммуникация использует личности в качестве адресатов и тем, но сама она работает не людьми, а с именами. Каждый не есть «я» точно так же, как слово «яблоко» не является яблоком. Индивидуальность — это продукт собственной деятельности индивидов посредством собственных операций.

Следовательно, делает вывод Луман, не существует никакой нормативной интеграции людей в обществе, а имеется лишь соответствующая схема наблюдения (например, суд, средства массовой информации как системы коммуникации), определяющая, согласуется ли поведение с нормами или нет. Реальная основа норм и консенсуса открывается при наблюдении наблюдателя, и если отказаться считать бога наблюдателем мира, то остается множество других возможностей определения наблюдателя. Таким образом понятие структурного соединения поясняет, что, несмотря на оперативную закрытость, в мире не происходит все, что угодно. Структурные соединения производят селекцию возбуждений и обеспечивают соответствующие тенденции в развитии самодетерминации структур, которые зависят от вида релевантных возбуждений. Например, биологические организмы настроены на силу тяготения Земли, часто очень специфически. Человек находится в особых шумах, которые составляют язык, и учится говорить. Каждое общество обеспечивает социализацию индивидуумов. Язык является бинарно кодированным и может ответить на каждое сообщение утвердительно или отрицательно. Каждая норма будет направлена против отклоняющегося поведения. Тем самым общество размещает полностью бесконтрольных индивидуумов в опциональную схему, но соглашается с тем, что то, что невозможно изменить, является свободой и делает это в настолько схематизированной форме, что коммуникация может быть продолжена через «да» или «нет», через конформное или отклоняющееся поведение, в зависимости от того, как решит индивидуум. С точки зрения эволюции в этом состоят эволюционно крайне невероятные, очень высокоселективные механизмы разделения и соединения систем свободы и порядка.

5.7. Конструктивистский структурализм Бурдье

Под конструктивизмом Бурдье понимает признание социогенеза, в котором участвуют, с одной стороны, модели восприятия, мышления, поведения, составляющие габитус, с другой стороны, социальные структуры, в частности поля и группы, особенно те, что принято называть социальными классами.

5.7.1. Объективизм и субъективизм

По мнению Бурдье, во всякой социальной науке — антропологии, социологии, истории — сосуществуют два внешне непри-

миримых направления: объективизм и субъективизм или физикализм и психологизм (в различных интерпретациях). Первое предлагает рассматривать социальные факты в качестве вещей в соответствии с известным требованием Э.Дюркгейма, и таким образом не учитывает, что они являются объектами познания — или ложного познания. Второе редуцирует социальную реальность к субъективным представлениям о ней и сводит роль общественных наук к «оценке мнений» социальных субъектов. Эти две позиции, по мнению Бурдье, нечасто встречаются в научной практике в столь откровенных и взаимоисключающих формах. Объективизм наиболее последовательно изложен в учениях Дюркгейма и Маркса, хотя Дюркгейм как сторонник кантианства признавал, что познание социальной реальности невозможно без логического инструментария. Субъективизм характерен для этнометодологии понимающей социологии А. Шютца. Концепции Дюркгейма и Шютца демонстрируют противоположность подходов: в первой овладение научным знанием предполагает отвлечение от первичным представлений, названных «допонятийными» Дюркгеймом и «идеологическими» Марксом. Во второй утверждается генетическая связь научного знания с повседневным знанием, выступающим научным понятием в преобразованном «вторичном» виде.

В концепции Бурдье предпринимается попытка преодолеть указанное противоречие и доказать диалектическую связь объективизма и субъективизма. Действительно, доказывает он, если объективные структуры составляют основу субъективных представлений, регулируют взаимодействия субъектов, то субъективные представления играют определенную роль в постоянных индивидуальных и коллективных столкновениях, направленных на трансформацию или поддержание данных структур. В этом рассуждении субъективистский компонент, вопреки его внешней близости к интеракционизму или этнометодологическому анализу, имеет качественное своеобразие: представления рассматриваются как таковые и связываются с положением соответствующих субъектов и структуре.

Окончательно изжить искусственное противопоставление структуры и представлений, по мнению Бурдье, возможно только отказавшись от субстанциализма как образа мышления. Важной заслугой структурализма стало приложение к социальному миру характерного для современных физики и математики реляционного принципа, идентифицирующего реальность с взаимосвязями, а не с субстанциями. Социальная реальность, о ко-

торой говорил Дюркгейм, представляет собой сеть невидимых связей, складывающихся между социальными объектами; это различные поля, внешние по отношению друг к другу, определяемые по положению относительно друг друга — близкому или удаленному, нижнему или верхнему, промежуточному или срединному. Социология в ее объективистском толковании, говорит автор, — это социальная топология, анализ релятивных положений и соединяющих их объективных связей.

В некотором смысле социальное пространство можно сравнить с географическим пространством, разделенным на регионы. Но и в физическом пространстве обнаруживается следующая закономерность: чем ближе друг к другу расположены субъекты, группы или институты, тем больше у них общего, и наоборот. Теоретически пространственные удаления совпадают с социальными дистанциями, но в действительности, несмотря на всеобщую тенденцию к расслоению и сближению одновременно по социальному и пространственному признакам, социально удаленные субъекты также могут взаимодействовать в физическом пространстве, хотя их контакты кратковременны и непостоянны. Поддающиеся наблюдению и регистрации, «ощутимые» взаимодействия скрывают реализующиеся в них структуры. Это как раз один из тех случаев, когда видимое, непосредственно данное, скрывает детерминирующее его невидимое. Нельзя забывать, что наблюдения не помогут постичь сущность взаимодействий. Простой пример может продемонстрировать различие как между структурой и взаимодействием, так и между разделяемым автором структурализмом и так называемым интеракционизмом во всех его формах (и в частности, этнометодологии). Речь идет о «проявлениях снисходительности», когда субъекты, занимающие высокое положение в иерархических системах объективных полей, символически отрицают существование социальных дистанций, которые в действительности сохраняются. Таким образом они добиваются признания своего положения и преимуществ от сближения или сохранения дистанции, то есть и от самой дистанции, и от ее признания путем чисто символического отрицания.

Бурдье ставит вопрос о том, какова же суть объективных связей, которые намного глубже и сложнее, чем их очевидные проявления? Эти объективные связи представляют собой соотношение позиций в сфере распределения ресурсов, приобретающих активный, эффективный характер в конкурентной борьбе. Как показали эмпирические исследования, основные типы со-

циальной власти обеспечиваются тремя видами капитала: экономическим в различных формах, культурным и символическим, в форме которого могут выступать все признанные легитимными виды капитала. Субъекты в социальном пространстве располагаются в соответствии с суммарным объемом принадлежащих им различных видов капитала и в соответствии со структурой их капитала, то есть долями различных видов капитала (экономического и культурного) в его общем объеме,

5.72. Субъективизм и объективизм о социальной структуре

Если субъективизм сводит социальную структуру к взаимодействиям индивидов, то объективизм, напротив, стремится из структуры дедуцировать социальные действия и взаимодействия. Основная теоретическая ошибка Маркса, с точки зрения Бурдьё, состоит в том, что он воспринимал гипотетические классы как реальные, исходя из объективно существующих однородных условий, обусловленных идентичностью позиций в социальном пространстве, и объединил людей в определенные группы — классы.

Понятие социального пространства позволяет выйти за рамки альтернативы номинализма и реализма при рассмотрении социальных классов политической системе, формирующей социальные классы как устойчивые группы с установленным юридическим статусом и постоянным представительным органом. По Марксу, классы создаются политической системой, и процесс идет успешнее, если он подкреплён обоснованной теорией, способной произвести «идеологическое воздействие», то есть навязать определенный образ мышления.

Итак, настаивает Бурдьё, нам удастся избежать чистого физикализма, сохраняя при этом объективистский подход: группы — в данном случае социальные классы — должны быть созданы. Они не являются данностью, присущей социальной реальности. Но нельзя забывать, что объективистская социальная реальность — это, помимо всего, объект восприятия. Соответственно в предмет социальной науки должна включаться как сама реальность, так и ее восприятие, представление о ее развитии, возникающие у субъектов в зависимости от их положения в реальном социальном пространстве. Все стихийные воззрения, научные теории, спонтанное видение мира составляют часть социальной реальности и могут приобретать совершенно реальную созидательную силу.

Объективистский разрыв, по его мнению, с допонятийными представлениями, идеологиями, стихийными воззрениями — это

неизбежный, необходимый этап научного процесса, предшествующий следующему, более сложному разрыву с объективизмом и возвращению на более высоком уровне элементов субъективизма, исключенных для конструирования социальной реальности.

5.73. Задачи социологии по конструированию мировоззрения

Теперь социология должна включить и социологию восприятия социального мира, то есть социологию конструирования мировоззрений, способствующих, в свою очередь, конструированию реальности. В то же время мировоззрения обусловлены положением субъектов в социальном пространстве, что объясняет и их возможное несовпадение и даже антагонизм. Установки и ориентации субъектов, их габитус, ментальная модель постижения социального мира возникают в результате интернализации структур социальной реальности. Стремясь соответствовать занимаемому субъектом положению, индивидуальное мировоззрение считает установленный порядок естественным и принимает его.

Таким образом, в ходе поиска инвариантных форм восприятия или конструирования социальной реальности выясняется следующие: 1) конструирование происходит не в социальном вакууме, подчинено структурным требованиям; 2) структурирующей структуры, когнитивные структуры в силу своего социального происхождения также социально структурированы; 3) в конструировании социальной реальности участвуют не только отдельные индивиды, но и группы субъектов. Представления субъектов варьируются в зависимости от социального положения (и соответствующих ему интересов). Это выступает в виде систематизированных моделей восприятия и оценки, когнитивных и оценочных структур, достигаемых в ходе длительного опыта социальной позиции.

Автор считает, что классификационные модели объективно привязаны к социальным условиям: в соответствии с индивидуальными вкусами и влечениями субъекты осуществляют классификацию путем отбора разнообразных атрибутов, стилей одежды, пищи, напитков, видов спорта, друзей, которых они считают приятными, или, точнее, соответствующими своему положению. Следовательно, заключает Бурдье, субъекты ищут соответствия положений в различных полях социального пространства.

Кроме того, наличие классификационных суждений доказывает, что социализованные субъекты способны постичь связь между стилем жизни и положением в социальном пространстве.

Отмечая значительные расхождения на уровне субъективных восприятий, следует также учитывать изменчивость и неоднозначность самой социальной реальности. Социальная реальность не предстает полным хаосом, создаваемым произвольно, лишенным необходимости, так как в ней через габитус установлено соответствие положения и образа жизни. Но она лишена и жесткой структурированности, способности подчинить каждого субъекта принципам своего построения. Возможно множество различных трактовок и моделей социальной реальности в соответствии с исходными принципами ее рассмотрения и разделения, например, по экономическим или этническим показателям. Известно, что в индустриально развитых странах наибольшей силой дифференциации обладают экономические и культурные факторы; вместе с тем сохраняется и возможность организации индивидов по другим признакам — этническим, религиозным, национальным.

Хотя в социальном мире потенциально существуют многочисленные структурные образования, общества в целом представляет собой высокоструктурированную реальность, где субъекты, обладающие определенными характерными признаками, систематически связаны друг с другом. В реальной жизни эти характерные признаки, улавливаемые наиболее восприимчивыми субъектами, выступают в качестве символов, отличительных черт, положительных или отрицательных, отмечаемых неосознанно и непреднамеренно. Иными словами, социальный мир, в котором происходит дифференциация характерных признаков, является организованной по законам дифференциации символической системой, полем пересечения различных стилей жизни и статусов.

Следовательно, делает вывод Бурдье, образ социальной реальности возникает в результате двойного структурирования: на объективном уровне он социально структурирован вследствие комбинирования присущих субъектам и институтам характерных признаков, распределяющихся достаточно неравномерно, на субъективном уровне он структурирован, поскольку модели восприятия и оценки, особенно фиксированные в языке, отражают строение связей символической масти.

5.74. Модели восприятия

Существует множество моделей восприятия и отображения объектов социальной реальности, что обусловлено их значительной расплывчатостью и неопределенностью и соответственной

семантической неоднозначностью: действительно, даже сочетания наиболее стабильных признаков формируются на основе статистических соотношений взаимозаменяемых характеристик; кроме того, объекты могут изменяться во времени, так что их знания остаются относительно неопределенными. Этот объективный элемент неопределенности — часто подкрепленный полисемичностью понятий — составляет основу многообразия мировоззрений и одновременно создает основу для символической борьбы за власть и право формировать и навязывать определенное представление о легитимном порядке.

Символическая борьба, по мнению Бурдьё, может происходить в двух формах. На объективном уровне предпринимаются действия в форме индивидуальных или репрезентативных актов, осуществляемых для выявления и акцентирования определенных реалий. Например, массовые манифестации проводятся для утверждения единства, демонстрации численности, силы, сплоченности группы. Индивиды прибегают к различным способам самопрезентации, прекрасно проанализированным И. Гофманом, которые позволяют им приукрашивать свой образ и особенно (что Гофман упустил) представление об их положении в социальном пространстве. На субъективном уровне производится трансформация восприятия и оценки общества, когнитивных и оценочных структур. Именно категории восприятия, системы классификации — слова и понятия, конструирующие социальную реальность и отображающие ее, являются основной ставкой политической борьбы, ведущейся за возможность навязывать легитимные принципы видения и разделения мира, то есть за легитимное использование идеологического воздействия.

Символическая борьба, и повседневная индивидуальная, и политическая коллективная, имеет специфическую логику, обеспечивающую ей реальную независимость от тех структур, в которые она вписана. Поскольку символический капитал есть не что иное, как признанный экономический или культурный капитал, соответствующий навязываемым категориям восприятия, символическая власть стремится воспроизвести и укрепить отношения подчинения, составляющие структуру социального пространства. Конкретнее, легитимизация социального порядка осуществляется не столько с помощью символического обмана или целенаправленного воздействия пропаганды, сколько через признание субъектами соответствия структур восприятия и оценки объективным структурам и ощущение миропорядка как само собой разумеющегося.

5.75. Символическая власть

Объективные отношения подчинения воспроизводятся в отношениях символической власти. В символической борьбе за формирование общественного сознания, или, точнее, за монопольное право на законное обозначение существующих реалий, субъекты используют приобретенный в предшествующей борьбе символический капитал, дающий юридические гарантии. В этом смысле, дворянские титулы, как и образовательный ценз, представляют реальные проявления символической собственности, обеспечивающие общественное признание. Но здесь следует избегать крайнего субъективизма; ведь символический порядок, как и рыночные цены, не есть простая арифметическая сумма индивидуальных порядков. С одной стороны, при определении объективной классификации и иерархии ценностей, присущих индивидам и группам, наиболее весомыми оказываются суждения людей, обладающих значительным символическим капиталом. Это оказывается возможным в современном обществе благодаря их фактической монополии на институты типа системы образования, официально учреждаемые и обуславливающие социальное положение. С другой стороны, символический капитал получает официальные гарантии и юридическое обоснование через официальное признание. Существует официальное мировоззрение официальных лиц, выраженное в официальной речи. Последняя выполняет три функции: во-первых, она наделяет каждого субъекта идентичностью; во-вторых, в административных директивах, приказах, распоряжениях содержатся указания, что должно быть сделано; в-третьих, официальные отчеты отмечают, что реально сделано.

5.76 Борьба классификаций и борьба классов

Бурдье пишет, что борьба классификаций лежит в основе борьбы классов. Власть, навязывающая определенные представления, выявляющая и определяющая имплицитное социальное расслоение, преимущественно оказывается политической властью: она способна создавать группы, манипулировать объективной структурой общества. Путем обозначения, названия власть организует в институциональные, конституированные группы простые множества людей, непосредственно пересекающихся индивидов.

Каким же образом появляется представитель группы, облеченный властью выступать и действовать от ее имени, использующий лозунги, призывы или команды и предстающий вопло-

щением группы? Подобно древнему властелину, устанавливавшему и поддерживавшему социальные различия и таким путем конституировавшему социальные группы, профсоюзные или политические лидеры, должностные лица или государственные эксперты олицетворяют множество фиктивных социальных образований, которым они дают жизнь и от которых получают власть. Представитель замещает группы, и последняя через него выражает свои интересы. Представитель группы — это персонафицированная группа. Класс (народ, нация или другая социальная общность) существует, если находятся люди, готовые олицетворять его, официально выступать от его имени, которые будут восприниматься как члены этого класса.

ЧАСТЬ 6

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Возрастание роли коммуникации предопределило роль осмысления социальных отношений под углом зрения коммуникативного обмена. Во многом в основе различных игровых концепций, концепций социального обмена и концепции символического интеракционизма лежит бихевиористская концепция.

6.1. Основные принципы бихевиоризма

Бихевиоризм — это не просто наука о поведении людей, а теория этой науки. Некоторые вопросы, которые он поднимает, звучат следующим образом: возможна ли вообще такая наука; способна ли она представлять все аспекты поведения людей; какие методы она может использовать; являются ли ее законы такими же строгими, как законы физики или биологии; выходит ли она за пределы чистого управления поведением, и если да, то какую роль она играет в человеческом общении. Особое значение имеет ее влияние на более ранние формы обращения с тем же самым субъектом. Человеческое поведение — наиболее общая характеристика мира, в котором мы живем. Поэтому социологи-бихевиористы исходят из того, что на эту тему необходимо говорить намного больше, нежели на любую другую тему.

6.11. Предубеждения против бихевиоризма

Ниже приводится множество определенных мнений, которые приходится слышать о бихевиоризме как науке о человеческом поведении. Данную схему, отражающую главные обвинения в адрес бихевиоризма, сформулировал современный представитель бихевиористского направления социологического анализа Б. Скиннер. Итак, о бихевиоризме говорят, что он:

— игнорирует наличие категории сознания, чувственных состояний и душевных переживаний;

— опираясь на тот аргумент, что все поведение приобретает в течение индивидуальной истории, он пренебрегает врожденными способностями человека;

— под человеческим поведением понимает просто совокупность ответных реакций на определенные раздражители, таким

образом индивид описывается как автомат, робот, марионетка, машина;

— не пытается учесть когнитивные процессы;

— в бихевиоризме не отводится место для изучения намерений или целевых установок человека;

— бихевиоризм не может объяснить творческие достижения в изобразительном искусстве, музыке, литературе или точных науках;

— в нем не отводится место индивидуальному ядру личности или его самочувствию;

— он по необходимости является поверхностным и не в состоянии обращаться к глубинным слоям души или индивидуальности;

— ограничивается прогнозом и контролем поведения человека и не касается на этом основании сущности человека;

— работает с животными, особенно с белыми крысами, а не с человеком, поэтому его картина поведения человека ограничивается теми чертами, которые человек разделяет с животными;

— результаты, полученные в лабораторных условиях, не применимы к повседневной жизни. То, что высказывается по поводу поведения человека, есть лишь необоснованная метафизика;

— наивен и излишне упрощен. То, что выдается в качестве действительных фактов, является либо тривиальным, либо уже давно известным;

— выглядит скорее наукообразным, нежели научным, и скорее подражает естественным наукам;

— его технические результаты (успехи), достижимы и посредством использования здорового человеческого рассудка;

— если утверждения бихевиоризма должны иметь силу, то они должны относиться и к бихевиористски ориентированным исследователям. Отсюда следует, то, о чем они говорят, является неверным, поскольку их высказывания обусловлены лишь их способностью делать такие высказывания;

— «дегуманизирует» человека, он релятивирует все и разрушает человека как человека;

— занимается лишь общими принципами, пренебрегая уникальностью каждого индивида;

— по необходимости антидемократичен, поскольку испытуемые подвергаются манипуляции со стороны исследователя, поэтому его результаты могли бы быть использованы скорее диктатором, чем благонамеренными государственными деятелями;

— рассматривает абстрактные идеи, например мораль или правосудие, исключительно как фикции;

— безразлично относится к теплу и многообразию человеческой жизни, несовместим с творческой радостью в изобразительном искусстве, музыке и литературе, а также с истинной любовью к ближнему.

Перечисленные утверждения, как представляется, являются собой удивительно неправильное понимание значения и достижений данной научной парадигмы. Как объясняется такое непонимание? Представляется, что для ответа на эти вопросы необходимо вернуться к истокам бихевиоризма.

6.12. Истоки бихевиоризма

Первым ученым, определенно считавшим себя бихевиористом, был Джон Уотсон, который в 1913 г. опубликовал своего рода манифест под названием «Психология глазами бихевиориста» («Psychology as the Behaviorist Views it»). Уже само название произведения говорит о том, что Уотсон отнюдь не собирался создавать новую науку, а лишь придерживался мнения, что психология, начиная с того момента, должна была заниматься изучением поведения. Стратегически это было, пожалуй, ошибкой, поскольку большинство психологов того времени придерживались точки зрения, что они должны исследовать душевные процессы в мире сознания. По этой причине они, естественно, не были готовы согласиться с Уотсоном. Ученые, стоявшие у истоков бихевиоризма, тратили массу времени на борьбу с интроспективной методикой исследования духовной жизни, из-за чего центральное значение основного предмета их исследования было отодвинуто на второй план.

Сам Уотсон сделал несколько важных наблюдений относительно инстинктивного поведения. Фактически он был одним из первых современных этологов. Однако изучение способности организма к обучению произвели на него такое впечатление, что он несколько преувеличил способности новорожденных младенцев к обучению. Впоследствии он сам признал это преувеличением, но с тех пор этот факт всегда приводят в пример, чтобы показать якобы необъективность Уотсона. Новая форма науки, разработанная им, появилась в некотором смысле преждевременно, ибо он имел в распоряжении весьма немного научно достоверных фактов из области поведения, прежде всего человеческого. Для каждой новой формы науки всегда возникает проблема, состоящая в том, что поначалу она располагает слиш-

ком малым количеством фактов. Для научной развивающейся и претенциозной программы Уотсона, которая касалась такой широкой области, как человеческое поведение, это обстоятельство было весьма существенным недостатком. Ему требовалось больше фактического материала, чем он мог найти. Поэтому неудивительно, что многое из того, что он говорил и писал, кажется наивным или слишком упрощенным.

Научный материал бихевиоризма, который имел в своем распоряжении Уотсон, касался условных и безусловных рефлексов. Но его понятие безусловного рефлекса было подчинено принципу причинности, который соответствовал схеме действия и противодействия и слишком сильно соответствовал распространенному в 19 веке представлению о механизме. Это представление господствовало и в работах русского физиолога И. П. Павлова, опубликованных примерно в то же время. Психология «стимула и реакции», развивавшаяся на протяжении последующих 3-4-х десятилетий, также не изменила этого представления.

Из всех результатов, достигнутых им, наибольшее значение придавалось тем, которые легче всего можно было повторить на опыте. Большей частью они основались на наблюдении за животными: за собаками Павлова и белыми крысами зоопсихологов. Считалось, что поведение человека не отличается от поведения животных особым своеобразием и подчиняется тем же законам. Для подтверждения своего утверждение о том, что психология представляет собой точную науку, и чтобы собрать дальнейший материал для своей книги, Уотсон опирался на результаты анатомии и психологии. Подобным путем продвигался и Павлов, утверждая, что его эксперименты над поведением фактически являются «исследованием физиологических процессов в коре больших полушарий». И все же оба ученых были не в состоянии осуществить прямое наблюдение процессов в нервной системе, посредством которых можно было бы объяснить поведение человека. В результате они были вынуждены давать поспешные интерпретации сложных поведенческих актов. Так, Уотсон утверждал, что мышление — язык, предшествующий всякой речи; а для Павлова речь была просто «второй сигнальной системой». Уотсон мало, а то и вовсе ничего не мог сказать по поводу субъективных намерений человека, целенаправленного и творчества. Он подчеркивал большие технические возможности науки о поведении, однако его примеры не были такуж несовместимы с манипулятивным контролем за поведением.

Прошло более 60 лет со времени опубликования Уотсоном

своего манифеста, за это время кое-что успело произойти. Научный анализ поведения достиг большого прогресса, а недостатки теории Уотсона зрения имеют лишь исторический интерес. Однако многие положения его концепции используются современными представителями бихевиоризма, например, Б. Скиннером. Критика бихевиоризма, наоборот, едва ли претерпела изменения. Все недоразумения, которые были сформулированы Скиннером выше, все еще постоянно встречаются в сочинениях философов, теологов, представителей социальных наук, историков, литераторов и психологов. Неопределенность, имевшая место в начале истории бихевиористского движения, едва ли может послужить достаточным объяснением для недоразумений такого рода.

Несомненно, что некоторые трудности возникают из того факта, что предметом исследования бихевиоризма выступает человеческое поведение, которое тонко реагирует на внешние влияния. Если мы сами наблюдаем за собой, то способ, каким мы это делаем, часто приводит к определенным результатам, зачастую непростым по последствиям. Далее, бихевиористское наблюдение влечет за собой определенные яркие изменения. Некоторые понятия, которые структурируют традиционные формы наблюдения, глубоко укоренились в нашем языке. Они на протяжении столетий господствовали как в повседневной речи, так и в языке науки. Все же было бы несправедливым обвинять критиков бихевиоризма в том, что они неспособны освободиться от исторических предрассудков, так как должны быть иные причины тому, что бихевиоризм как теория науки о поведении все еще связан с сильными недоразумениями. Кажется, тому есть следующее объяснение, считает Скиннер, — эту науку неправильно понимают как таковую. Есть целый ряд наук о поведении, некоторые из которых определяют свою предметную область, не касаясь при этом главных тем бихевиоризма. Вышеприведенная критика могла бы лучше всего относиться к особой дисциплине, которую можно было назвать экспериментальной наукой о поведении. Она изучает поведение отдельных организмов в тщательно оберегаемой окружающей среде и на основе этого исследования определяет отношения между определенным поведением и его окружением. К сожалению, эта форма анализа поведения получила очень скромную известность. Ее важнейшие представители, а их сотни, очень редко поддаются стремлению объяснить свой путь публике, интересующейся наукой. В результате лишь немногие посвящены в фундаменталь-

ное научное знание, которое я считаю наиболее ключевым для бихевиоризма.

Бихевиоризм является теорией особой формы науки о поведении. Читателю должно быть понятно, что не каждый бихевиорист согласится со всем тем, что я собираюсь сказать. Уотсон тоже говорил о бихевиоризме, но он был бихевиористом своего времени. Сегодня никто из теоретиков не может монополизировать этот термин.

Скиннер, сведя объяснение человеческого поведения к интерпретации стимула, воздействующего на индивида и влекущего за собой определенное поведение (схема объяснения: «стимул (S) — реакция (R)»), акцентировался также и на проблеме закрепления некоторых форм, схем поведенческой реакции за определенными стимулами внешней, по отношению к индивиду, среды.

6.2. Символический интеракционизм Дж. Мида

Возрастание в социологии интереса к проблематике коммуникации актуализировало, в частности, вопросы понимания друг друга при расхождении позиций, определения собственной точки зрения в отношении противоположной и т. п. Это, естественно, обуславливало ослабление бихевиористской традиции, для которой характерно нигилистическое отношение к исследованию собственно психологических процессов и сведение всего жизненного проявления человека лишь к внешне наблюдаемому поведению (по аналогии с реакциями животных). В отличие от бихевиористов и фрейдистов формируется «третья сила» — интервенционистское направление, обратившееся к целостному человеческому «Я» и его личностному самоопределению в микросоциальном окружении. Суть заключалась в том, что поведение человека рассматривалось с социально ориентированной позиции как внешнее проявление его внутреннего мира в практической жизни — повседневном межличностном взаимодействии.

Интеракционисты считали, что личность, как и общество — другие, является продуктом коммуникации — ролевого взаимодействия (интеракции) между людьми. Само общество рассматривалось как сумма самодовлеющих межличностных взаимодействий «Я» и «Ты», «Я» и «Другие». При этом исходили из того, что самосознание и ценностная ориентация как бы

«зеркально» отражают реакции на нее окружающих людей. Отсюда вытекало, что личность воспринимает себя как таковую не прямо и непосредственно, но лишь косвенно — посредством частных точек зрения других индивидов из той же социальной группы как целого. Это обуславливало формирование личности социально-психологическими факторами.

Таким образом, преодолевалась инстинктивистская и организмическая трактовки человека, в частности даваемая фрейдизмом, — человеческое «Я» является фатально приговоренным к бессознательным, в основе антисоциальным, побуждениям и влечениям, играющим главенствующую роль в жизни человека. В целом, по оценке интеракционистов, представления о биологических основах индивидуальности, независимом Эго, а также о макросоциальных факторах развития личности иллюзорны и не имеют под собой почвы. Расширение представлений о личности как продукте социального взаимодействия отделяло образ «Я» от природных связей и зависимостей, представляя его как отражение того, как окружающие воспринимали данного человека. Этот взгляд получил широкую поддержку специалистов, он рассматривался в работах по социальному поведению.

6.21 Принципы символического интеракционизма

Создание основ символического интеракционизма связано с представителями Чикагской школы. У. Джеймс разрабатывал концепцию личностного Я, рассматриваемого в контексте самопознания, и гипотезу о двойственной природе интегрального Я (Self) = Я (I) — сознающее + Я — как объект (Me). Ч. Кули предложил теорию «зеркального—Я», которое возникает на основе символического общения индивида с разнообразными первичными группами, членом которых он является: это представление индивида о том, что думают о нем другие.

Однако в первую очередь современный символический интеракционизм связывают с именем Дж. Мида (1864— 1931). Его учение было изложено в книге «Сознание, самость и общество», изданной посмертно Г. Блумером, которое последний определил понятием «символический интеракционизм». Концептуальный подход Мида опирался на три основные посылки:

1. Люди реагируют на окружающую среду в зависимости от значений-символов, которыми они наделяют свое окружение.
2. Эти значения (способ связи явления и символа) выступают продуктом социального повседневного межличностного взаимодействия — интеракции.

3. Эти социокультурные значения подвержены изменениям в результате индивидуального восприятия в рамках такого взаимодействия.

Разделяя в целом концепцию «зеркального Я», Мид считал, что становление человеческого Я как целостного психического явления есть социальный процесс, происходящий «внутри» индивида. В его рамках как раз и возникают выделенные Джеймсом Я — сознающее и Я — как объект. Однако Мид эти две стороны целостности личностного Я трактует по-своему. Он считал, что Я — это бессознательная, импульсивно неупорядоченная тенденция психической жизни. Любое поведение начинается в качестве импульсивно-реагирующего Я, но далее развивается в качестве Ме — часть общества, ввиду влияния социокультурных факторов. Ме — это совокупность интернализированных установок других, то есть его образуют усвоенные человеком значения (установки и ценности). Ме — направляет Я в определенные рамки, и их совокупность образует собственно личностное, интегральное Я (Self). При этом «скрепами» социального порядка выступают субъективно значимые символы: некие референты, соотносимые с элементами социального опыта. Благодаря наличию значимых символов индивиды «понимают роль другого» во взаимодействии, то есть они оказываются способными интерпретировать их значение.

В «символическом окружении» акцент делается на смысл и его интерпретацию (смысловое обозначение), которые коммуницирующие субъекты вкладывают во взаимодействие. Поэтому в процессе «стимул — значение — символ — реакция» главной проблематикой является общение и понимание, так как «реакция» зависит от того, как символ будет проинтерпретирован, исходя из личного опыта индивида.

В концепции Дж. Мида можно выделить следующие основные принципы:

1. Групповая жизнь является сущностным условием возникновения сознания — человеческих существ, обладающих личностным Я.

2. Мир, в целом, является социальным продуктом, который «конструируется» в совокупности процессов социального взаимодействия как актов коммуникации.

3. Социальный мир есть интерсубъективный феномен: он постоянно возникает и становится в процессе межличностных взаимодействий как взаимной подгонки своего поведения к поведению других.

Таким образом, для символического интеракционизма характерно процессуальное видение социального мира: он представляет собой непрерывный процесс приспособления участниками своего поведения к поведению других на основе понимания субъективных состояний этих других.

Дж. Мид исходил из того, что человек усваивает культуру через систему символов, общих для всех членов общества. При этом совокупность значений составляет символическое содержание сознания и опыта индивидов (интерсубъективно значимые символы). В качестве символов выступают жесты и язык.

6.22. Язык и жесты

Порождение социального мира начинается с жеста-символа, который в качестве стимула в процессе взаимодействия выступает в роли начального и незавершенного элемента поведенческого действия. Смысл жеста, когда он понятен, становится значимым и вызывает соответствующую реакцию (инстинктивную) другого участника взаимодействия. Например, когда два шофера, объясняя друг другу маневр, говорят одними жестами-символами да междометиями, а смысл им обоим понятен абсолютно. Но жест не имеет социально закрепленного значения, то есть он локален.

Язык же, как более зрелая форма общения, обладает значительными преимуществами: в терминах значений формируются общие понятия — универсалии, оказывающие одинаковое воздействие на различных индивидов. Поэтому овладение языком — это самое существенное в человеке, что делает его социальным существом, так как создает способность обращаться с символами. Если отношение людей к природе проявляется через труд, то отношение людей друг к другу — через интеракцию, ядром которой является языковая (лингвистическая) коммуникация в повседневной жизни. Это и обуславливает необходимость анализа обыденного языка для проникновения в смысл межличностного взаимодействия, с помощью которого общество объединяет свои структуры. Таким образом, в символическом интеракционизме происходит редуцирование реальности социальных отношений к их речевому аспекту.

С жестом и языком в любой культуре всегда связано какое-либо их значение, проявляемое в практических последствиях — реакциях, которые вызывают данные символы. Сами реак-

ции Мид рассматривает как равные ответу данного индивида на жесты и речь другого в определенном акте интеракции, то есть символизация предполагает переживания наличия другого. Благодаря использованию значимых символов, вызывающих одну и ту же реакцию в «Я» и «Другом», обеспечивая общность содержания, человек способен предсказывать как поведение другого, так и то, как этот другой предсказывает наше собственное поведение.

6.3. Символический интеракционизм Ч. Кули

Чарльз Хортон Кули (1864—1929) также считается сегодня одним из основателей того теоретического направления, которое впоследствии стало известно как символический интеракционизм.

Как и другие современники, Кули испытал сильное влияние Герберта Спенсера и его теории социальной эволюции; он также понимал социальную эволюцию как органический общественный процесс, при котором в функциональных частных системах происходит все более эффективное приспособление к условиям окружающего мира при одновременной постоянной дифференциации внутренней структуры общества. Однако Кули отвергал индивидуализм Спенсера, который выражался прежде всего в его экономическом либерализме. В этом отношении он был близок «институциональным экономистам» — Торетейну Веблену и Джону Р. Коммонсу. Он также прекрасно видел сильное социальное и прежде всего экономическое неравенство, существовавшее в американском обществе; он занимал относительно него критическую, но все же оптимистическую позицию.

6.31. «Первичные и вторичные группы»

Особый вклад Кули в это развитие заключается в том значении, которое он придавал «первичным группам» в процессе социализации и относительно эволюции общества, и в выделении символических свойств интеракции. Под первичными группами Кули подразумевает группы, характеризующиеся тесными, непосредственными связями и сотрудничеством. Они первичны в нескольких смыслах, но главным образом из-за того, что являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида. Результатом тесной связи в психическом плане является определенное слияние индивидов в некое общее

целое, так что даже самость индивида, по крайней мере, во многих отношениях, оказывается общей жизнью и целью группы. Возможно, наиболее простой способ описания этой целостности — сказать, что они есть некое «мы»; она включает в себе тот тип сопереживания и взаимного отождествления, для которого «мы» являемся естественным выражением. «Первичные группы» — это небольшие группы без специализации на основе прямых отношений, как, например, семья, детская группа при игре, соседи. Они «первичны» постольку, поскольку:

1) они распространены везде, во всех человеческих обществах;

2) они представляют собой «естественные» образования; они не планируются и не организуются рационально, на основании определенного целеполагания;

3) индивид в них получает самый первый опыт человеческих отношений;

4) в процессе отношений и интеракций в этих группах возникает и развивается то, что представляет собой «человеческую природу».

Поэтому первичные группы играют фундаментальную роль в процессе социального генезиса «Я» в плане становления человека. Они являются «колыбелью» человечества и самой ранней формой обобществления. Их значение оттеснил на задний план цивилизационный процесс и органически присущая ему логика рационализации.

Первичные и вторичные группы воспроизводят, по крайней мере, частично, противоречивые ценностные представления. Кули увязал вторичные группы и их принципы потенциальной угрозой миру «первичных отношений» и тем самым — человеческой природе. Он писал: «Чем еще может быть человеческая природа, если не определенной чертой первичных групп? Конечно, не атрибутом отдельного индивида, — предположим, что таковые когда-либо имелись, — так как типичные ее характеристики, такие как аффектация, честолюбие, тщеславие и негодование, непостижимы вне общества. Далее, если ее обладатель — человек, включенный в какую-то ассоциацию, то какой род или уровень ассоциации требуется для ее развития? Очевидно, что не какая-то развитая стадия, поскольку стадии развития общества преходящи и разнообразны, тогда как человеческая натура устойчива и универсальна. Короче говоря, для ее генезиса существенна семейная и соседская жизнь, и ничего более».

Кули считал, что те социальные изменения, которые произвело индустриальное общество в целом, характеризуются двумя факторами: растущим засильем больших «вторичных групп» над традиционными структурами первичных групп и изменением характера скорости и объема коммуникации, то есть развитием массовой коммуникации. Кули видел в формализме отличительную черту институтов, а также массово-ориентированной коммуникации, что представляет собой опасность для развития человеческой личности. Вследствие противоречия с ценностями «первичных групп», которые считались незыблемыми, возникает дезорганизация общества.

Здесь ясно проявляется влияние различия Теннисом «общины» и «общества» на мышление Кули. Однако он видел задачу будущего в том, чтобы люди осознали ответственность за реорганизацию своего общества, восстановили связи между ценностями первичных и вторичных групп и выработали программу социальных реформ и воспитания, которая позволила бы максимально сблизить отношения, свойственные вторичным группам, с идеалами «первичных отношений». Итак, у Кули социология должна быть использована на практике в традициях прикладного просвещения.

Однако Кули известен в первую очередь не благодаря этому анализу современного общества, а как один из предшественников символического интеракционизма. В этой связи уместно вспомнить введенное им понятие «зеркального Я». Уже упоминалось, что Кули рассматривал личность, даже самую человеческую природу, как социально обусловленную, в первую очередь благодаря интеракциям и коммуникациям в первичных группах. Коммуникация—это инструмент социализации индивида, и механизм, благодаря которому существуют и развиваются человеческие отношения. В процессе коммуникации происходит обмен представлениями, которые сложились у людей друг о друге, познание себя через драматическое восприятие отношения других.

«Там, где нет коммуникации, — пишет Кули, — не может быть никакой его номенклатуры и никакого развитого мышления. То, что мы называем «Я», «мое» или «Я сам», является в таком случае какой-то обособленной от общей жизни, но наиболее интересной ее частью, интерес к которой вырастает из самого того факта, что она является одновременно и общей и индивидуальной». Это понятие весьма напоминает «коллективное сознание» Дюркгейма; однако Кули уделял в этой связи динами-

ческому способу существования «social mind» как содержанию процесса коммуникации значительно больше внимания, чем Дюркгейм, рассматривавший коллективное сознание как вещь, которая оказывает на индивида принудительное воздействие. Кули употреблял понятие «social mind» также лишь эпизодически и то лишь как вспомогательное выражение.

Представления, которые напоминают коллективное сознание Дюркгейма, — это широко распространенные убеждения, ценностные представления, точки зрения и т.п., которые отличаются единообразием и закономерностью. Представления у Кули, напротив, связаны с соответствующим процессом коммуникации с интерактивной ситуацией восприятия друг другом действующих лиц. Поэтому взаимные представления у Кули следует понимать в их субъективном аспекте; они не являются обобщенными и тем самым объективированными процессами сознания, хотя Кули считал их отражением человеческой природы.

Как «Я» (Self), так и общество имеют у Кули динамический характер, это не «предметы», а процессы, а именно — процессы коммуникации. И оба понятия имеют символический характер, то есть и «Я» (Self), и общество — это представления, сформировавшиеся в интеракциях и постоянно меняющиеся. Но Кули важны были не единообразие или общность содержания представлений, а взаимовлияние представлений в процессе коммуникации. Поэтому уже у Кули мы сталкиваемся с тем большим значением, которое придается коммуникации в американской социологии, именно — коммуникации, понимаемой как активный процесс независимого характера поведения и опыта. В методическом отношении Кули занимал позицию аутсайдера: хотя он ратовал за эмпирическое исследование, он не поддерживал основной тип интерпретации, бытовавший в его время, который понимал ее в первую очередь как количественно-статистический анализ.

6.32. Конституирование общества посредством коммуникации

Как для Кули, так и для Мида нет разделения и противопоставления «Я» (Self) и «общества». Оба они — взаимопроницающие процессы, две стороны одного и того же явления — интерсубъективной структуры действительности. Общество — это коммуникационная общность, существенные «социальные» признаки которой заключаются в объективировании психического. Она является организацией многообразных перспектив действительности в «Я» (Self), группах, об-

ществе, и она же — процесс, основа отношений между лицам и группами.

Структура «Я» (Self) отражает общественный процесс, наоборот, организация группы идентична каждому «Я» (Self), играющему в ней роль. «Я» (Self) трансцендирует группу, поскольку содержит опыт многих «Ме», которые возникают из различных социальных ситуаций, и объединяет индивида с различными группами.

В основе представления об обществе как коммуникационной общности, которое разрабатывал Мид, лежит анализ реальных обстоятельств в философско-конструктивном смысле, а не в эмпирическом отношении; отсюда оно приобретает нормативный аспект, является идеальным порядком, и в то же время и прагматичной целью нашего активного участия в обществе. В этом смысле оно — ведущий принцип социальной эволюции.

Мид пишет: «Идеал человеческого общества не может существовать до тех пор, пока индивиды не могут войти в положение тех, на кого они воздействуют при выполнении своих особых функций». Принятие «перспективы другого» является не только основой социального генезиса «Я» (Self); лишь оно делает возможной коммуникацию в смысле взаимопонимания. Однако, с этой точки зрения, также понятно, что в современной ситуации это отнюдь не является праилом, а представляет собой идеал. Это идеал общества, в котором социальный интеллект настолько совершенен, что каждое отдельное «Я» (Self) включает в себя совокупность социальных перспектив благодаря тому, что может воспринять все возможные роли. Целью эволюции является идентичность общества и «Я» (Self), и человечество должно создать формы общности, в которых была бы возможна коммуникация в этом смысле.

6.4. Концепция социального обмена Дж. К. Хоманса и П. М. Блау

Теория «социального обмена» порою рассматривают как совокупность функциональной антропологии, психологии поведения и утилитарной экономики. Джордж К. Хоманс в своих основных работах «Человеческая группа» (1950), «Социальное поведение: его элементарные формы» (1961) подверг обстоятельной критике структурно-функциональный анализ за его непригодность для конкретных социологических исследований.

6.41. Основные положения концепции Хоманса

Социологию Хоманса можно охарактеризовать как «бихевиористскую социологию». Задачу социологии Хоманс видит в следующем:

1. Социология должна быть аналитической теорией, для этого она должна основываться на некоторых новых фундаментальных положениях.

2. Эти фундаментальные положения по своей природе есть психологические феномены.

3. Это прежде всего проблемы человеческого поведения, соответствующие тем или иным психологическим положениям.

4. Бихевиористская через посредство изучения человеческого поведения социология должна изучать бихевиористское мышление.

5. В соответствии с бихевиористским мышлением социология основывается на предположении, что объектом социологии является индивидуальное поведение или интеракции между индивидуальными деятелями.

6. Социальные структуры, институты и т.п. есть также не что иное, как сочетание индивидуальных характеров поведения. Институты тоже есть человеческое поведение, и потому их следует объяснять характеристиками человеческого поведения».

7. Поведение является социальным тогда, когда между индивидами происходит процесс «действия—реакции». Однако не интерактивная связь как таковая является исходным пунктом научного объяснения, а индивидуальное поведение.

Этот принцип «методологический индивидуализм» должен также вернуть в социологию человека, который исчез из-за того, что Парсонс поставил в центр внимания систему. Объяснение социального поведения и социальных структур посредством бихевиористски-психологических гипотез в некотором плане подобно сведению социологии к бихевиористской психологии. В соответствии с этим «люди», которых Хоманс вновь возвращает в социологию, являются поведенческими организмами, которые реагируют на воздействие внешних раздражителей.

Объектом его социологии является «элементарное социальное поведение», то есть повседневное, наблюдаемое поведение индивидуальных деятелей. Оно должно служить основой для создания помологических гипотез, то есть для открытия законов поведения.

6.42. Структура человеческого поведения

В анализе человеческого поведения Хоманс различал:

— деятельность, то есть движения деятелей, которые могут восприниматься третьим лицом и которые можно изучить;

— чувства, то есть активность, в которой проявляются отношения или настроения;

— интеракции — взаимодействие между лицами, которое может быть усилено реакцией возможного другого лица;

— изменяющиеся признаки деятельности, которыми являются: количество, то есть частота появления некоего действия, и его качество, то есть ценность действия относительно состояния.

Психологическая гипотеза Хоманса исходит из объяснения человеческого поведения как индивидуального поведения и поэтому он использует индивидуалистический подход. «Его» ведет себя субъективно рационально и пытается оптимизировать ожидаемую пользу от своего поведения, «Alter Ego» и его поведение — это независимые переменные, которые вместе с другими независимыми переменными влияют на деятельность «Его», зависящую от переменной. Исходя из этого интеракция считается процессом обмена между взаимодействующими индивидами. Психология поведения и экономика, как теория рационального поведения, сливаются в единый набор высказываний. Обе они интерпретируют человеческое поведение как функцию результата индивидуального поведения. Скиннер в свое время ввел различие двух процессов обучения: рефлекторных реакций и оперантных реакций. Последние — это не произвольные реакции, а изменения поведения, которые основаны на унаследованных способностях, поскольку люди и животные могут получать «подкрепление» своему поведению. Оперантным кондиционированием он обозначал положительное или отрицательное «подкрепление» поведения с помощью определенных стимулов, воспринимаемых как вознаграждение или наказание. Тем самым управление изменениями поведения, процессом обучения становится основной целевой функцией психологии у Скиннера, которую он изобразил картину общества, свободного от агрессии, основанного на принципе позитивного подкрепления.

Подкреплением в интерактивном процессе является деятельность «Alter», служащая выражением признания, похвалы, симпатии или презрения, порицания, отвращения, или же получение или утрата денег, которые действуют на «Его» как поощрение (положительное подкрепление) или как наказание (отрицательное подкрепление). Они определяют частоту проявлений поведения «Его». Вознаграждение оказывает положи-

тельное подкрепление, то есть «Его» будет повторять то поведение, которое привело к действиям «Alter», воспринимаемым им как поощрение. Впрочем, оценивая поощрение какого-либо действия, ему, возможно, придется учесть и то, что альтернативные действия также могли бы привести к поощрению. Следовательно, он будет ориентироваться на чистую ценность (доход) какого-либо действия, если у него будет выбор между многими возможными вариантами поведения.

Интеракция интерпретируется как обмен подкреплениями/наказаниями. В этой связи можно сформулировать несколько универсальных гипотез, которые объясняют взаимосвязь поощрения/наказания и частоту определенных действий.

6.43. Основные гипотезы концепции Хоманса

Гипотеза успеха.

Гипотеза успеха формулируется следующим образом: чем чаще одно лицо в течение определенного периода времени будет поощрять действие другого лица, тем чаще оно будет осуществлять это действие.

Если «Alter» будет благодарить «Его» за оказание помощи, то оно будет склонно оказывать помощь и в дальнейшем. Если «Alter» прекратит благодарить, то рано или поздно «Его» также прекратит свою помощь.

Гипотеза ценности.

Гипотеза ценности: чем большую ценность представляет для кого-либо действие, получаемое им от другого лица, тем чаще он сам будет совершать действия, которые другое лицо вознаграждает своим действием.

Чем больше «Alter» нуждается в помощи, тем чаще он будет просить о ней и благодарить «Его» за оказанную помощь; чем в большем признании нуждается «Его», тем скорее оно будет помогать «Alter». Норма обмена, «цена» помощи или благодарности должна соответствовать соотношению ценности, которую «Alter» придает помощи, а «Его» — признанию.

Гипотеза лишения.

Гипотеза лишения, она же гипотеза насыщения: чем чаще одно лицо в недавнем прошлом получало от другого лица вознаграждаемое действие, тем меньше будет для него ценность каждой последующей единицы этого действия.

Чем чаще «Alter» за короткое время получал помощь от «Его», тем меньше он будет стремиться к выражению своей благодарности. Если за первый случай оказания помощи он сде-

лал «Его» ценный подарок, то впоследствии уменьшение предельной пользы помощи выражается в постоянном уменьшении ценности подарков, которые «Alter» дает «Его» за его помощь. Поэтому «Его» прекратит свою помощь, когда получаемое признание покажется ему слишком незначительным, чтобы действовать подкрепляюще. Если через какое-то время это приведет «Alter» к лишениям, он приложит вновь все усилия, чтобы получить помощь от «Его».

Гипотеза привлекательности.

Гипотеза привлекательности формулируется следующим образом: если раньше действия какого-либо лица вознаграждались, то оно тем скорее будет совершать эти действия, чем больше теперешняя ситуация будет напоминать предшествующую с точки зрения стимулирующего воздействия.

Частота поощрения может быть переменяющейся, то есть осуществляться через разные промежутки времени. «Его» не каждый раз оказывает помощь, а «Alter» не каждый раз благодарит. Тогда имеет место следствие из гипотезы 1, что некое действие, которое прежде каждый раз вознаграждалось, при отсутствии вознаграждения «гасится» быстрее, чем то, которое вознаграждалось через неравные промежутки времени.

Ценность каждого отдельного вознаграждения за действие является для деятеля сравнительной, если существуют другие возможные действия, которые могут принести ему вознаграждение. Как уже упоминалось, он будет поэтому сравнивать отдельные действия между собой и выберет те, чистая ценность которых выше.

В социальной ситуации вознаграждение зависит от других людей. Лицо, которое находится с другими в отношениях обмена, ожидает, что вознаграждение каждому деятелю будет пропорционально его расходам и выгода для всех будет одинаково высокой. В действительности чистая ценность вознаграждения будет для различных лиц неравной. Такое положение именуется «релятивной депривацией».

Чем более неравным является распределение чистой ценности, то есть чем больше релятивная депривация какого-либо лица, тем больше оно будет демонстрировать эмоциональное поведение — «гнев».

Гипотеза фрустрации/агрессии.

Гипотеза фрустрации/агрессии означает, что неравенство чистой ценности для партнеров по обмену ведет к поведению, которое ставит под угрозу сам обмен. Поскольку вследствие этого другой партнер также может лишиться своего будущего вознаграждения,

раждения, он готов увеличить свои затраты, то есть повысить вознаграждение для «Alter».

Поведенческая социология претендует и на объяснение сложных социальных феноменов с помощью набора гипотез из области психологии поведения вкупе с экономикой, таких как структура и процессы в организациях, социальное расслоение, бюрократия и групповые процессы. Однако нельзя отрицать возможности применения в социальной технологии управления изменениями в поведении, которое вытекает из концепции оперантного кондиционирования Скиннера, почему этот подход и можно использовать как основу технологии управления. Сам Хоманс видел в этом будущий вклад социологии как «школы бизнесмена», в другой связи он подчеркивал необходимость рассматривать управление как навык, которому нужно учить и учиться.

В целом в современной западной социологии учение Хоманса понимается и трактуется как «ранняя попытка» приспособления психологии бихевиоризма для исследования традиционных социологических проблем.

6.44. Принципы концепции социального обмена П. Блау

В рамках своего концептуального подхода П. Блау определяет обмен как специфический тип ассоциации, включающий «действия, которые зависят от получаемых от других лиц вознаграждений, которые прекращаются при прекращении ожидания этих вознаграждений». Согласно Блау, обмен является «центральным принципом социальной жизни, и даже такие отношения, как любовь и дружба, можно проанализировать в качестве отношений обмена». Институт обмена подарками в простых обществах показывает основные принципы социального обмена в целом: «взаимные благодеяния создают социальные связи между равными, в то время как невзаимные приводят к дифференцированию статусов».

По сути социальная жизнь трактуется им в качестве своеобразного «базара», где «актеры» торгуются между собой с целью извлечения наибольшей выгоды.

Для более четкого понимания теоретического подхода Блау необходимо сформулировать те «законы», или «принципы», которые он считал существенными факторами динамики процесса обмена.

Принцип 1.

Чем большую выгоду человек ожидает от другого, осуществляя определенную деятельность, тем более вероятно, что он будет осуществлять эту деятельность.

Принцип 2.

Чем большим количеством вознаграждений человек обменялся с другим лицом, тем более вероятно возникновение последующих актов обмена благодаря возникшим и направляющим их взаимным обязательствам. (Компенсацию полученных благ как необходимость для продолжения получения их Блау именовал «пусковым механизмом» социального взаимодействия.)

Принцип 3.

Чем чаще нарушаются при обмене взаимные обязательства, тем меньшей властью располагают партии, склонные к негативному санкционированию лиц, нарушающих нормы взаимности.

Принцип 4.

С приближением момента вознаграждения, являющегося результатом определенной деятельности, эта деятельность падает в цене и вероятность ее осуществления снижается.

Принцип 5.

Чем больше установилось отношений обмена, тем более вероятно, что управлять этими отношениями будут нормы «справедливого обмена».

Принцип 6.

Чем меньше соблюдаются в отношениях обмена нормы справедливости, тем меньше власти имеют партии, склонные к негативному санкционированию лиц, нарушающих эти нормы.

Принцип 7.

Чем более стабильный и сбалансированный характер носят отношения обмена между социальными единицами, тем менее сбалансированный и стабильный характер приобретают другие отношения обмена. (Социальная жизнь, таким образом, полна дилемм, решая которые люди вынуждены менять стабильность и баланс одних отношений обмена на напряженность других, поскольку все они стремятся к поддержанию всего многообразия этих отношений.)

П. Блау ставит своей задачей синтезировать теорию обмена с концепцией социальной структуры. Он утверждает, что далеко не все социальные отношения могут быть рассмотрены как процессы обмена, а лишь те из них, которые ориентированы на достижение целей, реализация которых возможна только в процессе взаимодействия с другими людьми и для достижения которых необходимы средства, доступные и другим людям. Согласно П. Блау, та часть поведения человека, которая управляется правилами обмена, лежит в основании образования социальных структур, но сами правила обмена недостаточны для объяснения сложных структур человеческого общества.

Беря за основу веберовское определение власти, П. Блау показывает, что властные отношения возникают как один из частных случаев социального обмена. Они появляются в том случае, если один из участников процесса обмена обладает монопольным правом на некоторое вознаграждение (материальное или нематериальное), которое остальные участники стремятся заполучить. В этом случае он будет стараться как можно выгоднее обменять имеющуюся у него награду, навязывая свою волю другим участникам. Развиваясь, этот процесс приводит к образованию системы рангов, или социальных статусов социальной стратификации. Но социальный обмен определяет лишь возможность и способ становления властных отношений. Для того чтобы утвердиться, власть должна быть санкционирована остальными участниками обмена — легитимирована. Объяснение же процесса легитимации, по мнению П. Блау, невозможно без концепций норм и ценностей, являющихся не продуктами обмена, а продуктами социализации, основанными на определенной системе культуры. Он нигде не определяет, что эта за система и откуда она берется в его теоретических построениях. Очевидно только одно: она никак не связана с процессом обмена.

Таким образом, концепция П. Блау представляет собой смешение положений теории обмена и структурного функционализма. Он привлекает теорию обмена и правила бихевиоризма для объяснения межличностного взаимодействия, тогда как, переходя к макроструктурам, он предпочитает использовать функциональные категории.

6.5. Проблема «человеческих отношений» Мэй О'Элтона

Мэй О'Элтон (1880—1949) — американский социолог, психолог, один из основоположников американской индустриальной социологии и теории человеческих отношений. Самый значительный вклад Мэя в развитие социологии управления и индустриальной социологии — это знаменитые Хоторнские эксперименты в «Вестерн электрик компани» близ Чикаго (1927—1932). Изучая влияние различных факторов (условия и организация труда, заработная плата, межличностные отношения и стиль руководства) на повышение производительности труда на промышленном предприятии, Мэй пришел к открытию роли человеческого и

фуппового факторов. В основе концепций Мэя лежат следующие положения:

- 1) человек представляет собой «социальное животное», ориентированное и включенное в контекст группового поведения;
- 2) жестокая иерархия подчиненности и бюрократической организации не совместимы с природой человека и его свободой;
- 3) руководители промышленности должны ориентироваться в большей степени на людей, чем на продукцию, что обеспечивает социальную стабильность общества и удовлетворенность индивида своей работой. Рационализация управления с учетом социальных и психологических факторов трудовой деятельности людей — основной путь решения классовых противоречий общества.

6.51. Проблема «человеческих отношений»

Утверждение, что человеческое общество движется по тем же законам, что и физический мир, что законы физики или биологической эволюции в животном царстве могут быть непосредственно применены при описании человеческого общества, — это предположение и притом опасное.

Переход общества в менеджеральную эпоху под лозунгом: «Вся власть специалистам», — осуществлялся под влиянием концепций «научного менеджмента» Г. Тауна, Ф. Тэйлора, А. Файоля, М. Фоллет, Г. Эмерсона и др. В них управление выводится в самостоятельную сферу научного знания и профессиональной специализации, по своей значимости не уступающей инженерному труду. Главными движущими силами повышения производительности труда рассматривались научная его организация и экономическое вознаграждение — ожидание вознаграждения, стремление к личной выгоде и страх увольнения. Подкрепленная веберовской бюрократической моделью организации управления и осуществления власти над людьми (строгая дисциплина, точность, ответственность, стабильность) научная организация труда низводила человека до уровня автоматического исполнителя трудовых приемов, предписанных инструкциями. Тем самым он лишался возможности, участвовать в решении производственных проблем: все решения по вопросам жизни предприятия принимаются в управленческом центре и доводятся до рабочих мест по скалярной цепи распоряжений. Индивидуальные особенности работников подлежали унификации с тем, чтобы свести к минимуму субъективное влияние на производственно-технологический процесс.

Однако директивный стиль управления и контроля, голый «культ эффективности», отношение к человеку как экономической единице («человек экономический»), механический взгляд на место человека в производстве сдерживали дальнейший рост эффективности производства. «Великая депрессия», которую пережили США в 1929—1933 г., высветила пороки «научного менеджмента» и стимулировала потребность перехода к новой системе в организации производства и его управления с учетом «человеческого фактора» и производственной демократии.

Исследования в области психологии труда начала XX в. акцентируют внимание на таких моментах эффективности производительной деятельности, как взаимоотношения работников, уровень сплоченности производственных структур, корпоративный дух и т. п. На этой основе формировалось понимание промышленной организации как определенной «социальной системы», чутко реагирующего комплекса социально-психологических факторов, неучет которых в производственном процессе чреват опасностью экономического краха и социального взрыва. Поворот к гуманизации проблем менеджмента на рубеже 20—30 гг. обуславливал поиск социально-управленческого механизма, позволяющего задействовать моральные и психологические факторы мотивации и заинтересованности людей в работе, т. е. ориентированного больше на людей: «паритетное управление», «групповое решение», «просвещение служащих», «социальное партнерство» — как форму сотрудничества.

6.52. Социология труда

Обращение к данным аспектам труда в публичной сфере (наемного, предпринимательства, служения) и управления стимулировало новые отрасли научно-производственного экспериментирования — эргономику, дизайн, социологию труда (индустриальную) и др. Последняя занималась вопросами:

а) организации процесса труда — удовлетворенность работников характером и условиями труда, внимание к их запросам, демократический стиль административного руководства, участие работников в общих делах, распределении задач и т. п.;

б) содержания труда — идентификация собственных интересов работников с интересами организации и ее руководства, возможность личной самореализации, престижность положения и т. д.;

в) отношение к продуктам труда — ослабление обезличивания труда, снижение отчужденности от результатов труда.

Решая эти и другие вопросы, социология труда способствует реализации нового стремления менеджмента увязать индустриальную организацию производства с человеческим, социальным аспектом («человек социальный»). Данный «социологизирующий» подход получил название «человеческих отношений». В теории и практике менеджмента, в условиях рыночной экономики он направлен на замену старых приемов физической интенсификации труда (тэйлоризм) новыми с целью:

- создать благоприятную социально-психологическую производственную и организационно-управленческую атмосферу, побуждающую инициативу и высвобождающую творческие ресурсы работников;

- заменить деперсонализованные, чисто функциональные отношения на производстве социальным партнерством работников между собой, между ними и администрацией, предпринимателями;

- изменить психологию предпринимателей и побудить их к доброжелательному отношению к рабочим, товарищескому общению с ними.

Данная «производственная» демократия на рабочих местах включала работников низших иерархических ступеней в процесс принятия решений, затрагивающих их интересы, стимулировала гибкие методы управления, основанные на консенсусе, сдвиг в управленческом подходе к неформальным феноменам.

Особую роль в развитии теории и практики «человеческих отношений» сыграл Э. Мэйо (1880 — 1949), положивший начало социологии труда. Он довольно критически воспринимал современное ему индустриальное общество, в котором имели место разрушительные процессы разобщения и дезинтеграции людей. По мысли Мэйо, они в значительной мере были обусловлены «дисфункциональными последствиями разделения труда» и бюрократической формой управления. Он отмечал, что значительное распространение в обществе «аномии» и отчужденных, заформализованных организаций, которые основаны на экономической и административной власти, делают неразумным и неумелым использование достижений индустриальной цивилизации. Отсюда выростала убежденность в исключительной роли социальных, психологических, моральных и неформальных факторов в организации и управлении производственной деятельностью.

С 1927 по 1932 г. Мэйо руководил обследованиями в фирме «Уэстерн Электрик» на заводе электрокабелей в Хоторне близ

Чикаго, которые получили название «Хоторнские эксперименты», охватившие до 20 тыс. человек и ставшие классическими в эмпирической социологии. Данные эксперименты начались с определения степени влияния благоприятных условий труда на уровень его производительности: освещение, режим работы, паузы для отдыха, система оплаты и др. параметры. При этом были получены интересные результаты. Так, обнаружилось что: 1) нет механической зависимости между одной переменной в условиях труда и производительностью; 2) на рост производительности труда оказывают влияние факторы, независимо от условий труда — «групповой дух», межличностное общение, субъективное отношение работников к работе и руководству.

Среди скрытых факторов были выявлены неформальные нормы, правила и требования рабочих, которые давали им возможность для сдерживания производительности, давления на новичков, сопротивления нажиму со стороны администрации и защиты интересов работников. Результаты исследований показали, что рабочая группа имеет сложное внутреннее деление (лидеры, независимые, аутсайдеры) не только по профессиональным, но и по личностным признакам, с разнообразными связями, взаимными оценками и правилами поведения, помимо тех, которые устанавливались официально.

В отличие от формальных, официально регламентированных структур, неформальные группы, клики, лидеры функционируют на основе социально-психологической общности людей. При этом они, не обладая официальным статусом, оказывают подчас определяющее влияние на трудовую мотивацию и поведение работников. В частности, с помощью социометрической техники в ходе экспериментальных обследований условий эффективности производительности труда было обнаружено, что показатели выпуска продукции тесно зависят от сети групповых отношений работников: идентификация их интересов с интересами компании зависит от степени близости первичных отношений уважения и общности между доверенными лицами компании и неформальной группой; работники производят такое количество продукции, которое соответствует стандартам неформальной группы.

Кроме того, были выявлены некоторые закономерности межличностных отношений в производительности.

1. Если частота взаимодействий между двумя и более лицами возрастает, то усиливается и степень их взаимной симпатии друг к другу, и наоборот.

2. Лица, у которых взаимное чувство симпатии усиливается, выражают эти чувства посредством усиления активности своих действий, и наоборот.

3. Чем чаще лица взаимодействуют друг с другом, тем больше сходство проявляется в их действиях и чувствах, и наоборот.

4. Чем выше ранг данного лица в группе, тем в большей степени его действия согласуются с нормами этой группы, и наоборот.

Чем выше социальный ранг лица, тем шире диапазон его взаимодействий.

Вслед за Морено, в «Хоторнских экспериментах» формируется ориентация использовать «терапевтический эффект» группы как агента по подъему производительности труда и морали. При этом надо не разрушать неформальные организации, структуры и функции, а овладевать, контролировать и управлять ими. Инновационные открытия проводимых экспериментов преобразовывали облик менеджмента и формировали новые представления об организационном поведении человека в производственных процессах. Во-первых, что работник — это полезная и активная сила производства. Во-вторых, действия «человека социального» протекают с ориентацией на других. В-третьих, нужно мотивировать и подключать работников к управлению в рамках их компетенции. Все это обуславливало потребность организации социального управления, учитывающего субъективные воздействия на производственный процесс, ориентированного на человеческие нужды, социальные стороны предприятия. Иными словами, менеджмент столкнулся с необходимостью переходить к компетентному управлению производством, активно задействуя «человеческий фактор» в повышении эффективности производства. Появился социальный заказ на инженера с качествами управляющего производством, которые соединяют специальные знания и профессиональные навыки с организационной работой с людьми. Возникла необходимость готовить элиту — лидеров организации, способных анализировать групповые чувства, мотивировать людей и создавать условия для личностного их самовыражения в труде.

Следует отметить, что основные итоги «Хоторнских экспериментов» вступали в сложные отношения с профсоюзами. С одной стороны, забота о работнике как активной силе не противоречила их убеждениям, а с другой — они утверждали приоритеты неформальных организаций, гибких методов управления, производственной демократии, способствующие установлению консенсуса между работниками и предпринимателями. И в этом пла-

не профсоюзы рассматривались как дестабилизирующий фактор, разрушающий «социальное партнерство» и взаимные обязательства труда и управления.

6.53. Новации «Хоторнских экспериментов»

К новациям в исследовательской работе в «Хоторнских экспериментах» следует отнести:

— выделение экспериментальных и контрольных групп, что позволяло наблюдать за результатами переменных, наличие (отсутствие) связей между ними;

— проведение пилотажа программы интервью — методических экспериментов и пробных интервью с новыми анкетами;

— теоретико-прикладной характер исследования.

Неожиданностью явилось то, что деятельность исследователей невольно влияла на ход и результаты исследования. В частности, оказалось, что производительность труда повышалась не только в экспериментальных группах, но и в контрольных.

Это было результатом фактора внимания к человеку труда, проявлявшемуся в интересе исследователей к условиям работы и стремлении сделать их привлекательными, а самих работников — участниками управления производственным процессом. В ходе «Хоторнских экспериментов» у заводских рабочих появилось новое понимание своей социальной значимости, пробуждался их интерес к труду, развивался групповой дух.

Концептуальное осмысление приведенных экспериментальных результатов стало отправным пунктом и главным выводом утверждений Мэйо о том, что решающее влияние на производительность труда и отношений в трудовых структурах оказывают преимущественно социальные и психологические, а не материальные факторы. В этой связи он обратил внимание на два основных средства организации сотрудничества между людьми.

1. Социальное искусство — умение достигать и использовать взаимопонимание между людьми и удовлетворять их рациональные потребности и требования в целях обеспечения всеобщего участия в решении общих задач.

2. Техническое искусство — умение использовать различные вещи для удовлетворений стремлений людей.

Благодаря отработке способов практической реализации результатов и выводов идеи «человеческих отношений» осуществлялись не только на промышленных предприятиях, но и в различных учебных группах, спортивных, армейских, учреж-

денческих организациях. В последующем эта теория в содержательном плане была усилена теориями «управления через участие», «гуманизации труда», ориентированных на достижение заинтересованности работников в успешной деятельности промышленных предприятий.

6.6. Психодраматическая концепция Дж. Морено

Психодраматическая концепция Дж. Морено (1892—1974) центральным моментом включала в себя понятие игры как важного способа реализации внутренней сущности человека, выражения спонтанности и креативности (порождающей способности) человеческого духа. Он представляет мир как «игру бытия», в которой происходят встречи людей и разыгрывание ими своих ролей на разных уровнях социальной жизни, которая уподобляется драматическим ситуациям и действиям. Это дает возможность отождествлять сценические (театральные) действия и социальную жизнь, также состоящую из действий и взаимодействий — интерактивной групповой динамики.

6.61. Образ общества как «драмы»

Социальная организация общества, по мнению Морено, произрастает из интеракций его членов, что формирует образ общества как «драмы», состоящей из представлений, действий участников групповых процессов, изображающей некое событие. В них человек спонтанно проживает свои роли и непоследовательно переживает реальные чувства, мысли своего восприятия жизненных ситуаций. Это обуславливает примат внутренних психологических событий над внешними проявлениями. Поэтому Морено скептически относился к эмпирическим методам наблюдения, эксперимента и описания, раскрывающим лишь поверхностные явления существования социальных объектов.

Как опытный врач-клиницист, он хорошо владел психологической культурой и предложил новый метод групповой психотерапии— психодраму. Этот метод в корне отличался от фрейдистского психоанализа, направленного на пассивного (лежащего на кушетке) индивида, избегающего интеракции. Психодрама — это «терапевтический театр» как терапевтический метод предоставления личной свободы самовыражения для освобождения индивида от напряженности современной жизни. Ее основой выступает организация сценического действия, в рамках кото-

рого действуют режиссер, актеры (пациенты), терапевтические помощники и публика. Ситуация психодрамы — это модель социального мира: а) мир, в который вступает актер, — интрига; б) действующие лица, среди которых каждый шаг актера определяется шагами других, но и их шаги частично определяются его шагами. В силу этого в терапевтических целях можно разыгрывать сцены значимых событий в континууме от экзистенциальных бытовых до социетальных, как если бы они происходили в данный момент. Актер, разыгрывая различные ситуации в психодраматическом действии, получает возможность (необходимость) «обучения» человеческим отношениям.

Данный метод психодрамы (социодрамы) отличался от театрального действия тем, что предполагал спонтанное проживание в групповом действии и непосредственное переживание человеком реального восприятия значимых событий своей жизни в условном пространстве сцены. На ней протагонист (клиент) при помощи актеров и при участии психотерапевта, без предварительного сценария и с элементом импровизации разыгрывал сцены из собственной жизни, которые вызывали у него жизненно-психологические проблемы. В ходе драматического действия участники получали возможность обмениваться ролями, переживать и прорабатывать набор типичных, стандартизованных (стереотипных) образов поведения — «культурных консервов» и различных эмоциональных состояний. При этом с помощью специальных техник групповой психотерапии достигался катарсис, инсайт, прояснялась конкретная жизненная проблема, происходила реорганизация старых установок и реализация соответствующих коррекций социального поведения. В результате пересматривания и переделывания событий своей жизни человек обеспечивал новое видение психотравмирующих ситуаций и своих возможностей конструктивного социального участия, поиска более эффективных путей для решения жизненно-психологических проблем, достижения нового социального порядка. А психотерапевт — социальный инженер — получал возможность изучения взаимоотношений стереотипности и спонтанности в каждой культурной модели, совершенствования лечения неврозов, подавленных состояний, межличностных тупиков повседневной жизни.

Таким образом, в своем подходе Морено соединил понятие игры как театрального действия с символическо-интеракционистским видением мира, что обусловило «нерациональный» способ постижения человеческой реальности.

На основе психодрамы возникла новая отрасль социологического знания, которую Морено определил как социометрию: эмпирическая наука, количественно и качественно оценивающая межличностные отношения и переживания, связанные с ролями, которые играют люди в социоэмоциональной структуре своей группы (в своей социальной среде).

Он считал, что человечество в целом развивается по определенным законам, изучением которых занимается соционимия — наука о социальных законах. Ее объект — анализ малых групп. При этом свою программную концепцию он сформулировал так: вместо анализа социальных классов, состоящих из миллионов людей, мы занимаемся тщательным анализом небольших групп. Это отход от социальной вселенной к ее атомарной структуре.

6.62. Предмет соционимии

Предмет соционимии — изучение индивидов в тот момент, когда они спокойно вступают во взаимные отношения, ведущие к образованию группы. В социальной сфере действуют силы притяжения — отталкивания, выбора — отвержения, симпатии — антипатии. Задача соционимии заключается в том, чтобы создать ситуацию, в которой каждый человек и на производстве, и в жилом помещении работал и жил в окружении симпатичных и симпатизирующих ему людей.

Данная наука состоит из трех частей.

1. Социодинамика — наука о структуре и динамике социальных образований, отдельных групп или их образований.
2. Социатрия — наука о социальном исцелении людей с недостаточными навыками поведения (социодрама).
3. Социометрия — наука об измерении непосредственных контактов в малой группе (межличностных отношений).

6.63. Социометрия

Социометрия рассматривает внутригрупповые отношения — социальное поле по аналогии с физическим, состоящим из элементарных частиц. Взаимоотношения индивидов складываются из особых «микроразделов» — социальных электронов и телеэлектронов. С помощью понятия «теле» обозначаются сгустки эмоциональной энергии, направленные от индивида к индивиду в процессе общения: со знаком «+» — вызывает симпатию (притяжение), а со знаком «-» — антипатию (отталкивание). Могут быть и отношения безразличия. При этом сложные линии взаимоотношений микроразделов объединяются «психически-

ми социальными сетями. Конкретный индивид — социальный атом является наименьшим микроэлементом общества. Вокруг каждого из них в группе имеется ядро отношений: более плотное вокруг одних и более тонкое вокруг других.

Главная задача социометрии — измерять сгустки эмоциональной энергии в данном существовании индивидов и изменять социальную организацию рабочей группы с тем, чтобы она более точно соответствовала эмоциональным отношениям среди ее членов. Морено сформулировал фундаментальное положение: социальные процессы, происходящие в группе и обществе, могут быть правильно поняты лишь с учетом существования: а) микроструктур — совокупности психических отношений людей, их желаний, чувств, представлений в конкретных ситуациях повседневного взаимодействия; б) макроструктур — пространственного взаимоположения и взаимоотношения людей при выполнении ими производственных и иных специализированных функций.

6.64. Социоматрица

Социоматрица — это таблица, в которую при помощи числовых обозначений заносятся коллективные самовыражения опрашиваемых (кто выбирает и кого выбирают), в систему взаимоотношений в группе. Особенностью здесь является то, что испытуемые выступают не только измеряемыми объектами, но и лицами, заинтересованными в правдивом выражении выбора и отвержения в группе, с которой они связывают свою жизнь. Таким образом происходит субъективизация испытуемых, так как они выполняют социометрические тесты в собственных интересах.

Наконец, социозэмоциональные состояния фиксируются в социограмме — это графическое (схематическое) отражение самовыражения опрашиваемых в малых группах: триада, тетрада, пирада, звезда и др. Данная техника дополняется сложными методиками использования разнообразных индексов, коэффициентов, шкал, позволяющих количественно выражать качественные состояния. Практическая же цель социометрической методики заключается в определении наиболее оптимальной группировки и перегруппировки членов, приводя в соответствие констелляцию группы с их спонтанными мотивами, симпатиями — антипатиями, способствующей обретению (восстановлению) социальными группами сплоченности и креативности.

На основе концептуального вывода, что основным источником социальных напряженностей и конфликтов является несо-

ответствие микро- и макроструктур социальной группы, Морено вывел ряд социометрических законов.

6.65. Социогенетический закон, закон социальной гравитации, закон насыщения и социодинамический закон

Социогенетический закон, констатирует, что высшие формы коллективной организации развиваются из низших, где малая группа есть модель общества.

Закон социальной гравитации раскрывает прямую пропорциональную зависимость сплоченности, креативности социального агрегата от влечений участников друг к другу (интеракций) и обратно пропорциональную зависимость от дистанции друг от другу.

Закон насыщения указывает на существование точки насыщения социальных отношений, превышение которой ведет к «перенасыщению» (нерастворимый осадок) — конфликтам, розни и войне.

Социодинамический закон утверждает, что внутри любой группы человеческие привязанности распределяются неравномерно. Морено указал, что большая часть эмоциональных влечений (предпочтений) приходится на немногих членов группы — звезд. Большинство же участников группы оказываются как бы «эмоционально обездоленными» и составляют разряд «социометрического (терапевтического) пролетариата», страдающего от последствий социометрического эффекта — изоляции, комплекса неполноценности, отверженности и т. п.

Пренебрежение фактором неравномерного распределения выборов в социальной группе является упущением, чреватым последствиями: невозможностью установления социального равенства людей политико-экономическими средствами. Поэтому правильная оценка социодинамического эффекта важна для установления показаний к психодраме (социодраме) — терапевтическим мероприятиям, помогающим людям преодолевать последствия неравномерного распределения человеческих привязанностей.

Необходимо отметить утопический вывод социометрии Морено о возможности «улучшения» человеческих отношений в рамках любой общественной системы. Это означало, что социальная напряженность и различного рода конфликты могут быть ликвидированы путем реорганизации макроструктур—перегруппировки людей в социопространстве таким образом, чтобы во всех случаях рядом оказались люди, симпатизирующие друг другу.

На этой основе он проповедовал «социометрическую революцию».

Социометрическая революция, по мнению Морено, применима к любому типу общества прошлого и будущего: она должна начинаться с изменения психологии и сознания людей. А механизм осуществления ее выразится в том, что массы людей будут перегруппированы в пространстве в соответствии с их симпатиями и антипатиями. Данная революция охватывает всех людей, все микро- и макроструктуры, официальные (формальные) и неофициальные (неформальные).

Создание социометрии явилось пионерским достижением социологии как науки. Внедрение количественных методов в изучение качественных состояний позволило с невиданной ранее для социальных наук точностью осуществлять социологические исследования. В частности, в исследованиях массовой коммуникации, общественного мнения социометрическая концепция позволила расширить анализ процесса получения сообщений как некоего коллективного процесса. В нем индивиды находятся в почти непрерывном общении с себе подобными: атом, погруженный в социальное поле (семья, рабочая бригада, завсегдаи кафе и т. п.), в котором реакции индивида отчасти зависят от окружения, а структуры определяют его способ восприятия. При этом, в зависимости от конфигурации эмоциональных состояний внутри группы, в информационном обмене выявляются лидеры, изоги коммуникации, сети коммуникативной активности, вторичное распространение сообщения и его искажения.

ЧАСТЬ 7

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня теория постиндустриального общества воспринимается уже не столько одним из течений в социологической теории, сколько широко признанным методологическим основанием большинства ведущихся в западных странах обществоведческих исследований. Особенность этой концепции заключается прежде всего в том, что она предоставляет в распоряжение исследователя некий общий инструмент социального поиска, не задавая жестких рамок, которые были присущи другим доктринам. Теория постиндустриального общества является одним из своеобразных контуров будущего социального состояния, переход к которому осуществляется в настоящее время. Популярность этой теории объясняется тем, что, во-первых, она представлена очень авторитетными именами, во-вторых, обстоятельно аргументирована и обоснована и, в-третьих, эта концепция, в силу ее гуманистической направленности находится выше многих сегодняшних конъюнктурных идеологических и политических конфронтации.

7.1. История становления теории постиндустриального общества

Идеи постиндустриализма формировались параллельно с концепцией индустриального общества; по мере ее развития вопрос о том, какой социальный порядок придет на смену индустриальному строю, становился все более актуальным. И если в XIX веке, когда усилиями позитивистов — от Ж.-А. де Кондорсе и А. де Сен-Симона до О. Конта и Дж. Ст. Милля — подход к современному им обществу как обществу «промышленников» стал общепринятым, большинство социологов еще не задавалось вопросом о его перспективах, то в XX столетии проблема определения будущего строя стала весьма актуальной. Однако все предлагавшиеся на рубеже веков подходы к периодизации истории лишь констатировали возрастающую комплексность общества, но не давали возможности проследить потенциальные изменения в его структуре. Так, историки и экономисты пред-

принимали выделение пастушеской, земледельческой, земледельческо-мануфактурной и земледельческо-мануфактурно-коммерческой стадий, замкнутого домашнего, городского и народного хозяйства или эпох индивидуального, переходного и социального хозяйства. Все эти классификации, хотя они и основывались на периодизации истории по принципу исследования технологических аспектов организации общественного производства, не могли еще служить действенными инструментами социального прогнозирования.

7.11. Методологические основы теории постиндустриального общества

Важной предпосылкой развития социальной теории стала работа Т. Веблена, положившая начало институциональному направлению в политической экономии. На этой основе ранее абстрактная идея противопоставления стадий технологической эволюции преломилась в новых условиях в структуризацию секторов общественного производства и выявление внутренних закономерностей хозяйственного развития, не зависящих от социальной и политической системы той или иной страны. В 40-е и 50-е гг. в работах экономиста К. Кларка «Условия экономического прогресса» и социолога Ж. Фурастье «Великая надежда XX века» были сформулированы важнейшие методологические положения теории постиндустриального общества — о подразделении всего общественного производства на первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы и о грядущем росте доли третичного сектора по сравнению с первичным и вторичным как в совокупной рабочей силе развитых стран, так и в структуре валового национального продукта.

Уже к началу 60-х гг. сформировались важнейшие методологические основы, позволявшие рассмотреть становление нового социального состояния с позиций отхода от традиционного индустриализма и развития «экономики услуг», сопряженного с повышением роли технологического фактора, науки и образования, расширением влияния нового класса квалифицированных профессиональных менеджеров и технократов и качественным изменением места теоретического знания и информации в общественном производстве оставалось. Объединить все эти элементы в систему, которая могла бы стать действенным инструментом социального прогнозирования.

7.2. Постиндустриальное общество: Д. Белл о контурах социальной системы

В этом ряду Д. Белл в своей знаменитой книге «Грядущее постиндустриальное общество» рассматривает становление сервисной экономики, формирование класса носителей знания, изменения образовательной структуры общества, новые тенденции в организации современной корпорации, возникающие элементы социального планирования и прогнозирования, а также останавливается на политической структуре постиндустриального общества и природе господствующего в нем технократического класса. Его анализ сосредоточен на основных процессах, так или иначе воплощающих в себе наиболее фундаментальные сдвиги в общественной жизни, и, в то же время, настоятельно требовал центральной парадигмы, дающей возможность в едином ключе рассматривать все эти процессы. Поэтому определение постиндустриального общества, сформулированное Д. Беллом, отмечено некоторой двойственностью: оно трактуется как в качестве некоей объективной реальности, воплощающей в себе результаты происходящих сегодня изменений, так и в виде определенной логической конструкции, помогающей осмыслить современную реальность.

7.2.1. Концептуальный подход к построению теории

Белл пишет, что понятие постиндустриального общества является *аналитической конструкцией*, а не картиной специфического или конкретного общества. Она есть некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе. И далее отмечает, что постиндустриальное общество... является «идеальным типом», построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более или менее связанными между собой и могут быть противопоставлены другим концепциям. Однако здесь же, как и ранее, Д. Белл отмечает, что постиндустриальное общество представляет собой некую существующую реально данность, пусть даже она и не может быть поставлена в один ряд с отдельными типами существующих сегодня обществ. Общественные структуры не изменяются в одночасье, и иногда для того, чтобы революция полностью завершилась, требуется целое столетие. Любое конкретное общество представляет собой сочетание многих различных социальных форм — отдельных экономических укладов, разных политичес-

ких структур и т.п., — и именно поэтому необходим многогранный подход, способный рассмотреть общество с различных точек зрения, применить различные аналитические схемы. В качестве социальной системы постиндустриальное общество не приходит «на смену» капитализму или социализму, но, подобно бюрократизации, пронизывает оба этих социальных типа. Таким образом, очевидно, что подчеркивание концептуального характера идеи постиндустриального общества может рассматриваться в теории Д. Белла скорее как средство обозначить незавершенность реального процесса становления нового социального порядка и тем самым предвосхитить возможные критические замечания, которые, несомненно, возникли бы в том случае, если бы постиндустриализм рассматривался либо как некое общество, идущее на смену одной из двух полярных социальных систем, либо как результат их конвергенции.

Представление же постиндустриального строя в виде реально формирующегося и по некоторым признакам уже существующего общества прослеживается в работе гораздо более отчетливо. Начиная с первой главы, Д. Белл говорит о своем понимании фундаментального отличия постиндустриального общества от доиндустриального и индустриального. Уже здесь нельзя не отметить момента, качественно отличающего его представления от идей большинства современников: автор ставит во главу угла место человека в различных идеальных типах общества. Хотя он, безусловно, видит и показывает различия и типов технологий, доминирующих в доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном обществах, и базовых принципов организации этих социальных систем, основное его внимание сосредоточено на отношении человека к окружающему миру и другим людям. Именно противопоставление трех этих типов общества как воплощений «взаимодействия человека с природой», «взаимодействия человека с преобразованной природой» и «игры между людьми» следует рассматривать в качестве важнейшего теоретического достижения автора. Это положение, неоднократно повторенное им в других работах даже в более четкой форме, нежели в «Грядущем постиндустриальном обществе», стало фундаментом новой социальной теории.

Автор рассматривает историю как последовательную смену трех эпох, причем одна из них — индустриальная — оказывается в его анализе центральной. Этот методологический прием в определенной мере повторяет знаменитый подход К. Маркса к оценке экономической общественной формации, но по своему

воплощению гораздо более совершенен, поскольку, в отличие от марксистской теории, мы не наблюдаем здесь, в частности, до некоторой степени шаблонного использования диалектического принципа для описания основных свойств будущего социального состояния. К. Маркс и его последователи считают, что в грядущем коммунистическом обществе будут преодолены частная собственность, товарное производство и эксплуатация, причем утверждение это базируется на констатации того факта, что данные явления отсутствовали в рамках первичной общественной формации. Д. Белл теоретизирует иначе: он прямо указывает на то, что определенные ряды признаков, по которым различаются доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества, — такие, например, как переход от сырья и энергии как основного производственного ресурса к информации; движение от непосредственного восприятия через эмпиризм и экспериментаторство к абстрактному теоретическому знанию и т.д. — являются не «зацикленными», а «открытыми в будущее», и это гораздо более четко, нежели в рамках марксистской теории, подчеркивает поступательность процесса становления нового общества. При этом триадичный характер построения концептуальной схемы Д. Белла используется, скорее, для того, чтобы найти некую исходную точку (которой является для него теоретический анализ индустриального строя), позволяющую более субординированным образом исследовать основные признаки и свойства как предшествующей ему, так и следующей за ним исторических эпох. С другой стороны, обращает на себя внимание то, что определения доиндустриального и индустриального обществ, данные в этом ключе, радикально отличаются от трактовки постиндустриального строя.

7.22. Доиндустриальное и индустриальное общество

Доиндустриальное общество определяется прежде всего как такой социальный порядок, который основан на примитивных производственных формах, развивающихся прежде всего в отраслях, обеспечивающих добычу и первичную обработку ресурсов, наиболее пригодных для удовлетворения самых настоятельных потребностей. Труд в этом случае фактически является неквалифицированным, развитие способностей человека обусловлено в первую очередь сложившимися традициями, и люди остаются неразрывно связаны с прошлым. Таким образом, автор живописует традиционное общество, отличающееся весьма слабой степенью своего динамизма.

Индустриальное общество знаменует собой радикальный разрыв с такой традиционностью и становится важнейшим условием становления постиндустриальной системы. В его рамках добыча природных ресурсов сменяется производством заранее определенных продуктов; констатируется возрастающая квалификация работника; основным производственным ресурсом становится энергия; человек оказывается способным делать определенные локальные технологические и хозяйственные прогнозы; особенно следует отметить, что именно для характеристики этого состояния Д. Белл начинает использовать понятие «экономический», хотя ранее он говорил лишь о тех проблемах, которые ставила перед людьми ограниченность земель и иных материальных ресурсов.

Постиндустриальное общество противопоставляется автором индустриальному в качестве такого, где производство как дискретный и постоянно возобновляющийся процесс сменяется непрерывным воздействием на окружающую среду (processing), где каждая сфера человеческой деятельности оказывается тесно связана со всеми другими. В этих условиях основным ресурсом становится информация, приоритет переходит от полуквалифицированных работников к инженерам и ученым, дальнейшее совершенствование знаний человека о мире происходит в первую очередь на базе применения абстрактных моделей и системного анализа, центральное значение приобретает кодификация теоретического знания, а важнейшей задачей ученых становится перспективное прогнозирование хозяйственных и социальных процессов. Таким образом, автор рисует картину комплексного и открытого в будущее общества. Д. Белл пишет: «Понятие «постиндустриальное» противопоставляется понятиям «доиндустриальное» и «индустриальное». Доиндустриальный сектор является, в основном, *добывающим*, он базируется на сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, рыболовстве, заготовке леса и других ресурсов, вплоть до природного газа или нефти. Индустриальный сектор носит прежде всего *производящий* характер, он использует энергию и машинную технологию для изготовления товаров. Постиндустриальный является *обрабатывающим*, и здесь обмен информацией и знаниями происходит в основном при помощи телекоммуникации и компьютеров.

Д. Белл четко противопоставляет постиндустриальное и индустриальное общества как теоретические принципы. «В теоретическом аспекте, — отмечает он, — постиндустриальное об-

щество *принципиально* отличается от доиндустриального и индустриального. Как теоретический принцип, идея индустриализма не возникла из аграрного способа производства. В равной степени стратегическая роль теоретического знания как нового базиса технологического развития или роль информации в преобразовании социальных процессов никак не связаны с ролью энергии в создании промышленного или производящего общества. Короче говоря, это *аналитически независимые* принципы». Между тем Д. Белл не считает необходимым столь же четко разводить их хронологически; это вполне соответствует подходу, распространенному еще в 50-е гг. и ставшему в 60-е общепризнанным элементом западной социологической доктрины. Он считает, что было бы безрассудно пытаться точно датировать социальные процессы (с помощью каких критериев можно определить, когда капитализм сменил феодализм, хотя бы в экономической сфере?), но наше представление о времени... вынуждает нас искать какие-то символические точки, которые могли бы ознаменовать возникновение нового понимания общества. Д. Белл рассматривает становление постиндустриального общества через призму поступательно развивающихся процессов, которые в равной мере можно трактовать и как модификацию самого социума, и как совершенствование теоретических представлений о нем. Так, он акцентирует внимание прежде всего на таких основных признаках технократической эры, как рациональность, планирование и предвидение, отмечая, что одним из важнейших признаков постиндустриального общества становится «разительное изменение в моральном настрое — новая «ориентация на будущее», распространившаяся во всех странах и социальных системах». Таким образом, Д. Белл предпочитает определять процесс формирования постиндустриального общества не только через исследование хозяйственных процессов, но не в последнюю очередь и через возникновение новых тенденций в социальной и духовной сферах. С другой стороны, он стремится максимально четко указать на то, что новые тенденции не предполагают в качестве своего непосредственного результата разрушение прежних экономических и социальных форм. В Предисловии к изданию 1976 года он пишет: «Постиндустриальное общество... не *замещает* индустриальное, также как индустриальное общество не ликвидирует аграрный сектор экономики. Подобно тому, как на древние фрески в последующие эпохи наносятся новые и новые изображения, более поздние общественные явления накладываются на предыдущие

слои, стирая некоторые черты и наращивая ткань общества как единого целого».

7.23. Проблема многовариантности развития социальной системы

Белл рассматривает проблему многовариантности развития на этапе становления постиндустриального общества, полагая, что не существует возможности строгого движения по одной определенной траектории прогресса, и пути перехода к постиндустриальному обществу могут быть существенно различными для разных народов, составляющих цивилизацию.

Тем самым он не поддерживает ни концепцию «конвергенции», весьма широко распространенную в 70-е гг., ни идею однозначного превосходства какой-либо определенной модели, принятой в одной из развитых индустриальных стран. Это обосновывается автором посредством важнейшего тезиса, согласно которому новое общество, как правило, не рождается из основных противоречий предшествующего. Полемизируя с линейной теорией прогресса К. Маркса, настаивающей на последовательной смене отдельных способов производства, Д. Белл пишет, что буржуазное общество, зародившееся в XIII веке, сложилось из ремесленников, купцов и свободных профессионалов, чья собственность состоит в их квалификации или их готовности идти на риск и чьи земные ценности совершенно несовместимы с уходящей театральностью рыцарского стиля жизни... оно зародилось вне феодальной землевладельческой структуры, в свободных общинах или городах, которые к тому времени уже освободились от вассальной зависимости. И эти маленькие самоуправляющиеся общины стали основой европейского торгового и индустриального общества.

По аналогии автор полагает, что постиндустриальное общество не вырастает из наиболее острых противоречий индустриализма, а возникает вместе с появлением новых структур, скорее не антииндустриалистских, а неиндустриалистских. Важнейшей из них является научная общность, в силу чего можно утверждать, что корни постиндустриального общества лежат в беспрецедентном влиянии науки на производство, ставшем особенно очевидным во второй половине XX века. Между тем потенциал научного прогресса и способы его реализации весьма разнообразны, что и обуславливает отсутствие некоего четко очерченного пути становления постиндустриального строя и допускает существенные отличия этого процесса, прослеживающиеся от страны к стране.

7.24. Новые линии социальной стратификации

По мере того, как растет роль сервисного сектора, снижается доля традиционно понимаемого фабричного пролетариата и повышается удельный вес высококвалифицированных работников, в новых условиях представляющих собой уже не столько отдельную категорию лиц наемного труда, сколько качественно новый социальный слой, который может рассматриваться как профессионально-технический класс. Д. Белл отмечает, что вместо господства промышленного пролетариата мы наблюдаем доминирование в рабочей силе профессионального и технического класса, настолько значительное, что к 1980 г. он может стать вторым в обществе по своей численности, а к концу века оказаться первым. Это новая революция, происходящая в структуре занятости, которая в той мере, в какой профессия определяет иные стороны поведения работника (хотя эта степень сейчас ослабевает), становится революцией в классовой структуре общества. Подобные изменения в характере производства и структуре занятости — один из важнейших аспектов зарождения «постиндустриального» общества.

Соответствующим образом изменяется содержание разделявшего индустриальное общество конфликта и возникают новые линии социальной стратификации. Развитие сферы услуг вызывает весьма существенные последствия и в других областях. Принимая во внимание, что постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами... которые становятся желанными и доступными для каждого, нельзя не отметить, что большинство таких не только являются результатом высококвалифицированного труда, который не может быть сведен к простому труду, но и то, что «по техническим и концептуальным причинам невозможно определить стоимость таких товаров в рыночных категориях», вследствие чего с политической точки зрения проблемой постиндустриального общества... является развитие нерыночной экономики благосостояния и отсутствие адекватных механизмов оценки общественных благ.

Таким образом, ставится под сомнение адекватность принятых методов и форм экономического регулирования, а также констатируются источники новых форм групповых и квазиклассовых конфликтов, которые могут оказаться присущими постиндустриальному обществу.

7.25. Признаки постиндустриального общества

Д. Белл формулирует одиннадцать фундаментальных признаков постиндустриального общества. Пять из них автор уя-

зывает непосредственно с научным прогрессом, три признака занимают первые позиции. Среди них следующие:

- центральная роль теоретического знания;
- создание новой интеллектуальной технологии;
- рост класса носителей знания.

Постиндустриальное общество имеет коммунальную природу, и именно она служит основной *социальной* характеристикой этого типа общественной организации. Д. Белл отмечает, что если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной. И если капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание — основа общества постиндустриального. Вследствие этого, заключает он, социальные организации постиндустриального и индустриального секторов сильно различаются. Причиной такого различия выступают два важнейших обстоятельства.

С *одной стороны*, это специфический характер продуктов и услуг, воплощающих, в конечном счете, возросший научный и технологический потенциал современного общества. Д. Белл обращает внимание читателей на невозможность оценки в пространственных и широко признанных категориях тех благ, которые не являются продуктом индустриального производства. (В 70-е эта проблема еще не рассматривалась как наиболее важная для современной экономической теории, но сегодня она становится узловой точкой многих исследований.) Они не приспособлены ни для того, чтобы измерить реальные издержки производства подобного блага, поскольку оно, во-первых, является результатом труда, который не может быть сведен к простым затратам рабочей силы, и, во-вторых, может тиражироваться без дополнительных затрат, ни для того, чтобы изучить масштабы потребления информационного продукта, поскольку его использование не предполагает уничтожения самого блага, а пользоваться информацией может неограниченное количество людей одновременно.

С *другой стороны*, фактором инновации становится систематизация знания. Особенность последнего заключается в том, что, даже будучи проданным, оно остается также и у своего производителя. Знание представляет собой «коллективное благо», поскольку по своему характеру с момента создания оно становится доступно всем.

7.3. Постиндустриальное общество: аналитический обзор концепций

Общественный идеал, выражаемый концепцией постиндустриального общества, многим представляется в виде универсального средства консолидации различных социальных сил, направлением целеустремленных действий людей в борьбе за свою жизнеспособность. Новая социальная система является внеидеологической в современном понимании термина «идеология». В условиях перехода общества к постиндустриальному развитию на смену классовой идеологии приходит новая технократическая (неполитическая) — «постидеология» с элементами научности под влиянием науки и техники». Данная ситуация характеризуется тем, что духовный мир деполитизированной ответственности пронизан технократическим сознанием, заглушающим социальные антагонизмы. Этот подход трансформируется в поиски глобальной, планетарной, панидеологии, ориентированной на общечеловеческие ценности, надклассовый и безнасильтвенный мир, гуманную и демократическую альтернативу.

Концепция планетарной цивилизации базируется на общности исторической судьбы, взаимозависимости государств и народов. Торговый строй постоянно стремится к организации единой универсальной формы мирового масштаба. На этой основе в жизни человечества как глобальной общности складывается особый тип общественного сознания — общечеловеческое сознание, воспринимающее действительность в ее геополитическом, своего рода вселенском, планетарном аспекте. В таком плане выдвигание идеи планетарной идеологии также правомерно и своевременно: она должна быть способной убеждать людей в необходимости выполнять действия надклассового, наднационального и надгосударственного порядка.

Такой подход демонстрирует действительную деидеологизацию общества, т. е. не отказ от идеологии вообще, а отказ от устаревших идеологических постулатов, сложившихся в условиях конфронтации, противоборства «двухполюсных» идеологий, и переход к парадигмам, нетрадиционным решениям с учетом интеграционных, универсалистских социальных процессов. Действительно, ход современного мирового развития обуславливает острейшую необходимость партнерства всех участников мирового сообщества в борьбе за общечеловеческое выживание: стремление к спасению цивилизации от угрозы оружия массового уничтожения, ликвидации опасных болезней, сохранению природы пла-

неты, рациональному распоряжению ее конечными и ограниченными природными ресурсами, созданию достойных условий для развития всех людей и народов земли. Если люди не одержат победу в этом направлении, то теряют смысл и попытки обеспечить коренные интересы людей, права человека распоряжаться собственной судьбой. В соответствии с этим сформировались различные концепции постиндустриального общества.

7.31. Либеральная концепция постиндустриального развития

В последнюю четверть ушедшего века западное общество достигло стабилизации своего развития и динамической сбалансированности своего существования. В теоретической социологии стали разрабатываться различные сценарии будущего. В условиях борьбы двух альтернативных мировых систем либеральные варианты концепции постиндустриального развития направлены на реабилитацию и оздоровление индустриальной (технологической) модели прогресса, увязанной с капиталистической системой хозяйствования. Эти концепции представлены именами уже упоминавшегося выше Д. Белла, а также именами З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта и других авторов.

Одним из родоначальников теории «постиндустриального общества» являлся Д. Белл. Если кратко концептуализировать его взгляды, более полно изложенные выше, с целью систематического изложения либеральных концепций, то они сводятся к следующему, а) теоретическое знание (а не капитал) является организующим началом социальной системы; б) технологический рост в производстве товаров обуславливает информационная и кибернетическая революция.

Белл сформулировал пять основных исходных специфических измерений и компонентов прогностической модели общества будущего.

1. Сфера экономики: переход от производства товаров к производству услуг.

2. Сфера занятости: преобладание класса профессиональных специалистов и техников.

3. Осевой принцип: ведущая роль теоретического знания как источника нововведений и определения политики в обществе.

4. Предстоящая ориентация: контроль над технологией и технологическими оценками деятельности.

5. Процесс принятия решений: создание новой «интеллектуальной технологии», связанной с ЭВМ.

Функционирование данных компонентов изменяет соотношение экономики и социальной политики, подчиняя первую второй. Социальная политика, превращаясь в социальную инженерию, перестраивает в соответствии с научными рекомендациями всю систему общественных отношений. Ведущая роль «большой науки» обуславливает определяющую роль в социальной структуре меритократии.

Дж. Гэлбрейт в этом отношении существенное значение отводит так называемым «техноструктурам», которые занимаются организацией всех видов социальной деятельности и управлением собственностью. Он также выделяет «власть лучших» — иерархию управляющих, инженеров, государственных служащих, которая определяется талантом, знанием, квалификацией.

Представители рассматриваемой концепции обосновывали приоритет интеграционных процессов в современном мире. Эта тенденция, по их мнению, базировалась на научно-технических нововведениях, которые продвигают развитие социума в сторону «открытого общества». В нем главенствуют плюралистическая демократия, управление собственностью, права человека, индивидуальная инициатива, свободное предпринимательство, технологические отношения разделения труда. Самодвижение научно-технического общества подвергает технизации все стороны жизни общества, обуславливая общность его судьбы — становление единого мирового сообщества. На гребне данного процесса находится западная цивилизация, а остальные общества развиваются «вдогонку» за ней.

В рамках либеральной концепции предстоящая конвергенция означала крах советской индустриализации, лежащей в основе социалистической (антирыночной) системы хозяйствования, опирающейся на принципы «закрытого общества». Прогрессирующий застой этой системы на уровне ранних стадий индустриальной революции (торможение) являлся свидетельством ее стагнации и предстоящего распада. Последующее слияние социалистических государств с более обширным мировым сообществом будет происходить на основе отказа от советской (коммунистической) практики и движения в сторону принципов «открытого общества». У коммунизма нет исторической перспективы, и он будет побежден только в направлении будущего.

В принципе, перестройка и последующие за ней события в бывшем СССР подтвердили суть данной концепции конвергенции. Это дало право одному из ее главных авторов — З. Бжезинскому сделать следующее заключение: «Таким образом, обернув-

шаяся катастрофой встреча человечества в XX веке с коммунизмом дала болезненный, но крайне важный урок: утопическая социальная инженерия находится в фундаментальном противоречии со сложностью человеческого бытия, а социальное творчество лучше всего расцветает, когда политическая власть ограничена. Этот фундаментальный урок делает тем более вероятной возможность, что XXI век будет веком демократии, а не коммунизма».

7.32. Радикальная концепция постиндустриального развития

Иной подход в оценке индустриальной цивилизации и поиске контуров «новой цивилизации» (варианта «третьего пути») имел место в радикальных футурологических концепциях М. Маклюэна, А. Турена, А. Тоффлера, Э. Шумахера и др. В частности, А. Тоффлер в своих работах критически оценивал «индустриальную цивилизацию».

Анализ будущего он осуществлял на основе «информационного редуccionизма»: переход от индустриализма к новой «постиндустриальной» цивилизации с господством информационных технологий будет осуществляться на основе компьютерной революции. Он будет сопровождаться инновациями способа производства, образа жизни и культуры, разрешающими современные глобальные проблемы.

В работе «Третья волна» образно метафорически Тоффлер нарисовал картину перехода к «постиндустриальному» («сверхиндустриальному») обществу, где волны — это волны истории, рождающие цивилизации, через которые проходит человечество в своем развитии. Накатываясь одна за другой, эти «волны» образуют фон, на котором разворачивается драма истории в трех действиях — три цивилизационные волны.

1. Доиндустриальная — сельскохозяйственная цивилизация до 1650—1750 г., основанная на простом разделении труда, кастовой структуре общества, авторитарной власти и децентрализованной экономике. Технологической основой аграрной цивилизации является соха.

2. Индустриальная — промышленная цивилизация до наших дней. Ее технологическая основа — машина.

Вторая волна — индустриализм, разрушила сельскохозяйственную цивилизацию, подавила первобытного человека и изменила образ жизни миллионов. Она дала человеку массу материальных благ, получил развитие рынок. Но далось это слиш-

ком дорогой ценой: отрывом от природы, диктатом массовизации, утратой индивидуальности, Освенцимом, испепеленной Хиросимой, властью машины над человеком, отделением производителя от потребителя. К странам «индустриального пояса» Тоффлер относит Северную Америку, азиатский индустриальный район, Западную и Восточную (социалистическую) Европу, которые имеют общую характеристику («и так везде») и разделяют общую судьбу. Он негативно оценивал индустриальное общество и видел выход в его перестройке — фундаментальных (системоизменяющих) преобразованиях. Но в отличие от представителей радикальной социологии Тоффлер звал не к бунту против существующего общества, а к хорошей реформе, приводящей его к саморазвитию.

3. Постиндустриальная (посткапиталистическая и постсоциалистическая) — компьютерно-информационная цивилизация.

7.33. Контуры новой цивилизации Тоффлера

К контурам новой цивилизации Тоффлер относил:

1. Информационные (гибкие) технологии, качественно преобразующие инфраструктуры общества и образ жизни людей.

2. Демассифицированное (конфигуральное) общество, в котором классы теряют свое значение, а тысячи меньшинств, с временным характером существования, образуют различные переходные формы.

3. Антиципарная (предвосхищающая) демократия, обеспечивающая «участие граждан» в формировании моделей собственного будущего.

4. Транснациональные институты, решающие глобальные вопросы: отход от национально-государственной замкнутости и самомнения к общим рынкам со свободным перемещением товаров, людей, идей, культуры.

Прогнозируя будущее, Тоффлер сформулировал следующие позиции:

Регионализм.

Индустриальное общество тяготело к национальному государству.

Постиндустриальное общество тяготеет к региональному государству.

Расовые проблемы и урбанизация.

Следует ждать учащения беспорядков, ибо в ближайшие годы экономическое и расовое давление лишь усилится. Азия — это самый важный регион мира, и все же США ослабляют в нем свое

присутствие. Мексика — если экономика Мексики потерпит крах, в стране может наступить хаос. А в случае переворота США получат малый Вьетнам у себя под боком.

Безработица.

Она будет иной и охватит не только низшие социальные слои. Стимуляция экономики не поможет, так как все упрется в проблему специализации.

Военная стратегия.

Ввиду отсутствия глобальной военной стратегии планируется урезать бюджет за счет сокращения количества рабочих мест. И урежут его не там, где надо.

Политика промышленного развития.

Нет серьезной дискуссии на общенациональном уровне. Правительства же осознали, насколько это важно, и уже начинают разрабатывать свои стратегии.

Власть средств массовой информации.

Масс-медиа будут играть всё более важную роль. В постиндустриальном мире они могут занять место партий и отнять у них власть.

Политика.

С закатом индустриального мира развалятся вековые политические структуры и возникнут новые политические силы.

Религия

Прогнозируются столкновения между государством и церковью.

Экология.

Ухудшение экологической ситуации. Политические дебаты на эту тему будут по-прежнему носить абстрактный характер, а нерешенные вопросы — накапливаться, делая упор на развитие новых технологий.

7.34. Ориентиры постиндустриального развития

Постиндустриализм является наднациональной системой и в состоянии реализовать свои потенциалы только в рамках международного порядка. Новациями радикальной планетарной перестройки являются следующие:

а) стимулирование внедрением микропроцессоров (компьютеризация, робототехника и т. п.);

б) появление новых форм организации человеческих отношений, соответствующих изощренной технологии;

в) изменение образа жизни в сторону ценностей качества жизни.

Постиндустриальное общество — это стратегическое приспособление к новой постмодернистской культуре и цивилизации, которые формируются в результате глубокой трансформации социального мира.

7.35. Информационная цивилизация

Г. Маклуэн представил трехступенчатую модель всемирной истории:

1-я эпоха: человек слушающий— эпоха племенного индивида с преобладанием устной речи в качестве коммуникации в акустическом (доалфавитном) мире (мифологическое сознание).

2-я эпоха: человек смотрящий — эпоха типографского (печатный станок И. Гутенберга) или индустриального индивида с преобладанием печатного слова над устной речью в коммуникации. В данную эпоху изобретение алфавита означало переход к новой эре. Воспринимаемая глазом строка приступила к новой организации жизни людей, так как он стал думать логически и последовательно (рационалистическое сознание).

3-я эпоха: человек слушающий и смотрящий — эпоха информационного индивида в условиях победы электронной (аудиовизуальной) коммуникации, повышающей интеллектуальные способности и творческий характер личности (синтез мифорационалистического сознания).

Г. Маклуэн считал, что электронная революция перекраивает жизнь. В начальной стадии электронная технология (космическая связь, портативная видеозапись и т. п.) выполняла роль социальной терапии. Она создала новый этап социального общения, в котором выравниваются искажения и диспропорции, вызванные географией и экономикой, содействуя росту взаимопонимания между различными слоями общества и народами. На более высоких стадиях электронная революция выступила в качестве первопричины крупных социальных перемен (СМИ диктуют культуру). Информационная технология, соединенная с аудиовизуальными средствами, создает целый мир поведенческих моделей, которые постоянно, ежедневно на работе и в быту окружают человека и программируют его деятельность во все возрастающем масштабе.

Второй этап коммуникационной революции связан с тремя великими инновациями: спутниковая связь, создание оптоволоконных кабелей и кабельных сетей, цифровых электронных устройств с применением микропроцессоров и интегральных схем для скоростного приема и передачи информации. Это открыва-

ет доступ любому человеку, в любой точке Земли к базам данных и знаний, если он имеет терминальное устройство (или компьютер) для ввода и вывода информации, включенной в единую интегрированную систему связи. Подобные интеллектуально-технологические системы ведут к принципиально новому состоянию цивилизации и культуры — к глобальному гиперинтеллекту (индустрии данных и знаний). Компьютеризация создает технологическую основу информатизации общества, в котором информатика и владение ЭВМ является второй грамотностью, повышающей интеллектуальные и творческие способности человека.

Информационная технологизация социальной жизни вызвала к жизни новую концепцию демократии — «компьютерную демократию», в которой информация олицетворяет власть. Гражданское общество является обществом «общественного мнения»: его формирование и выражение является средством завоевания и удержания власти. В нем реализуется главенствующее право общественности знать все относящиеся к ее жизни факты и свободно говорить о том, что определяет эту жизнь. Тем самым информация общества заменяет собой социальную революцию. Поэтому властные структуры, чтобы завоевать сознание общественности, обязаны вести с ней постоянный диалог, иметь гибкую и мобильную политику двусторонних контактов.

Посредником между властью и обществом выступают «масс-медиа» — независимые средства массовой информации (особенно электронные), действующие по принципу «расскажи все, расскажи быстро».

Другим социальным институтом, связанным с развитием СМИ является система «паблик рилейшнз» (институт отношений с общественностью). В правовом государстве и гражданском обществе необходимость сотрудничества, формирования благоприятного отношения социальных организаций с общественностью — это основа проведения сильной и уверенной социальной политики с адекватной социальной ответственностью.

7.4. Постиндустриальная концепция общественного развития Р. Коэна

Р. Коэн является одним из тех, кто задался целью осмысления концепции постиндустриального развития общества. Он считает, что в ряду проблем, связанных с воздействием научной

технологии на общество, одним из труднейших является вопрос: следует ли рассматривать нынешнее и ожидаемое воздействие, будь то позитивное или негативное, будь то воздействие какого-то одного технического новшества или воздействие накопления подобных новшеств, как нечто совершенно отличное от разовых или суммарных воздействий, оказываемых научно-техническим развитием на его первоначальных стадиях. То воздействие, к примеру, которое стронуло с привычных мест жителей английской деревни XVIII и XIX веков и швырнуло их в непостоянную, часто безработную, часто уголовную, как правило, пьяную, беспутную городскую жизнь, было сильнейшим шоком, переворотом в культуре и личной жизни, детали которого проясняются тем сильнее, чем дальше уходит это время; воздействие на японских крестьян в совершенно иных условиях урбанистической миграции сто лет спустя было уже иным, а теперь, спустя уже три столетия, мы видим рост гигантских городов с многомиллионным населением в технических отсталых странах (например, в Индии, Бразилии, Мексике); можно ли на этом примере, обнаруживающем столь несомненные человеческие страдания и столь же несомненный рост их масштабов, показать, что данное воздействие является чем-то совсем новым? Так ли уж неповторимы связанные с ним проблемы?

От этого примера можно перейти к другим, связанным с массовой урбанизацией и охватывающим все человечество процессом возникновения массового общества, процессом, который был бы невозможен без развития техники: это и тесно связанная с техническим прогрессом массовая безработица, сопровождаемая разрушением ремесел и распадением традиционных общественных связей, это и явление «товарного» общества, в котором подобные сдвиги в человеческой жизни выглядят то неуправляемой стихией, то планируемым ходом событий. И не следует ли отнести к тому же ряду колониальные процессы или даже их рассматривать, отвлекаясь от урбанизационных? Р. Коэн считает, что мы должны задать вопрос: не возникновение ли массового общества повинно в том, что воздействие технического развития, несмотря на свою непрерывность, столь резкими скачками ощущается в каждом поколении, выглядит столь неожиданным для того, кто пытается взглянуть на него как бы со стороны, настолько неожиданным, что такой наблюдатель, к сожалению, не может воспользоваться уроками прошлого?

Тотальная война стала новым как техническим, так и политическим явлением, новым, ибо в такой войне сражение охваты-

вает уже не только тех, кто участвует, в нем, следуя патриотическому долгу или воинской повинности, но и безоружное гражданское население, которое, однако, рассматривается как фактор экономического и военного потенциала противоборствующих сторон. Гражданская война в Америке была первой войной, в которой подобная тотальность стала реальностью, причинившей народу Соединенных Штатов Америки неисчислимые бедствия. И с тех пор все большие войны имели все те же последствия. Разве мировая война, ставит он вопрос, разразившаяся в середине XX века, в которой применялись триумфальные достижения техники, принесла человечеству что-либо иное?

7.41. Социальные последствия технического прогресса

По мнению Козна, социальное воздействие технического прогресса в некоторой, хотя и не вполне ясной, мере происходит по одному и тому же образцу: непрерывный рост технического совершенствования отражает непрерывный процесс социальных преобразований и со своей стороны усиливает, расширяет последний. Он предлагает рассмотреть, например, массовую миграцию населения в процессе урбанизации или в ходе и последствиях мировых войн: рассмотрение этих явлений, безусловно, должно сопровождаться исследованием технического развития. Так, строительство городов — во времена Древнего Рима, в эпоху, когда перестраивался охваченный революцией Париж или воздвигалась столица в Вашингтоне, когда возникали новые города в Сибири или Бразилии, возрождалась из пепла Хиросима после трагедии 1945 г. — не может быть понято без изучения того нового, что появлялось во все эти времена в системном проектировании, транспортной технике, строительстве очистных сооружений, водоснабжении, технической защите атмосферы и других природных сред, в системе образования, изменений социальной психологии труда и досуга, в здравоохранении. Можем ли мы сказать, спрашивает он, что в современном обществе техническое влияние на подобные процессы является чем-то совершенно новым или что опасности этого явления подстерегают всегда и везде, где только скапливаются значительные массы населения?

Но даже если признать, что указанное воздействие происходило всегда и никогда не прекращалось, мы должны согласиться и с тем, что в разные времена оно было различным, и различия эти сами по себе весьма значительны. Возьмем, например, массовую культуру. На первый взгляд, заметно ее проникнове-

ние в обыденное сознание повсюду, от деревенских захолустьев до крупнейших столиц; демократичность и доступность школьного обучения, всеобщая грамотность, колоссальные тиражи газет и журналов, потоком сходящих со скоростных печатных машин, дешевые и недурно выполненные цветные репродукции произведений живописи и высококачественные записи музыкальных исполнений (эта сторона массовой культуры рассмотрена в пионерских работах Вальтера Беньямина в 30-х годах). Но при более близком рассмотрении мы обращаем внимание на обратную сторону медали, на негативные последствия внедрения в эту сферу новой техники, такой, например, как телевидение, способной настолько глубоко изменять массовое сознание, что можно говорить о переходе всеобщей грамотности в свою противоположность — зрелищную неразборчивость и личностную невосприимчивость к написанному слову.

Сама проблема социального воздействия такого рода — Козн называет ее потребительской, пассивной культурой, практически исключаяющей какую-либо духовную сопричастность к ней, — не нова (вспомним хотя бы римский цирк двухтысячелетней давности), но сверхбыстрота, необыкновенная способность проникать и насыщать всю сферу человеческого существования, особенно в индустриально развитых странах, выглядят беспрецедентным и все еще не до конца понятным явлением техники и социокультуры.

При таком подходе к социальным воздействиям технического развития сделанный вывод о постоянстве таких воздействий, основанный на исторических наблюдениях, может помочь обществоведы, пытающемуся отыскать параллели в причинно-следственных зависимостях, изменениях, результатах, а также в более или менее явно обсуждаемой социальной политике. Он считает, что сравнительные исторические исследования по крайней мере могут пролить дополнительный свет на нынешние проблемы, так что история становится источником эвристики для современной теории и практики научно-технической политики. Отсюда важность (которую часто на словах признают, но слишком мало подкрепляют это признание соответствующей подготовкой тех, кто стоит у руководства обществом и промышленностью) дифференцированного подхода к современным процессам модернизации, будь то в масштабах отдельной страны или целого региона; эти процессы вызывают совершенно различные социальные последствия: например, в таких странах, как Англия, ФРГ, США, Япония, СССР и Китай, эти последствия раз-

лично до такой степени, до какой различаются предшествующие или сопутствующие этим процессам решения социально-политического плана (т. е. решаются ли технико-экономические вопросы через механизмы рыночных отношений или через плановые решения социалистического хозяйства или для каждого конкретного случая принимаются решения того или иного рода). Поэтому, согласно автору, социальные воздействия технического развития определяются далеко не одной только техникой; верно, что в разные исторические периоды техника по-разному определяла рамки человеческой жизни, но верно и то, что социальный контроль за развитием и использованием техники все же может осуществляться в достаточно широком диапазоне, не позволяющем переходить от отчаяния к надежде и уверенности в больших и малых делах.

И все же мы вправе допустить, что нынешние времена радикально отличаются от прошлого. Определенный количественный рост достиг критической точки, за которой, как принято говорить, количество переходит в качество, рост вступает в некоторую новую фазу.

Перед человечеством, считал Р. Козн, стоит много проблем. Одни из них являются национальными, другие региональными. Но есть такие проблемы, которые имеют всемирный масштаб. Среди этих проблем Р. Козн выделяет следующие:

1. Наука и техника, некогда порожденные особыми политическими и экономическими, культурными условиями Западной Европы, ныне приобрели всемирный характер.

2. Процесс производства и распределения продуктов и услуг осуществляется в рамках мировой рыночной системы, хотя еще сохраняется некоторая местная автономия и имеется множество комбинаций и смешанных форм, сочетающих в себе элементы централизованного планирования, предпринимательского планирования и механизмов конкуренции.

3. Достаточность или нехватка природных ресурсов определяются в планетарном исчислении при наличии неравенства в этом отношении между бедными и богатыми странами, принадлежащими к числу индустриально развитых или развивающихся.

4. Проблемы народонаселения также получают всемирное значение, причем в отдельных регионах они выступают как явления непосредственного кризиса.

5. Мировая война, как бы ни было ограничено число ее прямых участников, поставила бы человечество перед угрозой ге-

ноцида и экологической катастрофы; но даже локальные войны оказывают свое все более опустошительное воздействие, уничтожая материальные и человеческие ресурсы в отдельных районах планеты.

6. Религиозная солидарность, проявляющаяся то в форме традиционных и консервативных религиозных институтов, то связанная с новыми, но противостоящими современному модернизму культурами, по-видимому, становится мировым феноменом; его можно рассматривать как защитную реакцию множества людей на испытываемое или наблюдаемое ими дегуманизирующее воздействие тотального техницизма и превращение жителей городов и сел в безликую людскую массу.

7.5. Альтернативы постиндустриальной концепции. Постмодернизм

Концепция постиндустриального общества имеет важное значение для развития социологической теории. Вместе с этим существуют и альтернативы теориям постиндустриального развития общества. Одна из них — концепция постэкономического развития.

7.51. Смысловое наполнение термина «постмодернизм»

Понятие постмодернизма является, как представляется, наиболее эмоционально насыщенным, но в то же время наименее фундированным термином, воплощающим в себе дихотомию уже существующего и еще только формирующегося общественного состояния. Это понятие содержит серьезный революционный элемент, который обеспечивал и сегодня еще обеспечивает широкую популярность данной теории как бросающей вызов современной эпохе и в то же самое время претендующей на объяснение природы нового, становящегося общества.

Однако, как и всякая иная революционная теория, доктрина постмодернизма отягощена элементами демагогии; последние, правда, в основном поверхностны, в силу чего наиболее существенные возражения могут вызывать не столько сами теоретические положения, высказанные в рамках постмодернистской концепции, сколько форма их преподнесения. В то же время именно она придает теории ту оригинальность, которая считается (и которая в действительности является) одной из наиболее привлекательных ее сторон.

Как и теория постиндустриального общества не могла быть создана без четкого понимания границ индустриальной цивилизации, концепция постмодернизма должна была своей отправной точкой иметь понимание того, что можно считать эпохой, которая в английском и французском вариантах называется соответственно *modernity* и *modernité* (ввиду достаточно большой сложности адекватного перевода на русский язык системы терминов, применяющейся теоретиками постмодернизма, исследователями данная эпоха обозначается как «модернити», а сменяющая ее эпоха — как «постмодернити»). Однако такое понимание было объективно затруднено тем, что в прямом смысле данные термины обозначают современное общество; в этом случае постмодернити неизбежно должно трактоваться как постсовременность. Между тем применение такого понятия по отношению к настоящему времени явно несправедливо, а к будущему — не более чем банально. Впрочем, на подобной парадоксальности строятся не только терминологические, но и многие более принципиальные стороны постмодернистской концепции.

Для того чтобы оценить данную теорию, показать не только содержащиеся в ней противоречия, но и обозначить ее значение для становления постэкономической методологии, мы должны остановиться на основных применяемых ее сторонниками терминах, ибо именно в них заложена основа противоречивости и внутренней несогласованности различных аспектов этой доктрины.

История развития понятий «модернити» и «модернизм» не может не вызывать серьезных сомнений в том, что таковые могут быть плодотворно использованы в качестве инструмента социологического исследования. Следует вполне однозначно отметить, что оба термина изначально не предполагали четкой хронологической определенности обозначаемых ими периодов истории или философских теорий.

Говоря как о возникновении термина «постмодернити», так и о становлении постмодернизма в качестве относительно целостной теории, следует отметить распространенность представления, согласно которому постмодернизм представляет собой исключительно культурологическое течение, сторонники которого рассматривают достаточно ограниченный круг вопросов, оставляя в стороне создание социологической доктрины. Это утверждение представляется нам и верным, и несправедливым одновременно. С одной стороны, корни постмодернизма как интел-

лектуального течения, безусловно, лежат, если можно так выразиться, в культурологической плоскости; с другой стороны, идея постмодернизма, и это заметно по работам большинства его идеологов, заключается не столько в анализе культурологической составляющей человеческой жизни, сколько в распространении действующих в ее рамках принципов на остальные стороны общественного целого, в обосновании доминирующего значения личностных черт над социальными, и поэтому постмодернизм не может претендовать на статус социологической теории. Такое стремление не должно восприниматься как нечто негативное, а сам этот подход в условиях формирования постэкономического общества можно только приветствовать; проблема же, как мы покажем далее, заключается преимущественно в том, что увлечение постмодернистскими по форме терминами и понятиями помешало сторонникам данной теории достичь своей цели, а саму ее сделало уязвимой для критики.

7.52. Особенности постмодернизма

Сторонники данной концепции определяют новое состояние в первую очередь через те признаки, которые отличают его от предшествующего. Как и постиндустриалисты, они апеллируют прежде всего не к позитивным характеристикам этого состояния, а к тем, которые легче всего можно обозначить как радикально отличающиеся от прежних.

Концептуальными особенностями постмодернизма являются следующие:

- акцент на процессах демассификации и дестандартизации;
- преодоление принципов фордизма;
- отход от прежних форм индустриального производства;
- возрастающая плюралистичность общества;
- акцент на проблемах снижения возможности прогнозировать развитие как отдельных общностей, так и социума в целом;
- возрастание неопределенности общественного прогресса;
- акцент на преодолении ранее существовавшего отчуждения;
- об уходе от массовости социального действия;
- изменение роли человека — от движущих им мотивов и стимулов до ценностных ориентации и норм поведения;
- изменение характера восприятия существующей реальности.

Между тем все эти совершенно правильные и в значительной степени эмоционально окрашенные формулировки используются лишь для того, чтобы отделить новый мир от прежнего

индустриального строя, ибо именно он рассматривается обычно в качестве эпохи модернити. Поэтому на социологическом уровне предельно ясно, почему новое состояние социума противопоставляется не более чем традиционному (организованному) капитализму либо как дезорганизованный, либо как поздний капитализм, несмотря на то, что в культурологических и философских дискуссиях такое понимание затуманивается обильной риторикой. В результате теория постмодернизма оказывается лишь дополняющей постиндустриальную концепцию, но вряд ли способной претендовать на ее замещение.

С другой стороны, и это представляется нам наиболее важным, в рамках постмодернистской теории фактически невозможно адекватно определить возникающее социальное состояние.

7.6. Концепция программированного общества А.Турена

По мнению А.Турена, индустриальное общество находится в состоянии кризиса. Циклические кризисы прежде казались неотъемлемой частью капиталистического способа индустриализации; чередование фаз подъема и спада или более продолжительных фаз составляло историю индустриальной экономики. Состояние кризиса поэтому рассматривалось и как болезнь, и как механизм *роста*. Во всяком случае, оно было частью определенного типа экономики и общества: те же, кто полагал, что капиталистическая система охвачена общим кризисом и переживает упадок в результате ее внутренних противоречий, как то, казалось бы, подтверждалось глубоким кризисом 30-х гг., обнаружили свои предсказания опровергнутыми двумя десятилетиями исключительного и, по сути, непрерывного роста.

Сегодня, как пишет Турен, когда мы говорим о кризисе, мы совершенно иначе объясняем его природу: скорее он включает два довольно различных типа явлений, ни один из коих не может быть объяснен в понятиях упадка экономической системы. Во-первых, ныне на карту поставлено лидерство капиталистических стран в мире; с одной — стороны, в результате резкого роста цен на разного рода сырье, ввозимое из развивающихся стран, с другой — из-за массивного экспорта капитала и предприятий из стран с высокой заработной платой в страны с низкой заработной платой, стремящиеся поощрять новую промышленность. Во-вторых, вызов брошен всей системе ценнос-

тей. Этот кризис цивилизации фактически начал проявляться за несколько лет до того, как произошли недавние критические события в мире экономики, а именно кризис доллара в 1971 г. и невероятный рост цен на нефть вслед за войной 1973 г. Собрания и заявления Римского клуба, а также студенческие движения в Японии и США, затем в Западной Германии и, наконец, во Франции и Италии были наиболее яркими проявлениями этого кризиса ценностей, который, как это обычно происходит, когда какой-то определенный тип культуры и общества уступает место другим, породил различные утопические концепции. Под утопической я понимаю скорее концепцию необходимого и желательного порядка, чем порядок, у которого нет оправдания вне индивидуальных интересов, политических компромиссов или давления сил. Турен имеет в виду порядок, необходимый вследствие естественных пределов роста — порога, за которым прогресс становится подавляющим, и нарушаются законы стабильности экосистемы, которые живые существа не могут перешагнуть, не рискуя погибнуть; порядок желательный, поскольку в нем основные потребности, добровольные ассоциации и отношения сообщества сменяют ложную логику бюрократии, разрушительное действие технического прогресса и гигантизма, ужасы тоталитаризма. В более глубоком смысле, мы чувствуем, что природа власти и методы социализации, отношение к труду и концепции будущего претерпевают коренные изменения. Кризис поражает не только институты, но также наши мотивации и наше социальное поведение. Это действительно кризис цивилизации в целом, а не дисфункция лишь какой-то определенной области социальной организации.

7.61. Природа кризиса

Турен ставит вопрос о том, какова природа этого кризиса? Мы движемся прочь за рамки индустриального общества, но куда? Может быть, мы вступаем в гипериндустриальное общество? Переживаем ли мы период упадка или же являемся свидетелями конца роста, длившегося несколько веков, и возврата к обществам, озабоченным главным образом собственной стабильностью, каковыми были не столь давно наши сельские общества как в Азии, так и в Европе? Либо мы, возможно, движемся к обществу, отличающемуся большей способностью к самозменению, чем индустриальное общество, и которое условно может быть названо постиндустриальным обществом? По мнению Турена, нет сомнения, что угроза упадка существует.

Главным выбором остается: мы стоим перед новой фазой роста или же возвратом к равновесию, к постиндустриальному или действительно постисторическому обществу; находимся ли мы в конце фазы развития, или же в конце самого развития? Мы только что пережили широкое движение контркультуры, которое прямо поставило под вопрос ценности индустриализации и роста и которое предъявило счет стабильности и тождественности в какой бы то ни было форме. Турен считает, что это могло быть лишь непродолжительной переходной фазой между отвержением ценностей индустриального общества и осознанием трансформации всего экономического порядка. Мы должны понять, что «исчерпанность индустриального общества в странах, где оно достигло» своего наибольшего развития, может возвещать трудный, но неизбежный переход к обществу нового типа, более активному и мобильному, но также более волюнтаристскому и опасному, чем общество, которое мы оставили позади.

7.62. Уровни историчности

Необходимо определить место коммуникационного общества, формирующегося буквально на наших глазах, по отношению к промышленному обществу, в среде которого оно появляется. По Турену, общество действует прежде всего материальным образом. Оно отделяет часть имеющейся продукции и вновь инвестирует ее в производственную систему. Правда, есть некоторые общества, не претерпевающие на этом пути самоизменения, но их можно назвать обществами без историчности (что не значит без истории), если мы определяем историчность как действие, которое препятствует воспроизводству установленного порядка и потому требует способности к трансформации и развитию. Эти общества управляются моделями, которые предписывают равновесие и контроль обмена внутри общественного порядка или же с его окружающей средой. За пределами таких обществ, которые могут быть поэтому определены через их структуру, мы можем различать последовательность исторических типов, то есть обществ, определяемых по соответствующему уровню или способу историчности.

Многие общества самоизменяются лишь на уровне потребления, то есть они инвестируют с целью увеличить количество имеющихся продуктов посредством увеличения имеющейся рабочей силы или силы животных, а также расширяя обрабатываемые площади и увеличивая их отдачу. Их можно назвать аграрными обществами. У них небольшая историчность, поскольку

они претерпевают самоизменение лишь на конечной стадии их экономических систем, которые могут быть определены просто как соотношение производства с коллективной организацией средств производства и «общественным» способом распределения и с индивидуальной или коллективной моделями потребления. Таким образом, историчность в аграрных обществах присутствует лишь на уровне потребления.

Торговые общества, с другой стороны, испытывают самоизменения на уровне распределения. Организуя торговлю и перевозку товаров, гарантируя качество запрашиваемых товаров и ценность используемых денег, поддерживая порядок на торговых путях на суше и на море, а также формализуя легальные правила, торговые общества достигают также специализации производства, ведущей к большей эффективности (и прибыльности). Однако прогресс в торговле не воздействует прямо на промышленность. Ремесленник, работая на дому или в мастерской, продолжает чтить профессиональные традиции и использовать свои навыки согласно правилам корпоративной рабочей организации. Это ясно показывает границы самоизменения в торговом обществе.

Если мы говорим о промышленной революции, пишет Турен, то это выражение неудовлетворительно с исторической точки зрения (по меньшей мере относительно европейских стран), поскольку переход от торговли к промышленности указывает, что историчность распространилась за пределы сфер потребления и распределения и проникла в мир производства. Но мы должны снова отметить, что индустриальное общество не делает прямых инвестиций в производство средств производства и потому не ассоциируется непосредственно с тем, что мы позднее стали называть научной и технической революцией. По определению, индустриальное общество представляет революцию, посредством инвестиций, в *организации труда*. Промышленная революция положила начало тому, что торговец больше не контролировал продукцию гильдии ремесленников, что были также организованы система труда рабочих (фабрика) и условия коллективной промышленности через введение новых методов разделения труда и специализации. Индустриализация определяется не использованием машин, а организацией трудз.

Это определение индустриального общества требует понятия постиндустриального общества, что способствовало бы историчности подхода. Здесь инвестиции делаются в иной уровень, чем в индустриальном обществе, то есть в производство

средств производства. Организация труда затрагивает лишь отношения рабочих между собой, а потому и уровень, на котором действует производство. Постиндустриальное общество действует более глобально на управленческом уровне, то есть в механизме производства в целом. Это действие принимает две главные формы. Во-первых, это нововведения, то есть способность производить новую продукцию, в частности как результат инвестиций в науку и технику; во-вторых, само управление, то есть способность использовать сложные системы информации и коммуникаций.

Очевидно, эти уровни историчности не составляют простой последовательности; достигая определенного уровня, в обществе продолжают существовать более низкие уровни историчности, характерные для предшествующих обществ. Индустриальное общество не отказывается от благ, получаемых посредством торговли, а постиндустриальное общество не отказывается от организации своей рабочей силы; но именно природа определенного общества определяет признание большей важности определенного типа инвестиций и выбор предпочтительных, даже если это вступает в конфликт с каким-либо иным типом, характеризующим другой тип общества. Поэтому, делает вывод Турен, постиндустриальное общество, даже более чем индустриальное, не может быть определено через какую-либо технологию. Говорить о «компьютерном обществе» или «плутониевом обществе» столь же поверхностно, как и говорить об «обществе парового двигателя» или «электромоторном обществе». Нет резона давать столь большую привилегию определенной технике, какова бы ни была ее историческая важность. Важно признать, что постиндустриальное общество является таким, в котором все элементы экономической системы затрагиваются действиями общества само на себя. Эти действия не всегда принимают форму сознательной воли, воплощенной в личности или даже фуппе людей. Вот почему такое общество должно называться *программируемым* обществом, обозначение, которое ясно указывает на его способность создавать модели управления производством, организацией, распределением и потреблением; поэтому такого рода общество появляется на операциональном уровне не в результате естественных законов или специфических культурных характеристик, а скорее как результат производства, благодаря действию общества самого на себя, его собственным системам социального действия.

7.63. Программированное общество в человеческом опыте

Турен пишет, что мы должны поменять нашу перспективу, посмотреть с точки зрения тех, кто живет в этом обществе и кто, будучи индивидом, ведет себя по отношению к нему скорее как потребитель, чем производитель. Здесь нам может помочь количественный анализ — таким же образом, как в случае с индустриализацией было возможно для социолога рассматривать не организацию труда, а скорее дифференциацию и растущую рационализацию социальных отношений и даже еще проще — растущий обмен внутри социального целого. Именно это Карл Дейч в США и Хино Хермани в Буэнос-Айресе недавно и почти одновременно назвали *степенью мобилизации* общества. Программированное общество обладает значительно большей степенью мобилизованности, чем индустриальное общество. В последнем индивиды были вовлечены в управляемые системы коллективной организации почти только в сфере занятости, хотя иногда и — в гораздо меньшей мере — в связи с жилищем. Для постиндустриального общества характерно то, что оно внедряет большие централизованные системы управления в самые различные области общественной жизни. Говорят об индустриализации информации, потребления, здравоохранения, научных исследований, даже общего образования. Фактически слово это неточно, но факт, что центры решения и управления созданы, чтобы быть способными создавать не только системы «средств», но также цели для социального действия; системы обслуживания и лечения представляются как модели потребления или как образовательные программы.

Это чрезвычайное ускорение и умножение более или менее программируемых коммуникаций привело к появлению некоторых очень позитивных позиций, коих не может заслонить сила протеста контркультуры недавних лет. Прежде всего для большинства участвующих в этом типе общества привлекательно увеличение информации и последующее увеличение имеющегося выбора. По мнению Турена, было бы неверно противопоставлять этому ссылки на концентрацию принятия решений и униформизацию программ и сообщений: там, где такая униформность существует, это связано не с внутренней природой программированного общества, а с (хотя и совершенна иной) природой системы политического и идеологического контроля, который составляет часть определенных национальных обществ. Турен предостерегает, что следует остерегаться легковесного и в значительной мере элитистского критицизма средств массо-

вых коммуникаций. По его мнению, те, кто в прошлом наслаждался большой свободой выбора относительно материального или интеллектуального потребления, ныне наслаждаются еще большей свободой выбора — о чем свидетельствует большей интерес в доступе к культурам, отдаленным от нашей во времени и пространстве. Те, кто был пленником ограниченного существования, подвержен влиянию традиционного классового образования и популярной литературы, ныне получили доступ к более широкому и более открытому репертуару. Программированные общества заставляют людей, товары и идеи циркулировать в гораздо большей мере, чем это делали предыдущие общества.

Он отмечает, что мы снова должны признать, что общества с высоким уровнем историчности и высокой способностью к самопроизводству значительно сокращают свою способность к воспроизводству себя. Даже парадоксально видеть, сколь много критиков так сильно настаивают на важности механизмов, обеспечивающих воспроизводство и поддержание установленного порядка в обществе нашего типа. Я утверждаю, что это является косвенным и почти парадоксальным выражением растущего осознания мобилизации в наших продуктивных обществах. Эти общества все более жестки ко всему, что кажется ориентированным на воспроизводство, несмотря на тот факт, что все меньше и меньше поведение, идеи и модели поведения воспроизводятся. Это часто относится к так называемым освободительным движениям. Будь они просто либеральные, либертарные или революционные, их основное направление кажется нацеленным на разрушение достигнутых позиций, наследуемых ролей и «предписанных» статусов, а поэтому на достижение всеми категориями населения участия во все более интенсивных обменах и коммуникациях. Наиболее примечательно из них, несомненно, феминистское движение. Хотя верно, что в них можно видеть и другие значения (которые, на мой взгляд, были бы даже более важными, будь они более воинственными по природе и бросали бы вызов определенным аспектам социальной власти), наиболее важным аспектом феминистского движения является, несомненно, факт, что оно сопутствует общему кризису в системах воспроизводства.

По мнению Турена, наиболее видимым аспектом феминистского движения является тот, что аналогичен движению, предкававшему пороками капиталистического индустриального общества против рабства и против всего, что могло бы препят-

ствовать свободному циркулированию людей на рынке труда. Здесь заключается двойственность такого рода движения. Оно, несомненно, опрокидывает барьеры, предрассудки и табу, но мы не должны оказаться сбитыми с пути используемым им революционным или либертарным языком. Примечательно, что разрушение барьеров между частной и общественной жизнью, «публичность», придаваемая сексуальному поведению, и более эгалитарное участие женщин в экономике и профессиональном мире могут быть в значительной мере объяснены в понятиях интересов общества потребления, которое нуждается в увеличении доходов на душу населения и расширении сфер поведения, на которые могут влиять централизованно установленные модели.

Он считает, что на эту двойственность указывает тот хорошо известный факт, что культурные нововведения прежде всего тесно связаны с образованием новых лидирующих групп. Кроме того, доминирующие социальные категории сохраняют культурную защиту, вбирая все, что усиливает их определенную подлинность и кажется способным защитить от нового внешнего доминирования. Культурный прогрессизм может быть ассоциирован с социальным консерватизмом; вот почему группы женщин, желающих противостоять этому консерватизму, вынуждены — с целью поддержать свой образ культурных новаторов — выделяться особым внешним или насильственным манером из правящих классов и их поведенческих моделей.

Тем не менее, пишет Турен, верно, что упомянутые поведенческие модели являются частью модернизаторской позиции, устремленной к более открытому обществу и поэтому образующей новые проявления философии просвещения. Однако, как в неправящих социальных слоях, так и в широких интеллектуальных сферах — особенно среди тех, чей уровень образования выше «экономического» уровня, — нередко выражается опасение, что индивиды и группы будут заключены в еще более сложную сеть сигналов, правил и запретов. В доиндустриальных и культурно традиционных обществах поддержание определенных правил или обучение им осуществлялось авторитарным образом, но они были частью просторной сети, так что существовало много областей поведенческой недетерминированности. В современном городе невозможно буквально сделать шага без получения команд, не подвергаясь действию рекламы или пропаганды, не сталкиваясь со шкалой и степенью самооценки социального уровня. Потому-то столь сильны желания несоциаль-

ных межличностных отношений или создания сообществ, представляющих собой «дыры» во все более тесной социальной сети. Эта маргинальность, долгое время рассматривавшаяся как недостаточная интегрированность, стала знаком оппозиции, лабораторией, где новая культура, контрпроект общества, и может быть рождена.

На другом, более глобальном уровне критицизма выдвигается идея, что программированное общество увеличивает дистанцию между лидерами и управляемыми. Верно, что часто повторяют идею, будто новая технология допускает большую децентрализацию. Эта же идея высказывалась в конце XIX века, когда многие социальные философы утверждали, что электричество вдохновит децентрализацию, тогда как уголь предполагал централизацию. Фактически идея, что техника управляет обществом, вновь обнаруживает свою ошибочность. Природа электричества не детерминирует того, как оно используется в обществе; то же самое верно в относительно компьютера. Кроме того, верно, что создание и растущее разнообразие механизмов управления производством и информацией ведет к концентрации власти. Такая концентрация несет черты высокоразвитой индустриальной организации; она продолжает прогрессировать, но сверх того она обладает властью принимать решения в других сферах социальной жизни, которая подвергается еще большей концентрации. Можно даже сказать, что программированное общество позволяет и поощряет большую взаимозависимость между механизмами господства. Модернизация, разрушение корней и ускоряющийся ход перемен — все это разве не ведет к подавляющему авторитету центральной власти, способной навязывать свою волю обществу, фрагментированному вследствие разрушения сообществ и традиций?

С точки зрения Турена, за пределами этих позитивных или негативных идей наиболее важно взяться за ранее поставленный вопрос о природе отношений между техникой и обществом. Он ставит вопрос о том, как мы стали «технологизированным» обществом. Можем ли мы ожидать, что технический прогресс приведет к социальному прогрессу через рост жизненного уровня и увеличение числа имеющегося выбора? Или же, напротив, нам следует признать, что определенная техника превратилась в прямую угрозу? Такого рода вопросы, конечно, беспрецедентны, и определение, которое мы дали программированному обществу, не позволяет более делать просто традиционные выводы, как то было в XIX веке, относительно результатов техники.

Дальше уже невозможно говорить, будто техника и наука сами по себе несут позитивные результаты, ибо они могут быть обращены в негативном направлении их социальным использованием. Если бы дело состояло только в этом, то было бы достаточно заменить одно использование на другое — вместо олигархии ввести демократию с целью преобразовать силы смерти в жизненные силы и истоки власти в источники благосостояния. Это могло быть применимо лишь к индустриальному обществу, в котором социальная власть начала воздействовать еще не на уровень самого производства, а лишь на уровень организации труда. Но сегодня стоит выбор более радикальный, и по своей природе правящие силы идентифицируются с развитием производительных сил, управлением информационных систем. Тем не менее это простое наблюдение не подразумевает, будто наше общество прямо зависит от техники, которую оно использует.

По мнению Турена, время фактически перевернуло традиционную логику. Если участники антиядерных компаний утверждают, что ядерная промышленность ведет к централизованному и авторитарному обществу и что плутониевая цивилизация необходимо подразумевает полицейское государство, тогда как общество солнечной энергии было бы децентрализованным и демократичным, — их логика переворачивается с ног на голову. Фактически же именно власть, обладающая основными механизмами принятия решений, навязывает определенный тип энергетической политики. Он отмечает, что во Франции, например, именно сильные позиции «Электрисите де Франс» и Комиссариата по ядерной энергии привели к принятию в 1973—1974 гг. без подлинно демократических дебатов общей ядерной политики. Эта политика была фактически логическим развитием общей электрической политики, введенной несколькими годами раньше «Электрисите де Франс» по коммерческим соображениям. Как раз на таком пути технологический выбор является также политическим выбором, а их результаты весьма показательны для отношений между вовлеченными социальными силами. Это не является совершенно новым: более 30 лет индустриальная психосоциология подчеркивает тот факт, что результаты технических изменений зависят не столько от необходимых последствий этих изменений, которые в целом очень трудно определить, сколько от социального способа их введения. Изучение изменений, производимых в административном труде новыми методами обработки данных, показывает еще более явно невозможность определить специфические последствия этих

технических изменений. Крайнее различие реакций и наблюдающееся широкое разнообразие изменяющихся ситуаций показывают, что больше невозможно выделить технологическую причину в программированном обществе, для которого характерно то, что социальная власть действует непосредственно на уровне производства, на уровне моделей, определяющих как спрос, так и предложение. Как раз в случае обществ, наиболее отличных от программированного общества, даже от индустриального общества, мы только и можем говорить о технологическом детерминизме, так как процесс самоизменения общества мало влияет на технику и производство и, как мы только что отметили, гораздо больше воздействует на потребление и распределение.

7.7. Постиндустриальная концепция Дж. К. Гэлбрейта

Дж. Гэлбрейт ставит проблему осмысления оснований справедливого общества. Цели и задачи справедливого общества, по его мнению, очевидны — обеспечивать эффективное производство товаров и оказание услуг, а также распоряжаться полученными от их реализации доходами в соответствии с социально приемлемыми и экономически целесообразными критериями. Не подлежит сомнению, что современная рыночная экономика обеспечивает производство потребительских товаров и услуг высокого качества и даже в чрезмерных объемах. Она не только в изобилии создает самые разнообразные товары — продукты питания, одежду, мебель, автомобили, развлечения, но и формирует потребность в них. Одна из самых заветных идей традиционной экономической науки — суверенитет потребителя, и этот суверенитет в немалой степени страдает сегодня от тех, кто призван обслуживать потребителя. Самое убедительное доказательство справедливости этого утверждения — современная система рекламы и сбыта товаров.

7.7.1. Капиталистический и коммунистический идеалы справедливого общества

Гэлбрейт пишет, что производство потребительских товаров и услуг расширяется и процветает, и совершенно не имеет смысла в какой бы то ни было форме передавать соответствующую функцию государству. Ведь именно информация об изобилии и разнообразии материальных благ в странах Запада, дошедшая до жителей стран Восточной Европы и бывшего Советского Со-

юзя благодаря телевидению и другим современным средствам связи, в немалой степени способствовала разрушению коммунистических режимов в этих государствах. Неспособность социалистических экономик обеспечить своих граждан необходимым количеством товаров и услуг, быстро реагировать на изменения в потребительских предпочтениях сыграли немалую роль в крушении этих систем. Высказываться в пользу государственной собственности в условиях изобилия потребительских товаров — нелепая блажь; столь же нелепо пытаться убедить в достоинствах социализма производителей техники и оборудования — средств производства, — которые обеспечивают это изобилие.

Однако больший интерес для общественности представлял аргумент, который традиционно приводился в пользу социализма. Этому аргументу, связанному с вопросом о власти, и по сей день придают важное значение на периферии общественной мысли. Частная собственность на капитал, на средства производства; занятость рабочих на частных предприятиях и возможность таким образом управлять ими; личное состояние, возникающее на этой основе; тесная связь с государством — когда-то это, вне всякого сомнения, действительно открывало доступ к огромной власти.

Никто не оспаривает того, что власть по-прежнему находится у собственников капитала. Но в современных условиях, когда возникли огромные по масштабам коммерческие предприятия, собственник, как правило, не занимается управлением и контролем. Великие предприниматели, одновременно владевшие капиталом и управлявшие им, — американцы Вандербильт, Рокфеллер, Морган, Гарриман и их собратья в других странах — остались в прошлом. Вместо них появилась огромная и зачастую косная армия корпоративных чиновников, а наряду с ней — масса акционеров, имеющих финансовую заинтересованность в деятельности компаний, но лишенных возможности влиять на принятие решений. Власть монополий — эксплуатация потребителя посредством цен, не сдерживаемых конкуренцией, ставшая когда-то объектом антимонопольных законов в США, — отошла на второй план под давлением международной конкуренции и стремительного развития техники. То, что сегодня обеспечивает ведущие позиции и экономическое влияние, уже завтра устареет. Если еще не так давно нередко высказывалась озабоченность по поводу могущества крупных компаний, то сегодня многие обеспокоены состоянием застоя и некомпетентностью их руководства. Часть энергии, которую управляющие прежде

тратили на эксплуатацию рабочих и потребителей, сегодня направляется на завоевание, сохранение или совершенствование собственного положения в компании или, точнее сказать, на обеспечение личных доходов. Стремление к их увеличению — общепризнанная мотивация к труду — распространяется и на успешно работающих руководителей корпораций.

Все это не означает, замечает автор, что капитал утратил политическую власть, то есть возможность оказывать влияние на государство и на общество в целом. Коммерческие фирмы — как крупные, так и малые, как по отдельности, так и совместно в масштабах целых отраслей — достаточно решительно и эффективно выражают свои экономические интересы в рамках современной системы государственного устройства. Но сегодня они представляют лишь часть широкого сообщества субъектов, имеющих политический голос и влияние, сообщества, которое возникло благодаря экономическому прогрессу.

Когда-то помимо класса капиталистов существовали лишь пролетариат, крестьянство и помещики. Эти классы, за исключением землевладельцев, занимали подчиненное положение и безропотно молчали. Сегодня есть еще ученые, студенты, журналисты, телевизионные ведущие, юристы и врачи, а также многие другие профессиональные группы. Все они претендуют на определенное влияние, и поэтому сегодня голос предпринимателей — лишь один из многих. Те, кто хотел бы выделить этот голос для того, чтобы доказать преимущества системы государственной собственности, давно стали достоянием истории. Да и реальный опыт тех стран, в которых государственная собственность господствовала на протяжении восьмидесяти лет — СССР стран Восточной Европы, Китая, — вовсе не дает оснований полагать, что такая система способствует расширению гражданских свобод. Скорее наоборот. Таким образом, главный аргумент в пользу социализма растаял, и этот факт получил широкое признание. Социалистические партии по-прежнему существуют, но ни одна из них не выступает за установление системы государственной собственности в традиционном и полном смысле этого понятия. Четвертый пункт программы лейбористской партии Великобритании, в котором выражалась поддержка подобной политики, и раньше считался неким романтическим отголоском прошлого, а теперь его и вовсе вычеркнули из программы.

Итак, по мнению Гэлбрейта, социализм уже нельзя признать образцовой моделью не только справедливого общества, но даже

общества просто привлекательного, — но и капитализм в его классическом виде такой не является. Главное значение имеет тот факт, что с развитием и ростом современной экономики на государство возлагается ответственность за выполнение все большего числа функций и обязанностей. Прежде всего существуют некоторые виды услуг, которые частная экономика — просто в силу своей природы — не может предоставить и которые, по мере хозяйственного прогресса, приводят к постоянно растущей и все более уродливой диспропорции между стандартами качества жизни, принятыми в частном и общественном секторах. На производство телепередач тратятся огромные частные средства, но эти передачи смотрят дети, которые учатся в плохих государственных школах. В уважаемых районах города можно увидеть красивые дома, которые содержатся в чистоте и порядке, а перед ними — грязные тротуары. В магазинах продается огромное количество книг, а в публичных библиотеках на полках пусто.

В то же время для обеспечения эффективного функционирования частного сектора хозяйства требуется выполнение целого ряда разнообразных государственных функций. С ростом экономики эти функции приобретают все большее значение. Развитие торговых операций требует строительства новых автомобильных дорог; рост масштабов потребления требует активизации деятельности по удалению отходов; для расширения объемов авиаперевозок требуется строительство новых аэропортов, оснащенных современным оборудованием и укомплектованных соответствующим персоналом для обеспечения безопасности полетов.

С повышением уровня экономической активности особое значение приобретают вопросы более эффективной защиты граждан и коммерческих предприятий. Пока не появились шоссе и автотранспорт, не было необходимости в дорожной полиции. Питание населения становится все более разнообразным, и людей начинает беспокоить избыток калорий в продуктах, ведущий к ожирению. В наши дни появилась необходимость указывать на упаковке подробный состав ее содержимого, регулировать применение пищевых добавок и принимать меры по предотвращению возможного заражения продуктов питания. Повышение жизненного уровня и возможность более полно ощущать радость жизни приводит к тому, что люди стремятся оградить свое здоровье и саму жизнь от некоторых опасных явлений, связанных с существованием человека, которые прежде воспринимались как нормальные и вполне допустимые.

7.72. Государство и экономика

Гэлбрейт отмечает, что без вмешательства государства современная экономика не может функционировать нормально и стабильно. Пагубные последствия для нее имеют чрезмерная спекулятивная активность, тяжелые и длительные кризисы и депрессии. По поводу того, какие именно действия необходимо предпринимать, чтобы управлять этими процессами, ведутся горячие споры, но мало кто сомневается в том, что это — задача государства. Любой президент и премьер-министр знает, что во время выборов с него со всей строгостью спросят за состояние экономики, и не всем удастся выдержать этот экзамен.

После того как идея всеобъемлющего социализма утратила свое значение в качестве приемлемого и действенного идеологического учения, возникла противоположная доктрина, правда, не имеющая столь широкого распространения. Речь идет о приватизации — возврате государственных предприятий и функций в руки частных владельцев и предпринимателей — и переходе к рыночной экономике. В качестве общего правила всеобщая приватизация сегодня так же неприемлема, как и социализм. Существует огромная область хозяйственной деятельности, в которой роль рыночных механизмов не подлежит сомнению и не должна оспариваться; но есть и не менее обширная, постоянно разрастающаяся по мере повышения уровня экономического благосостояния, область, где услуги и функции государства или жестко необходимы, или представляются весьма целесообразными с социальной точки зрения.

Рыночная экономика, столь эффективно обеспечивающая производство необходимых потребительских товаров и услуг, ориентируется на относительно быстрое получение прибыли; эта прибыль и является мерилем ее успеха. В долгосрочные проекты капиталы инвестируются неохотно, а то и вовсе не вкладываются. Недостаточно средств выделяется для предотвращения неблагоприятных социальных последствий, связанных с производством или с производимой продукцией, например предприниматели не стремятся брать на себя ответственность за экологический ущерб.

Имеется и множество других примеров государственных инвестиций в проекты, выходящие за временные рамки деятельности частных фирм. Современная реактивная авиационная техника является в значительной степени продуктом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области оборудования. Немало открытий в области медицины сделано в резуль-

тате исследовании, проводившихся при поддержке государства; в условиях ограничений по времени и затратам, в которых действуют частные фирмы и исследователи, осуществить такие разработки просто невозможно. В современную эпоху наиболее впечатляющий рост производительности труда достигнут в сельском хозяйстве. Он также стал возможен во многом благодаря участию государства — так, в США существует система сельскохозяйственных колледжей, поддерживаемых государством за счет доходов от специально выделенных для этих целей земель; широко развита сеть экспериментальных станций, находящихся в ведении федерального правительства или властей штатов; фермеры получают помощь квалифицированных агротехников через специальную службу министерства сельского хозяйства.

Автор отмечает, что бурный экономический рост в Японии после окончания второй мировой войны во многом обусловлен исследовательской и инвестиционной деятельностью, осуществляемой при широкой поддержке государства, и это воспринимается как совершенно нормальное явление. Да и в любой стране развитие экономики зависит от государственного финансирования шоссейных дорог, аэропортов, почтовой службы и разнообразных объектов городской инфраструктуры.

Все эти соображения, замечает Гэлбрейт, являются особенно актуальными в последние годы. Республиканское большинство, пришедшее к власти в Конгрессе США по итогам выборов 1994 года, сплошь состояло из стойких приверженцев чрезвычайно жесткой доктрины, известной под названием «Контракт с Америкой», которая стала современным эквивалентом «Манифеста коммунистической партии» — если не по содержанию, то, во всяком случае, по духу. Итак, возобладали идеология, направленная в первую очередь против государства, но оставляющая в его ведении ряд функций — оборону, социальное обеспечение, содержание исправительных учреждений, сохранение многочисленных льгот для компаний. Однако вскоре пришло время задуматься о некоторых частностях — о том, что ряд услуг и функций, обеспечиваемых государством, которые предлагалось упразднить или сократить, все же нужны и даже жизненно необходимы. И теперь, наблюдается отход от господствующей доктрины, появляется возможность выработки практических суждений. И это правильно. Только так обеспечивается сохранение социальной пристойности и сострадания, а также, пожалуй, и самой демократии.

7.73. Распределение доходов и власти

Справедливое общество, по мнению Гэлбрейта, не стремится к равенству в распределении доходов. Равенство не соответствует ни человеческой природе, ни характеру и системе экономической мотивации. Всем известно, что люди сильно различаются по тому, насколько они хотят и умеют делать деньги. При этом источником той энергии и инициативы, которые служат движущей силой современной экономики, отчасти является не просто стремление иметь деньги, а желание превзойти других в процессе их зарабатывания. Это желание представляет собой критерий наивысших социальных достижений и важнейший источник общественного престижа.

Одно из влиятельных направлений общественной мысли выдвигало положение о том, что более высокий уровень мотивации обеспечивается или может быть обеспечен за счет уравнительной системы вознаграждения — «от каждого по способностям, каждому—по потребностям». Эту надежду питали многие, отнюдь не один Маркс, но история и весь опыт человечества показали ее несостоятельность. Хорошо это или плохо, но люди не способны подняться до таких высот. Осознание этой истины разочаровало и опечалило не одно поколение социалистов. Он пишет, что ясно главное: справедливое общество должно принять людей такими, какие они есть. Однако это не уменьшает потребности в четком понимании сил, контролирующих распределение доходов, и факторов, способствующих формированию отношения людей к соответствующим вопросам. Не устраняется также и потребность в понимании того, каким образом, с чисто практической точки зрения, следует вырабатывать стратегию в вопросе распределения доходов.

Во-первых, никуда не уйти от того факта, что современная рыночная экономика (согласно устоявшейся в настоящее время терминологии) распределяет материальные блага и доходы в высшей степени неравномерно, что не только вызывает негативные социальные последствия, но и мешает ее собственному нормальному функционированию. В США, которые в настоящее время представляют собой наиболее яркий пример среди промышленно развитых стран, согласно данным такого надежного источника, как Федеральная резервная система, приведенным в газете «Нью-Йорк Тайме», 40% национального достояния страны в 1989 г. принадлежало богатейшим семьям, которые составляли один процент населения; совокупная доля 20% самых богатых американцев составляла 80%. На 20% наименее обеспе-

ценных граждан США приходилось лишь 5,7% совокупного дохода после уплаты налогов; доля 20% наиболее обеспеченных составляла 55%. К 1992 г. в распоряжении верхних 5% населения находилось приблизительно 18% совокупного дохода, и в последние годы эта доля значительно возросла на фоне сокращения доли наименее обеспеченных американцев. С таким положением справедливое общество мириться не может. В интеллектуальном плане не может оно согласиться и с доводами, а точнее, с измышлениями, в защиту подобного неравенства, хотя такого рода сочинениями экономическая наука занимается весьма усердно. При этом, однако, никто особо не скрывает тот факт, что соответствующая экономическая и социальная доктрина подчинена корыстным целям и служит интересам денежных мешков.

В частности, утверждается, что существует некое моральное право, которое позволяет тем или иным лицам получать заработанное, вернее, получать то, что они получают. Это право отстаивают с особым жаром, порой в резкой форме и нередко с праведным возмущением. Однако оно сталкивается с противодействием как в исторической ретроспективе, так и в современной реальной жизни.

Немалая часть доходов и богатства достается людям без достаточного или вообще безо всякого социального обоснования, ни за что или почти ни за что с точки зрения вклада в экономику. Очевидный пример — получение наследства. Другие примеры аналогичного порядка — различные пожертвования, случайные успехи и манипуляции в финансовой сфере. Сюда же относятся вознаграждения, которыми щедро наделяют сами себя руководители современных компаний, пользуясь предоставленными им полномочиями. Как указывалось выше, руководство корпораций видит свою явную цель (в соответствии со всеми традиционными экономическими учениями) в получении максимальной прибыли. Будучи свободным и от какого бы то ни было контроля или ограничений со стороны акционеров, его представители активно пытаются увеличить собственные доходы. При молчаливом попустительстве советов директоров, члены которых подбираются самими руководителями, они фактически определяют размеры собственных окладов, предоставляют самим себе льготные возможности по приобретению акций и устанавливают для себя огромные размеры выходного пособия на случай увольнения. Он замечает, что мало кто станет спорить с тем, что все эти выплаты и льготы не имеют отношения к выполне-

нию каких-либо экономических и социальных функций, за которые они предоставляются.

Богатые люди с неохотой говорят о том, что их богатство и большие доходы — это некое общественное, моральное или данное Богом право, так что единственно возможное для них обоснование богатства — рассуждения о функциональной целесообразности. Незыблемый принцип неравного распределения доходов рассматривается как стимул к труду и новаторству, что приносит пользу ему, обществу. Само это неравное распределение содействует росту сбережений и инвестиций, что также выгодно всему обществу, богатые и обеспеченные люди никогда не говорят, что им повезло; они рассуждают о своем скромном труде ради всеобщего блага. Некоторые даже испытывают смущение по поводу получаемого ими вознаграждения за свой скромный труд, но стойко переносят это испытание, опять же ради всеобщего блага. Социальные и экономические цели и задачи корректируются в соответствии с соображениями личного удобства. Очевидность этого станет общепризнанной в справедливом обществе.

Своеобразная классовая структура американского общества также обеспечивает защиту интересов состоятельных и богатых слоев населения. В любых солидных публикациях на эту тему неизменно подчеркивается роль и место среднего класса. Правда, существуют де высший и низший слои, но они всегда остаются в тени. Хотя такое определение формулируется довольно редко, пишет Гэлбрейт, можно говорить том, что практически у нас сложилась трехклассовая система, состоящая из одного класса, — такое вот арифметическое новшество. И средний класс, играющий в этой системе доминирующую роль, обеспечивает защиту и прикрытие для обеспеченных слоев общества. Налоговые льготы, вводимые в интересах среднего класса, распространяются и на некоторых очень богатых людей. В подобном контексте и при принятии подобных решений высший класс никогда не упоминается, словно он и не существует как отдельная категория. Такова общая политическая установка, дающая значительный эффект с точки зрения механизма функционирования экономики.

Что касается распределения доходов в пользу обеспеченных слоев общества, отмечает он, то здесь действует механизм, который на языке экономистов называется «предпочтение ликвидности», т.е. выбор между использованием денег на цели потребления или вложением их в реальный капитал, с одной стороны,

и пассивным хранением денежных средств в той или иной форме — с другой. Отдельные граждане и семьи со скромными доходами не имеют возможности сделать такой выбор в отношении возможных вариантов использования доходов. Перед ними стоит совсем иная задача — удовлетворить насущные потребности; таким образом, они неизбежно расходуют получаемые ими денежные средства. Соответственно, более широкое и равномерное распределение доходов является более целесообразным с точки зрения развития экономики, так как обеспечивается более стабильный суммарный спрос. И поэтому есть все основания полагать, что чем более неравномерно распределяются доходы, тем меньшую функциональную нагрузку они несут.

Он ставит вопрос о том, где же решение проблемы распределения доходов? Нет и не может быть никаких жестких правил и общеприемлемых коэффициентов, касающихся соотношения доходов состоятельных и малообеспеченных слоев населения, а также соотношений между окладами руководителей компаний и рядовых работников. Это связано с существенным характером самой системы, которая не подчиняется произвольно устанавливаемым правилам. Требуются решительные действия по совершенствованию системы, отражающие внутренне присущее ей и неблагоприятное для нее неравенство, но ведущие при этом к его сглаживанию.

Во-первых, существует система поддержки малообеспеченных слоев населения. Наступление на неравенство следует начинать с мероприятий по улучшению условий жизни низших слоев. Необходимость принятия таких мер уже отмечалась выше.

Во-вторых, как указывалось ранее, следует навести порядок в финансовой сфере. Заключение сделок с использованием конфиденциальной информации, распространение ложных сведений для стимулирования капиталовложений, махинации с инвестициями, подобные тем, что привели к банкротству ссудно-сберегательных ассоциаций, поглощение и слияние компаний, периодические всплывы спекулятивного ажиотажа — все это негативно влияет на распределение доходов. Меры, гарантирующие элементарную честность при осуществлении финансовых сделок и позволяющие глубже разобраться в сущности тех или иных спекуляций, дают полезный «выравнивающий» эффект.

В-третьих, акционерам и информированной общественности следует критически подходить к стремлению руководителей компаний максимально повысить свои личные доходы. В отсутствие какого-либо сдерживания со стороны акционеров и обще-

ственности доходы высших менеджеров, как отмечалось выше, становятся одним из основных факторов социально неблагоприятного распределения материальных благ. Единственно возможное решение проблемы видится в совместных действиях акционеров, чьи интересы оказались ущемленными. Приходится, правда, признать, что вероятность принятия таких действий невелика. Владельцы современных компаний, как правило, занимают пассивную позицию, когда речь идет об их собственных интересах.

По его мнению, остаются еще два направления позитивных действий государства в целях достижения более равномерного распределения доходов, и одно из этих направлений имеет решающее значение.

В первую очередь правительство должно отменить действующие налоговые льготы, в частности, в отношении расходов, для обеспеченных граждан. В последнее время такие льготы стали называть «социальным пособием для корпораций». Сюда входят различные субсидии и налоговые скидки для коммерческих предприятий, поддержка производителей сельскохозяйственной продукции, которые и без того получают высокие доходы (особенно характерно в этом смысле щедрое дотирование сахарной монополии и субсидирование производства табака), экспортные субсидии, в том числе финансирование экспорта оружия, и, что самое важное, огромные средства, выделяемые на поддержание очередного увеличения производства вооружений.

Однако, по мнению Гэлбрейта, самым эффективным средством достижения более равномерного распределения доходов остается прогрессивная шкала подоходного налога. Именно она играет важнейшую роль в обеспечении разумного и, можно сказать, цивилизованного распределения доходов. Здесь следует добавить, что против прогрессивного налогообложения будут направлены мотивированные и абсолютно предсказуемые нападки. Хотя для справедливого общества этот механизм является важнейшей целью, не трудно предугадать решительное, ясно выраженное и даже красноречивое возражение со стороны тех, кто платит налоги по прогрессивной шкале. Эти господа будут особенно упирать на то, что подобное налогообложение пагубно отразится на стимулах к труду. Как указывалось выше, возможны и противоположные утверждения (столь же неправдоподобные), что введение крутой прогрессивной шкалы подоходного налога заставит людей с высокими доходами работать еще больше и более творчески, чтобы сохранить на прежнем уровне

свои доходы после уплаты налогов. Ссылаясь на исторический опыт, можно напомнить, что темпы роста американской экономики, показатели занятости, а также положительное сальдо бюджета отдельных лет были наивысшими в период после окончания второй мировой войны, когда предельные ставки подоходного налога достигали рекордных уровней.

Однако важнее всего признать, что в справедливом обществе более равномерное распределение доходов должно стать основным принципом современной государственной политики, и главную роль в этом должно сыграть прогрессивное налогообложение.

В условиях современной экономики распределение доходов в конечном итоге определяется распределением власти. Последнее, в свою очередь, представляет собой и причину, и следствие системы перераспределения доходов. Власть позволяет получать доходы; большие доходы дают власть над распределением денежного вознаграждения других людей. Справедливое общество признает наличие этого традиционно замкнутого круга и пытается вырваться из него.

Решением этой проблемы стало бы наделение полномочиями и обеспечение защиты со стороны государства тех, кто не облечен властью. В условиях рыночной экономики власть естественным образом сосредоточена в руках работодателя — как правило, коммерческой фирмы. Поэтому право рабочих отстаивать свою власть в противовес власти работодателей должно быть признано в качестве основного принципа. Работники, объединяющиеся для того, чтобы добиться повышения своих доходов и улучшения условий труда, должны иметь такую же широкую поддержку государства, какой пользуются лица и организации, объединяющиеся в корпорации для осуществления инвестиций.

В наши дни, пишет Гэлбрейт, повсюду в мире, особенно в Соединенных Штатах, наблюдается ослабление влияния рабочих. Резко сократилось число членов профсоюзов по отношению к общей численности работающих — отчасти в результате общего сокращения масштабов массового производства и массовой занятости, отчасти в связи со старческой немощью самого профсоюзного движения. Справедливое общество стремится по возможности возродить прежнее влияние профсоюзов, поскольку в условиях современной экономической жизни организации рабочих остаются одним из важнейших цивилизующих факторов.

Однако для большого числа рабочих членство в профсоюзе не является практическим решением всех проблем. Особенно это относится к сфере обслуживания, где степень рассредоточенности рабочей силы очень высока. Так же как раньше требовались специальные государственные меры по обеспечению занятости женщин и детей, так и сегодня необходимо прямое участие государства в защите интересов работников, не являющихся членами профсоюзов, включающее меры по обеспечению медицинского страхования и выплату пособий по безработице, а также, что в настоящее время имеет первостепенное значение, гарантирование социально адекватного минимального уровня заработной платы. Для справедливого общества последнее требование является абсолютно необходимым. Столь популярные среди его противников доводы о том, что это приведет к сокращению возможностей по обеспечению занятости, можно отвергнуть без какого-либо обсуждения, так как это любимая отговорка тех, кто не желает платить зарплату работникам, к тому же эти аргументы не подтверждаются практикой. Наряду с созданием своего рода «страховочной сетки» — разнообразных социальных и медицинских пособий для населения — справедливое общество обязано защищать заработки малоимущих.

Когда-то экономический механизм был источником простых, неизменных в своей основе материальных предметов первой необходимости — пищи, одежды, жилищ, топлива, транспорта и т.д. В такой ситуации установление монополистического контроля за производством любого из них становилось причиной лишений и страданий. Этот фактор и стал основанием для появления антитрестовского законодательства и других проектов защиты зачастую бедствующего потребителя от произвола промышленников.

Хозяйственные перемены и рост жизненных стандартов в современном обществе одновременно и сократили, и повысили необходимость в регулировании производства и контроле за производителями. Глобализация экономической жизни, если использовать этот ныне столь модный термин, уменьшила угрозу монополизма и связанной с ним сверхэксплуатации. Вместо прежней олигополии — трех американских автомобильных корпораций — появились многочисленные конкурирующие компании, как в самих США, так и за рубежом. Компьютеры и программное обеспечение производятся теперь не только IBM, но и многими другими фирмами. То же самое имеет место во многих странах.

Обобщая, замечает Гэлбрейт, можно сказать, что в экономике, характеризующейся растущим уровнем самоорганизации, сама ее природа обеспечивает множество различных вариантов выбора, причем каждый из них утрачивает свой судьбоносный характер. Каждому позволительно ошибиться в выборе между «кадиллаком» и «мерседесом», равно как и между двумя менее роскошными машинами, или джинсами разных модельеров, или различными типами готовых завтраков. В своем поведении современные потребители обращают основное внимание на сравнительную полезность конкурирующих благ, каждый из которых обладает более или менее одинаковыми достоинствами и разница между которыми, если таковая и имеется, невелика. Монопольная власть единственного производителя преодолена.

Это обстоятельство имеет, однако, и обратную сторону. Изобилие как понижает потребность в регулировании, так и увеличивает ее. До появления автомобилей не возникало проблемы дорожной безопасности. Не было нужды и в регулировании скорости, организации городского движения и борьбе с нетрезвыми водителями. Не требовался также контроль за загрязнением окружающей среды... То же самое можно сказать и о многих других товарах, от игрушек до асбеста. Современные электронные средства связи также потребовали введения целого комплекса новых форм регулирования. Существует все более обостряющаяся проблема защиты потребителя от необоснованных (по злому умыслу или неосознанно) обещаний производителя, что особенно актуально в сфере здравоохранения и фармацевтики. Потребители, по мере удовлетворения потребностей в различных товарах, услугах и развлечениях, становятся все более изобретательными в поисках того, что может улучшить или продлить жизнь; производители же готовы немедленно удовлетворить эти ожидания. Регулирование в этих условиях становится хорошо осознанной необходимостью. Поэтому должна быть создана защита против нежелательного медицинского вмешательства или лекарств, способных принести лишь вред.

Наиболее нужная и при этом встречающая наибольшие возражения форма регулирования в наибольшей степени затрагивает функционирование всего экономического механизма. Неосторожные действия здесь могут принести огромный вред; следует, однако, принимать во внимание, что даже если таковой очевиден, попытки ограничить его могут вызвать решительное неприятие.

Экономическая система функционирует эффективно только в рамках жестких правил поведения. Первым из них является всеобщая честность — правда должна в полном объеме доводиться до сведения вкладчиков, общественности и, как уже подчеркивалось, потребителя. В области финансов, однако, где утаивание одновременно и хорошо вознаграждается, и может принести вред репутации, имеется большая вероятность того, что данное правило не будет выполняться. Регулирование должно, соответственно, поставить заслон попыткам фальсифицировать отчетность при ведении финансовых операций, а также стремлению исказить перспективы инвестирования. Существует множество приемов для введения в заблуждение недостаточно информированного или не очень дотошного потребителя. Особой и признанной потребностью является регулирование сделок в узком кругу, при использовании инсайдерской информации. Предметом широкого обсуждения должны стать также попытки одной компании прибрать к рукам другую, особенно если при этом последней навязываются непосильные долги или спекуляции с ценными бумагами с их неизбежными и экономически неблагоприятными последствиями. Следует отдать себе отчет в том, что немногие ошибки оказались столь пагубными и болезненными для современного общества, как злоупотребления и недочеты того, что сейчас называют финансовым сообществом, хотя таковое в свое время и являлось наиболее заметной частью высших финансовых сфер.

7.8. Постиндустриальные концепции: глобализация

В числе различных радикальных и либеральных постиндустриальных концепций, концепций пост- и радикализированного модернизма выделяют и концепции глобализации. Они выражают собой обоснование версий развития социальной системы. Такие концепции достаточно разнородны. Выделим в их массиве два варианта: вариант А и вариант Б.

7.81. Глобализация (вариант А)

С точки зрения данного варианта, можно выделить три сферы, внутри которых имеют место процессы глобализации: это экономика, политика, культура. Релевантные продолжительные процессы, поддерживающие глобализацию, специфицированы в некоторых проявлениях: экономики стремятся быть либераль-

ными; политика направляется в сторону демократизации и децентрализации власти; культура — к универсализации, к абстрактности ценностей и стандартов, для предотвращения экстремальных уровней культурной дифференциации.

С точки зрения ретроспективных оценок приверженцев данного варианта, еще в ранний период модерна между XVI-XVII вв. — критическое развитие — возник капитализм. Это был, по мнению сторонников данного подхода, целый набор материальных изменений, которые эффективно способствовали низвержению традиционалистских связей средневекового общества. Такие изменения произвели и вдохновили новый капиталистический социальный класс, что серьезно ослабило монархию и монархический критический потенциал. Похожие культуры были разделены идеологией. Самые важные, на тот момент, глобальные связи — географические исследования и военные авантюры, хотя и заложили основу начала интеграции, но все же были относительно неэффективны в установлении глобальной интеграции.

Капитализм, как экономическая практика и культура, был принесен во многие части мира. В конце 20 века имел место обширный кризис, в котором стала очевидна неспособность экономического роста, обеспечения гарантированного будущего населению. Это население стало более целеустремленным в отношении автономности социальной организации и легитимации универсализированных стандартов. Это спровоцировало произрастание новых политических символов и оживление культурной эффективности. Главными политическими символами стали человеческие права, социальная среда планетарного масштаба, либеральная демократизация, права потребления, космополитизм, каждый из которых институализировал практики глобализации. Экономика, в свою очередь, становится символически опосредованной и рефлексивной, и все более отдалена и не связана с локальностью.

7.82. Глобализация, социология и человеческая эмансипация

Если глобализация — это процесс, который инспирирует развитие культурной системы, то и эпистемологическая система, называемая социологией, не может быть предохранена от влияния. В самом деле, глобализирующийся социальный мир должен использовать социологию для рефлексивного изучения новой социальной структуры.

Алброу (1990) предлагает наиболее систематическую схему развития социологии в направлении глобализации, рассуждая о том, что она развивалась, проходя следующие стадии:

- 1) универсализм;
- 2) национальные социологии;
- 3) интернационализм;
- 4) индигенизация;
- 5) глобализация.

Глобализированную социологию Арчер М. (1991) называет «фальшивым универсализмом постмодернизма».

7.83. Глобализация (вариант Б)

Глобализация в данном варианте — это концепт 90-х гг., подобно тому, как постмодернизм был концептом 80-х.

В настоящее время данный концепт вошел в академическую среду, но до середины 80-х гг. не признавался как значительный.

Многие аспекты глобализации действительно интенциональны и рефлексивны, включая и возрастающий уровень бизнес-планирования глобального рынка, и действия инвайроменталистов. Как бы то ни было глобализационные силы имперсональны и по иную сторону от контроля, а также независимы от индивидуальных усилий. Развитие исламского фундаментализма как ответ западной модернизации — вот пример подобных эффектов.

В глобализированном мире будут единое общество и культура, занимающие всю планету. Эти общество и культура, возможно, не будут гармонично структурированы. Пожалуй, они будут направляться в сторону высокого уровня дифференциации, мультицентричности и хаоса. Там не будет центрально-организованного правительства. Так как культура унифицирована, то она крайне абстрактна, выражая толерантность по отношению к инаковости и индивидуальному выбору. Важно то, что исчезнет территориальность как организующий принцип социальной и культурной жизни, а останется общество без территориальных границ. В глобализированном мире будет невозможно предсказать социальные практики и предпочтения, опираясь на географическое, пространственное расположение.

7.84. Определение термина «глобализация»

Исходя из вышесказанного, сам термин «глобализация», как рабочий термин, можно определить следующим образом: глобализация — это социальный процесс, в котором географические ограничения в культурном и социальном устройстве отсутствуют, и при этом люди осведомлены о таком отсутствии.

Концепт глобализации — очевидно, объект идеологических подозрений, так как связан с распространением западной культу-

ры и капиталистическим обществом, предполагая силы, трансформирующие мир, оперирующими вне человеческого контроля. Глобализация — прямое последствие экспансии европейской культуры по всей планете через колонизацию и культурный мимесис. Это не значит, конечно же, что каждый уголок планеты должен стать вестернизованным и капиталистическим, но, пожалуй, каждое социальное образование должно установить и обосновать собственную позицию по отношению к капиталистическому Западу. Нужно сказать, что в возрастающих секторах мира этот процесс соотношения включает в себя позитивное предпочтение Запада и капиталистических перспектив.

7.85. Исторические перспективы глобализации

Исторические перспективы глобализации оцениваются неоднозначно; существуют следующие утверждения:

- 1) глобализация имела место с расцветом истории, но вдруг получила необычайно интенсивное акселеративное воздействие;
- 2) глобализация одновременна с модернизацией и развитием капитализма;
- 3) глобализация — недавний феномен, ассоциированный с социальными процессами, называемыми постиндустриализм, постмодернизм и
- 4) дизоорганизация капитализма.

Глобализация прослеживается на трех аренах социальной жизни, которые определяются как фундаментальные во многих теоретических анализах. Они таковы:

- 1) экономика;
- 2) политика;
- 3) культура;

Следуя Веберу и Беллу, можно утверждать, что эти три сферы структурно независимы. Обсуждение проблем глобализации особенно акцентируется на отношениях между социальной организацией и территориальностью. Материальный обмен стремится привязать социальные отношения к локальности, он укоренен в локализованных рынках, офисах, фабриках. Политический обмен стремится соотносить социальные отношения с ограниченной территорией, то есть культивирует установление территориальных границ, учреждая национально-государственное общество. Культурный обмен освобождает социальные отношения от физическо-пространственной зависимости, так как культурные символы могут быть произведены где угодно и в любое время, имея характер универсального значения.

Таким образом, очевидно, что материальный обмен локализуется, политический — «интернационализует», символический — «глобализует». Можно также ожидать глобализацию экономики и политики по причине их причастности к культуре.

7.9. Концепция глобализма И. Уоллерстайна

И. Уоллерстайн — сторонник концепции глобализма. Квинт-эссенция его концепции — обосновании общественного развития как развития мировой системы.

7.9.1. Понятие общества

Обоснование развития мировой системы Уоллерстайн начинает как бы с «азов», с рассмотрения того, что понимается под обществом. «Общество» — это термин, пишет он, конечно, старый. Уже в Оксфордском словаре английского языка приведено двенадцать его основных значений, из которых тут больше всего подходят два. «Общество» в первом смысле — «совокупность лиц, совместно живущих в более или менее упорядоченном сообществе». Второе значение не слишком отличается от первого. «Общество есть совокупность индивидов, составляющих сообщество или живущих при единой организации правления». Достоинством словаря является то, что в нем указано первоначальное, словоупотребление. Впервые в двух указанных смыслах это слово было использовано, соответственно, в 1639 и 1577 г. — то есть в начале современной эпохи. В немецких словарях имеется следующее подходящее определение, которое предлагает: «Общество — это *совокупность людей, живущих в определенных политических, хозяйственных и социальных взаимоотношениях*». Вслед за чем непосредственно следуют примеры: «буржуазное, социалистическое бесклассовое общество». Этому определению предпослано замечание: «Множественное число отсутствует».

Теперь, если рассмотреть эти определения (вероятно, типичные для большинства словарей на большинстве языков) детально, то можно будет обнаружить любопытную аномалию. Каждое определение отсылает к некоторому политическому компоненту, который, видимо, предполагает существование всякого общества в специфическом комплексе политических границ, но даже примеры наводят на мысль, что общество — это тип государства <state>, определенного в терминах менее специфичных, более абстрактных феноменов, причем последний из упомянутых сло-

варей специально добавляет: без множественного числа. В этих примерах «общество» модифицируется прилагательным, а возникающее словосочетание описывает такой тип структуры, которая, как утверждается, присуща «обществу» в другом смысле, а именно, политически отграниченной сущности. В этом последнем значении «общество» может быть и во множественном числе.

Уоллерстайн предпринимает попытку реконструкции понятия общества. Он обращается к довольно забытой работе Лоренца фон Штейна «Понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 г.». Во введении Штейн говорит, что «понятие общества относится... к самым трудным понятиям во всей науке о государстве...». Штейн говорит об обществе как понятии науки о государстве. Одна из причин этого, безусловно, состоит в том, что наука о государстве в Германии — это термин, применение которого включало область того, что ныне в Германии называется «социальные науки», хотя, по мнению автора, границы того и другого не тождественны. Употребление в Германии (но не в Англии и не во Франции) в XIX в. термина «науки о государстве» представляет собой, по мнению Уоллерстайна, примечательный феномен, отражающий понимание социальных наук с позиции полупериферийного государства, но вне культурного круга осуществляющей гегемонию власти. Из самой работы Штейна ясно что, понятие «общество» имеет для нас смысл изначально (и даже исключительно) в классической антиномии: «общество/государство». А эта антиномия, в свою очередь, происходит от попытки современного мира вступить в борьбу с идеологическими последствиями Французской революции.

По мнению Уоллерстайна, есть две проблемы в связи с теорией о том, что суверенитет принадлежит народу. Прежде всего мы должны определить, кто есть и где он — «народ», иначе говоря, кто есть и кем должны быть «граждане» в «государстве».

В особенности же — кто есть полноправный член политического сообщества. Даже ныне, говорит автор, нигде не бывает так, чтобы каждый, кто постоянно живет в государстве, был бы гражданином этого государства или избирателем этого государства. Вторая проблема состоит в том, как узнать, что же есть воля народа. Это, конечно, еще сложнее. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в значительной своей части то научное предприятие, которым являются исторические и социальные дисциплины, оказалось в девятнадцатом и двадцатом веках одной огромной попыткой разрешить эти две проблемы и что основным понятийным инструментарием, который был тут ис-

пользован, является идея, будто есть нечто, называемое «обществом», замкнутое в сложные, частью симбиотические, частью антагонистические связи с чем-то, называемым «государством».

Далее автор предлагает рассмотреть другое понятие, а именно, «развитие». У него тоже весьма много значений. Одно из тех, что дает Оксфордский словарь, наиболее релевантное в нашем случае, таково: «Развитие — это рост или развертывание того, что находится в зародыше (говоря о видах растений и животных)». Тейлор в своей книге «Первобытная культура» пишет: «Его различные ступени могут рассматриваться как этапы развития или эволюции, каждый из которых является результатом предшествующей истории». Развитие, добавляет Оксфордский словарь, то же самое, что и эволюция. Что-то подобное можно обнаружить и в немецких словарях, в которых развитие уточняется посредством примеров: «культурное, общественное, историческое, политическое, экономическое, социальное развитие нашего народа».

Если применить термины «общества», «государства» и «развития», например, к современной Германии, а попутно, к бывшей ГДР, ФРГ и Австрии, то возникает вопрос о том, что, меняя границы государства, меняем ли мы границы общества? И можем ли мы утверждать, что легитимность правления, обеспечиваемая «обществом», отлична от легитимности правления, обеспечиваемой государством? Понятие «общества», пишет автор, дает нам нечто прочное, на чем мы можем возводить свои конструкции дальше.

Принципиальная ошибка, по мнению Уоллерстайна, состоит в том, что понятие общества овеществляет и, таким образом, кристаллизует те социальные феномены, подлинное значение которых заключается не в прочности, но в текучести и плавкости. Понятие «общество» предполагает, что у нас имеется для анализа нечто, являющееся осязаемой реальностью, хотя и «развивающейся». В действительности же то, что у нас имеется, есть в первую очередь риторическая конструкция, а следовательно, как говорит Лоренц фон Штейн, это — «трудное понятие науки о государстве».

7.92. Народное хозяйство и национальное государство

Одним из базовых элементов мировой социальной науки в последние 150 лет, пишет автор, было специфическое прочтение современной европейской истории. Это прочтение не огра-

ничивается кругом профессиональных историков и обществоведов. Оно образует глубинный слой нашей общей культуры, которую всем преподают через систему среднего школьного образования и которая просто предполагается в качестве базисной структуры нашего понимания социального мира. Она не оказывалась предметом основного спора. Скорее, она оказывалась общей собственностью двух главных мировоззрений последних ста лет, либерализма и марксизма, которые в других отношениях находились в резкой противоположности друг к другу.

Это прочтение истории принимает форму исторического мифа, включающего два основных положения. Первое состоит в том, что из феодального мира средневековой Европы, где сеньоры властвовали над крестьянами, вырос (возник, был создан) новый социальный слой, городская буржуазия, которая сначала экономически подорвала, а потом и политически ниспровергла старую систему. Результатом оказалась капиталистическая экономика с господством рынка, сопряженная с предвидительной политической системой, основанной на индивидуальных правах. Как либералы, так и марксисты именно так описывали европейскую историю; и те, и другие также приветствовали этот процесс как «прогрессивный».

Второе положение, включаемое в этот исторический миф, четче схвачено в книге Карла Бюхера «Возникновение народного хозяйства», где Бюхер различает три последовательных стадии экономической истории Европы — замкнутое домохозяйство, городское хозяйство и народное хозяйство. Ключевой элемент здесь, символизирующий либерально-марксистский консенсус, — это восприятие современной истории как истории расширения экономических кругов, причем основной прыжок состоял тут в переходе от «локального» хозяйства к «народному», а народное хозяйство, конечно же, было размещено в национальное государство. Бюхер подчеркивает эту связь, настаивая на том, что «народное хозяйство есть продукт тысячелетнего исторического развития и ему больше лет, чем современному государству». Можно заметить, утверждает Уоллерстайн, что в этой связи опять-таки используется термин «развитие». Бюхер эксплицитно высказывает пространственные импликации, имплицитно предполагаемые в общих, дескриптивных категориях, обнаруживаемых у многих других основных представителей социальной науки девятнадцатого века: Конта и Дюркгейма, Мэйна и Спенсера, Тенниса и Вебера.

Уоллерстайн полагает, что оба этих положения, входящие в господствующий исторический миф о современной европейской истории, являются сильнейшими искажениями того, что на самом деле произошло. Я не хочу затрагивать здесь вопрос о том, почему, на мой взгляд, понятие о возникновении буржуазии, которая каким-то образом низвергла аристократию, более или менее противоположно тому, что произошло в действительности, то есть что аристократия сама обратилась в буржуазию, дабы спасти свои коллективные привилегии.

Если в существе своем, пишет автор, движение современной европейской истории было движением от городского хозяйства к народному хозяйству, от локального поля действия к национальному государству, то где же появляется тут «мир»? Ответ по существу эпифеноменален. Считается, утверждает он, что национальные государства уделяют часть своего времени и своей энергии (в основном относительно малую часть) международной деятельности — международной торговле, международной дипломатии. Эти так называемые международные отношения суть нечто «внешнее» по отношению к этому государству, народу, нации, обществу. Самое большее, могут допустить, что эта ситуация развивается в направлении «интернационализации» экономики и арен политического и культурного взаимодействия, но только с самых недавних пор (с 1945 г. или даже только с 70-х гг.). Итак, пишет автор, это, кажется, то, что мы можно назвать мировым производством, или мировой культурой.

Однако, по мнению Уоллерстайна, эта идея кажется странной. Есть и другая идея, другой способ суммарного представления социальной реальности, альтернативная концептуальная схема, которая более полно и более успешно схватывает тот реальный социальный мир, в котором мы живем. Переход от феодализма к капитализму предполагает прежде всего (и логически, и по времени) создание мирового хозяйства.

7.93. Современная мировая система

Современная мировая система, по Уоллерстайну, — это социальная система, имеющая свои границы, структуры, социальные группы, правила легитимации и сплочения. Ее жизнь состоит из конфликтующих сил, сдерживающихся напряжением и разрывающихся различными групповыми интересами. Структура системы может быть слабой или, наоборот, сильной, в зависимости от внутренней логики функционирования системы.

Самая главная характеристика системы, по его мнению, — это то, что ее жизнь самодостаточна и что динамика ее развития, в большинстве своем, имеет внутренне происхождение. Можно, конечно же, полагать, пишет он, что самодостаточность как теоретический абсолют, определенный вид социального вакуума, но все же все социальные системы имеют измеряемую степень отдаленности и изолированности.

Те социальные сущности, такие как племя, сообщество и т.д., часто называемые системами, на самом деле ими не являются. Существует только одна реальная социальная система, говорит Уоллерстайн, не являющаяся чьей-либо частью, — это мировая система (или «Мир-система»). Более точно «Мир-система» определяется как экономически материальная сущность, имеющая многокультурный состав. Существует лишь два типа таких систем: империя, имеющая единый политический строй на всей своей территории и такие системы, для которых политика не существует на протяжении всего их пространства. Последнюю и называют — «Мир-экономика».

Мир-экономические системы были нестабильными структурами, намеревавшимися то ли превратиться в империи, то ли разрушиться. Особенностью современной Мир-экономической системы, по мнению Уоллерстайна, является то, что она на протяжении 500 лет и не трансформировалась в империю. Политическая сторона этой особенности называется капитализм. Капитализму было суждено выжить, так как экономическая система не имела политических границ. Он основывается на экономических факторах, оперирующих с большей силой и превосходящих любой политический контроль.

Единственная альтернатива Мир-экономической системе, такая, которая может установить более высокий уровень продуктивности, приведет к реинтеграции системы экономической и политической. Эта система еще не существует, но называют ее, по традиции, социалистическим государством.

«Мир-система» имеет обширное разделение труда, и не только функциональное, но и географическое. Экономические задачи в этой системе не равномерно распределены, а являются функцией социальной организации работы, в которой легитимирована возможность одной группы внутри системы эксплуатировать труд другой, при этом получая большие выгоды.

В экономической системе, по мнению Уоллерстайна, единственным доступным средством политического давления является локальная (национальная) государственная структура.

Культурная гомогенизация имеет тенденцию обслуживать интересы ключевых групп, выстраивая давление с целью создания культурно-национальной идентичности.

Мир-экономические системы разделяются автором на центральные и периферийные зоны. А также существуют межпериферийные зоны, располагающиеся между центральными и периферийными. Они диагностируются на основе целой серии измерений, таких как целостность экономической активности, культурная интеграция и т.д. Некоторые из этих пространств были центральными территориями, некоторые — периферийными, а затем выросли в результате изменяющейся геополитики и экспансии современной Мир-экономической системы.

Межпериферия, по мнению Уоллерстайна, — важный структурный элемент Мир-экономической системы. Эти средние территории отклоняют политическое давление, которое группы, первоначально расположенные в периферийных зонах, могли бы направить прямо против центральной зоны и ее кратической структуры. Современная экономическая система может быть только капиталистической.

Классы, считает, Уоллерстайн, всегда существуют потенциально. Вопрос в том, при каких условиях они приобретают классовое сознание для того, чтобы действовать как социально-политическая группа или культурное сообщество. Такое самосознание — функция конфликтной ситуации. В подобных ситуациях множество факторных тенденций сводятся к двум, так как не может быть больше двух конфликтующих классовых сознаний, так как любой конфликт предполагает лишь две главные, взаимодействующие стороны.

7.94. Модель глобализации

Модель глобализационного процесса отражает те тенденции, которые возникли в мире в относительно недавнее время и способствовали преобразованию мирового порядка.

Национальное государство здесь демонстрационный пример изменений, имевших место в недавней истории. Под национальным государством (или точнее — национальным обществом) имеется в виду социальная структура, существовавшая с середины XVIII века. Гомогенное национальное государство, однородное в культурном и гражданском смысле, — это особая форма социальной жизни. Национальное общество, таким образом, является важным моментом, на который можно сослаться при рассмотрении моделей глобализованного общества.

Диффузия идеи национального общества, как формы институционализованного социозэталлизма, была центральной в ускорении процессов глобализации, которые имели место примерно около ста лет назад. А также основными компонентами глобализации, помимо национальной системы и системы интернациональных отношений, были концепция индивидуализма и гуманизма. Глобализация была под огромным влиянием факторов различного свойства: экономики, политики и иных процессов и действий.

Здесь предложена схема фаз, которые проходили процесс глобализации, представляя исторические условия высокой степени насыщенности и целостности.

Схема

фаза 1: Фаза зарождения продолжалась в Европе с начала XVI века до середины XVIII века. Начинающийся рост национальных сообществ и угасание средневековой транснациональной системы. Расширение католической церкви. Акцентуация на идеях индивидуализма и гуманизма. Гелиоцентрические теории мира и начало современной географии, распространение греческого календаря.

фаза 2: Фаза начала продолжалась в основном, в Европе с середины XVIII века по 1970-е гг. Резкие изменения в сторону идеи гомогенного, унитарного государства; кристаллизация концепций формализованных интернациональных отношений, стандартизованного гражданства и более конкретного гуманизма. Большой интерес к легализации соглашений, связанных с интернациональными и транснациональными регуляцией и коммуникацией. Начало проблем, касающихся «входа» неевропейских государств (обществ) в интернациональное общество. Артикуляция национально-интернациональной темы.

фаза 3: Эта фаза продолжалась с 1970-х до середины 1920-х гг. Это был период, в ходе которого произрастающие и манифестационные тенденции глобализации прежних периодов сливались в один общий тренд. Центральными были следующие моменты: национальное общество, мускулиновый акцент в индивидуализме, сингулярная, но не унифицированная концепция гуманизма. Ранняя стадия тематизации проблем «модернити». Возникновение интереса к идеям, касающимся национальной персональной идентичности; включение ряда неевропейских обществ в «интернациональное общество»; формализация интернациональных связей и попытки реализации идей гуманизма. Глобализация эмигрантского ограничения. Очень резкое

увеличение в численности и скорости форм коммуникации. Про-
израстание экуменического движения. Развитие глобальных со-
ревнований — Олимпийские игры, Нобелевская премия и т.д.
Первая мировая война.

фаза 4: Фаза борьбы за гегемонию, которая продолжалась с
середины 1920-х гг. до конца 1960-х. Диспуты и войны на счет хруп-
ких вопросов условий доминантного процесса глобализации зало-
жили основу концу 3-й фазы. Эстеблшмент Лиги Наций и затем —
Лиги Объединенных Наций. Установление принципов национальной
независимости. Конфликтующие концепции «модернити» за кото-
рыми последовала «холодная» война, как конфликт внутри «проек-
та современности». Гуманистические интенции акцентируются на
Холокосте и атомной бомбе. Кристаллизация третьего мира.

фаза 5: Фаза «неопределенности» имела начало в конце
1960-х гг. и показала кризис тенденций в начале 1990-х. Возрас-
тание глобального сознания. Высадка на Луну. Акцентуация на
постматериальных ценностях. Конец «холодной» войны и мани-
фестация проблем прав человека. Огромное увеличение числа
глобальных институтов и движений. Резкое увеличение средств
глобальной коммуникации. Общества находятся перед неизбеж-
ной проблемой мультикультурности и полиэтничности. Граждан-
ские права становятся глобальной темой и проблемой. Интер-
национальная система более флюидна и биполярна. Консоли-
дация глобальной медиа-системы. Ислам как реглобализован-
ное движение.

Важным является демонстрация способов реагирования ре-
levantных коллективных актеров, особенно обществ, на развер-
тывания глобализационных процессов, играющих критическую
роль в конструировании мира, как единого целого. Различные
формы социетального участия в глобализационном процессе
облачают крайнее различие в более доскональную форму. Глав-
ное то, что существует генеральная автономия и логика глоба-
лизационного процесса, которая оперирует в относительной не-
зависимости от сугубо социетальных и других, более конвенци-
онально изучаемых, социокультурных процессов. Глобальная
система не просто исход процессов глубинно внутри социеталь-
ных источников (в противовес утверждениям Н. Лумана) или даже
не просто развитие межгосударственной системы. Этот процесс
более продолжителен и комплексен.

Актуален вопрос отношений между эпистемологическими тер-
минами, в которых возможно рассуждать о мире и первостепен-
ных объектах, появившихся и сформировавших дискуссионную

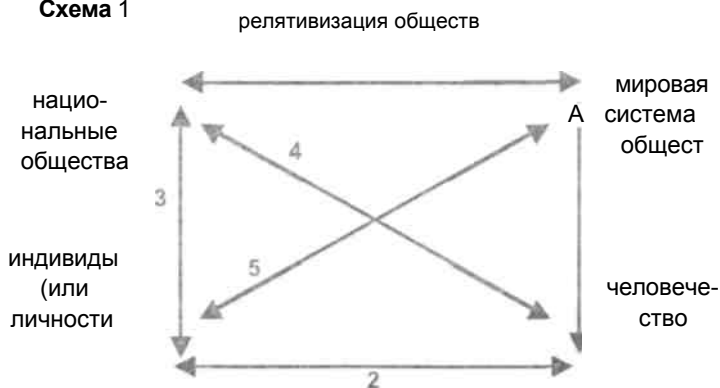
область проблем глобализации. Формулировка данной проблемы может быть выражена в следующих терминах: национальные общества, индивиды (или более точно — личности), отношения между национальными обществами (или мировая система обществ), человечество. Данная модель (или образ) глобализованного мира основывается и на эпистемических, и на эмпирических наблюдениях.

Наиболее актуален, в рамках данной модели, вопрос способов упорядоченности современного мира. Думая о современном мире, как о некоей целостности, мы неизбежно вовлечены в определенный род того, что иногда называют тоталистическим анализом. Существует большое различие между просто представлением модели глобальности и рассмотрением потенциальности акторов в сфере глобализационных процессов. Цель — аналитически рассмотреть как актеры, индивидуального или коллективного свойства, справляются с осмыслением современного мира, включая и то, каким образом они пытаются его отрицать.

7.95. Схема релятивизации обществ

Данная модель — диахроническая, она намеревается досконально рассматривать и изучать все изменения в четырех главных компонентах глобализованного мира: общества, индивиды, интернациональные отношения, человечество. В особенности — изменения во взаимоотношениях между ними. Глобализация — это процесс, тесно связанный с диахронической перспективой. Обращение к нижеприведенной модели позволяет увидеть, что глобализация включает в себя сравнительную интеракцию различных форм социальной жизни.

Схема 1

1 — проблематика реальной человеко-ориентированной политики;

2 — релятивизация самоидентичностей (индивидуальной идентичности);

3 — проблематика «человек-общество»;

4 — релятивизация гражданства;

5 — релятивизация социальной принадлежности.

Настоящий интерес к глобальности и глобализации не может быть определен как просто один из аспектов последствий модернистского проекта вестернизации. В обширно разрастающемся глобализованном мире наблюдается распространение гражданского, социетального, этнического, регионального и, конечно же, индивидуального самосознаний. Социальные сущности вынуждены локализировать себя внутри мировой истории и глобального будущего. А также глобализация включает в себя диффузию экспектаций таковых деклараций идентичностей.

ЧАСТЬ 8

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

8.1. Акционизм (методологический индивидуализм)

Р. Будона и Ф. Буррико

Это направление французской социологии, теоретически разработанное Раймоном Будоном и Франсуа Буррико, имеет особое значение, поскольку, несмотря на постоянную критику, оно, как представляется, предлагает парадигму (то есть набор согласованных принципов, опираясь на которые, исследователь разрабатывает частные теории), которую чаще всего, имплицитно или эксплицитно, использует большинство современных французских социологов.

8.11. Предпосылки методологического индивидуализма

Именно с появлением акционизма, сначала названного Раймоном Будоном и Франсуа Буррико методологическим индивидуализмом (выражение, заимствованное из экономической теории австрийского исследователя К. Менгера, поддержанное экономистом И. А. Шумпетером и распространенное экономистом Ф. А. фон Хайексом, а также философом и эпистемологом К. Поппером), индивид в качестве социального актера занимает прочное место во французской социологии. Действительно, в противоположность немецкой и американской традициям, французская научная мысль, под двойным влиянием школы Дюркгейма и марксизма, на протяжении долгого времени основывалась на холистическом видении социального. Общество с большой буквы довлело над индивидами как особая сущность, оно было всем, а индивиды — лишь его элементами. Они воспринимались как марионетки или автоматы. Они не обладали никакой реальной свободой действий. Они не действовали. Действие совершалось над ними. Социология видела в их высказываниях лишь проявление ложного сознания, в их поведении — лишь выражение социального детерминизма. Социальные актеры совершенно не воспринимались всерьез. Главное было в другом — в выявлении на макросоциологическом уровне социальных структур, воздействие которых испытывали индивиды.

Можно усомниться в таком представлении ситуации уже потому, что ни один автор не может быть полностью предан своему парадигматическому выбору, однако именно такое видение социального доминировало вплоть до 70-х гг. — как в форме гиперфункционализма Альтюссера, впрочем, и в форме генетического структурализма Пьера Бурдьё. Выделялась лишь социология действия Алена Турена, акционализм которого не следует путать с акционизмом, но она была еще слишком отмечена стремлением осмыслить ход истории и социальные изменения, чтобы отвести актерам иное, по сравнению с занимаемым ими в социальных движениях, место.

Таким образом, смысл акционизма, заявившего о себе в середине 70-х гг., — в полном разрыве с этой традицией и выведении на социологическую сцену социального актера. Для сторонников этого направления такой выбор не случаен, так как он опирается на самую природу социальных явлений, которые, какую бы точку зрения мы ни принимали, обязательно являются продуктом индивидуальных действий.

В этом случае методологический индивидуализм, который Раймон Будон делает главным принципом акционистской парадигмы, полностью обретает смысл, если не усматривать в нем, как это будут делать его противники, выражение идеологии индивидуализма или индивидуалистического характера современного общества. Этот индивидуализм методологического порядка очень точно соответствует позиции, отстаиваемой Максом Вебером в следующем отрывке из письма, адресованного Роберту Лифману: «Если я в конце концов стал социологом (о чем свидетельствует мое назначение)»,TM, главным образом, для того, чтобы наконец покончить со всеми этими упражнениями, основанными на коллективных понятиях, призрак которых все еще жив. Иначе говоря, социология тоже может исходить лишь из действий одного, нескольких или многих отдельно взятых индивидов. Вот почему она должна использовать строго индивидуалистические методы». Как мы видим, доказывая необходимость «индивидуалистических» методов, Макс Вебер стремится освободить социологию от всех возможных форм холизма и искать объяснение социальных явлений на микросоциологическом уровне, состоящем из индивидуальных действий.

Тем не менее можно задаться вопросом о происхождении этого смешения методологического индивидуализма и индивидуализма исторического и (или) идеологического, поскольку оно служило источником постоянной и часто резкой критики. Если

оставить в стороне допустимое предположение о предвзятости этих авторов, то можно указать на два возможных источника: первый связан с использованием данного метода экономистами, одновременно являющимися в политике и экономике теоретиками либерализма (и тогда данный метод воспринимается как непосредственное выражение этой теории), другой — с преобладанием в социологии холизма, делающим всякое обращение к индивидуализму, пусть и методологическому, совершенно неприемлемым.

Другое заблуждение, которое необходимо рассеять, связано с отношением к социальной реальности. В своем страстном желании победить холизм акционизм якобы забывает об этой реальности или даже отрицает ее. Он, как утверждают, помещает индивида в состояние социальной невесомости. Однако если обратиться к содержанию принципа, то эта критика, как и предыдущая, оказывается несостоятельной. То, что социальная реальность сохраняется и воспроизводится лишь через действия индивидов, отнюдь не означает, что эти действия совершаются в безвоздушном социальном пространстве, что они не происходят здесь и сейчас. Как напоминает Раймон Будон, «действие индивида всегда происходит внутри системы ограничений, даже если они более или менее очевидны для субъекта и более или менее жестки». Иначе говоря, всякое действие нужно рассматривать в его контексте.

Наконец, последнее возражение связано с предполагаемой изолированностью индивидов. Не приводит ли стремление рассматривать, как это предлагает Макс Вебер, «отдельно взятых» индивидов, к превращению их в лейбницевские монады, игнорированию взаимодействия и взаимозависимости? Это возражение отпадает само собой, поскольку, как мы увидим позднее, третий принцип акционизма как раз и учитывает связанные с ними эффекты. Добавим, так как об этом часто забывают, что обращение к индивидуальным действиям не обязательно предполагает, что актер — только отдельный индивид. Можно сгруппировать индивидов по категориям, объединив их, подобно Макс Веберу, в идеальные типы, или даже рассматривать в качестве индивида коллектив, при условии, что он обладает системой принятия коллективных решений.

8.12. Принципы методологического индивидуализма

Принцип методологического индивидуализма *stricto sensu* не исчерпывает парадигму акционизма. Чтобы пользоваться ею,

недостаточно обратиться к индивидуальным действиям — необходимо понять способ, которым они порождают социальные явления, и прежде всего располагать средствами объяснения индивидуального действия. Здесь возможны два пути: или свети индивидуальное действие к социальному детерминизму, пусть и опосредованному, как у Пьера Бурдьё, габитусом, или видеть в таком действии результат интенциональности. Первый путь ведет к трактовке действия как продукта, обусловленного социальными структурами, и логически отсылает к социологическому анализу последних. Второй, единственно совместимый с принципом методологического индивидуализма, напротив, предполагает, что действие не полностью детерминировано, что оно частично зависит от осознания актером ситуации, в которой он находится, и выбора, который он осуществляет.

Здесь мы снова сталкиваемся с критикой. Рассматривая действие таким образом, не наделяем ли мы актера абсолютной свободой воли? Не ускользнули ли мы из ловушки идеологического индивидуализма, чтобы оказаться в плену у метафизики свободы? Дело не только в том, чтобы не забывать, что всякое действие контекстуально, а свобода — лишь выражение относительной автономии. Если мы принимаем эту концепцию, то социологическое объяснение с необходимостью проходит через воссоздание интенциональности актеров, то есть через понимание. Однако нужно еще, чтобы оно было возможно (не будучи Цезарем, можно ли понять Цезаря?). В действительности, требование понимания можно удовлетворить лишь при двух условиях. Первое — это знание системы ограничений, которым подвергается актер. Этот контекст определяется не только объективными внешними условиями — он включает в себя то, что можно было бы назвать внутренним контекстом индивида, например, результаты его социализации, с точки зрения принятия определенных ценностей, интериоризации норм, представлений о ролях, когнитивных схем, способов решения проблем. Таким образом, понимание никогда не является непосредственным, оно покоится не на эмпатии, идентификации или интуиции, но на сборе точной информации. Чаще всего оно предполагает проведение глубокого исследования. Второе условие, одновременно составляющее второй принцип акционизма, — наделение актера рациональностью. Если совсем не обязательно быть Цезарем, чтобы понимать смысл действий Цезаря, то, по крайней мере, необходимо обладать общим с ним рациональным началом.

Как и предыдущий, этот принцип, связанный со спецификой наук о духе (человек является одновременно объектом и субъектом познания), также стал предметом ряда критических замечаний. Самые распространенные касаются определения актера как полностью рационального индивида. Провергнуть их не составляет труда. Наделение социального актера способностью действовать рационально вовсе не означает, что все его поступки определяются этой рациональностью, а иррациональное отсутствует. Это означает лишь то, что необходимость постулировать рациональность актера связана со стремлением понять его поведение, т.е. рационально воссоздать его. В этом смысле можно сказать, что в акционистской парадигме рациональность, как и индивидуализм, является методологической.

8.13 Понятие рациональности

Другие, более серьезные возражения, касаются самого определения рациональности. Как известно, ее трудно определить однозначно. В зависимости от исследователя и научной дисциплины, например, социологии или экономики, рациональными могут считаться как действия, объективно приспособленные для достижения поставленных индивидом целей, так и действия, согласующиеся с его предпочтениями и разделяемыми им ценностями, а также действия, связанные с утилитарным расчетом, с помощью которого индивид стремится максимизировать прибыль и минимизировать издержки. При таком подходе существует опасение, что понятие рационального может потерять всякую действенность, будучи слишком широким или, наоборот, слишком узким, ограниченным только одной концепцией. Одной из заслуг акционизма как раз и стало определение этого понятия и превращение его в настоящий инструмент анализа. Для этого Раймон Будон предлагает оставить поиски «формального» определения рациональности ради семантического определения, учитывающего причины поведения, которое позволяло бы избежать, с одной стороны, ограничения причинами, имеющими объективное основание (что не допускало бы участия необъективных причин, как, например, приверженность к определенным ценностям), а с другой стороны — принятия любой причины, каким бы ни было ее содержание. Таким образом, рациональным будет «всякое поведение, которому можно дать следующее объяснение: X имел достаточные основания, чтобы сделать Y, потому что... — не рискуя встретить сопротивление и не ощущая несообразности своего поступка». Это определение рацио-

нальности прекрасно разрешает вышеупомянутое затруднение. Принимая все разнообразие возможных причин (интерес, ответственность, уважение норм, приверженность традиции, вера в определенную теорию и т.п.), оно не сводит рациональное поведение лишь к утилитаристскому поведению (в чем часто упрекали экономистов) и вместе с тем позволяет отличать его от поведения иррационального, поскольку последнее необоснованно. Однако это не означает, что рациональность актера всегда легко восстанавливается. Необходимо знать контекст, а также представления о нем и его оценку актером, которые зависят от доступа актера к информации и его априорных представлений; к тому же необходимо учитывать, что актер совсем не обязательно стремится к оптимальному действию и часто довольствуется первым же решением, которое приносит ему минимальное удовлетворение. Принцип рациональности является необходимым при объяснении социальных явлений, поскольку он позволяет их понять, но применять его довольно сложно. «Социолог имеет преимущество, рассматривая социального актера как рационального индивида», но он никогда не может быть полностью уверен в подлинности рациональной реконструкции, которую он предлагает. Правдоподобность какой-то одной причины еще не гарантирует, что она является достаточным основанием для действия.

8.14 Эффект сложения

Несмотря на это, необходимо также — если мы хотим с помощью акционизма понять макросоциальные явления — ввести третий принцип: существование эффекта сложения. Он может выражаться в различных формах. Самая простая — результат простого суммирования индивидуальных поступков. В этом случае для объяснения макросоциального явления достаточно понимания индивидуальных действий.

Вместе с тем некоторые социальные явления нельзя свести к такому суммированию. Создается впечатление, что они живут собственной жизнью. Именно это и объясняет, почему акционизм, когда его сводят к принципам методологического индивидуализма и рациональности, не воспринимается непосредственно как очевидный аналитический инструмент — всегда можно указать явления, которые, как кажется, от него ускользают. Это ограничение не оправдывает возвращения к холизму, а предполагает лишь необходимость допущения, согласно которому сложение индивидуальных поступков может, очевидно, производить

эффект *sui generis*, или «эмерджентный эффект». Типичный пример такого эффекта — крах на бирже. Никто из актеров не желает спровоцировать крах, но тем не менее он является результатом их действий. Такой эффект можно квалифицировать как «непредвиденный», поскольку он одновременно является ненамеренным и нежелательным. Кстати, этот термин Раймон Будон употреблял в своих первых работах, посвященных эффектам подобного рода; однако недостаток данного термина в том, что он уже термина «эмерджентный эффект», и в том, что его невозможно применить в случаях, когда такой эффект является ненамеренным, но желательным или намеренным и желательным, даже если он и не соответствует интенциональности индивидуальных действий.

Эти эффекты являются продуктом целого комплекса форм сложения. Из них можно выделить две: ситуации взаимозависимости, при которых сложение действий не зависит от воли актеров, а иногда даже ускользает от их сознания, и ситуации взаимодействия, при которых актеры реагируют на действия друг друга, не имея возможности полностью предвидеть, что за этим последует. Последний принцип особенно важен для понимания тех областей, в которых применима парадигма. Он, в частности, показывает, что эта парадигма не подразумевает социальной изоляции, а, в противоположность тому, в чем ее упрекают противники, предполагает учет отношений между индивидами, включая те, которые принимают форму взаимодействия.

Прежде чем рассматривать применение этой парадигмы, необходимо подчеркнуть важность только что предложенной формализации, сводящей акционизм к трем принципам: принципу методологического индивидуализма (всякое макросоциальное явление — это результат индивидуальных поступков), принципу рациональности (большинство индивидуальных поступков рационально, следовательно, поддается пониманию), принципу эффекта сложения (макросоциальные явления отражают эффект простого или комплексного сложения индивидуальных поступков). Такая формализация придает акционизму ясность, чего нельзя сказать ни о генетическом структурализме Пьера Бурдьё, ни даже о парадигме структурами Энтони Гидденса, относящихся к тому же уровню теоретического обобщения. Эта ясность не исключает определенной сложности, заметной, например, в связи с разработкой понятия рациональности, впрочем, еще не полностью завершённой. Но, главное, она позволяет эффективно использовать данную парадигму и составляет один из элементов ее успеха.

8.15. Применение акционизма в разных направлениях теоретического социологического исследования

Трудно говорить о школе акционизма в том смысле, в каком говорили о школе Дюркгейма, а сегодня говорят о школе Бурдьё или о школе Турена. Лишь серия «Социологии» в издательстве «Пресс Университер де Франс», возглавляемая Раимоном Будоном, в которой было опубликовано большинство работ, вписывающихся в контекст данной парадигмы, могло бы свидетельствовать о движении в этом направлении. Акционизм в том виде, в каком он был разработан Раимоном Будоном и Франсуа Буррико, не претендует на роль особого направления, которое привело бы к появлению сразу же узнаваемых и по содержанию и по форме работ. Зато он выступает как один из важнейших источников обращения для традиционной и современной социологии. Тем не менее — по крайней мере, в отношении французской социологии наших дней — можно рассмотреть те исследования, которые непосредственно на него опираются, и, таким образом, показать его эвристическое значение. Их можно разделить на две категории, даже если, как часто бывает, какое-то исследование принадлежит одновременно к обеим категориям. Первая связана с критическим анализом существующих теорий, вторая — с их оригинальным применением.

Первый тип исследований вписывается в работу теоретической мысли, которую можно было бы счесть несколько второстепенной. Однако он играет очень важную роль, поскольку иллюстрирует как функционирование парадигмы, так и возможности ее операционализации. Это видно, например, в работе Раймона Будона, где он анализирует объяснение, данное Максом Вебером распространению протестантских сект в Соединенных Штатах. Шаг за шагом рассматривая предложенную теорию, он показывает, как Вебер использует методологический индивидуализм и принцип рациональности. Для разрешения загадки этого религиозного феномена в условиях современного общества, затронутого секуляризацией, Макс Вебер исходит из индивидуальных поступков и значения, которое им придают их авторы. Во-первых, он констатирует безличный характер определенной части взаимодействий, отчего возникает вопрос об установлении доверия между незнакомыми партнерами. Как какой-нибудь банкир может удостовериться в надежности и платежеспособности своего клиента? Обычно эта проблема решается благодаря наличию определенных признаков (внешний вид, манера поведения, фамильное имя и т.п.), позволяющих социально иден-

тифицировать индивида. Однако в американском обществе — обществе новом, основанном на социальной мобильности и мифе о равных возможностях — символы социальной стратификации гораздо менее ясны, чем в европейских странах. Какие же тогда существуют гарантии? Необходимо обратиться к анализу социального контекста. Отсутствие очевидных признаков социальной стратификации еще не означает, что ее вообще не существует. Протестанты составляют общепризнанную элиту. Следовательно, со стороны индивида, желающего представить социальные гарантии, будет разумным принадлежать к одной из протестантских сект, тем более, что секты конкурируют друг с другом и заинтересованы в жестком контроле за добропорядочностью своих членов.

Проявление операциональных возможностей акционистской парадигмы не ограничивается авторами, которые ее придерживались. Чрезвычайно интересный аспект аналитического рассмотрения различных теорий связан с обнаружением акционистских рассуждений у авторов, которые должны были бы быть очень далеки от нее.

Перечитывая «Самоубийство» — выражение социологизма *rag excellence* (объяснять социальное социальным) — Раймон Будон показывает, что в этом труде Дюркгейм не всегда соблюдает свои собственные принципы. Его объяснение самоубийства с помощью макросоциального закона, согласно которому оно варьирует в обратной зависимости от степени интеграции в общество — религиозное, родственное и политическое, — не мешает ему изучать причины, которые в определенных обстоятельствах (принадлежность к одной из трех религий: иудаистской, протестантской или католической) делают индивида в большей или меньшей степени защищенным от искушения самоубийства. Таким образом, на чисто социологическом объяснении, данном школой Дюркгейма, в некотором смысле паразитирует анализ понимающего типа. Впрочем, это не единственный пример акционистского рассуждения, которое Раймон Будон обнаруживает у Дюркгейма: теория магии, развитая в «Элементарных формах религиозной жизни», также его демонстрирует. Отказываясь от объяснения магических верований с помощью столь дорогого Леви-Брюлю примитивного мышления, Дюркгейм предлагает другое, гораздо более убедительное. Люди разделяют магические представления о мире совсем не потому, что они «примитивны»: во-первых, они не привыкли устанавливать причинно-следственные связи, во-вторых, система верований, которой они обладают, предполагает ма-

гическое воздействие и, наконец, любому индивиду очень трудно подвергнуть свои представления какой бы то ни было фальсификации, получить опровержение фактов. Таким образом, магические верования не связаны с полной иррациональностью, они вполне могут быть объяснены рационально.

Другим примером обращения к акционизму у авторов, имя которых обычно с ним не связывают, является марксова теория тенденции нормы прибыли к понижению. Как показывает Раймон Будон, Маркс объясняет этот феномен, используя именно акционистское рассуждение. В капиталистическом мире, где господствует конкуренция, предприниматели могут сохранить норму прибыли, лишь увеличивая производительность труда. Для этого они вынуждены развивать механизацию, которая, уменьшая долю рабочего труда, уменьшает и прибавочную стоимость. Таким образом, увеличение производительности с помощью механизации является рациональным выбором и приводит к постепенному понижению нормы прибыли. Этот пример особенно интересен тем, что демонстрирует одновременно и применение методологического индивидуализма, и проявление «непредвиденного» эффекта. Очевидно, что предприниматели не желают снижать свои прибыли, но если учесть контекст, в котором они находятся, станет заметно, что, стремясь их сохранить и увеличить, они провоцируют обратный результат,

Кроме анализа теорий, к этой категории работ нужно еще отнести предисловия и переводы трудов Зиммеля, Хиршмана, Гидденса, Шеллинга и др., а также изложение работ, например, творчества Парето, тесно связанных с социологией действия. С этой точки зрения, акционистское течение решительно повлияло на расширение французского социологического кругозора.

Видимо, было бы неправильно ограничивать эту первую категорию исследований лишь выявлением связей некоторых работ с парадигмой акционизма. Чрезвычайно важное значение имеет также деконструкция ошибочных теорий, относящихся к другим парадигмам. Примеры подобного анализа можно найти в работах Франсуа Шазеля о коллективном действии или Мохаммеда Шеркауи об образовательном успехе. Но самой яркой иллюстрацией является работа Раймона Будона «Место беспорядка». В ней Будон последовательно рассматривает различные теории социальных изменений, обнаруживает их неспособность объяснить эмпирические данные, их беспомощность в прогнозировании и предлагает в рамках акционизма гораздо менее амбициозное, но более адекватное теоретическое обоснование.

8.2 Концепция методов общественных наук Ричарда Рорти

Ричард Рорти в своем труде «Method, Social Science and Social Hopes («Метод, социальная наука и социальные надежды»)/Consequences of Pragmatism (Essays: 1972—1980), Hassocks: Harvester Press P. развивает концепцию методов общественных наук. По его мнению, Кун и Дьюи предложили отказаться от представления о научном путешествии к цели, именуемой «соответствие с реальностью», и ограничиться *только лишь* высказываниями о том, что данный словарь работает для данной цели лучше, чем другой словарь. Приняв предложение, пишет автор, мы избавимся от склонности спрашивать: «Какой метод используют ученые?» Или, точнее говоря, мы придем к заключению, что в пределах того, что Кун называет «нормальной наукой» — то есть деятельности по решению задач, — они используют те же банальные и очевидные методы, которые мы все применяем в своей повседневной жизнедеятельности. Они сравнивают, по мнению Рорти, примеры с критериями, они замазывают контрпримеры, чтобы избежать необходимости придумывать новые модели, они пробуют наудачу разные догадки, сформулированные на существующем в данный момент жаргоне, надеясь наткнуться на что-нибудь, на язык конструктивной системы, позволяющий выразить и факты «картины мира», и научные законы без обращения к общим понятиям.

8.21. «Свободная-от-оценок» в методологии науки об обществе и «герменевтическая» социальная наука

Рорти считает, что представление о том, что изучение человека и общества является «научным» лишь тогда, когда сохраняет верность галилеевской модели — то есть использует «ценностно-нейтральные», сугубо дескриптивные выражения для формулировки предсказаний и обобщений, оставляя их оценку «политиканам», — недавно породило реакцию протеста.

С предлагаемой автором точки зрения, сама идея «научности» или выбора между «методами» выглядит результатом путаницы. Отсюда вопрос о том, должны ли представители общественных наук стремиться к ценностной нейтральности в духе Галилея, либо же им стоит попробовать что-нибудь более уютное, аристотелевское и «мягкое» — особый «метод гуманитарных наук», — кажется мне вводящим в заблуждение.

Одной из причин возникновения спора стало все более ясное осознание того обстоятельства, что какие бы термины ни использовались для описания людей, они становятся *оценочными* терминами. Предложение отделять «оценочные» термины в языке и использовать их отсутствие в качестве критерия «научного» характера какой-либо дисциплины или теории невыполнимо. По мнению Рорти, попросту не существует способа предотвратить «оценочное» использование *любого* термина. Если вы спросите кого-нибудь, использует ли он термины «репрессия», «примитивный» или «рабочий класс» нормативно или дескриптивно, он сможет дать ответ лишь применительно к конкретному высказыванию, сделанному в конкретной ситуации.

Предположим, пишет Рорти, мы рисуем образ «свободного-от-оценок» специалиста в области социальных наук, который приближается к линии, разделяющей «факт» и «ценность», и вручает свои предсказания разработчикам политических решений, живущим по другую сторону границы. Эти предсказания не принесут большой пользы, если не содержат тех выражений, которые разработчики политических решений употребляют в своем кругу. По-видимому, разработчикам политических решений понравились бы богатые, сочные предсказания типа: «Обобществление тяжелой промышленности приведет (или не приведет) к снижению уровня жизни», или «С распространением всеобщей грамотности на выборные должности все чаще (или все реже) будут избирать честных людей». Если же они получают предсказания, сформулированные на стерильном жаргоне «количественных» общественных наук («максимизирует удовлетворенность», «усиливает конфликт» и т.п.), то они либо игнорируют такие предсказания, либо — что опаснее — начинают использовать этот жаргон, рассуждая на темы морали. Тягу к некой новой, по его мнению, «интерпретативной» науке, на мой взгляд, можно лучше всего понять как реакцию на искушение формулировать социальную политику в терминах настолько сухих, что их вообще трудно рассматривать в качестве «моральных» — терминах, без труда обнаруживающих свою дефинитивную связь с понятиями «боли», «удовольствия» и «власти».

8.22. Спор о методе

Рорти считает, что расхождения между теми, кто стремится к «объективной», «ценностно-нейтральной», «подлинно научной»

социальной науке, и теми, кто полагает, что последнюю нужно заменить чем-нибудь более «герменевтическим», ошибочно описываются как спор о «методе». По его мнению, всякий спор о методе предполагает, что существует общая цель, а разногласия касаются лишь способов ее достижения. Однако в нашем случае две стороны спорят не о том, как получить более точные предсказания или что произойдет, если определенная политика получит практическое воплощение. Ни одна из сторон до сих пор не добилась сколь-нибудь впечатляющих успехов в такого рода попытках предсказывать ход событий, и если кому-нибудь вдруг удастся найти способ это делать, обе стороны с превеликим энтузиазмом позаимствуют новую стратегию. Несколько лучшее, но все еще неточное представление о сути спора можно получить, если рассматривать его как противостояние двух конкурирующих целей социального «исследования-объяснения» и «понимания». В сравнительно недавних публикациях это противопоставление рассматривается в свете другого противопоставления: между определенным научным жаргоном, позволяющим осуществлять обобщение в галилеевском духе (и находить примеры, подтверждающие или опровергающие эти обобщения, следуя сформулированным Гемпелем правилам), и жаргоном другого рода, жертвующим возможностью обобщать ради возможности описывать события и поступки с помощью *того же* словаря, который используется в их оценке (словаря, который грубо можно обозначить как «телеологический»).

Это противопоставление вполне реально. Но это не тот спор, который можно разрешить. Это различие, с которым приходится жить. Идея, будто понимание и объяснение представляют собой взаимоисключающие способы заниматься социальными науками, столь же неверна, как и представление о том, что микроскопические и макроскопические описания — это взаимоисключающие способы заниматься биологией. Если вы работаете с бактериями или коровами, в огромном множестве случаев вам понадобятся их биохимические описания. Однако для столь же большого числа задач биохимические описания окажутся лишь досадной помехой. Сходным же образом, имея дело с человеческими существами, вы сможете чрезвычайно успешно использовать их описания в безоценочных, «нечеловеческих» терминах для множества различных целей, но в других целях — например, для рассмотрения людей как своих сограждан в обществе, — такие описания будут бесполезны. Объяснение, с точки зрения Рорти, — это просто такое понимание, к которому мы стре-

мимся в целях предсказания и контроля. Оно отнюдь не противостоит чему-то, называемому «пониманием», как абстрактное противостоит конкретному, или искусственное — естественно-му, или «репрессивное» — «освободительному». Утверждение о том, что нечто может быть лучше «понято» при использовании одного, а не другого словаря — это всегда эллиптический пропуск само собой разумеющегося утверждения о том, что описание в предпочитаемом словаре полезнее для конкретной цели. Если целью является предсказание, мы захотим использовать один словарь. Если речь идет об оценке — мы используем другого рода словарь либо попытаемся уклониться от его использования. (Так, например, при оценке точности артиллерийского огня прекрасно подойдет словарь баллистики, а при оценке характера человека окажется совершенно неуместен словарь стимулов и реакций.)

8.23. Словарь социальных наук

Подводя итог этим рассуждениям, говорит Рорти, можно сказать, что существует два различающихся требования к словарю социальных наук:

- 1) этот словарь должен содержать такие описания ситуаций, которые дают возможность их предсказания и контроля над ними;
- 2) этот словарь должен быть полезен при принятии решения о том, что следует делать.

«Свободная-от-оценки» социальная наука предположила, что «бихевиористский» словарь соответствует первому из требований. Это предположение не слишком-то и оправдалось: последние пятьдесят лет исследований в области социальных наук не привели к существенному увеличению нашей способности делать предсказания. Но даже если бы дело обстояло иначе и мы преуспели в предсказаниях, это *не обязательно* привело бы к выполнению второго требования. Это не обязательно было бы полезно для ответа на вопрос о том, что следует делать. Диспут между поклонниками ценностной нейтральности и поклонниками герменевтики основан на принятии в качестве само собой разумеющегося предположения о том, что удовлетворить одно из этих требований невозможно, не удовлетворив другое. Друзья герменевтики протестовали против применения бихевиористского языка для «понимания» людей, имея в виду, что он не может ухватить смысл того, что люди делают «на самом деле». Но это лишь ошибочный способ сказать, что бихевиористский

словарь мало подходит для моральных размышлений. И наоборот, сторонники концепции «свободы от оценок», непоколебимо уверенные в том, что как только общественные науки найдут своего Галилея (о котором каким-то образом заранее известно, что он будет бихевиористом), первое требование будет удовлетворено, доказывали, что наш долг заключается в том, чтобы начать делать предсказания в соответствующих сухих терминах, предоставив нашей «этике» возможность стать «объективной» и «научно обоснованной». Ведь только в этом случае мы сможем извлечь максимальную пользу из всех тех чудесных предсказаний, которыми мы вскоре будем располагать. Обе стороны совершали одну и ту же ошибку, полагая, что существует какая-то внутренняя взаимосвязь между первым и вторым требованиями. Ошибка полагать, что, зная каким должно быть честное и уважительное обращение с личностью или с обществом, мы *таким образом* знаем, как предсказывать и контролировать личность или общество. Но также ошибочно полагать, что наша способность предсказывать и контролировать *непрерывно* может в таком обращении.

Утверждения о том, что лишь определенный словарь *подходит* для изучения людей или человеческого общества, что лишь *этот* словарь позволяет «понимать» их — это новое воплощение восходящего к семнадцатому веку мифа о «Языке Самой Природы». Если, вслед за Дьюи, пишет Рорти, мы рассматриваем словари как инструменты для работы с вещами, а не репрезентации внутренне присущей вещам природы, нам не придет в голову, что «объяснению» и «пониманию» присуща внутренняя взаимосвязь, или внутренняя противоположность: нет никакой необходимой связи или противоположности между способностью предсказывать или контролировать поведение определенного рода людей и способностью воспринимать их как своих полноправных сограждан. А значит, мы не станем думать, что существуют два «метода»: один — для объяснения поведения какого-то человека, а другой — для понимания его природы.

8.24. Интерпретативные методы

Сформулируем, пишет Рорти, это иначе: если мы рассматриваем «сообщение», которое несет в себе окаменелость, как текст, то мы вполне можем сказать, что на ранних стадиях своего развития палеонтология использовала «интерпретативные» методы. Иначе говоря, палеонтологи искали какой-то способ осмыслить происходящее с помощью такого словаря, который описы-

вал бы загадочный объект через соотнесение с другими, более знакомыми объектами, превращая загадку в нечто интеллигентное. Прежде чем эта научная дисциплина достигла стадии «нормальной науки», никто не имел ни малейшего понятия о том, из какого рода вещей следует исходить, чтобы предсказать, в каких еще местах могут быть найдены подобные окаменелости. Говоря, что нынешняя палеонтология — это наука, мы имеем в виду примерно следующее: «Ни у кого не осталось ни малейших сомнений относительно того, какого рода вопросы следует задавать и какого рода гипотезы можно выдвигать, столкнувшись с непонятной окаменелостью». Как мне кажется, действовать «интерпретативно», или «герменевтически», означает не столько следовать какому-то особому методу, сколько просто изыскивать словарь, который мог бы помочь. Когда явился Галилей со своим математизированным словарем, это было успешным завершением длительных изысканий, которые можно назвать «герменевтическими» в том единственном смысле, который я способен усмотреть в последнем термине. То же самое верно и для Дарвина. Рорти пишет, что он не видит никаких эпистемологически интересных различий между тем, чем занимались Галилей и Дарвин, и тем, чем заняты библейские экзегеты, литературные критики или историки культуры. Таким образом, я не усматриваю никакой опасности в принятии термина «герменевтическая» для той охоты на удачу, которая должна вести к изобретению новой терминологии и неизбежно характеризует ранние стадии становления любого исследовательского направления.

Этот термин не может причинить никакого вреда, но и особой пользы в нем тоже нет. В том, чтобы мыслить о людях либо окаменелостях, следуя «модели текста», ничуть не больше толку, чем в том, чтобы мыслить о текстах, держа в уме модель человека или модель окаменелости. Это кажется полезным только в том случае, если мы подразумеваем нечто особенное, говоря о текстах, например, что они «интенциональны» или могут быть осмыслены только «холистски».

Теперь, по его мнению, следует, исходя из описанной установки, предложить объяснение тому факту, что некоторые люди действительно думают, что тексты принципиально отличаются от окаменелостей. Рорти полагает, что люди исходят из ошибочной посылки, будто бы чей-то *собственный* словарь всегда является наилучшим словарем для понимания того, что этот кто-то делает, что его собственное объяснение происходящего — это именно то, в чем мы нуждаемся. Эта ошибка кажется ему

частным случаем неверной идеи, будто бы наука пытается изучить тот словарь, с помощью которого вселенная объясняет себя себе же самой. В обоих случаях мы предполагаем, что экспланандум (т.е. то, что мы пытаемся объяснить) обладает неким эпистемическим равенством, или даже превосходством по отношению к тем, кто дает объяснение. Но это не всегда верно даже по отношению к нашим братьям-людям, а в случае природы это попросту реликт догалилеевского антропоморфизма. В конце концов, бывают случаи, когда предлагаемые другой личностью или другой культурой объяснения того, что там происходит, носят столь примитивный характер, что мы от них с полным основанием отмахиваемся. Единственное универсальное правило герменевтики состоит в следующем: прежде чем формулировать наши собственные гипотезы, всегда имеет смысл спросить, что *думают* о происходящем те, кого мы исследуем. Но это правило, по его мнению, — всего лишь попытка сэкономить время, а не поиск какого-то «истинного смысла» поведения. Если обнаружится, что «экспланандум» располагает хорошим словарем для объяснения своего поведения, нам не понадобится изыскивать собственный. С этой точки зрения, единственное различие между окаменелостью и надписью заключается в том, что мы легко представляем себе возможность наткнуться на другую надпись, дающую толкование первой. В противоположность этому, мы будем описывать отношение между первой окаменелостью и окаменелостью, найденной позднее — отношение, возможно, проливающее даже больший свет на значение обеих, — в неинтенциональном словаре.

В дополнение к ошибочному представлению о том, что собственный словарь субъекта всегда релевантен для описания его поведения, философы, абсолютизирующие различие между человеческим и природным, подобно позитивистам находятся под чарами представления о том, что якобы нередуцируемость одного словаря к другому имеет некий онтологический смысл. И все же обнаружение того обстоятельства, что мы можем или мы не можем редуцировать язык, изобилующий терминами типа «относится к» или «истинно для», «указывает на» и т.п., либо другой язык, содержащий термины «убежден» или «намеревается», к языку, являющемуся экстенциональным и эмпирицистским», не скажет нам абсолютно ничего относительно того, как нам предсказывать или менять поведение носителей данного языка (или интенциональных субъектов).

8.25. Экстенциональные и интенциональные языки

Экстенциональные языки — языки, все *контексты* которых экстенциональны, т.е. допускают заменяемость равных («синонимичных») высказываний. Если правила тождества и замены полностью определены внутри языка, являются его внутренней характеристикой (грубо говоря, не зависят от того, *кто* и при каких обстоятельствах пользуется языком), то никаких ограничений на замену в любых контекстах употребления возникнуть не может. Противоположное свойство формальных и естественных языков — *интенциональность* — подразумевает, что правила замены зависят от модели референции, т.е., упрощая, от знаний, убеждений и т.п. свойств субъекта, использующего язык. Понятие «интенциональности», для целей нашего изложения, можно считать почти совпадающим с неоднократно обсуждавшимся нами ранее понятием «интенциональности» — в положении элементарных физических частиц, из которых субъект состоит.

По мнению Рорти, подлинная причина того, почему невозможность редукции приобретает всю свою иллюзорную значимость, заключается в том, что эта невозможность представляет собой *действительно* важное условие для проведения *морального* различия между бесчувственными тварями и нами. Так, в поисках релевантных этому различению поведенческих особенностей, мы традиционно выделяли нашу способность *знать*. В предшествующие века мы совершали ошибку, гипостазируя когнитивное поведение как свидетельство обладания «разумом», или «сознанием», или «идеями» и настаивая далее на нередуцируемости внутренних репрезентаций к их физиологическим коррелятам. Мы перешли от Разума к Языку как обозначению той квази-субстанции или квази-способности, которая делает нас морально отличными от других живых существ. И вслед за этим, пишет Рорти, современные нам защитники человеческого достоинства стали упорно доказывать нередуцируемость семантического вместо нередуцируемости психического.

До тех пор, считает автор концепции, пока мы будем размышлять о знании как репрезентации действительности, а не о средстве совладать с последней, до тех пор сознание и язык будут по-прежнему казаться «божественными». «Материализм» или «бихевиоризм», как и вся галилеевская традиция, будут по-прежнему восприниматься как нечто морально сомнительное. Мы будем вновь и вновь наткаться на эту идею «репрезентации» или «соответствия действительности», пока мы исходим из убеждения, что существует некая аналогия между названием вещей

их «правильными», т.е. привычными, именами и открытием «правильного», т.е. свойственного «Самой Природе», способа описывать их. Но если мы сможем отказаться от этой метафоры и соответствующего репрезентационного словаря, язык сознания утратит свой загадочный характер, а «материализм» и «бихевиоризм» перестанут казаться такими уж опасными. Если такие рассуждения верны, пишет автор, нам следует думать о нашем особом моральном статусе просто *как таковом*, не пытаясь «обосновать» его через обладание разумом, языком, культурой, чувствами, интенциональностью, текстуальностью или чем-то там еще. Все эти священные понятия, выраженные в том или ином псевдо-объяснительном жаргоне, лишь передают наше осознание того факта, что мы являемся членами какого-то морального сообщества. Это осознание не может быть «обосновано» далее, ибо оно сводится к простому принятию определенной точки зрения на других людей как наших собратьев. Вопрос об «объективности» этой точки зрения лишен всякого смысла.

8.3 Интерпретативная методология Питера Уинча

Отличаясь многообразием «интеллектуальных корней», интерпретативная методология сохраняет некоторое фундаментальное единство, позволяющее рассматривать ее как исследовательскую программу в широком смысле.

8.31 Принципы интерпретативной методологии

Можно выделить несколько основополагающих принципов, которые вполне претендуют на то, чтобы быть названными основаниями данной концепции.

Во-первых, сторонники этой исследовательской программы отрицают тезис «единства метода».

Во-вторых, они полагают, что в социальных и гуманитарных науках следует использовать особый тип объяснения, отличающийся от объяснения в естественных науках, так как социальное и гуманитарное знание описывает уникальный объект — людей, обладающих сознанием и наделяющих свои поступки *смыслом* (или *значением*), что, по всей видимости, нехарактерно для физических объектов и событий.

В-третьих, предполагается, что для исследования осмысленного произвольного поведения сознательных человеческих существ должен применяться особый, *понимающий* метод. В

некоторых трактовках (герменевтика) этот метод основан на *семантическом объяснении*, в других — на *интерпретации*, объединяющей семантическое объяснение с научным.

Натуралистские и функционалистские модели (Гемпель, Парсонс) столкнулись с проблемой неадекватности рационалистских объяснений действия, в которых одновременно: а) в объяснении использовались *общие законы*; б) желания и убеждения (мотивы) действующего рассматривались как *причины* поступков.

Стремление дать искомое объяснение на иных основаниях, в рамках другой логики исследования играло важную роль в развитии интерпретативного подхода. Идея смысловой нагруженное™ социального действия всегда относилась к устойчивому «концептуальному ядру» понимающей социологии. Но в вопросе о методе, с помощью которого ученый может проникнуть в смысл поступков других людей, особенно принадлежащих к иной культуре, эпохе или социальному слою, существовали (и продолжают существовать) различные точки зрения. Классические ответы — эмпатическое понимание, *verstehen* — воспринимались все более критически.

Попытка построить ненатуралистскую модель объяснения действия, основанную на понятиях «*правила*» и «*следования правилу*», была предпринята П. Уинчем в книге «Идея социальной науки» (1958).

П. Уинч использует в качестве фундамента своих рассуждений определенную трактовку взглядов Л. Витгенштейна на природу языкового значения («языковая игра» — это всегда игра по меньшей мере двоих, а критерии применимости слова в определенной ситуации носят принципиально *публичный* характер), а также изложенную в «Философских исследованиях» критику концепции «*приватного*» (*индивидуального*) языка. Витгенштейн обосновывает «грамматическую» сводимость любых описаний душевной жизни к публичным, «ориентированным-на-других» ситуациям их использования, а также социальный характер критериев применимости соответствующих высказываний. Правила (в том числе правила употребления слов) здесь по определению являются *разделяемыми*, используемыми совместно с другими людьми.

8.32. Понятие социального, как соотнесенность с правилами

Исходя из этого круга идей, Уинч строит свое «понятие социального» как носящего *публичный характер следования пра-*

вилам. Согласно Уинчу, действие является социальным лишь в той мере, в которой оно определяется правилами и происходит внутри какой-либо «языковой игры». Публичный, социальный и опосредованный языком характер действия гарантирует его осмысленность и *интеллигибельность* с точки зрения всех агентов, включенных в ту же самую «форму жизни». Основываясь на ключевой роли правил и языковых значений в том, «что мы подразумеваем под человеческим обществом», Уинч пытается доказать, что из этого следует *логическая несовместимость* целей и методов объяснения в социальных науках с *причинными обобщениями и законами*, на которых строится естественнонаучное объяснение.

Соотнесение с правилом позволяет, по Уинчу, установить смысл действия либо обнаружить смысловую эквивалентность двух физически различных поступков (т.е. правило выступает как *критерий идентификации* действия). Вслед за Витгенштейном, он определяет «следование правилу» в терминах самого действия, а не знания правил или стремления им следовать (что для Витгенштейна служило доказательством сугубо прагматической и ограниченной возможностями языка природы самих правил):

«Проверка того, являются ли действия личности применениями правила, основана не на том, может ли личность сформулировать это правило, а на возможности провести имеющее смысл различие между правильным и неправильным способами действия».

При таком определении любое субъективно осмысленное поведение оказывается следующим правилу (т.е. отношение между правилами и действиями рассматривается как *конститутивное*).

Причинные связи, по мнению Уинча, не могут играть какую-либо роль в объяснении поведения, так как всякая причина — не исключая субъективные основания, «резоны» действующего, — находится во внешнем отношении к объясняемому действию, не имеющем ничего общего с логически необходимой, внутренней связью между правилом и действием. Внутренняя связь мотива (желания), правила и действия может быть описана *обособленной моделью «следования правилу»*: «Если вы хотите Y и убеждены, что X — это средство добиться Y, делайте X».

Критики Уинча неоднократно указывали на то, что такая логическая связь между мотивом, правилом и действием является простой тавтологией, особенностью описания всякого интел-

лигибельного действия в языке (аргумент «Логической связи», см. также критику интенционалистских моделей Скиннером). Многие отмечали, что предлагаемый Уинчем подход делает неразрешимой задачу различения следования правилам и отклонения от правил: любой практический поступок можно представить как следование правилу, описывающему этот поступок, либо как отклонение от какого-то другого правила (ср. у Витгенштейна: «...ни один образ действия не мог бы определяться в соответствии с каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом»). *Неопределенность правил*, принимаемая Уинчем в качестве методологического принципа (правило не указывает на конкретный исход действия, а лишь ограничивает возможные альтернативы), ведет к тому, что основанные на правилах объяснения сталкиваются с той же проблемой «слабой» детерминации, что и причинные теории: правило может применяться либо игнорироваться действующим, последний может использовать правило «с дальним умыслом», имея в виду совершенно иные цели, или просто делать исключение из правила.

Далее, относительно множества устойчивых практик кажется нелепым говорить о возможном правиле: что значит «ходить гулять по правилам» или «курить по правилам» (А. Макинтайр)? Еще менее обоснованной представляется позиция Уинча в вопросе о полезности и адекватности причинно-следственных объяснений в социальных и гуманитарных науках. Можно привести множество примеров адекватных (хотя не обязательно, что все они полностью проясняют ситуацию). В частности, люди ищут работу, потому что потеряли прежнюю; супруги могут развестись по причине измены одного из партнеров (Дж.Бохман). Субъективные основания действия (в том числе интересы) значительно лучше, чем правила объясняют такие виды поведения, как обман или манипулирование нормами. Люди нередко используют правила гибко, «стратегически», договариваясь, что в данной ситуации выгодно считать правилом (стратегический интеракционизм Гофмана). Категория «следования правилам» важна для полного и адекватного объяснения. Однако она может работать лишь внутри более широкой модели, включающей внешнее (с позиции наблюдателя) и внутреннее (с позиции участника) описание ситуации действия и его непредвиденных для участников последствий. Эта модель должна также учитывать объяснительные возможности «внешних» детерминант и субъективных убеждений, которыми руководствуются действующие.

8.33. Интерпретативный подход и методология социальных наук

С точки зрения теории интерпретации социальные науки могут использовать методологию интерпретации (истолкования) текста в той мере, в какой их объект обнаруживает существенные черты текста (Рикер). Объект интерпретации (текст или «аналог текста») должен отвечать следующим условиям:

— он должен обладать смыслом и, следовательно, описываться в категориях ясности, согласованности, внятности либо наоборот — запутанности, противоречивости и т.п.;

— этот смысл должен быть отличен от средств его выражения, то есть данный набор средств выражения должен быть пригоден для передачи нескольких смыслов (например, поднятая рука может толковаться как выражение поддержки, знак остановиться и т.п.);

— должен существовать субъект (индивидуальный или коллективный агент), которому приписывается производство текста или «аналога текста».

Из принципиальной *неопределенности интерпретации* следует возможность и даже желательность различных «прочтений» одного и того же текста, основанных на все более глубоко проникновении в последний. Всякая интерпретация неопределенна, зависит от целостного контекста (фона) взаимосвязанных убеждений, ценностей и практик, а также от позиции интерпретатора (универсальная герменевтика). При таком подходе возражения критиков относительно невозможности указать на нормативный критерий для выбора лучшей или более обоснованной интерпретации наталкиваются на контраргумент: выбор лучшей интерпретации тоже является всего лишь интерпретацией, более того, *всякое знание* (в том числе естественнонаучное) может рассматриваться как интерпретация.

Для подкрепления изложенной точки зрения нередко используются некоторые положения постэмпиристской философии науки (см. Введение), в частности, тезис о невозможности «сырых» фактов и нейтрального языка описания, а также положение об относительном характере эмпирического подтверждения (отдельные гипотезы могут быть подтверждены или опровергнуты только относительно всего «фона» вспомогательных гипотез и теоретических предположений).

8.34. Модель интерпретации

Модель интерпретации поведения, используемая в культурной

антропологии, основана на сближении интерпретации (научное объяснение+семантическое объяснение) и описания. Уже отмечался относительный характер разграничения развернутых описаний и объяснений. При изучении отдаленной исторической эпохи или чуждой культуры интерпретация даже элементарных поступков или жестов становится проблематичной и крайне *неопределенной*. Исследователю трудно сделать какие-либо теоретические выводы, основываясь на лишенном деталей, описании.

Проблема соотнесения «обыденных теорий», развиваемых участниками, с концептуальными построениями социолога — т.е. проблема соотнесения «внутренних» и «внешних» объяснений — в описываемой модели решается прямым (и специально не обосновываемым) постулированием *дополнительности двух видов понятий: «близких-к-опыту» и «далеких-от-опыта».*

8.4. Методологические идеи А. Шюца

Являясь сторонником феноменологической методологии, А. Шюц считает, что есть несколько подходов к формированию теории в общественных науках. Эти подходы он рассматривает как имеющие право на существование.

8.41 Методологическая ситуация в области общественных наук

Оценка А. Шюцем существующих методологических подходов с области социального познания характеризует современную методологическую ситуацию. Один из таких подходов считает, что методы естественных наук, которые повсюду привели к таким великолепным результатам, являются единственно научными методами, и они поэтому должны быть полностью применимы в исследовании человеческих проблем. Другая научная школа полагает, что существует фундаментальное различие в структуре социального мира и мира природы. Такой взгляд привел к другой крайности, а именно к выводу, что методы общественных наук отличны от методов естественных наук. В поддержку этой точки зрения был выдвинут ряд аргументов. Было отмечено, что общественные науки — идиографические, характеризуются индивидуализирующей концептуализацией; нацелены на единичные ассерторические утверждения, в то время как естественные науки — номотетические, характеризуются генерализирующей концептуацией и нацелены на общие аподикти-

ческие утверждения. Последние должны иметь дело с постоянными отношениями величин, которые могут быть измерены и подтверждены экспериментально, тогда как ни измерение, ни эксперимент не осуществимы в общественных науках. Вообще в принципе считается, что естественные науки должны иметь дело с материальными объектами и процессами, а общественные науки — с психологическими и интеллектуальными и, следовательно, метод первых заключается в объяснении, а метод последних — в понимании.

Подавляющее большинство из этих чрезвычайно распространенных утверждений при более тщательном рассмотрении оказываются несостоятельными, и по нескольким причинам. Некоторые из сторонников приведенных выше аргументов имеют довольно ошибочное представление о методе естественных наук. Другие имеют склонность отождествлять методологическую ситуацию общественных наук с методом общественных наук вообще. Исходя из того, что история должна иметь дело с уникальными и неповторяющимися событиями, они делали вывод, что все общественные науки ограничены единичными асерторическими утверждениями. Поскольку эксперименты едва ли возможны в культурной антропологии, игнорировался тот факт, что в социальной психологии, хотя бы в некоторой степени, могут успешно использоваться лабораторные эксперименты. В конце концов, и это самое главное, эти аргументы не принимают во внимание тот факт, что правила построения теорий в равной степени имеют силу для всех эмпирических наук, имеют ли они дело с объектами природы или с человеческими деяниями. И там и тут господствуют принципы обоснованного вывода и верификации, теоретические идеалы единства, простоты, универсальности и точности.

Нужно заметить, что такое неудовлетворительное состояние дел, по мнению Шюца, проистекает главным образом из того факта, что развитие современных общественных наук происходило в период, когда научная логика была связана в основном с логикой естественных наук. В ситуации, напоминающей монополистический империализм, методы последних часто объяснялись единственно научными, а специфические проблемы, с которыми сталкивались обществоведы в своей работе, игнорировались. Оставшись в своей борьбе против этого догматизма без помощи и опоры, исследователи человеческих проблем вынуждены были развивать свое собственное понимание того, какой, по их мнению, должна быть методология общественных наук.

Они делали это, не имея достаточных философских знаний, и прекращали свои попытки, когда достигали уровня обобщения, который, казалось бы, оправдывал их глубоко прочувствованное убеждение в том, что цель их исследований не может быть достигнута путем заимствования методов естественных наук без их модификации. Нет сомнения в том, что их аргументы зачастую необоснованы, формулировки недостаточны, а многочисленные недоразумения затемняют полемику.

8.42. Повседневная жизнь и познание социального мира

Известно, что в своей повседневной жизни люди имеют обыденное знание этих различных сфер социального мира, в котором они живут. Это обыденное знание не является лишь фрагментарным, хотя и ограничено преимущественно определенными участками этого мира, а также часто непоследовательно представляет все степени ясности и отчетливости, начиная с глубокого понимания, или, в терминах Джемса, «знания о» до «ознакомительного знания», или простой осведомленности, и кончая слепой верой в вещи, которые принимаются как само собой разумеющееся. Здесь имеются значительные различия между различными людьми и различными социальными группами. Но, несмотря на все эти недостатки, обыденного знания повседневной жизни достаточно, чтобы наладить взаимоотношения с людьми, культурными объектами, социальными институтами, т.е. с социальной реальностью. Это, очевидно, так, потому что мир (и природный, и социальный) с самого начала является интерсубъективным и, как будет показано ниже, наше знание о нем так или иначе социализировано. Более того, социальный мир с самого начала является миром значений. К примеру, другой человек воспринимается не как организм, а как такой же человек, а его явное поведение воспринимается не как событие в пространстве и времени внешнего мира, а как действия такого же человека, как и мы. Мы, как правило, «знаем», что делает другой, ради чего он это делает, почему он делает это именно в данное время и в данных конкретных обстоятельствах. Это означает, что мы воспринимаем действия другого человека с точки зрения мотивов и целей. И точно так же мы воспринимаем культурные объекты с точки зрения человеческого действия, результатом которого они являются. Инструмент, например, не воспринимается как вещь во внешнем мире, каковой, конечно же, он тоже является, а с точки зрения цели, ради которой он был изготовлен более или менее анонимными людьми и его возможного использования другими людьми.

Тот обстоятельство, что в обыденном мышлении мы принимаем на веру наши актуальные или потенциальные знания о значении человеческих действий и их результатов, является именно тем, что ученые-обществоведы хотят выразить, когда говорят о понимании или как технике, имеющей дело с человеческими действиями. Но это не метод, используемый в общественных науках, а особая форма опыта, в которой обыденное сознание получает знание о социально-культурном мире. Оно не имеет ничего общего с интроспекцией; это результат процессов познания или окультуривания тем же путем, что и повседневный опыт так называемого природного мира. Более того, понимание — это, вне всяких сомнений, личное дело наблюдателя, который не может быть проконтролирован посредством опыта других наблюдателей. По крайней мере он поддается контролю лишь в той степени, в какой личные чувственные восприятия индивида поддаются контролю любого другого индивида в определенных условиях.

8.43. Методологические проблемы общественных наук

Такое понимание проливает свет на некоторые методологические проблемы, специфичные для общественных наук. Заметим, что прежде всего из этого явствует: предположение о том, что строгое проведение принципов формирования понятия и теории, превалирующих в естественных науках, приведет к надежному знанию социальной реальности, внутренне противоречиво. Если теория и могла бы быть развита на таких принципах (т.е. в форме идеально чистого бихевиоризма, а это, конечно, возможно себе представить), то она ничего не сказала бы о социальной реальности как опыте повседневной жизни людей. Как говорит сам профессор Нагель, она была бы слишком абстрактной, и ее понятия, несомненно, имели бы весьма отдаленное отношение к очевидным и характерным особенностям любого общества. С другой стороны, теория, направленная на объяснение социальной реальности, должна развивать особые, незнакомые естественным наукам схемы для того, чтобы согласовываться с повседневной практикой социального мира. Это то, чем в действительности занимаются все науки о человеке — экономика, социология, юридические науки, лингвистика, культурная антропология и др.

Сложившееся положение дел базируется на том факте, что в структуре идеальных объектов, или мыслительных конструкций, сформированных общественными науками, и идеальных объек-

тов, сформированных естественными науками, имеется существенное различие. Именно естествоиспытатель и никто другой призван в соответствии с процедурными правилами своей науки определить сферу наблюдения, а также факты, данные и события, имеющие отношение к его проблеме или непосредственной исследовательской задаче. Причем эти факты и события не выбраны заранее, а сфера наблюдения не является заранее интерпретированной. Мир природы в том виде, как он исследуется естествоиспытателем, ничего не «значит» для молекул, атомов и электронов. Однако сфера наблюдения обществоведа — социальная реальность — имеет специфическое значение и конкретную структуру для людей, живущих, действующих и думающих в ее пределах. Серией конструкций обыденного сознания они заранее выбирают и интерпретируют этот мир, который они воспринимают как реальность их повседневной жизни. Это, естественно, и есть те идеальные объекты, которые определяют их поведение, мотивируя его. Идеальные объекты, сконструированные обществоведом для познания этой социальной реальности, должны извлекаться из идеальных объектов, сконструированных обыденным сознанием людей, живущих своей повседневной жизнью в своем социальном мире. Следовательно, теоретические конструкции естественных наук, если можно так выразиться, являются конструкциями второй степени, то есть конструкциями конструкций, созданных действующими лицами на социальной сцене, чье поведение обществовед должен наблюдать и объяснять в соответствии с принципами своей науки.

8.44. Принципы социального познания

А. Шюц считает, что исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни анализирует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является первостепенной задачей методологии общественных наук. Здесь не место останавливаться на процедурах феноменологического анализа так называемой естественной установки, посредством которой это может быть сделано.

Но тем не менее мир повседневной жизни с самого начала является также и социально-культурным миром, где я связан многочисленными связями с другими людьми, которые либо близко знакомы мне, либо вовсе со мной незнакомы. В определенной степени, достаточной для многих практических целей, я понимаю их поведение, если понимаю их мотивы, цели, предпочтения и планы, возникающие в их биографически опреде-

ленных ситуациях. Вместе с тем только в особых ситуациях, и к тому же лишь частично, могу я воспринять мотивы других людей, их цели и т.д., короче, те субъективные значения, которые они придают своим действиям в их уникальности. Можно, однако, воспринять их в их типичности, для чего конструируются модели типичных мотивов и целей действующих лиц, даже их личных позиций, частным случаем которых как раз и является их актуальный поступок. Эти типические модели поведения других людей становятся в свою очередь мотивами моих собственных действий, и это ведет к феномену самотипизации, хорошо известному обществоведам под всевозможными наименованиями.

Это, по мнению Шюца, показывает происхождение в обыденном сознании повседневной жизни так называемых конструктивных, или идеальных типов, понятие, которое в качестве инструмента общественных наук было проанализировано профессором Гемпелем в такой отчетливой форме. Но по крайней мере на уровне здравого смысла конструирование этих типов не включает в себя ни интуицию, ни теорию, если мы понимаем эти термины в значении гемпелевской формулировки. Как мы увидим, существуют также и другие виды идеальных, или конструктивных, типов, образованные обществоведами, которые имеют совершенно другую структуру и действительно включают в себя теорию. Но Гемпель не провел различия между этими двумя разновидностями идеальных типов.

8.45. Обыденное и социализированное знание

Обыденное знание повседневной жизни с самого начала социализировано во многих отношениях. Во-первых, оно структурно социализировано, так как основано на фундаментальной идеализации, что если я поменяюсь местами с другим человеком, то буду воспринимать ту же самую часть мира, по существу, в той же перспективе, что и он; наши специфические биографические обстоятельства становятся для всех практических целей irrelevantными.

Во-вторых, оно генетически социализировано, потому что большая часть нашего знания (как его содержание, так и особые формы типизации, в которые оно организовано) имеет социальное происхождение и дана в социально санкционированных терминах.

В-третьих, оно социализировано в смысле социальной классификации знания. Каждый индивид, познающий только часть

мира, и общее знание той же самой части мира различаются по степени ясности, отчетливости, осведомленности или просто веры.

Указанные принципы социализации обыденного знания, и в частности социальной классификации знания, объясняют по крайней мере частично, что социолог имеет в виду, говоря о структурно-функциональном подходе к изучению человеческого поведения. Концепция функционализма — по крайней мере в современных общественных науках — происходит не из биологической теории функционирования организма, как считает Нагель. Она относится к социально классифицированным конструкциям моделей типичных мотивов, целей, личностных позиций, которые инвариантны и, следовательно, интерпретируются как функции структуры самой социальной системы. Большинство этих взаимосвязанных моделей поведения стандартизованы и институционализированы, то есть их типичность социально оправдана законом, фольклором, правами и обычаями, и большинство из них используется в обыденном и научном мышлении в качестве схем интерпретации человеческого поведения.

Это, по мнению Шюца, очень приблизительный очерк некоторых главных особенностей конструкций, включенных в повседневный опыт обыденного сознания интерсубъективного мира, который называется пониманием. Как было сказано выше, они представляют собой конструкции первого уровня, на которых должны надстраиваться конструкции второго уровня, конструкции общественных наук. Но здесь-то и возникает главная проблема. С одной стороны, как было показано, конструкции первого уровня, конструкции здравого смысла, относятся к субъективным элементам, т.е. понимание действий действующего лица с его точки зрения. Следовательно, если общественные науки действительно направлены на объяснение социальной реальности, то научные конструкции второго уровня также должны включать в себя ссылку на субъективное значащее действие, т.е. на значение, которое действие имеет для действующего. Шюц полагает, что это и есть то, что Макс Вебер подразумевал под своим знаменитым постулатом о субъективной интерпретации, которая до сих пор действительно наблюдалась в теоретической конструкции всех общественных наук. Постулат о субъективной интерпретации должен быть понят в том смысле, что все научные объяснения социального мира могут и в определенном смысле должны ссылаться на субъективное значение действий людей, из которых берет начало социальная реальность.

С другой стороны, можно согласиться с утверждением профессора Нагеля, что общественные науки, как и все эмпирические науки, должны быть объективными в том смысле, что их утверждения подлежат контролируемой верификации, и не должны ссылаться на личный неконтролируемый опыт.

Он ставит вопрос о том, как возможно примирить эти противоречивые на первый взгляд принципы? Действительно, самый серьезный вопрос, на который методология общественных наук должна дать ответ, состоит в следующем: как возможно сформировать объективные понятия и объективно верифицируемую теорию субъективно значащих структур? Основной тезис, что понятия, формируемые общественной наукой, являются конструкциями конструкций, образованных в обыденном сознании действующих на социальной сцене людей, имеет свое объяснение. Научные конструкции второго уровня, построенные в соответствии с процедурными правилами, действительными для всех эмпирических наук, являются объективными, идеально-типическими конструкциями и как таковые — конструкциями другого рода по сравнению с конструкциями первого уровня — конструкциями обыденного сознания, над которыми они должны надстраиваться. Эти теоретические системы содержат в себе общие гипотезы, которые могут быть подвержены испытанию в смысле определения профессора Гемпеля. Эта схема использовалась обществоведами, имеющими дело с теорией, задолго до того, как это понятие было сформулировано Максом Вебером и развито его школой.

8.46. Отношение обществоведа-теоретика к социальному миру

Прежде чем описать некоторые характерные черты этих научных конструкций, полагает Шюц, необходимо рассмотреть особое отношение обществоведа-теоретика к социальному миру в противоположность действующему лицу на социальной сцене. Ученый-теоретик — как ученый, а не как человек (которым он, конечно же, тоже является) — не включен в наблюдаемую ситуацию, которая представляет для него не столько практический, сколько познавательный интерес. Система уместностей, определяющих обыденную интерпретацию в повседневной жизни, возникает в биографической ситуации наблюдателя. Решив стать ученым, обществовед заменил свою личную биографическую ситуацию тем, что вслед за Феликсом Кауфманом я назову научной ситуацией. Проблемы, которые перед ним стоят, не долж-

ны иметь никакого значения для человека в мире и наоборот. Любая научная проблема определена фактически существующим положением дел в соответствующей науке, и ее решение должно быть достигнуто в соответствии с процедурными правилами этой науки, которые, помимо всего прочего, гарантируют контроль и верификацию выдвинутого решения. Научная проблема, будучи поставленной однажды, одна определяет, что для ученого будет уместно и какую понятийную структуру ему следует использовать. Это и ничто иное, как мне кажется, имел в виду Макс Вебер, когда постулировал объективность социальных наук, их независимость от ценностных моделей, которые определяют или должны определять поведение действующих лиц на социальной сцене.

Шюц опять задает вопрос: как поступает обществовед? Он наблюдает определенные факты и события социальной реальности, относящиеся к человеческому поведению, и конструирует типические модели поведения или образа действий, которые он наблюдал. Вслед за этим он упорядочивает эти типические модели поведения некоего идеального действующего лица (или действующих лиц), которые, как он себе представляет, наделены сознанием. Однако это сознание ограничено таким образом, что не содержит в себе ничего, кроме элементов, относящихся к представлению моделей наблюдаемого образа действий. Таким образом, он приписывает этому воображаемому сознанию ряд типичных идей, намерений, целей, которые принимаются инвариантными в предполагаемом сознании воображаемой модели поведения. Этот гомункулус, или марионетка, взаимосвязан в предполагаемых моделях интеракции с другими гомункулусами, или марионетками, сконструированными подобным же образом. Среди этих гомункулусов, которыми обществовед заселяет свою модель социального мира повседневной жизни, мотивы, цели, роли — вообще, системы зависимостей — распределены так же, как научные проблемы, требующие проверки. Однако, и это самое важное, эти конструкции, вне всяких сомнений, не являются произвольными. Они требуют логической последовательности и адекватности. Последнее означает, что каждое понятие в подобной научной модели человеческого действия должно быть сконструировано таким образом, что человеческое действие, осуществленное в реальном мире индивидуальным действующим лицом и обозначенное типической конструкцией, было бы понятно как самому действующему лицу, так и другому человеку в терминах обыденного сознания повседневной жизни. Вы-

полнение требования логической последовательности гарантирует объективную действительность идеальных объектов, сконструированных обществоведом, выполнение требования адекватности гарантирует их совместимость с конструкциями повседневной жизни.

Далее, обстоятельства, при которых работает такая модель, могут меняться, то есть как изменившаяся может восприниматься ситуация, с которой марионетки должны встретиться, но не набор мотивов и целей, составляющих единственное содержание их сознания. Я могу, например, сконструировать модель производителя, действующего в условиях свободной конкуренции, и модель производителя, действующего при картельных ограничениях, а потом сравнить выпуск одного и того же товара одной и той же фирмой в двух моделях. Таким образом, возможно предсказать, как такая марионетка или система марионеток поведет себя в определенных обстоятельствах, и обнаружить определенные «детерминированные отношения между рядом переменных, в терминах которых эмпирически установленные регуляриности могут быть объяснены». Однако это и есть определение теории, которое дает профессор Нагель. Легко заметить, что каждый шаг в конструировании и использовании научных моделей может быть верифицирован путем эмпирического наблюдения при условии, что мы не ограничиваем это понятие чувственным восприятием объектов и явлений внешнего мира, а включаем в него опытную форму, посредством которой обыденное сознание в повседневной жизни понимает человеческие действия и их результаты с точки зрения основных мотивов и целей.

Выводами из этого являются следующие. Во-первых, ключевым понятием базисной философской позиции натурализма является так называемый принцип непрерывности, хотя остается под вопросом, означает ли этот принцип непрерывность существования, или анализа, или умственного критерия проверки, при котором работают модели. Кажется, что этот принцип непрерывности в любой из этих различных интерпретаций соответствует охарактеризованной схеме общественных наук, которая устанавливает непрерывность даже между практикой повседневной жизни и концептуализацией общественных наук.

Во-вторых, несколько слов о проблеме методологического единства эмпирических наук. Шюц считает, что обществовед может согласиться с утверждением, что принцип различия между общественными и естественными науками не следует искать в различной логической закономерности, управляющей каждой

из этих отраслей знания. Но это не означает признания того, что общественные науки должны отказаться от специфических схем, которые они используют для изучения социальной реальности, ради идеального единства методов, на котором основано совершенно недопустимое утверждение, что только методы, используемые естественными науками, и в частности физикой, являются единственно научными.

8.5. Концепция социологии познания К. Маннгейма

Социология познания К. Маннгейма отличается от других социологических концепций и прежде всего от поздних концепций Дюркгейма тем, что она всегда связывает социальное познание с конкретной исторической ситуацией. Интерес Маннгейма вызывала также культурная и духовная проблематика современных обществ как обществ, прошедших процесс исторического становления. Дюркгейм, выведивший свою социологию познания из анализа примитивных форм религии, напротив, указывал на всеобщую зависимость мышления от принципов социальной структуры общества, таких как разделение труда, родственные отношения и т.п. Тем не менее социальные структуры не дают непосредственного представления о формах познания, они нуждаются в некоем аспекте, определяющем коллективные представления и поведение, в религиозных идеях, которые определяли категории познания, времени, пространства, числа, причины и т.п.

Социология познания Маннгейма приобрела свое значение благодаря тому, что он, с одной стороны, преодолел феноменологическую интерпретацию социологии познания, а с другой стороны, тем, что он не впал в крайности марксистской критики идеологии, которая имела место у Лукача. Свой подход к социологическому анализу он описывает как *фигурационную социологию*, в которой изменение не столько общества, сколько социальных «конфигураций» анализируется с точки зрения непреднамеренного результата интеракций взаимозависимых индивидов.

8.5.1. Специфика социологии познания

По мнению К. Маннгейма, мышление, познание, наука принадлежат к области культуры. Поэтому он от социологии культуры осуществляет переход к самопознанию духовного, к социологии познания, которую Маннгейм называет также «социологи-

ей мышления». Уже ранние социологические работы Маннгейма говорят о его интересе прежде всего к проблемам социологического познания.

Наряду с социологией культуры, Маннгейм признает также существование социологии как общественной теории, которая занимается структурой и изменением социальной жизни и ее организации. Социология культуры, по его мнению, была наукой, которая рассматривает культуру в социологическом плане. Следует отметить, что он считал саму социологию культуры продуктом времени и конкретно-исторической культуры. Примечательно, что первая часть работы «О своеобразии культурсоциологического познания» называется «О социологии социологии», — название, которое применимо ко всей его социологии познания.

Источник этой концепции «рефлексивной социологии» заложен в исторических корнях социологии культуры, и потому все, что не является исторической наукой, рассматривается как исторически обусловленное, в том числе и сама наука. Поэтому Маннгейм считал ответственной за возникновение социологии культуры генетическую или социогенетическую установку как специфически современную точку зрения. Таким образом, социология культуры занимается, с одной стороны, социогенезом культуры, а с другой стороны, сама рассматривается с социогенетических позиций. И объектом, и субъектом социологии культуры *является* обобществленный человек.

Маннгейм считает, что социология культуры должна заниматься «социальной функциональностью явлений культуры», которые он, впрочем, в отличие от функционализма, определил как дотеоретические. В этом плане речь идет о социальной функциональности явлений культуры, которые нельзя напрямую соотносить с выполнением определенных общественных целей, как это делает структурно-функциональная теория, а следует понимать через социальную структуру сознания. Совместно пережитое на основании общей жизненной ситуации является основой имманентной социальности сознания. Это обосновывает также социогенетическую функциональность мышления, а отсюда можно сделать заключение, что, с точки зрения социологии культуры, идеи не бывают «вечными», а всегда представляют собой продукты истории.

Следует заметить, что не только мировоззренческие идеи, но и научные теории и даже методы познания являются отражением общественно-исторического процесса. В буржуазном обществе, основанном на товарном производстве и измеряющем

все в денежном эквиваленте, возникает также тенденция количественного подхода к социальным отношениям. Тенденция считать истиной лишь то, что признается всеми, также отражает переход от общности к обществу и демократизации общества.

8.52. Конъюнктивный опыт и коммуникативное знание

Маннгейм проводит различие между конъюнктивным опытом и коммуникативным познанием. Первый имеет место тогда, когда мы познаем другого в рамках экзистенциального отношения, которое существует только с этим конкретным другим. Подобные экзистенциальные отношения я могу иметь со всеми лицами моего окружения, но в каждом случае оно будет иным, и отношения, так же как другие лица, не могут быть обобщены. Из-за необходимости коммуникации в процессе развития обобществления возникают рационализация и относительно независимые от персональных, ситуативных и экзистенциальных условий «коммуникативные» толкования понятий, «культура образования», которая существует наряду с культурами общин. Он подверг критике затронутую идею различия общины и общества и интерпретировал ее как различные способы мышления и познания каждого человека.

Эта же идея позднее появляется у Парсонса в его различении партикуляристских и универсалистских образцов культуры. В ходе развития цивилизации дистанция между двумя уровнями мышления увеличилась, коммуникативное мышление становилось все более автономным и получало все большее признание. Несмотря на это, в мышлении всех людей смешиваются оба эти уровня, или, образно говоря, они представляют собой два слоя сознания. Каждое исследование социальных условий культуры должно исходить из двух видов вторжения социального фактора в сферу культуры.

1. В одном случае социальный фактор совершает это в качестве свободной нерегулируемой жизни общества, которая своими спонтанно образовавшимися соединениями участвует в формировании духовной жизни.

2. Далее это реализуется посредством социального регулирования и организаций, которые выступают в области культуры как институты. Мы имеем здесь в виду воздействие на духовную жизнь с помощью церкви, школ, университетов, исследовательских учреждений, прессы, радиовещания и всех видов пропагандистских организаций.

Социальная и культурная жизнь современного массового общества либерального толка подчинена главным образом тем

закономерностям, которые свойственны нерегулируемым общественным структурам, тогда как в диктаторски управляемом массовом обществе на первый план выходят социологические воздействия институциональных элементов. В соответствии с этим мы попытаемся сначала подробнее рассмотреть неорганизованное воздействие на культуру предоставленного самому себе либерального общества, а затем обратимся к последствиям институциональной организации культурной жизни, хотя рассмотрим ее лишь в общих чертах.

Следовательно, пишет Маннгейм, мы начинаем с социологического описания предоставленной самой себе социальной системы и попытаемся проследить в ней процесс роста культуры. Сначала неорганизованная общественная жизнь предстает как не подчиненный правилам, нерасчлененный комплекс. Но если присмотреться, оказывается, что во внеэкономической социальной структуре либерального порядка происходят те же процессы, которые типичны для свободного рынка, с той только разницей, что в области культуры эти процессы действуют в другом направлении и измеряются иными масштабами. Социологическое изучение культуры в либеральном обществе должно во всяком случае исходить из положения производителей культуры, из слоя интеллигенции и ее места в обществе.

8.53 Социология познания и идеология

Первоначально познание социальных основ мышления и незнания, в концепции К.Маннгейма, принимает форму критики идеологии. Если «партикулярное понятие идеологии» разоблачает лишь какие-то мнения противника как «ложь», то есть мнение, обусловленное конкретными интересами, тогда понятие идеологии подразумевает необходимую и неизбежную связанность мышления и бытия. Тогда и сами эти категории мышления рассматриваются как идеологические. Общее понимание тотального понятия идеологии, которое включает также собственное мышление, а не только мышление противника, привело затем к признанию социальной обусловленности мышления и знания, которое стало основой собственной области исследования, социологии познания. Она функционально увязывает высказывания и суждения с социальной действительностью и тем самым сводит связанность всякого знания с бытием к систематической основе. Для нее важно не разоблачить «ложь» противника, а и исследовать ситуативно обусловленное сознание.

К. Маннгейм оценивает социальные науки как политические, то есть рассматривает их позитивистски в том плане, что ставит перед ними вполне практическую цель — полезность в связи с растущей необходимостью регулирующего вмешательства в общественный процесс; с другой стороны, его можно считать антипозитивистом, поскольку он не придерживается принципа единства научного метода, а считает, что у социальных наук собственная методологическая основа. Она базируется на анализе мышления в общественной жизни и политике («Социологическая диагностика времени»).

Основой философии и естественных наук было мышление «в-себе» в пределах специфических областей философско-научных традиций. Как действительно мыслят люди, не интересовало ни философов, ни естествоиспытателей.

8.54. Задача социологии познания как основы социальных наук

Социология познания, по Маннгейму, должна пытаться понять мышление в конкретной общественно-исторической ситуации. Таким образом, имеются в виду не люди как таковые, которые думают, или изолированные индивиды, которые мыслят, а люди в определенных группах, у которых выработался определенный стиль мышления в бесконечной цепи реакций на определенные типичные ситуации, характерные для их общей позиции.

Основной тезис социологии знания заключается в том, что существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней. Верно, что мыслить способен только индивид. Нет такой метафизической сущности, которая, подобно некоему групповому духу, мыслит, возвышаясь над отдельными индивидами, и чьи идеи индивид просто воспроизводит. Однако неверно было бы вывести из этого умозаключение, что все идеи и чувства, движущие индивидом, коренятся только в нем самом и могут быть адекватно объяснены только на основе его жизненного опыта.

Подобно тому как нельзя понять природу языка, выводя ее из наблюдения за отдельным индивидом, который ведь говорит не на своем собственном языке, а на языке своих современников и предков, проложивших для него путь, так нельзя правильно определить во всей ее полноте и какую-либо точку зрения, основываясь только на том, как она сформировалась в интеллекте отдельного человека. Лишь в весьма ограниченном смысле индивид сам создает тип языка и мышления, который мы связы-

ваем с ним. Он говорит языком своей группы, мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом.

Поэтому в качестве первого пункта он подчеркивает, что социология знания намеренно не отправляется от индивида и его мышления, чтобы затем, как это делают философы, непосредственно перейти к абстрактным высотам «мышления как такового». Напротив, социология знания стремится понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, в рамках которой лишь постепенно возникает индивидуально-дифференцированное мышление. Таким образом, мыслят не люди как таковые, и не изолированные индивиды осуществляют процесс мышления — мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию.

По мнению Маннгейма, строго говоря, утверждать, что индивид мыслит, вообще неверно. Значительно вернее было бы считать, что он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него. Он обнаруживает себя в унаследованной ситуации, в обладании соответствующими данной ситуации моделями мышления и пытается разработать унаследованные типы ответа или заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, явившиеся следствием преобразований данной ситуации. Поэтому социология познания не может отделить свое исследование мышления от действий людей в их социальных ситуациях. Это относится к повседневному мышлению, к историческим теориям, а также к научному познанию. Маннгейм подчеркивает активную природу познания. Однако, в отличие от представителей аналитической концепции науки, Маннгейм считает само познание социально обусловленным, по крайней мере, не проводя разделения между повседневным опытом и научным познанием. Поэтому в данном отношении он ближе к феноменологии, чем к позитивизму.

Социально-научное познание представляется Маннгейму конститутивно-перспективным, оно не может претендовать на «значимость в себе». Его объективность заключается лишь в установлении связей между познанием и социально-структурным

бытием. Поэтому он отрицал возможность автономной теории познания. Знание, мышление, познание обязательно перспективны и привязаны к конкретной ситуации. Это отражается в различном значении понятий, употребляемых людьми разного социального положения, а также в тех категориях и моделях мышления, которые сами люди используют в своем поведении и в отношении постановки проблемы.

Для социологии познания понятие истины само социально обусловлено; для нее все высказывания, истинные или ложные в логическом или эмпирическом отношении, в принципе обусловлены социально. Однако Маннгейм возражает против понятия релятивизма, который создает впечатление о произвольности отношений.

8.55. Дистанцирование, реляционирование и партикулирование в социальном познании

Дистанцирование — важная предпосылка социологии познания. Оно может быть достигнуто следующим образом:

а) посредством того, что один из конкретных носителей групповых ценностей и идей (членов группы) отделяется от группы (восхождение по социальной лестнице, эмиграция и т.п.);

б) посредством сдвига социальной основы всей группы по отношению к ее традиционным нормам и институтам;

в) вследствие того, что в одной социальной сфере борются друг с другом две (или более) социально обусловленные интерпретации мира и взаимной критикой настолько выявляют сущность друг друга, и настолько дистанцируются друг от друга, что постепенно видение с определенной дистанции (при котором обнаруживаются экзистенциальные и системные контуры противостоящих друг другу типов мышления) становится для всех позиций сначала возможностью, а затем признанным способом мышления.

Социология знания отличается оттого, что в своей начальной стадии наблюдается теперь довольно часто, лишь постольку, поскольку она сознательно и систематически ставит применительно ко всем проявлениям духовной сферы без исключения следующий вопрос: с какой социальной структурой связано их возникновение и значимость? Отождествлять это отнесение отдельных духовных образований ко всей структуре определенного исторического и социального субъекта с философским релятивизмом (с учением, отрицающим наличие масштабов и порядка в мире) столь же неверно, по Маннгейму, как и

применять понятие «релятивизм» (в смысле чистой случайности) к теории, согласно которой все измерения тел восходят к созданному светом отношению между измеряющим и измеряемым. Реляционизм не означает, что дискуссии не могут привести к определенному решению; в его основе лежит уверенность, что в силу самой природы определенных высказываний они могут быть сформулированы не абсолютно, а лишь в рамках социально обусловленного аспекта познания. Это и означает реляционирование в социологии знания.

После того как реляционирование, совершаемое социологией знания, было описано как фактически совершаемый акт мышления, неизбежно возникает вопрос: в чем же смысл подобного акта отнесения к социальной позиции, на что он направлен и какова значимость определенным образом соотнесенного высказывания? (Что сказано об истинности какого-либо теоретического положения, если доказано, что его следует отнести к либерализму или марксизму?)

На этот вопрос могут быть даны несколько ответов:

а) Можно утверждать, что выявление социальной обусловленности какого-либо высказывания, которое предлагается в качестве абсолютного, влечет за собой отрицание его значимости. И в самом деле, в социологии знания и теории идеологии существует течение, которое превращает такого рода выявление в средство деструкции взглядов противника или в средство общей деструкции.

б) Возможно и противоположное суждение, сущность которого состоит в том, что метод социологии знания совершенно не затрагивает степень истинности суждения, ибо генезис утверждения не влияет на степень его значимости. То обстоятельство, что данное высказывание либерально или консервативно, не имеет никакого отношения к тому, правильно ли оно.

в) Существует и третья возможность судить о ценности суждений в области социологии знания, и она отражает точку зрения Маннгейма. Согласно этой точке зрения, первое суждение упускает из виду то обстоятельство, что чисто фактическое определение социальной позиции и ее идентификация еще не содержат оценки, заключающейся в высказывании истины; в этом акте только содержится предположение, что данное высказывание может быть *частичным*. Что касается второго суждения, то, согласно нашей точке зрения, неправильно считать задачей социологии знания простое описание действительных условий возникновения данного высказывания (его фактический генезис);

доведенный до своего завершения и до конца продуманный анализ в области социологии знания всегда устанавливает границы *содержания и структуры* анализируемой точки зрения; или, выражая это терминологически, не только реляционирует, но и *партикуляризирует* в каждом данном случае видение и значимость.

На данной ступени реляционирование переходит в партикуляризацию, ибо в рамках этого процесса высказывание не только соотносится с определенной позицией, но в ходе этого соотношения совершается и ограничение значимости тех высказываний, которые раньше считались абсолютными. В последовательно разработанной социологии знания применяется по существу именно этот прием. С помощью последовательно проведенного анализа аспекта познания партикуляризация обретает путеводную нить и критерии соотношения; степень постижения, присутствующая различным точкам зрения, становится доступной измерению и ограничению.

Социология познания Маннгейма основывается на «жизненных затруднениях» современного человека, который радикально поставил и продумал до конца проблему различения идеология и утопии. Он сформулировал новую для своего времени тему плюралистического общества и его плюралистского строения действительности.

Социология познания Маннгейма должна создать основу для «социологической диагностики времени», которая, в свою очередь, делает возможной политическую науку. Таким образом, взгляд Маннгейма обращен к политике и ее научному обоснованию, то есть обоснованию, свободному от идеологии заинтересованных групп и партий, мировоззрения различных слоев. Это и стало основным направлением его усилий в британской эмиграции — создание науки планирования как основы для либеральной демократии.

ЧАСТЬ 9

СОЦИОЛОГИЯ ФЕМИНИЗМА И ТЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Феминизм (от лат. «femīna» — женщина) — общее название течений в женском движении за уравнивание в правах женщин с мужчинами. Один из главных вкладов феминизма в социологию и в более глубокое понимание общественных процессов и социального поведения состоял в подтверждении основного значения биологического пола, социального пола и, в некоторой степени, сексуальности для объяснения человеческой деятельности.

9.1. Основные положения феминизма

Понятия биологического и социального пола, сексуальности составляют базис феминизма. Именно эти понятия, вернее, их неправильная, исторически искаженная трактовка, по мнению представителей данного течения, предопределяют неравноправное положение женщин и мужчин в обществе, их социальные роли и сложившееся историко-культурное разделение труда.

9.11. Биологический пол

Биологический пол в достаточно простой формулировке означает биологические (физические и генетические) различия, отличающие мужчин от женщин. В действительности, как и расовые различия, они не так велики. Если сравнить функции организма, у мужчин и женщин гораздо больше общего. Но биологические различия полов очень важны. Факт, что женщины менструируют и могут рожать детей, несомненно, важен, как и тот факт, что мужчины этого делать не могут. Однако это еще не определяет всего социокультурного значения, которое может придаваться мужчине и женщине в том или ином обществе. Некоторые физические различия, которые определены природой, такие, например, как рост и телосложение, не так важны. Они не постоянны и не связаны с половыми различиями. Например, женщины из Северо-Западной Европы в среднем выше ростом, чем мужчины из Юго-Восточной Азии. На размер и вес тела существенно влияют питание и образ жизни, на которые в свою очередь оказывают влияние общественные взгляды на то, кому необходимо давать наибольшие порции еды и какие упражнения и спортивные занятия будут приемле-

мы для растущих мальчиков и девочек. Также важно, живете ли вы в развитой стране или в стране третьего мира. Кроме того, с помощью тренировок как мужчины, так и женщины могут изменить телосложение или увеличить физическую силу. В действительности, важно не столько физическое различие, сколько социальное значение, которое придают различиям между мужчинами и женщинами.

9.12. Социальный пол

Социальный пол означает совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в любом данном обществе. Одним из аспектов нашего социального образа является то, как мужчины или женщины обучаются, «конструируются», «строятся» в течение жизни в определенных обществах с различными культурами в различные моменты времени. Нормы поведения и образ пола не являются «естественными» или «определенными нашей природой» — они определены обществом и становятся понятными в процессе социальных взаимоотношений.

Пол не может считаться «фиксированным» условием. Роли полов изменяются со временем; они различны в каждой культуре. Мы не наследуем их целиком, как карие глаза, с которыми нам затем приходится жить и которые мы изменить не можем. Социальный пол лучше всего определить как очень гибкое понятие внутри ряда социальных институтов. Социальные институты, такие как общественный класс, культура, религия, образование и т.п., служат для того, чтобы влиять на нормы поведения и имидж пола. Деньги делаются для экономики, порядок поддерживается для государства, а конкретные мужчины и женщины принесут пользу всем, если их убедить вести себя и реагировать так, а не иначе. Но, как все институты, общественные «правила» и «нормы» вводятся для того, чтобы удовлетворять потребности одних людей за счет других. В таких условиях не исключено, что поведение, обычно считающееся «приемлемым» для мужчин, вряд ли для женщин может стать приемлемым. Противостоять правилам всегда трудно, но возможно. Некоторые люди не просто являются продуктом общества, но и сами создают его. Они принимают решения относительно своей жизни, они могут думать, действовать и быть связанными с другими людьми по разнообразным и сложным направлениям на множестве уровней. Каждый новый член общества не только наследует большой объем информации от предыдущих поколений, но

немедленно начинает переделывать и пересматривать то, что ему (или ей) было «дано» в продолжающемся и изменяющемся процессе общения и взаимодействия с различными людьми. Это не подразумевает, что каждый человек имеет возможность стать кем угодно по своему желанию. Мы знаем, например, что бедность, власть и другие порождения социального неравенства преодолеть трудно, но социальные индивиды не просто зависят от внешних условий — они также вовлечены в индивидуальное и коллективное определение этих условий.

9.13. Сексуальность

Сексуальность включает все те аспекты личности, поведения, позиции и выражения, которые связаны с сексуальной активностью как с целью получения удовольствия, так и деторождения. Однако характеристики мужской и женской сексуальности оказываются очень различными, и то, в какой мере эти различия являются биологическими, а в какой — социальными, становится темой для дискуссии. Как предмет сексуальность становится очень

— допустимой в социологии при изучении, например, мужского насилия и агрессии по отношению к женщинам и детям; в дискуссиях о порнографии и о криминализации лесбиянок и гомосексуалистов.

9.14. Феминистские точки зрения

Феминистские точки зрения на отношение между половым и социальным неравенством сходятся в том, что оба аспекта тесно связаны.

Большинство феминисток предполагает, что социальный пол скорее сформирован обществом, чем определен биологически, хотя различные течения феминисток объясняют эту связь по-разному. Некоторые, например Линда Бирке, утверждают, что, хотя физиология женщин не определяет их жизнь, тот факт, что женщины менструируют и рожают, оказывает действенное и ощутимое влияние на их жизнь, поскольку об этих вещах невозможно не думать в надежде, что они «уладятся сами собой». Другие, например, Джулиет Митчелл, утверждают, что пол и личность являются не просто продуктом социализации и социальных структур, но также результатом сложных психологических паттернов и эмоциональных реакций, существующих в подсознании. Степень их «подсознательности» и влияния на наши личности, то есть насколько их можно считать «особенно глубоко-

ми» последствиями нашего социального обучения, «хорошо вре-
завшимися» в наши представления о себе и о мире, насколько
они стали «почти второй природой», «само собой разумеющи-
мися», «как будто инстинктивными» — остается открытым воп-
росом внутри феминистской теории.

Важно понять, что в то время как внутри феминизма суще-
ствует единое мнение относительно угнетения женщин и необхо-
димости противостоять ему, вопрос о причинах такого положения
составляет предмет значительных разногласий. Это привело к
развитию ряда феминистских концепций, которые не являются
взаимно исключаящими, но подчеркивают различные причинные
факторы, что, в свою очередь, дает различные рекомендации к
действию. Если вы верите, что неравенство полов является
результатом невежества и «старомодных идей», например,
приобретенных в «непросвещенном» детстве, тогда действи-
тельным средством окажутся инициативы, которые направлены на
образование и изменение позиций. Если вы поддерживаете
взгляд, что неравенство полов связано с заинтересованностью
капитализма в эксплуатации рабочих-женщин и с извлечением
выгоды из бесплатных семейных услуг, которые помогают вос-
производить мужскую рабочую силу и тем самым обеспечивают
ее ежедневную доставку к фабричным воротам, то в этом случае
действенным средством будут инициативы, которые моди-
фицируют, изменяют капитализм или ликвидируют его.

9.15. Либеральный феминизм

Теории и относящиеся к ним рекомендации либеральных фе-
министок основаны на идеях Энн Оукли. Поскольку роли полов не
являются врожденными или неизбежными, их можно изменить. Эти
роли являются следствием социализации и в результате прак-
тической деятельности могут быть модифицированы и изменены.

Методы воспитания детей, образование, попытки «феминизи-
ровать» средства массовой информации и т.п. могут повлиять на
традиционные идеи. Давление на правительства с целью
принятия законодательства, признающего половую дискримина-
цию противозаконной, отстаивание политики равных возмож-
ностей в школах и на местах работы и требование создать такую
законодательную структуру, которая бы не допускала угнетение
и оскорбление женщин, рассматриваются как способы «измене-
ния общества изнутри».

Повышение общественного статуса женщин и признание су-
ществования барьеров, которые мешают женщинам получить не-

которые профессии и выполнять традиционные мужские работы (например, недостаток должной подготовки и необходимость ухаживать за детьми), помогут увеличить количество женщин в общественной сфере и позволят им занять влиятельные общественные позиции (например, в правительстве, промышленности и профсоюзах).

Все эти факты предполагают, что, хотя неравенство полов широко распространено, оно не является постоянным. С ним можно не соглашаться, и «там, где есть воля», его можно преодолеть.

В 70-е и 80-е гг. либеральные феминистки затратили много энергии для «проникновения в правительство», «проникновения в администрацию», «установления политики равных возможностей» и «вступления в ассоциации учителей и родителей», на «откровенные выступления» против сексизма и «воспитание детей в духе антисексизма». Это, конечно же, помогло определить характер общественного мнения: некоторые из наиболее очевидных и непосредственных фактов сексизма стали предметом критики и поводом для более полного общественного изучения этих вопросов.

Но многое ли изменилось — вопрос спорный. Некоторые изменения в языке и немногочисленные факты положительного влияния в образовании и программах обучения вряд ли приведут к исчезновению общества узаконенного неравенства, в котором власть мужчин, позволяющая монополизировать влияние и доступ к ресурсам, упорно сопротивляется всему, что выходит за рамки поверхностных изменений.

9.16. Марксистский феминизм и социал-феминизм

Марксистские и социалистические феминистские концепции прибегают к марксистской теории для объяснения дискриминации женщин и неравенства внутри общества. Экономическая структура общества рассматривается как решающая в определении материальных и иных условий жизни людей. Возникновение капитализма и международный характер его влияния и власти над жизнью людей считаются основной причиной угнетения женщин. Аргументы, которыми вначале пользовался Маркс и его последователи для объяснения неравенства на производстве, создания общественных классов с антагонистическими интересами, которые нужно защищать, неправильного распределения ресурсов, особенно богатства и прибыли, и использования идеологии как способа контролировать мышление, были приспособ-

лены и развиты феминистками, которые стремились доказать, что домашний труд женщин абсолютно бесплатно «присваивался» капитализмом, чтобы обеспечить домашнее обслуживание нынешней рабочей силы и социального воспроизводства будущей рабочей силы.

Мужчины и женщины оказываются вовлеченными в «половое разделение труда», которое помогает удовлетворению потребности капитализма в рабочих и бесплатному получению связанных с этим услуг. Кроме того, женщины являются дешевой и доступной рабочей силой, «резервной армией», которую используют, когда необходимы дополнительные рабочие руки.

В этом отношении, как утверждается, женщины имеют общие интересы с рабочим классом. И те, и другие являются объектами капиталистической эксплуатации, и их социальные и политические условия можно облегчить и улучшить только общим сопротивлением попыткам капитала извлечь еще больше выгоды из их оплачиваемого и неоплачиваемого труда.

Подразумевается, что женщины все же отличаются от рабочего класса, хотя и являются его частью. Эта явная путаница кроется в тенденции марксистов и социалистов (и многих социологов) того времени определять общественный класс в связи с производственным статусом и родом занятий мужчин. Женщины, которые не являются «технически» или «по существу» рабочим классом, например, женщины из среднего класса и члены групп этнических меньшинств, должны тем не менее рассматривать свои интересы как общие с рабочим классом, который будет действовать в качестве авангарда в борьбе с капитализмом — строем, свержение которого приведет к гораздо более справедливому и равноправному обществу.

В 70-х и 80-х гг. марксистские феминистки и социал-феминистки, многие из которых могут считаться средним классом, активно выступали в политических группах левого крыла, профсоюзах и лейбористской партии, пытаясь улучшить положение и условия женщин на оплачиваемой работе и заострить внимание на проблемах, связанных с домашним трудом, работой по дому и уходом за детьми. Они пытались привлечь к этой проблеме внимание политических партий, но крайней мере лейбористской. Изменения в политическом климате, на фоне распространения тэтчеризма, кончины профсоюзов и перехода левых на более умеренные позиции, сократило число тех, кто называл себя марксистом и даже социалистом. Часто борьба с целью «противостоять тэтчеризму» шла по поводу специфиче-

ческих феминистских вопросов относительно положения женщин в обществе, хотя сильное влияние политики Тэтчер еще более ухудшило их положение, увеличило бедность и укрепило зависимость.

В наше время марксистские феминистки и социал-феминистки (чаще всего вместе называемые социал-феминистками) по-прежнему видят главную причину продолжающегося неравноправия женщин в экономических проблемах, которые значительно обострены капиталистическими отношениями, но одновременно принимают в расчет и то, что радикальные феминистки могут сказать о патриархате, и то, что черные феминистки думают о расизме.

9.17. Радикальный феминизм

Основной вклад в возрождение западного феминизма в 60-х гг. внесла Кэйт Миллет, чья книга *«Сексуальная политика»* была одной из первой ее работ о патриархате, или мужском господстве над женщинами, как причине дискриминации. Она определила патриархат как «отношения, созданные властью», в которых одна группа людей (женщины) управлялась и контролировалась другой (мужчинами).

Радикальный феминистский анализ основан на том же убеждении, что именно в тотальном господстве мужчин над женщинами кроется причина угнетения и неравенства женщин. По мнению радикальных феминисток, неравенство между мужчинами и женщинами существовало до капитализма и продолжает существовать в капиталистических культурах и экономиках. Если при капитализме эксплуатируется женщина, это происходит потому, что капитализм — строй, созданный мужчиной.

По мнению Миллет, патриархальные отношения действуют скорее как кастовая система, в которой один пол — просто будучи по рождению мужчинами — обладает большей силой и потому властью над другим полом — женщинами. Кристин Делфи, французский социолог, использует марксистские представления для определения пола как «класса в себе». Женщины объединяются в «класс» на основании одинакового материального положения, отношения к средствам производства и воспроизводства и к мужчинам. По мнению марксистов, так же как различные классовые группы неизбежно находятся «в конфликте» друг с другом, потому что они имеют разные и противоречивые интересы, которые нужно защищать, так и социальные, экономические и политические интересы женщин «как класса» находятся в противоречии с интересами мужчин «как класса».

И Делфи, -и Миллет критиковались за предположение «общих» и «универсальных» аспектов дискриминации женщин, которые не принимают в расчет, например, этнические и культурные различия, и за то, что слишком обобщали универсальность мужской власти, не принимая в расчет различия между развитыми странами и странами третьего мира и «расовые» различия. Делфи впоследствии учла в своей теории всю сложность и разнообразие, но она по-прежнему с большим успехом совмещает марксистскую методологию и терминологию с радикальными феминистскими взглядами.

Хотя не все мужчины обладают одинаковой степенью общественной власти и влияния (ср., например, мужчин из высшего общества и мужчин из рабочего класса, белых и черных мужчин и т.п.), все они разделяют общие патриархальные взгляды. Все они до некоторой степени извлекают выгоду из господствующего положения мужчин в обществе и получают привилегии из своей принадлежности к мужскому полу в тех обществах, где принадлежность к мужскому полу ценится больше всего. Хотя они могут иметь другие интересы, которые могут вступать в противоречие между собой (например, различные финансовые интересы рабочих и капиталистов; противоположные религиозные и национальные интересы сербов и мусульман и т.п.), они все же разделяют общие взгляды на положение женщины в обществе (относительно изнасилования, например) и могут действовать сообща, чтобы содействовать мужским интересам за счет интересов женщин, даже когда женщины принадлежат к их собственному классу или этнической группе (например, вечный разрыв между заработной платой мужчин и женщин сохраняется по взаимному соглашению преимущественно мужских профсоюзов, преимущественно мужских организаций работодателей и преимущественно мужского правительства — консервативного или лейбористского).

Вместе с тем можно утверждать, что некоторые женщины (особенно женщины из среднего класса и белые женщины) имеют больший доступ к богатству, ресурсам и общественной власти, чем некоторые мужчины (особенно представители рабочего класса и темнокожие). Верно и то, что материальное положение женщин из среднего класса зависит от их отношения с мужчинами из среднего класса. Они также зависят от «хорошего» и «популярного» поведения в патриархальных браках и выполнения «традиционной» женской работы. Общеизвестно, что разведенные женщины, ранее принадлежавшие к среднему классу, ста-

новятся намного беднее, если только они вновь не выйдут замуж за кого-либо с подобным общественным положением. Промышленное движение на службе и пребывание женщин из среднего класса на хорошо оплачиваемых работах обычно зависит от преимущественно мужской администрации и работодателей. Женщины из среднего класса и белые женщины не находятся в большей безопасности, чем любая другая группа, когда дело доходит до домашнего насилия или физического нападения. Некоторые рабочие и черные мужчины, желая отомстить за эксплуатацию и жестокое обращение белых из высшего общества, часто применяют насилие в отношении женщин из своих собственных классов и продолжают требовать семейного и сексуального подчинения, получая удовлетворение от того, что женщины находятся в худшем экономическом и социальном положении по отношению к ним.

Как считают радикальные феминистки, угнетение и неравенство отношений между мужчинами и женщинами начинается не в большом обществе, а в близких личных отношениях, в сексуальном партнерстве и семьях и в домашних хозяйствах различных видов. Личные отношения являются также политическими отношениями, поскольку они основываются на разных степенях власти, что определено принадлежностью к мужскому или женскому роду, и это признается и усиливается в более открытом обществе в каждом аспекте культуры, управления и организации. Религия, право, традиции, образование, средства массовой информации — все они являются отражением патриархальных отношений, идей и власти, которые возникают изначально из власти отдельных мужчин над отдельными женщинами и которые проецируются на более открытое общество. Иногда осуществление власти отражает интересы женщин. «Просвещенная» и заинтересованная власть охотно демонстрирует добрые намерения в отношении равенства женщин. Но она не теряет бдительности. Те, кому выгодны устои патриархальных обществ, едва ли согласятся отказаться от своих привилегий без боя, особенно внутри семьи и в личных и общественных отношениях.

В радикальных феминистских объяснениях сохранения власти мужчин над женщинами определяющими являются предположения о значении сексуальности и о применении насилия. Патриархальные определения сексуальности женщин используются, чтобы управлять ими и сохранить их положение «собственности» мужчин. От женщин ждут, что они будут «доступны» для мужчин, будут «принадлежать» отдельным мужчинам, откликать-

ся на сексуальные потребности мужчин, одеваться и вести себя так, чтобы соответствовать мужскому определению сексуальной привлекательности. В различных культурах имеются некоторые отличия, но принцип определения сексуальности женщин в зависимости от того, что нравится мужчинам, почти универсален.

Аналогично в разных культурах принимают различные формы мужское насилие и сексуальная агрессия, но они широко распространены и кажутся обыденными. Радикальные феминистки считают, что мужское насилие отражает неприкрытое осуществление мужской власти над женщинами и вызывает страх, с помощью которого пытаются держать женщин «на их месте», когда все остальные методы — такие, как экономическая зависимость и идеологическое «промывание мозгов», — оказываются неэффективными. Даже когда женщины не пытаются явно взбунтоваться или высвободить себя из патриархальных и гетеросексуальных отношений, существует угроза или вероятность мужского насилия и сексуального оскорбления, что характерно для этих отношений.

Среди тех, кто всерьез принял феминистскую идею о том, что «личное есть общественное», и сконцентрировал свое внимание на главенствующих в «узком кругу» отношениях, находятся и радикальные феминистки. Делфи и Леонард указывают, что феминистки социалистического и гетеросексуального толка пока еще не провели каких-либо серьезных исследований представителей биологического пола, связанных узами брака или отношениями сожительства, и, вероятнее всего, будут солидарны с женщинами из рабочего класса, чей труд эксплуатируется на производстве и дома, чем станут рассматривать способы «присвоения» интеллектуального, домашнего и эмоционального труда женщин, увековечивающего их зависимость и эксплуатацию, — в этом феминистки действуют сообща с некоторыми социалистически и «антисексистки» настроенными учеными-мужчинами.

Критика радикального феминизма социал-феминистками и черными феминистками, утверждающая, что анализ, основанный на универсальности патриархата как фундаментальной причины угнетения и неравенства женщин, не включает эксплуатацию бедных групп в общую ситуацию, когда наибольший ущерб жизни людей был нанесен скорее империализмом, чем патриархатом, и влияние расизма, который обычно обвиняется как «главный враг» теми, кто испытывает его, — заставила радикальных феминисток признать, что формы угнетения не всегда прямо связаны с мужским господством. Самая современная ра-

дикальская феминистская теория, включая созданную черными радикальными феминистками, прилагает все усилия, чтобы признать разнообразный опыт разных женщин и понять, что разные формы угнетения действительно обусловлены сложными и иногда противоречивыми отношениями. Некоторые даже рассматривают отдельных мужчин скорее как «жертв», чем как виновников патриархальных устоев. Другие одобряют те шаги, которые предпринимают некоторые мужчины, чтобы уклоняться от принятого поведения и привилегий, закрепленных за мужчинами в патриархальном обществе. Но это не мешает им считать, что главной причиной угнетения и неравенства женщин является социальное устройство, развитие и консолидация мужской власти.

9.18. Черный феминизм

Черные феминистки критикуют белый западный феминизм в целом и по вопросу социального пола в частности с двух позиций.

Первая состоит в том, что расизм делает большинство теорий западного происхождения, включая феминизм, этноцентричными, то есть они рассматривают вещи с точки зрения своего собственного исторического и культурного опыта, не принимая во внимание, что другие культурный опыт и история могут приводить людей к другим выводам; такие теории слишком обобщают свой собственный культурный специфический и субъективный опыт, предполагая, что опыт универсален, и то, что имеет значение для белых женщин на Западе, верно для всех женщин в других культурах, и поверхностно изучая лишь языковые различия или «дикивинные» традиции; они не принимают во внимание и полностью игнорируют опыт женщин, которые не составляют «господствующую группу».

Аналогично женщины из рабочего класса критиковали раннюю феминистскую теорию, заявляя, что она отражает опыт и приоритеты скорее среднего, чем рабочего класса. Критиковали ее и лесбиянки, которые говорили, что она предполагает, будто вес женщины «нормальны» и вовлечены в интимные отношения с мужчинами. И то, и другое искажало сложность и разнообразие опыта женщин, затрудняло понимание «разделяемой нами общности».

Второе основное критическое замечание касается «невежества» и опыта чернокожих женщин, представления о которых просто не верны, или верны только отчасти, или верны только в некоторых условиях. Другими словами, это проблемы любой

группы исследователей, «считающих, что они знают» об опыте других и даже могут стать «авторитетом» для них, — хотя более уместно слушать и пытаться изучить, чем присваивать себе «понимание».

Пока расизм присутствует в институтах власти в таких обществах, как наше, и белые группы остаются господствующими и составляют большинство, проблемы расизма, вероятно, сохраняются. Так же верно и то, что феминистки и феминистская социология отнеслись к критическим замечаниям черных феминисток серьезно и пытаются учитывать культурное разнообразие, уделяя главное внимание различным опытам национальных меньшинств. В равной степени они стремятся противостоять расизму и преодолеть его в своих взглядах и деятельности.

9.19. Ключевые дискуссии феминизма

Главные дискуссии о характеристиках и результатах неравенства полов будут рассмотрены в последующих главах. Мы решили сосредоточиться на тех, которые касаются семьи, образования и работы.

Социологические дискуссии о сексуальности касаются того, насколько человеческая сексуальность биологически определена и насколько она является социально сконструированной. В целом, теоретические взгляды, которые основаны на том, что человеческое поведение является:

- запрограммированным биологическими биограммами;
- определенным имеющими биологическую основу методами, которые обеспечивают наиболее эффективное воспроизводство вида;
- сформированным культурой для отражения дополняющей и функциональной взаимосвязи мужчин и женщин в обществе,
- предполагают, что модели человеческой сексуальности коренятся в природе и, возможно, истолковываются культурой для отражения различных религиозных и моральных взглядов.

Идеи о «мужской сексуальной агрессии» и «женской пассивности» связаны с предполагаемыми воздействиями генетических и гормональных различий и с предположениями о различных социальных ролях, которые, как предполагается, мужчины и женщины должны играть в обществе, — говоря простым языком, мужчина — охотник-добытчик и кормилец; женщина — рожаящая, воспитывающая и опекающая.

Так же верно, что почти в каждой попытке обсудить человеческую сексуальность — с исторической или современной точки

зрения, академическим или непрофессиональным языком, в монокультурном или мультикультурном контексте — всегда ощущается тяжелая рука идеологии.

Описания сексуальности могут быть: тонко замаскированными оправданиями субъективных желаний и предпочитаемых потребностей; оправданиями для отдельных форм сексуальных обычаев по сравнению с другими; моральными и религиозными предписаниями; практическими решениями потребностей населения.

По мнению радикальных феминисток, сосредоточение на сексуальности является одним из главных принципов, на которых строится и держатся патриархальные отношения власти. Человеческая сексуальность рассматривается радикальными феминистками как невероятно гибкая. Но ее можно направлять и воспроизводить установленными и совершенно предсказуемыми способами.

Не существует причины, по которой сексуальность должна автоматически ассоциироваться с деторождением и воспроизводством. Воспроизводство вида может быть простым техническим вопросом, связанным с оплодотворением яйцеклетки и рождением малышей. Ему не нужно ассоциироваться с «любовью», или «браком», или «сексуальной верностью». И действительно, в некоторых культурах оно с ними не ассоциируется. Факт, что, по крайней мере в западных обществах, секс и воспроизводство иногда рассматриваются как синонимы. Кроме того, делаются попытки контролировать религиозными убеждениями, моральными кодексами и отношениями, подразумевающими ответственность, выражение сексуальной деятельности, которая предназначена «всего лишь» для удовольствия.

9.2. Этика полового различия Л. Иригари

Люси Иригари, практикующий психоаналитик, психолингвист и философ, получила известность своими трудами по теории пола, которые оказали существенное влияние на феминистскую общественную мысль не только во Франции, но и во всем мире. В книгах «Пол, который не один», «Этика полового различия», «Пол и генеалогии», «Морская любовница Фридриха Ницше» и других можно заметить сильное влияние Платона, Декарта, Гегеля, Хайдеггера, Фрейда, однако определяющую роль в формировании взглядов Иригари сыграли, конечно, Жак Лакан и Жак

Деррида. Однако, это не значит, что Иригари некритически следует взглядам этих французских постмодернистов. Иригари, как теоретик, возглавляет гуманитарно-лингвистический отдел в Национальном научно-исследовательском центре (CNRS) в Париже. Она развивает мысль, что модернистское требование равноправия приводит к тотальному половому безразличию и «убивает» пол, поэтому воспроизводство женской субъективности и лежащей в ее основе телесности требует существенной культурной трансформации и общественного перерождения. Эта идея находится в центре академических дискуссий, затрагивающих теорию общества в целом.

9.21. Концепция женского рода

Л. Иригари считает, что возрождение и просто продолжение человеческого рода невозможны без конституирования рода женского, который до сих пор не признан современной культурой, поскольку родовая способность сведена к деторождению и непосредственно не связана с воспроизводством (рождением) символического ряда культуры. Известная и традиционная дихотомия культура/природа пронизана культом разума, духа, бога отца и сына, природе же (а вместе с нею и женщинам, которые, как показал Фрейд, *присутствуют* в символическом, культурном и социальном прежде всего через природу родов — рождения богочеловека) отводится роль загадочной силы, являющей себя мощью земли, стихий, пассивной неизменяемостью и женственной загадочностью. Здесь же коренится идея триумфа человеческого прогресса над природой — проект Просвещения. Марксизм и критика капиталистического накопления сформировали аналогичную дихотомию «капиталистическое производство против жизни», наиболее последовательно развитую Франкфуртской школой. Демонизированная технология была противопоставлена романтизированной, «невинной» природе (в том числе природе человеческой), которую портят и губят технологический прогресс плюс неумемное капиталистическое накопление. Именно здесь обнаруживаются историко-эпистемологические корни проблемы тела и телесности вообще в феминистической теории. Половое различие, следовательно, является собой критерий определения интеллекта как исключительно мужской характеристики. В свое время феминизм много сделал для того, чтобы отвергнуть этот вопрос как незначительный — именно исходя из половых различий женщинам отказывалось в равных правах с мужчинами. Однако сегодня

проблема полового различия переместилась в центр теоретических поисков феминизма.

Заметим, что основной вопрос феминизма — вопрос о мужчинах. Общепринятое представление о феминистках как ненавидящих все, что исходит от мужчин, ошибочно. Анализ истории идей показывает, что феминистическая теория всегда внимательно относилась к «мужским» концептуализациям, гораздо реже находя понимание в традиционных академических кругах. Французский феминизм, плодотворно разрабатывающий вопрос о половом различии, был вдохновлен работами Г. Гегеля, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Фуко, Ж.-П. Сартра, Ж. Деррида, Ж. Лакана и др. Напротив, англоговорящая феминистическая традиция находилась под заметным влиянием идей гуманизма и либерализма, марксистской мысли и Франкфуртской школы, акцентируя, скорее, равенство, чем различия, которые привычно рассматривались как опасные.

К слову, французский феминизм чаще всего ассоциируется с именами Симоны де Бовуар, Юлии Кристевой, Люси Иригари, Элен Сикю и Мишель ле Дюфф. Было бы неверно изображать этих феминисток как однородную группу. Что касается Кристевой, то причислять ее к группе «феминисток» можно только с оговорками. Что же их связывает? Заметим, что прежде всего это общая интеллектуальная история и атмосфера французской академии второй половины XX века, пронизанная критикой гуманизма. Для анализа вклада Иригари в общественную мысль особое значение имеют монография М. Уитфорд и классическое исследование Т. Чантер, посвященное пересмотру Иригари западного философского дискурса.

9.22. Концептуальный проект Иригари

Теоретическая концепция Иригари стала объектом активной критики в феминистских кругах (особенно с Американского континента). Ее работа трактуется как аполитичная элитарная деятельность, заключающая женщин в оковы их отличия от мужчин и сводящая все усилия феминизма к проблематизации врожденных биологических различий. Иригари вменяется в вину ориентация на внимательное прочтение телесности, которая снова приковывает женскую идентичность к материнству. Обвинения в использовании непонятого философско-психоаналитически-структуралистского, еще и французского, языка можно считать второстепенными.

Нужно заметить, что некоторые инвективы затрагивают фундаментальное для феминистической теории различие пола и

гендера/рода. Позиция феминизма может быть сформулирована в виде лозунга: «Гендер, а не пол». В любом учебнике по феминизму приводится определение тендера как социального и культурного конструкта женственности (вариант: фемининности) и мужественности (маскулинности), а пола — как биологически заданных врожденных различий между мужчинами и женщинами. Пол — внеисторичен, поэтому данное различие устанавливает категории женского и мужского как категории универсальные. Такая постановка проблемы не оставляет возможности социальной борьбы и социальных перемен в положении женщин. Теории, объясняющие центральность патриархата символическим строем языка и бессознательного, критикуются во вполне марксистском духе за отвлечение внимания женщин от насущных социальных проблем. В частности, предполагается, что род создается прежде употреблением языка, а не социальными или культурными «надписями».

Иригари обычно обвиняют в эссенциализме. Утверждение об определенной родовой сущности, которая присуща всем женщинам от рождения, — действительно опасное для феминизма предприятие. Посредством именно таких аргументов женщин определяли во «вторичный», «слабый» пол, имея в виду социальные позиции, их роль в политике и культуре. При таком подходе талант и творческие силы женщин могут выражать себя преимущественно в заботе о мужчинах и их детях, в том числе в заботе об их талантах и вдохновении.

Для того чтобы оценить такую критику в адрес Иригари, следует поставить вопрос, кто является «полицейским» в феминизме и имеет право определять своих и чужих в феминистической теории, кто знает, что их позиция истинная. Т. Чантер справедливо замечает, что проповедницы тендера, стремящиеся вообще избавиться от «пола» и ввести в употребление гендер, чтобы забыть пол, относятся с заведомым предубеждением и опаской к проблематизации любого полового различия. Несомненно, смещение акцента с пола на гендер помогло и помогает феминистскому движению добиться определенных целей. Однако главная проблема состоит в том, что, рассматривая пол как нечто данное-врожденное, а гендер — как продукт культурного и социального конструирования, теория феминизма продолжает воспроизводить дихотомии врожденного-приобретенного, культуры-натуры, биологического-социального. Именно эти дихотомии лежат в основе стереотипизирования женского начала. Поэтому в феминистической теории соотношение пола и тендера

активно переосмысливается. Для Иригари, пол — не нечто само собой разумеющееся и биологически заданное, половое различие и телесность не привязаны к анатомии (как это часто разъясняется при разделении биологического пола и социального гендера). Иригари рассматривает гражданские права женщин как часть языковых, культурных, социальных перемен, необходимых для возрождения женского рода.

9.23 Социальная и культурная трансформация языка

Теоретики французского феминизма, следуя за Лаканом, исходят из того, что социальная и культурная трансформации определяются трансформацией языка и бессознательного. Отсюда, в частности, следует, что женщины должны расширить и радикализировать свои социальные и гражданские требования именно как женщины в своем ином, не сводимом к отличиям от мужчин, считает Иригари. В основе этого тезиса лежит важная посылка философии постмодернизма. Речь уже не рассматривается как нечто из области идеального, язык неотделим от реальности, культурной и общественной. Иригари считает язык столь же реальным, сколь реальны социальные практики. Реальность полагается не вне языка или до языка. В данном случае Иригари развивает идею Деррида, отрицающего вслед за Гегелем и Хайдеггером принципиальное различие бытия и мышления, объекта и субъекта, и пол интерпретируется ей как феномен языка и культуры.

Следовательно, Иригари менее всего считает пол предзаданным биологически. Кроме того, утверждение женской половой идентичности как таковой, без обязательного соотнесения с полом мужским, не устраняет требование равноправия, на котором основан феминизм, как считает Р. Фельски. Иное дело, что традиционное для догматического феминизма противостояние (мнимое и реальное) с мужчинами привело к утрате женской идентичности, а также к тому, что другие различия — расовые, этнические и религиозные — считаются второстепенными. Поэтому акцент на самодостаточности пола помогает утвердить не только радикальность полового различия, но и множественность культурных лиц самого феминизма, устанавливает приоритет «инаковости» и тем самым перемещает этическое отношение внутрь самого феминизма. Иригари настаивает на том, что стратегия равенства « всегда должна быть нацелена на признание различий». Радикальность ее позиции заключается в том, что имеются в виду различия не только между мужчинами и женщи-

нами, но также и между женщинами. За этим стоит идущий от Фуко отказ постулировать различия на основе одинаковости, как это диктует дискурс универсального равенства человека Просвещения. Например, женщины этнических меньшинств должны иметь те же права, что и женщины доминантной этничности не потому, что они в основе своей такие же, как и женщины этнического большинства, а по своему собственному праву, вследствие признания их знаковости — радикального различия, не сводимого к дискурсу равенства. Таким образом, Иригари приходит к утверждению равенства без утверждения радикального различия — это было бы сведением «инаковости» к насилию одинаковости, усвоением различий в дискурсе равенства, и, опять же, подведением всех различий под общий знаменатель «Человека» (мужского рода, доминантной этничности и «правильной» религии). Поэтому Иригари призывает к более радикальным переменам, чем достижение гражданского равноправия мужчин и женщин.

Д. Стэнтон назвала столкновение англо-американского и французского феминизма «трансатлантическим разрывом». Вероятно интеллектуальная традиция Франции, где феноменология сочетается с психоанализом и постструктурализмом, существенно отличается от манеры американского теоретизирования. Отчасти поэтому язык Иригари и других французских теоретиков считается недоступным, и тщательное прочтение, как свидетельствует Р. Брайдотти, заменяется неприятием и обвинениями в элитизме. Это в первую очередь относится к пониманию проблемы полового различия и телесности, сама постановка которой вызывает у англоязычной аудитории подозрение в биологизме и эссенциализме. Тело в интерпретации Иригари не есть нечто данное и врожденное, она пишет не об анатомии тела, а о его морфологии. Именно это обстоятельство упускает из поля зрения Б. Кристиан в критике французской феминистической теории: «Они сосредоточиваются на женском теле как способе создания женского языка... Принимая тело за источник всего, французские феминистки возвращаются к мифу, что биология определяет все, и игнорируют тот факт, что тендер является скорее социальным, чем биологическим конструктом». Т. Чантер обоснованно усматривает причины такого непонимания проблемы тела своеобразным табу на пол в англоязычном феминизме, табу, обусловленным в свою очередь продолжительными и бесплодными дебатами об эссенциализме.

9.24. Философские и культурологические идеи Иригари

Философские идеи Иригари получили достаточно полное отражение в ее первой книге «*Speculum de l'autre femme*» («Зеркало женской природы»). Заглавие книги требует комментария, поскольку «*speculum*» имеет множество значений — это и зеркало, и отражатель, и зеркальце, которым пользуются в гинекологии, и проектор. Автор использует все эти значения, чтобы переосмыслить европейскую философскую традицию «зеркалом другой женщины», которая стоит за зеркалом, а не той, изображение которой мы видим на стекле. Иригари обращается к нескольким мифологическим фигурам — Афины, Ариадны Персефоны, Клитемнестры и, прежде всего Антигоны.

Главная парадигма системы, изгоняющей женщину из публичной сферы, задана, по Иригари, философией Гегеля. Рассматривая гегелевские рефлексии над образом Антигоны, которая была изгнана из города, и которой было запрещено говорить, готовить пищу, иметь семью, рожать детей, погребать мертвых, Иригари заключает, что уделом дочери фиванского царя стало единение с природой. Это стало возможным потому, что, избавленная от власти государства и оставленная богами, Антигона утратила и этическое сознание. Иригари прослеживает мысль Гегеля, приписывающего, вслед за античной традицией, мужскому началу качества рационального, политического, настоящего, а началу женскому — иррациональное, семейное, потенциальное. Антигона выступает у Гегеля наивысшим выражением очищающей трагедии в силу того, что она этична по природе — знает свое место как женщина и не изменяет своему долгу. Это знание вызывает восхищение своей непосредственностью, стихийностью, интуитивностью. В то же время Антигона всего лишь женщина, путь рассуждения и рефлексии для нее закрыт. Значит, именно путь рефлексии ведет в совершенную систему, которая посылает мужчин на войну, а женщин оставляет дома, которая дает мужчинам разум и всеобщее, а женщинам — детей и частное.

В принципе, такова интерпретация Иригари этического контекста полового различия в философии Гегеля. Было бы упрощением считать, что Иригари сводит прочтение Гегеля к феминистским лозунгам. Наоборот, она старательно следует логике великого немецкого мыслителя и обнаруживает неявные предпосылки дуализма мужского и женского в европейской мысли. Иригари реинтерпретирует судьбу Антигоны таким образом, что проблематизируется сама система, которая отвергает Антигону

и делает ее воплощением «инаковости». В современном феминизме героини часто идеализируются и романтизируются. Антигона же выступает у Иригари амбивалентным символом, символом антиженщины — выполняя свою женскую роль до конца, она противостоит системе, которая установила для нее эту роль. Когда Креон, правитель города-государства, запрещает ей хоронить тело своего второго брата, Полиниса, она восстает против государства, следуя закону кровной связи — своему женскому призванию. По Гегелю, Антигона не может *осознанно* действовать в своем отказе, потому что она женщина, а логос — это область мужского. Только мужчина способен выразить себя вербально, концептуально и этически. Женщина же действует из своей преданности и родовых чувств, и именно это она и должна класть в основу своих поступков. Закон Антигоны — семейные связи, и им она следует, несмотря на страх смертного приговора. В этом она этична до конца, не имея возможности быть этическим субъектом. Иригари, как феминистка, находит у Гегеля дополнительный аргумент — интерпретацию женских и мужских гениталий, — чтобы заключить: «Мужчина — это активный принцип, в то время как женщина остается в своем недоразвитом единстве и являет собой принцип зачатия». Известно, что интерпретируя женские половые органы как недоразвитые мужские, Гегель определяет для женщины подчиненную, пассивную роль. В данном случае он следует за Аристотелем и западноевропейской традицией, символический код которой содержал представление о женщине как сосуде для других тел, их питания и заботы о них. Т. Лакуе показал, что до конца XVIII столетия женская анатомия считалась девиацией мужской, только в XIX веке появились первые модели отдельной анатомической двуполости.

Скорее всего, влияние, которое оказала книга Иригари на интеллектуальную публику, во многом объясняется соединением виртуозного категориального анализа «Феноменологии духа» с феноменологией тела. Так возникает идея «Полового отличия Гегеля». Между поступком Антигоны — погребением брата и ее собственным восприятием происходящего — огромная разница. Именно в этом смысл полового различия по Гегелю: Антигона — женщина, она может поступать этически только интуитивно, неосознанно. Выявить подлинный замысел ее трагедии способен Гегель *как мужчина*, так как именно в этом различии Гегель устанавливает смысл ситуации. «Природа, а не случайные обстоятельства или выбор назначает одному полу один за-

кон, а другому — другой закон», — пишет автор «Феноменологии духа». Иригари достаточно тонко подмечает, что выбор «природы» у Гегеля является *культурным* выбором в той же мере, в какой являются феноменами культуры приписывание женщинам божественного закона семьи, а мужчинам — человеческого закона государства. Осознанный закон — закон гражданина мира, мужчины, закон, который противопоставлен Антигоне как частной, семейной, родовой женщине.

Л. Иригари предпочитает переосмыслить отношение природы и культуры у Гегеля, которые никогда не являются простым противоположением рассудка, а неразделимы в своем диалектическом взаимодействии — подавление природы порождает культуру, но это продуктивное подавление, подавление-возможность. Следуя за Гегелем, Иригари показывает, что немецкий мыслитель прочитывает женское тело этически, приписывает ему этическое действие до его телесной интерпретации. Интерпретация тела служит уже свершившемуся культурному выбору еще одним доводом, а не предшествует ему. Связь с природой, которую Гегель находит в женщинах, вытекает не из биологического начала (Гегеля можно обвинить в чем угодно, замечает по этому поводу Т. Чантер, но только не в простоте, а из интеллектуальной традиции, в которой он находится и которую он развивает).

Нужно заметить, что гражданское общество, в котором семейная сфера отделена от сферы публичной, игнорирует «инаковость» женщин, их права и обязанности. Именно потому, что в своей основе законы не уважают половое различие, они не распространяются на женщин. Такова главная посылка общественно-политической программы Иригари. Вся сфера гражданского порядка требует переосмысления и переформулирования в терминах полового различия. Иерархическую патриархальную структуру, поддерживающую современную систему права, невозможно «адаптировать» к женщинам, так как эта система принципиально безразлична к «инаковости». Любая адаптация лишь воспроизводит безразличие на другом уровне — что находит выражение в феминистских дискуссиях о «протекционистской политике» для матерей-одиночек. В рамках гражданского права решения проблемы нет, так как женщины по определению не могут стать гражданскими субъектами.

9.25. Бытие и половое различие

Философско-этическая концепция Иригари тесно связана с идеями, идущими от Хайдеггера и Левинаса. Хайдеггеровская

критика западной метафизики позволила Деррида и Иригари предельно радикализировать программу деконструкции западноевропейской рациональности и основанных на ней социальных порядков. Свою серию лекций в Университете Эразма Роттердамского в сентябре 1982 г. Иригари начала со следующих слов: «Половое различие является наиболее важным вопросом нашей эпохи... По Хайдеггеру, каждая эпоха одержима одной и только одной вещью. Половое различие — это, скорее всего, такой вопрос нашей эпохи, решение которого может стать для нас интеллектуальным спасением».

Отсутствие вопроса о половом различии в западной философии не случайное «упущение». Замалчивание полового различия, универсализация пола самих философов и исключение женщин из философского дискурса — дело принципа. Поэтому пол философов парадоксальным образом проблематизируется теми, кто исключен из философии вследствие полового безразличия — феминистками. А философы продолжают настаивать на том, что это не философская, а *женская* проблема, философия настолько идентифицировалась с мужским полом философов, что он стал по видимости общечеловеческим, универсальным. Иригари показывает, что такие утверждения являются (бессознательной?) попыткой уйти от ответственности и признания своего долга женскому роду, и вообще — признания неуниверсальности и небеспристрастности философского дискурса. Предпринимаемая Иригари деконструкция коренится в хайдеггеровском понятии «бытия-в-мире». В отличие от Декарта, для которого критерием существования было *знание*, Хайдеггер исходит из того, что знание — это один из видов *Dasein*, основанный на «бытии-в-мире». Иригари полностью принимает этот взгляд и идет дальше, полагая, что бытие прежде всего пространственно, но аристотелевское «пространство-место» реконструируется ей таким образом, что телесное бытие женщины перестает быть «местом для других» и становится «бытием-в-себе». Оставаясь покровом и «местом для других», считает Иригари, женщина покрыта вуалью, которая не дает ей возможности полноценно присутствовать в мире.

Во второй части «Морской любовницы Фридриха Ницше» Иригари постоянно обращается к теме покрова, вуали, завесы, сокрытия. Женщина — это маскировка, притворство, двойственность. «Наконец, *женщины*: пусть поразмыслят о всей истории женщин — не *должны* ли они, прежде всего и поверх всего, быть актрисами? Пусть прислушаются к врачам, которым доводилось

гипнотизировать бабенок; пусть, наконец, полюбят их — пусть поддадутся их «гипнозу»! Что при этом всегда получается? Что они «отдаются роли» даже тогда, когда они отдаются...». Эта мысль Ницше получает у Иригари экзистенциальное обоснование. И если у женщины нет своих собственных качеств, если ее ценность — только предполагаемая, чужая, без возможности самоидентификации, то происходит это не потому, что у нее нет аутентичных качеств, ценности, собственного места, а потому, что социальные репрезентации — не ее. Она, вынужденная говорить не своим голосом, не может стать и иной. Женственность, по Иригари, — неотъемлемая часть патриархального строя, женщина спрятана в мышлении своего отца. Говорить о женщине — значит исказить ее, значит уже всегда говорить о ней с точки зрения другого.

В своей радикальной критике универсализма Иригари следует за Э. Левинасом, для которого этическое отношение «лицом-к-лицу» предшествует и «бытию», и мышлению. Отсюда и требование женской «инаковости», не сводимой к «отличию от мужской»: «Когда женский род требует чего-то, слишком часто это основано на требовании равных прав, и это рискует закончиться уничтожением рода... Но любое действие — ошибка, если самость равна *одному*, а не *двум*, если она сводится к *одинаковости/тождественности* и расщеплению одинаковости, и игнорирует другую как другую».

Как психоаналитик, Иригари пошла дальше Лакана, для которого женщина не существует в своей особой субъектности, независимо от субъектности мужской. С точки зрения Фрейда и его последователей субъектность женщин производна от субъектности мужской. Иригари предлагает переписать интеллектуальную традицию и «возвратить мужскому воображению его собственное безумие».

9.3. Радикальная феминистская концепция С. Файрстоун и К. Дельфи

В анализе феминизма в основном сконцентрируем свое внимание на последнем периоде развития социальной теории (примерно 30 лет), либо на тех теоретических подходах, которые были выработаны ранее, но до сих пор сохранили свое влияние и присутствуют в современном научном диалоге. Феминизм же в этот период стал одним из наиболее влиятельных дискурсов, в том

числе и в теоретическом аспекте. Это имеет значение еще и потому, что современный феминизм не есть единый и универсальный подход, претендующий на объяснение порядка вещей, но множество научных течений, в рамках которых циркулирует великое множество самых разнообразных идей. Современный феминизм представляет собой своего рода глобальный научный форум, где эти идеи оперативно осмысливаются и сталкиваются друг с другом. В отличие от многих социальных исследований, сфокусированных на узко очерченных проблемах, феминистские исследования находятся в самом центре интернациональной коммуникации, они затрагивают практически все теоретические школы, существующие в социологии. Все наиболее влиятельные интеллектуальные традиции — такие как феноменология, марксизм, символический интеракционизм и постструктурализм были освоены и интерпретированы в феминистской научной литературе.

Современный феминизм тесно связан с тендерными исследованиями. Слово «гендер» сейчас уже прочно вошло в русскоязычную научную терминологию. Оно обозначает социальные аспекты пола, в отличие от биологических. В русском языке для этого не существует специального слова, а существующие варианты его перевода — например, «род» — не являются общепризнанными и порождают дополнительные проблемы при его употреблении. Поэтому мы будем по мере необходимости пользоваться этим термином англоязычного происхождения.

С самого рождения человек социализируется в определенных представлениях о том, что такое семья, и интериоризует требования, которые общество предъявляет к тендерным ролям. Это одна из первых социальных информации, которые мы усваиваем в детстве, и поэтому нам трудно «выйти из нее» и посмотреть на нее непредвзято. Ни один из объектов изучения социологии не внедрен в нас столь глубоко. Обыденное сознание не является идеологически нейтральным, и в еще большей мере таковой не является социальная теория. Этот курс также может показаться несколько идеологизированным — и это может породить состояние внутреннего дискомфорта. Но это, видимо, неизбежно — поскольку тендерная социология занимается социальными взаимоотношениями полов, и эти взаимоотношения неравноправны и начинены массой противоречий и конфликтов. Идеологический подтекст здесь так же неизбежен, как и в марксизме — другой социальной теории, которая родилась из осознания социального неравенства. Но было бы весьма неразумно отказаться от теоретических наработок, сделанных в рамках

марксистской теории, например, из-за политического несогласия с идеей пролетарской революции. Точно так же известное раздражение, которое может возникнуть у кого-то из-за всех коннотаций, которые привносит слово «феминизм», не повод отказываться от тех достижений, которые связаны с развитием социальной теории, называющей себя феминистической. Важно дать себе отчет в том, что идеологический посыл не означает сам по себе подтасовки результатов. Тем более, что само представление о социологическом дискурсе как академически чистом и нейтральном, все более и более подтачивается — достаточно обратиться к работам Мишеля Фуко.

Как можно видеть даже из этого краткого перечня проблем и трудностей, возникающих при изучении тендерной социологии, очень трудно в ее рамках всецело придерживаться какой-либо одной базовой теории — более уместен будет плюралистический подход, позволяющий познакомить слушателей с основными дискурсами, существующими в этом предметном поле и выражающими различные социологические знания, и предоставляющий им возможность самим выбрать наиболее убедительные.

9.31 Радикально-феминистический подход

Для подходов, которые существовали в ортодоксальном марксизме и структурно-функциональной школе, было характерно объяснение подчиненного положения женщин по отношению к мужчинам различными внешними причинами:

- у Энгельса — господством частной собственности;
- у структурно-функциональной школы — разделением труда.

Определяющей чертой феминистских подходов является их трактовка подчинения женщин мужчинами как:

- главного факта, определяющего положение женщины в обществе;
- этот факт ставит всех женщин в оппозицию по отношению ко всем мужчинам:
 - он не может быть объяснен никакими внешними причинами;
 - и он является следствием специфических особенностей мужчин и женщин.

Поскольку подчинение женщин мужчинам первично по отношению ко всем остальным социальным отношениям, среди представительниц радикального феминизма просматривается сильная тенденция считать основания половой субординации универсальными, обычно — коренящимися в биологических и/или психологических различиях полов.

Характерными представительницами радикально-феминистского подхода являются Суламифь Файрстоун и Кристин Дельфи.

9.32. Концепция С.Файрстоун

С. Файрстоун концентрирует свое внимание на биологических различиях между мужчинами и женщинами и объясняет патриархат как контроль мужчин над репродуктивной ролью женщин. Ее аргументация основывается на критике энгельсовской интерпретации исторического материализма. Она считает, что его поиски материального основания угнетения были важным шагом вперед, но он был лишь отчасти прав, сосредоточившись на экономических факторах.

В своей знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс признавал, что угнетение по признаку пола было первым случаем классового угнетения, и связывал его с контролем мужчин над репродуктивными способностями женщин, но он сводил этот контроль к заботе о наследовании имущества. Файрстоун указывает, что Энгельс ввел в обращение концепт «пола как класса», но затем потерял его из виду, по мере того как на историческую арену вышли «экономические классы». Для Файрстоун пол как класс был и остается основным критерием классового разделения общества. Файрстоун также отвергла идею о том, что эксплуатация женщин имеет психологическое происхождение. Она утверждает, что теория сексуальности Фрейда и экзистенциалистские аргументы Симоны де Бовуар, основанные на ее теории о женщинах как «других», в равной степени спекулятивны и антиисторичны. Файрстоун предлагает в качестве третьего пути, альтернативно как «экономическому материализму», так и «психологическому идеализму», свою собственную концепцию «материалистического взгляда на историю, основанного на поле как таковом». Следует отметить, что эта концепция, в принципе, подтверждает распространенную точку зрения о том, что половые различия имеют «естественное основание».

«В отличие от экономических классов, «классы по полу» имеют биологическое происхождение: мужчины и женщины созданы различными, а не одинаковыми». Эта разница с необходимостью превращалась в неравенство из-за своего биологического характера, непосредственно связанного с ролью женщины в вынашивании и уходе за детьми. Несмотря на различия в формах тендерных отношений, формах семьи и т.д., Файрстоун настаивает, что существуют некоторые универсальные константы.

Естественные различия в репродуктивных способностях мужчин и женщин:

1. Делают женщин зависимыми от мужчин в плане физического выживания.

2. Делают детей зависимыми от взрослых в течение относительно длительного периода.

3. Означают, что взаимозависимость матери/ребенка формирует специфическую психологию женщин и детей.

4. Определяет первое классовое разделение, которое является парадигмой для всех остальных, в особенности этнических разделений, под которыми предполагается биологическое основание.

Таким образом, в этой части объяснение идентично аргументам структурных функционалистов, объясняющих подчинение женщин их естественной ролью существ, вынашивающих детей. Но затем Файрстоун выворачивает свою аргументацию наизнанку. Развитие науки и технологии означает, что мы можем приспособить природу к человеческим потребностям. Поэтому Файрстоун отвергает «биологический фатализм», который определяет подчиненное положение женщин как неизбежность. Если мы устраним биологический базис угнетения женщин, женщины и дети могут быть освобождены.

Покончив с разделением труда с помощью биотехнологии и кибернетики, можно уничтожить тиранию биологической семьи, а вслед за тем будут уничтожены все формы власти и эксплуатации, на ней основанные. Эта логика приводит Файрстоун к новой интерпретации и Маркса и Фрейда, которые выводили классовые и половые отношения из их биологических корней.

Проблема подхода Файрстоун заключается в его «натуралистическом материализме», в рамках которого биология рассматривается как базис для эксплуатации, а технология — как средство для ее преодоления. С этой точки зрения, возможно, Энгельс даже более убедителен в своем объяснении именно разделения труда, но не подчинения женщин с помощью биологических факторов.

Критика позволяет увидеть, что Файрстоун делает шаг в сторону от реального вопроса:

— Как и почему мужчины используют биологические различия как средства порабощения женщин и господства над ними?

— Биология не является базисом для господства мужчин, а только средством, с помощью которого они навязывают свое господство.

— В итоге всего этого, от кого «уязвимые женщины» могут требовать защиты, если не от «алчных мужчин».

Заключая обзор концепции Суламифи Файрстоун, обратим внимание еще на два обстоятельства. Во-первых, ее тексты сочетают чрезвычайно боевой настрой с безграничной верой в возможности научно-технического прогресса. Это, несомненно, характерная печать «менталитета 60-х гг.», присутствовавшего и в России (но, разумеется, не в феминистском варианте). Заодно с отменой половых различий, Файрстоун предвидит и наступление чего-то вроде «кибернетического коммунизма», который отменит само понятие труда ради куска хлеба и уравнивает всех людей еще и экономически («каждому по потребностям»).

Далее, Файрстоун сделала важный шаг вперед в критическом анализе фрейдизма — она обратила внимание на такой аспект, как отношения власти и подчинения. Так, она показала, что знаменитая «зависть к пенису», формирующая, согласно Фрейду, психику девочек, связана просто с их осознанием того, что мальчики предназначены и воспитываются, чтобы стать представителями господствующего класса, а девочки — чтобы служить им. Таким образом, особенности положения женщин определяет отнюдь не невроз, но безвластие.

Разумеется, как отмечалось уже выше, работа Файрстоун принадлежит определенному историческому отрезку и не является последним словом и в этом отношении. Так, в более поздних феминистских работах (например, «Русалка и Минотавр» Дороти Диннерштейн и, особенно, «Воспроизводство материнства» Нэнси Чодороу) она подвергалась критике за недооценку категории бессознательного, в котором коренятся многие особенности половых различий (из-за чего особенно трудно бороться с соответствующими предрассудками).

Представления Файрстоун о «мужских» и «женских» характеристиках типичны для радикального феминизма. Мужчина стремится к власти и доминированию; он эгоцентричный индивидуалист, он прагматичен и настроен на конкуренцию; «технологическое начало», согласно Файрстоун, — по определению мужское. Что касается женщин, то они заботливы, артистичны, склонны к философии; «эстетическое начало» — безусловно, женское.

Несомненной заслугой радикального феминизма является актуализация и подробная аргументация идеи «Личное есть политическое». Они сумели показать, что недовольство женщин своим положением не невротические причитания, а их реакция

на существование социальной структуры, в которой над женщинами господствуют, в которой их эксплуатируют и угнетают. Неполноценное положение женщин на рынке труда; особая, направленная на комфорт мужчины эмоциональная структура брака, господствующая в среднем классе; использование женских образов в рекламе; трактовка «женской души» как невротичной, широко популяризованная в академической и клинической психологии, — все эти аспекты жизни женщин подверглись исследованию и анализу.

9.33. Концепция Кристин Дельфи

Кристин Дельфи — французская феминистка. Ее основная работа «Главный враг» была также опубликована в 1970 г. Дельфи, вслед за Файрстоун, предположила, что угнетение женщин имеет «материалистическое» объяснение. Но ее материализм имеет скорее социологическое, чем биологическое содержание. Как и Файрстоун, Дельфи критикует марксизм за узость материалистического подхода. Марксизм предлагает анализировать общество на базе социальных производственных отношений, но игнорирует специфическую роль женщины в социальном производстве. Ортодоксальный марксизм рассматривает только производство, основанное на оплачиваемом труде, производство вне дома, не обращая внимания на жизненно важную роль, которую женщины играют в производстве, занимаясь домашней работой. Так, даже идентификация социализма с концом капитализма, тем, что придет вместо, практически игнорирует все аспекты угнетения женщин.

Дельфи объясняет угнетение женщин как результат их эксплуатации как домашних работников в рамках «семейного способа производства». Однако ее анализ сильно отличается от таких видов анализа, как:

— марксистский анализ «домашнего труда», который концентрируется на функциях домашней работы при капитализме и ее роли в воспроизводстве здоровых наемных работников;

— структурно-функционального анализа, который рассматривает эту роль женщины как функциональную для «индустриального общества»;

— аргументов известного исследователя домашнего труда Энн Окли, изложенных в ее книге «Домохозяйка», где говорится, что эксплуатация женщин происходит от их изоляции в доме, в то время как остальная экономическая деятельность предпринимается вне дома.

Все эти объяснения предполагают, что женщины подвергаются эксплуатации из-за той работы, которую они выполняют, — домашней работы, работы, выполняемой в стенах дома. Но Дельфи настаивает на том, что не специфический характер работы, выполняемой женщинами — домашней работы, — делает их эксплуатируемыми. Женщины эксплуатируются дома вне зависимости от того, какую работу они выполняют:

— домашняя работа не оплачивается, потому что это работа, выполняемая женщинами;

—домашний труд ограничивается пределами дома, потому что это не оплачиваемая работа, и поэтому она не может быть заменена наемным трудом;

—это происходит из-за того, что эта работа, которая, по мнению мужчин, не нуждается в оплате, не считается производством.

Аргументы Дельфи основаны на ее собственных исследованиях французских крестьянских семей. Она придает особое значение скорее преемственности между докапиталистическим домашним производством и современным домашним хозяйством, чем разрыву между ними, о котором писала Окли. В домашнем производстве даже работа, произведенная женщинами для продажи на рынке, не оплачивается: жена просто является неоплачиваемым работником своего мужа. Нет существенной разницы между продуктами, созданными для рынка, и продуктами для домашнего потребления.

По мере индустриализации и развития капитализма домашнее производство потеряло способность конкурировать с массовым рыночным производством, но женщины продолжали своим бесплатным трудом обеспечивать свой дом необходимыми продуктами и услугами, хотя, в принципе, они уже могли бы быть куплены на рынке. Мужчины имели возможность не покупать их на рынке именно потому, что женщины обеспечивали их всем этим бесплатно — и они могли не жить в отелях, не есть в ресторанах, не пользоваться услугами прачечных.

С точки зрения Дельфи, участие женщин в оплачиваемом наемном труде также определяется их положением в семейном способе производства: мужчины посылают женщин на работу потому, что они не могут целиком решить свои задачи, эксплуатируя их только дома. При этом мужчины присваивают заработки женщин и настаивают, чтобы их «внешняя» работа не вредила качеству услуг, которые они обеспечивают дома. Итак, эксплуатация в семье первична по отношению к системе капиталистической эксплуатации женщин — капитализм только добав-

ляет еще один слой эксплуатации. И поэтому все женщины эксплуатируются всеми мужчинами: женщины являются классом в рамках семейного способа производства, и почти все женщины являются актуальными или потенциальными наемными работниками в капиталистическом способе производства.

Дельфи предлагает очень серьезный анализ эксплуатации женщин, но ее подход имеет, как минимум, два слабых места:

1. Ее подход — экономический: она рассматривает брачные отношения как чисто экономические и, соответственно, объясняет феномен брака только как экономический феномен. Она пренебрегает сексуальным и психологическим аспектами отношений между полами. В конце своей статьи Дельфи переходит от производства к биологическому воспроизводству, утверждая, что контроль за репродукцией «является и причиной, и средствами второго великого вида угнетения женщин, сексуальной эксплуатации», но вопрос о соотношении этих двух видов угнетения остается открытым.

2. Неясно все же, как Дельфи объясняет подчиненное положение женщин.

Дельфи отвергает все формы эссенциализма (естественно-биологического объяснения) — в природе мужчин и женщин не существует ничего, что могло бы объяснить подчинение женщин мужчинам. Дельфи сознательно предлагает социологическое объяснение патриархата, объяснение, которое не сводит патриархат к биологическим или психологическим факторам. Ее собственный подход связывает возникновение патриархатных отношений с социальным институтом брака. Но как же тогда объяснить существование эксплуатации женщин мужчинами в рамках самого семейного способа производства? Почему женщины терпят ее?

В своей более поздней работе Дельфи объясняет желание женщин выйти замуж наличием их эксплуатации вне домашней сферы, но разве это проливает свет на причинно-следственную связь? Эксплуатация женщин вне дома, как правило, считается внешним последствием, а не причиной их эксплуатации в семье.

Итак, сформулируем еще раз основные особенности радикального феминизма:

Женщины исторически были первой угнетаемой группой. Угнетение женщин является наиболее распространенным видом социального неравенства, поскольку существует практически в каждой из известных человеческих общностей.

Угнетение женщин — глубочайшая и наиболее тяжелая фор-

ма угнетения, и оно не может быть устранено посредством каких-либо косвенных по отношению к нему социальных трансформаций (например, уничтожения классового общества).

Угнетение женщин вызывает наибольшие страдания его жертв, чем любой другой вид угнетения — как в количественном, так и в качественном аспекте (хотя эти страдания из-за сексистских предрассудков часто могут не осознаваться как таковые ни угнетателями, ни угнетенными). Теоретический анализ угнетения женщин позволит построить концептуальную модель, объясняющую все остальные формы угнетения. Хотя мало кто из радикальных феминисток имеет одинаковую позицию по всем этим пяти пунктам, большинство из них признает, по крайней мере, что угнетение женщин — первая, наиболее распространенная и глубочайшая форма угнетения человека человеком.

Биографии выдающихся западных социологов современности

Адорно Теодор (1903—1969) — немецкий философ и социолог, один из ведущих представителей Франкфуртской школы. С раннего возраста увлекался музыкой, продолжая ею заниматься в роли музыкального критика. Позже, в конце 20-х годов, написал ряд музыкально-критических статей, многие из которых вошли в известную работу под названием «Социология музыки». Был приверженцем леворадикальных идей, являлся редактором левого журнала «Anbruch». В 1933 году эмигрировал в США, однако в 1950 году вернулся в Европу, где и оставался до самой смерти, будучи профессором философии и социологии университета во Франкфурте-на-Майне. Критиковал феноменологию и неопозитивизм, интересовался идеологическими проблемами современного ему общества.

Основные работы:

Диалектика просвещения (совместно с М. Хоркхаймером, 1948).

Авторитарная личность (коллективная монография, 1950).

Труды на русском:

Диалектика просвещения (совместно с М. Хоркхаймером) М., 1999.

Избранное: Социология музыки, М., 1998.

статья Типы и синдромы. Методологический подход // Социологические исследования. 1993. № 3.

статья К логике социальных наук // Вопросы философии, 1992. № 10.

статья Психоанализ антисемитизма // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998.

Арчер Маргарет — британский социолог, представитель реализма. На формирование взглядов в особенности оказали большое влияние идеи Р. Бхаскара, а также Э. Гидденса, З. Баумана. Активно критиковала «теорию структуризации» Э. Гидденса и конфляционистский подход к анализу взаимосвязи структуры (или культуры) и социальной деятельности (этот подход заключается в утверждении, что любая социальная деятельность структурирована, в свою очередь структура не могла бы существовать без реализации через деятельность). В противовес этим взглядам Арчер предлагает понятия «морфогенеза» и «морфостаза», которые основополагают следующую трехчленную схему применительно к социальной структуре и культуре: структура создает условия для взаимодействия действующих; это взаимо-

действие происходит согласно своим внутренним особенностям; в результате возникает новая или видоизменяется старая структура.

Основные работы:

Realist Society Theory, Camb., N.Y., 1995.

Culture and Agency. The place of Culture in Social Theory, Camb., 1988.

Работы на русском языке:

статья Реализм и морфогенез// Теория общества, сер. Logica Socialis. М., 1999.

Аутвейт Уильям — британский социолог, является одним из главных представителей социологического направления, называемого реализмом. На формирование взглядов оказали большое влияние идеи прагматизма. Для реалистской концепции Аутвейта характерно натуралистическое понимание того, каким образом социальная практика людей приспособляется костальной части природы, что противоречит подходам, придающим особую значимость индивидуальному познающему субъекту. Поддерживает тесное теоретическое сотрудничество с Бхаскаром Р., в ряде своих работ разрабатывая его концепцию «трансформационной модели социальной активности». Отстаивает интерпретативную природу социальных структур.

Основные работы:

Realism and Social Science// 2 dem. New Philosophies of Social Science, L, 1987.

Concept Formation of Science, L, 1983.

Работы на русском языке:

статья Реализм и социальная наука // Социо-логос. Вып.1. М., 1991.

статья Действие, структура и философия реализма // Социо-логос. Вып.1. М., 1991.

Беккер Говард Пол (09.12.1899, Нью-Йорк — 08.06.1960, Мэдисон, Висконсин) — американский социолог, представитель макросоциологической теории социального действия, историк культуры. С 1957 г. являлся профессором социологии в университете штата Висконсин, работал в отделе стратегического обеспечения армии США, занимавшемся пропагандой, нацеленной на нацистскую Германию. На Беккера оказали большое влияние Визе, М. Вебер, Парк и Дж. Мид. Особое значение уделял символической стороне социального взаимодействия. В этой связи в центр внимания социологии Беккер ставил изучение нормативных ценностей как собственно человеческого элемента со-

циального действия, определяющего его типологически. Социальное действие осуществляется через социальные ситуации, понимание которых, по Беккеру, требует выделения четырех «аналитических элементов»: социального объекта, социального метода, социального инструмента и социальной ответной реакции.

Основные работы:

Systematic Sociology. N.Y., 1950.

Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. Glencoe (Ill.), 1963.

Работы на русском языке:

статья Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993.

(совместно с Босков А.) Современные социологические теории. М., 1961.

Белл Даниел (10.05.1919, Нью-Йорк, США) — американский социолог. Наибольшее влияние на взгляды Белла оказали приверженцы классического позитивизма (Конт О., Ж.-Ж. Руссо), а также основатель институционализма Т. Веблен. Из современников, по утверждению Белла, влиятельными фигурами для него были Р. Арон, Э. Шилз, Р. Дарендорф. С середины 40-х до начала 60-х годов преподавал социологию в Чикагском, а затем в Колумбийском университетах, где и получил звание доктора философии, а в 1962 году и должность профессора. В 1964 году Белл был назначен членом Президентской комиссии по технике, автоматизации и экономическому прогрессу, а позже стал председателем Комиссии и занимал этот пост до 1974 года.

В юности состоял в Социалистической лиге молодежи, позже являлся редактором социал-демократического журнала «The New Leader», а также был редактором профсоюзного раздела журнала американского крупного бизнеса «Fortune». Интересовался проблемами социальной футурологии, в частности — вопросом о роли и характере воздействия науки и технологий на трансформацию общественной структуры. В своих работах ставил задачу оценить возможные сценарии социального прогресса и функционирования постиндустриального общества.

Основные работы:

The Cultural Contradictions of Capitalism. L, 1979.

The Winding Passage. New Brunswick. L, 1991.

The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

Работы на русском языке:

Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. статья
Социальные рамки информационного общества // Новая
технократическая волна на Западе. М., 1986.

статья Постиндустриальное общество // Америка. 1977. № 9.

Бергер Питер Людвиг (17.03.1929, Вена) — американский социолог, представитель феноменологической социологии знания, идеолог неоконсерватизма. Является директором института экономической культуры Бостонского университета. Работы Бергера посвящены разработке феноменологической социологии знания, социологии религии, теории модернизации, проблемам семьи. Наиболее известной российскому читателю стала книга, написанная совместно с Т. Лукманом, «Социальное конструирование реальности» (1966). Также Бергер интересовался проблемами религии, полагая наиболее удачным использование историко-феноменологического метода исследования религиозных феноменов, опирающегося на человеческий религиозный опыт. Политические взгляды Бергера, по мнению биографов, могут быть определены как «правые», что выразилось при его переходе на позиции неоконсерватизма.

Основные работы:

(with Pullberg S.) Reification and the sociological critique of consciousness, 1966.

(with Luckmann T.) The Social Construction of Reality: A Treatise its the Sociology of Knowledge, Garden City, New York: Anchor Books, 1966.

Invitation to Sociology: A Humanist Perspective, New York, 1966.

Работы на русском языке:

Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994

Приглашение к социологии: гуманистическая перспектива. М., 1996 (вместе с Лукман Т.). Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Берджесс Эрнст (16.05.1886, Канада — 27.12.1966, Чикаго) — американский социолог, один из основателей Чикагской социологической школы. Учился и преподавал в Чикагском университете, являлся учеником Парка Р., Томаса У. и представителем первого поколения американских социологов, получившим докторскую степень в американском университете, а не в Германии. С 1934 г. он Президент Американского социологического общества. Изучая локальные сообщества в Чикаго, предложил гипотезу «концентрических зон», состоящую в объяснении при-

чин формирования структурно и социально неоднородных районов в процессе роста города. Также интересовался социологией криминалистики, сотрудничая в Институте по изучению юношеской преступности.

Основные работы:

The growth of the Cities: on introduction to a research project, Chic, 1925.

(with Park R.) The City, Chic, 1926.

(with Park R.) Introduction to the Science of Sociology, Chic, 1921.

Бирнбаум Норман (21.07.1926, Нью-Йорк) — американский социолог леворадикального направления, один из создателей журнала «The New Left Review» и идеолог движения «новых левых». Интересовался социологией религии и социологией политики. Критиковал культурные основы капиталистического общества, полагал его находящимся в состоянии кризиса. Одним из способов разрешения кризисной ситуации Бирнбаум видит в критической рефлексии и особенно в критической социологии, надеялся ее способностью преобразовывать социальную действительность.

Основные работы:

The crisis of Industrial Society, New York, 1968.

Toward a critical Sociology, New York, 1971.

Работы на русском языке:

статья Национализм: сравнение Франции и Германии // Вопросы социологии. 1993. № 1\2.

статья Кризис марксистской социологии // Американская социологическая мысль. М., 1994; 1996.

(вместе с Бади Б.) статья Переосмысление социологии государства // Международный журнал социальных наук. 1994. Ноябрь. 4(7).

(вместе с Барук Ш., Беллаш М., Марис А.) Французский правящий класс. М., 1981.

Блау Питер (07.02.1918, Вена) — американский социолог, профессор социологии Колумбийского университета, президент Американской социологической ассоциации с 1973 по 1974 год. Наряду с Хомансом Дж. считается основоположником теории социального обмена, акцентируя свое внимание, помимо психологических мотивов межличностных отношений, на структурных аспектах последних. Придавал большое значение в межличностных отношениях экономическим аспектам, таким как награда, выгода, польза. Полагал возможным конструирование

эмерджентных свойств социальной структуры на основе особых свойств суммирования различных актов социального обмена.

Основные работы:

Irregularity and Heterogeneity. A Primitive Theory of Soc. Structure, New York, 1990.

Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964.

(with Scott W.) Formal Organizations: A Comparative Approach. San Francisco, 1963.

Работы на русском языке:

статья Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль. М., 1994; 1996.

статья Исследование формальных организаций обществе // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Блумер Герберт (07.03.1900, Сент-Луис, США) — американский социолог и социальный психолог, представитель чикагской школы интеракционизма. С 1925 по 1952 год преподавал в Чикагском университете, а с 1952 года — в Калифорнийском университете. Кроме трудов Мида Дж. опирался на работы интеракционистов первого поколения — Дж. Дьюи, Ч. Кули, У. Томаса. Блумер является одним из первых, заинтересовавшихся проблемами массового общества. Также он анализировал феномены массовой культуры, например, функцией моды он полагал возможность осуществления социального контроля. Занимался исследованием массовых беспорядков и акций протеста 1960-х годов.

Основные работы:

Symbolic Interactionism: Perspective or Method. N.Y., 1969.

Sociological Implications of the thought of G.Mead // American Journal of Sociology, 1966, vol. 71, № 5.

What is wrong with the social theory? // American Sociological Review, 1954, vol. 19, № 1.

Боулдинг Кеннет (18.01.1910, Ливерпуль) — социолог, экономист, специалист по общей теории систем. С 1937 г. живет в США, с 1968 г. работает в Колорадском университете. Является первым президентом Общества по исследованию в области общей теории систем (с 1954 года). Полагает изоморфными все природные и социальные системы, по этой причине считает возможным создание общей теории систем, как фундамента науки, способной поглотить и упорядочить отдельные дисциплины и направления исследований. Главной задачей своей теоретичес-

кой деятельности считает формирование целостного взгляда на взаимосвязь всех процессов в обществе, осмысление социальной реальности в терминах подхода «человек — общество — природа».

Основные работы:

A reconstruction of economics. N. Y., 1950.

The organizational revolution. Chicago, 1953.

Conflict and defense. N. Y., 1963.

Работы на русском языке:

Общая теория систем—скелет науки // Исследования по общей теории систем. М., 1969.

Будон Раймон (27.01.1934, Париж) — французский социолог, профессор методологии социальных наук в Сорбонне и Женевском университете, руководитель Центра социологических исследований Национального центра научных исследований, профессор университета Рене Декарта в Париже. Автор книг и статей по проблемам методологии, социологии, социальной мобильности, социальных изменений, социологии образования. Ученик и сотрудник Лазарсфельда П. Приверженец известного методологического подхода, называемого «методологический индивидуализм».

Основные работы:

La logique du social, Paris, 1979.

Effets pervers et ordre social, Paris, 1977, 1979.

La place du desordre, Paris, 1984.

Работы на русском языке:

Место беспорядка: критика теорий социального изменения. М., 1998.

Бурдьё Пьер (р. 10.08.1930) — французский социолог, руководитель исследовательской группы «Социология образования и культуры» в парижской Высшей школе социальных наук, профессор Коллеж де Франс. Основные труды посвящены социологии культуры, образования, искусства и общим проблемам эпистемологии социальных наук. Большое влияние на взгляды Бурдьё оказали К. Маркс, М. Вебер. Основными понятиями являются: символическое насилие, незнание, поле, габитус (*habitus*). Критику соперничающих социологических и философских концепций осуществляет с помощью определения места критикуемой теории в поле символической (идеологической) власти.

Основные работы русском языке:

Социология политики. М., 1993.

Начала. М., 1994.

статья Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1994. № 1,2,5.

статья Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Социо-Логос. 1996.

статья Социология и демократия // Поэтика и политика, М., Спб, 1999.

статья Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., Спб. 1999.

Бхаскар Рой — британский социолог, является одним из главных представителей социологического направления, называемого реализмом. Полагал, что общество является и условием, и результатом человеческой деятельности, на основе чего разработал концепцию «трансформационной модели социальной активности», заключающуюся в следующих утверждениях: социальные структуры, в отличие от природных, не существуют независимо от понимания их социальными деятелями; социальные структуры, в отличие от природных, лишь относительно устойчивы, потенциально подвержены трансформационному воздействию.

Основные работы:

The possibility of naturalism, N.Y., 1979.

Societies, N.Y., 1989.

Работы на русском языке:

статья Общества // Социо-Логос. М., 1991.

Вебер Макс (21.04.1864, Эрфурт — 14.06.1920, Мюнхен) — немецкий социолог, социальный философ и историк, основоположник понимающей социологии и теории социального действия. Преподавал во Фрайбургском (1893—1896), Гейдельбергском (1896— 1898, 1902—1919) и Мюнхенском (1919—1920) университетах. Начинал как исследователь в области экономической истории, изучал вопрос о взаимоотношениях экономики с другими сферами человеческой деятельности — политикой, правом, религией и т. д., а позже занялся социологией, разрабатывая ее главным образом как социологию экономического поведения людей.

Работы на русском языке:

Избранные произведения: Протестантская этика и дух капитализма; Протестантские секты и дух капитализма; Объективное социально-научное и социально-политическое познание; О некоторых категориях понимающей социологии; Основные социологические понятия; Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. М., 1990.

Избранное. Образ общества: Город; Социальные причины падения античной культуры; Социология религии; Хозяйственная этика мировых религий; Рациональные и социологические основания музыки. М., 1994.

статья Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.

статья Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.

статья К состоянию буржуазной демократии в России // Рубежи. 1997. № 5—9.

Веблен Торстейн Бунд (30.07.1857, штат Висконсин, США — 03.08.1929, штат Калифорния, США) — американский социолог, экономист и социальный критик. Преподавал в университетах Чикаго, Миссури, Нью-Йорка. Представитель институциональной школы. На формирование взглядов оказали влияние К. Маркс, И. Кант, Дж. С. Милль, Дж. Кларк. Являлся приверженцем эволюционно-генетического анализа социальных явлений. Исследовал различные аспекты поведения, связанного с потреблением, рассматривая символические стороны последнего, выражающиеся в потреблении индивидом того или иного предмета для обретения или демонстрации статуса и принадлежности к определенной социальной группе.

Основные работы:

Instinct of the workmanship and the state of the industrial arts. N. Y., 1914.

The engineers and the price system. N. Y., 1921.

Работы на русском языке:

Теория праздного класса. М., 1984.

Гарфинкель Гарольд (р. 1917) — американский социолог, основоположник этнометодологического направления социологического анализа. Предметом этнометодологии полагает рациональные свойства (формальные структуры, методы) практических действий, то есть методы, которые используют члены общества, чтобы совершать и интерпретировать обыденные действия. Этнометодология рассматривает рациональные приемы не только обыденности, но также и самой науки, причем не как методологические принципы, а как проблемные эмпирические данные. При этом собственные методы данное направление исключает из числа научных.

Основные работы:

Studies in Ethnomethodology, N.J., Prentice Hall, 1967.

Гидденс Энтони (18.01.1938) — британский социолог. Получил высшее образование на социологическом факультете Гулльского университета, который окончил в 1965 году, затем учился в Лондонской школе экономики, где в 1974 году стал доктором социологии. С 1969 года работал в Кембриджском университете, где в 1985 году получил звание профессора социологии. В 1996 году был назначен на должность директора Лондонской высшей школы экономических и политических наук, которую занимает в настоящее время. Занимается различными аспектами проблем глобализации и трансформации современного общества.

Основные работы:

The Consequences of Modernity, Cambridge, Polity Press, 1996.

Sociology, Cambridge, 1989.

Работы на русском языке:

Социология. Челябинск, 1991.

статья Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 7, 9, 11.

статья Социология // Социологические исследования. 1994. №2.

статья Политика, управление и государство // Рубеж, Альманах социальных исследований. 1992. № 3.

статья Пол, патриархат и развитие капитализма // Социологические исследования. 1992. № 7.

статья Постмодернизм // Философия истории. М., 1995.

статья Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М., 1999.

статья Современность и самоидентичность // Социальные и гуманитарные науки. РЖ «Социология». Сеп.11. 1994. № 2.

Гоулднер Алвин (29.07.1920, Нью-Йорк— 15.12.1980, Миссури) — американский социолог, представитель альтернативной (критической) социологии. Некоторое время являлся сторонником структурно-функционального направления в социологии, занимаясь исследованием бюрократических организаций. В начале 60-х годов Гоулднер выступает с критикой всей современной западной социологии, особенно структурного функционализма Парсонса и эмпиризма Лазарсфельда. Считает, что современная социология является ангажированной настолько, что утратила свои основные функции критического анализа и рефлексии, в связи с этим необходимо развитие исследований, направленных прежде всего на аналитический анализ социологии собственной активности. Существенное влияние на взгляды Гоулднера оказали идеи К. Маркса, неомарксизма и Франкфуртской школы.

Основные работы:

Dialectics of ideology and technology. N. Y., 1976.

The future of intellectuals and the rise of the new class. N. Y., 1979.

The two marxism: contradictions and anomalies in the development of theory. N. Y., 1980.

For Sociology. London, 1973.

Работы на русском языке:

статья Будущее интеллектуалов и восхождение Нового класса: реферативное изложение // Рубежи. 1997, № 4.

статья Анализ организации // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965.

Гоффман Ирвинг (1922 — 1982) — американский социолог, приверженец символического интеракционизма, применивший идеи этого направления для создания концепции «управление впечатлением». Считает, что социальное взаимодействие следует рассматривать в терминах «драматургического подхода», заключающегося в анализе вербальных и невербальных средств, с помощью которых индивиды пытаются производить впечатление и воздействовать на своих коммуникативных партнеров. Гоффман в 1953 году получил в Чикаго степень доктора философии за свои исследования коммуникационных структур на Шетландских островах, затем работал в Национальном институте психического здоровья в Вашингтоне, далее стал профессором в Беркли, а в 1981 году — президентом Американского социологического общества.

Основные работы:

Strategic Interaction, Philadelphia, 1969.

Гэлбрейт Джон Кеннет (15.10.1908, Канада) — американский экономист, социальный мыслитель, дипломат, литератор и общественный деятель. Профессор экономики Гарвардского университета. С 1971 года являлся президентом Американской экономической ассоциации, а с 1984 по 1987 год — председателем Совета Американской академии наук и искусств. Существенное влияние на формирование взглядов оказали А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, Т. Веблен, В. Зомбарт. Продолжал традицию американской институциональной школы экономики и стремился создать экономическую теорию, учитывающую воздействие на экономику политики, государства и других социальных институтов. Активно критиковал неоклассическую школу буржуазной экономической науки. Занимался разработкой концепции постиндустриального общества.

Основные работы:

The affluent society, Harmondsworth, 1968.

The anatomy of power, L, 1984.

Работы на русском языке:

Новое индустриальное общество. М., 1969.

Экономические теории и цели общества. М., 1979.

Дарендорф Ральф (01.04.1929, Гамбург) — немецкий социолог, политический деятель. С 1958 по 1967 год занимал должность профессора в университетах Гамбурга, Тюбингена, Констанца. С 1974 года является директором Лондонской школы экономики и политических наук. Представитель концепций социального конфликта, критик концепций «социального равновесия». Под конфликтом Дарендорф понимает «все структурно произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп».

Основные работы:

Class and Class Conflict in Industrial Society. L, 1959.

Society and Democracy in Germany. N. Y, 1969.

Работы на русском языке:

После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998.

статья Современный социальный конфликт // Иностранная литература. 1993. № 4.

статья Справедливость без оков зависимости // Коммунист. 1990. № 16.

статья Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9.

статья Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

статья От социального государства к цивилизованному обществу // Политические исследования. 1993. № 5.

статья Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Политические исследования. 1997. №6.

Дюркгейм Эмиль (15.04.1858, Эпиналь — 15.11.1917, Париж) — французский социолог и философ, создатель французской социологической школы. Основатель и издатель журнала «Социологический ежегодник». С его именем связана институционализация социологии во Франции, особенно в Бордоском и Парижском университетах. Являлся продолжателем позитивистской контовской традиции в социологии.

Работы на русском языке:

О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

Знаецкий Флориан — (15.01.1882, Польша — 23.03.1958, США) — польский философ и социолог, представитель гуманистического направления в социологии 20 века. Взгляды Знаецкого сформировались под влиянием антипозитивистской традиции (Вебер, Дильтей) и американского прагматизма и эмпиризма. Считал социологию номотетической, основывающейся на формулировке своих законов с помощью индуктивного метода сбора данных. Активно использовал биографический метод, в результате совместно с Томасом У. написал ставшую известной книгу «Польский крестьянин в Европе и Америке», основывающуюся на данных, полученных из личных дневников, писем, автобиографий исследуемых индивидов. Также интересовался проблемами социологии знания, города, воспитания и образования. Оказал большое влияние на структурный функционализм и другие американские социологические школы.

Основные работы:

(with Thomas W.), *The Polish Peasant in Europe and America*, N.Y., 1927.

Работы на русском языке:

статья Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. М., 1994; 1996.

(вместе с Томас У), статья Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М., 1994; 1996.

Зиммель Георг (01.03.1858, Берлин — 26.09.1918, Страсбург) — немецкий философ и социолог, один из главных представителей поздней философии жизни, основоположник формальной социологии. С 1901 года являлся профессором Берлинского, а с 1914 года — профессором Страсбургского университета.

Работы на русском языке:

Избранное: Философия культуры. Т. 1. М., 1996.

Избранное: Созерцание жизни. Т.2. М., 1996.

статья К социологии религии (отрывок) // Вопросы социологии, 1993, № 3.

статья Философия денег // Теория общества. Сер. Logica Socialis, М., 1999.

Коузэр Льюис — американский социолог, занимающийся анализом и обобщением принципиальных положений конфликтологической парадигмы Г. Зиммеля. В ряде своих работ развивает конфликтологическую теорию общества, рассматривая разнообразные, позитивные и негативные, последствия внутри- и межгрупповых конфликтов.

Основные работы на русском языке:
Основы конфликтологии. СПб. 1999.

Кули Чарльз Хортон (17.08.1864, Мичиган, — 08.05.1929, Мичиган) — американский социолог и социальный психолог. Основоположник теории малых групп и концепции «зеркального Я». Кули получил образование в Мичиганском университете, где и преподавал в течение долгого времени. Большое влияние на взгляды Кули оказали Конт О., Спенсер Г., Тард Г., Гиддингс Ф.-Г., а также психология Джемса У. Интересовался проблемами социализации, полагал, что первичная социализация осуществляется в кругу близкого окружения индивида, т.е. — в круп/ «первичных групп». Предпочтение отдавал интроспективным методам, признавая за точными, метрическими процедурами лишь вспомогательную роль. Большое влияние оказал на формирование взглядов интеракционистского направления в социологии.

Основные работы:

Human nature and social order, N. Y., 1962.

Работы на русском языке:

статья Социальная самость // Американская социологическая мысль. М., 1994.

статья Первичные группы // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Кун Томас (1922, США) — историк и теоретик науки. Обучался на физическом факультете в Гарварде, а с 1958 года является профессором истории науки. Преподает в Массачусетском технологическом институте на отделении философии и лингвистики. Является одним из редакторов «Международного словаря научных биографий». Основоположник концепции «научных революций», рассматривающей историю науки как скачкообразную смену теоретических оснований научной деятельности, ломающей нормальный, преемственный процесс развития науки. В рамках своей концепции интересовался проблемами творческой и социальной жизни научных сообществ, полагая за основу социологизированный подход к анализу адекватности и приемлемости научных теорий, стремящийся искать внетеоретические детерминанты научного развития.

Основные работы:

Lakatos J. Falsification and the Metodology of Scientific Research Programmes//Lakatos J. Musgrave A. (eds.). Criticism and the growth of knowledge. Cambridge University Press. 1970.

Работы на русском языке:

Структура научных революций. М., 1975; Б., 1998.

Лазарсфельд Пол Феликс (13.02.1901, Вена — 31.08.1976, Нью-Йорк) — американский социолог позитивистского направления, участник обширных эмпирических исследований, проводимых в США по анализу роли средств массовых коммуникаций в сформировании общественного мнения. Занимался разработкой количественных методов с целью удачного их применения в социальных науках, особенно интересовался методом шкалирования, считая, что социология должна искать способы более тонкой техники разработки шкал и их сочетания в сложных взаимозависимостях. Ввел в применение многие социологические методики, одним из которых был панельный метод социологических исследований. Критерием истинности научного знания полагал принцип верификации.

Основные работы:

Studies in social psychology in world war II. Vol. IV. Princeton, 1950.

The people's choice. N. Y., 1969.

Qualitative analysis. Historical and critical essays. Boston, 1972.

Работы на русском языке:

статья Измерение в социологии // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

статья Методологические проблемы социологии // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965.

Леви-Стросс Клод (28.11.1908, Брюссель) — французский этнограф и социолог, представитель французского структурализма. С 1973 года является членом Французской академии. На формирование взглядов оказали влияние представители французских социологических школ (в частности — М. Мосс и Э. Дюркгейм) и школы американской культурной антропологии. Интересовался прежде всего первобытными обществами, особенно Южной и Северной Америки, исследуя структуры мышления и социальной жизни, полагая, что культура, как универсальный атрибут человеческого бытия, имеет одинаковый набор характеристик в различных обществах. Использует методологию современной структурной лингвистики, например, такой методологический прием, как акцентуация на бинарных оппозициях, выявляя их значение в семантической структуре мифа.

Основные работы:

The savage mind, London, 1966.

Работы на русском языке:

Первобытное мышление. М., 1994.

Печальные тропики. М., 1984.

Структурная антропология. М., 1985; 1983

Левин Курт (09.09.1890, Познань — 12.02.1947, США) — немецко-американский психолог и социолог, один из создателей теории групповой динамики. Учился в университетах Фрейбурга, Мюнхена и Берлина, где сформировался как психолог в рамках школы гештальтпсихологии. В 1914 году получил докторскую степень, затем стал преподавателем, а позже — и профессором Берлинского университета. В 1933 году эмигрировал в США, где преподавал в Стенфордском и Корнельском университетах. С 1945 года был директором исследовательского центра групповой динамики при Массачусетском технологическом университете. Занимался экспериментальным изучением проблем личности, социальной психологией малых групп.

Основные работы:

A dynamic theory of personality, N. Y, 1935.

Principles of topological psychology, N. Y- L, 1936.

Field theory in social science, N. Y, 1951.

Липсет Сеймур Мартин (18.03.1922, Нью-Йорк) — американский социолог, представитель функционалистского направления. Являлся президентом Американской ассоциации политических наук, с 1974 по 1978 год — вице-президентом по социальным наукам Американской академии искусств и наук. Член Национальной академии наук и Национальной академии образования США. На взгляды Липсета оказали влияние идеи Вебера М., Мертона Р. и Лазарсфельда П. Сфера интересов — социология политики, в особенности — развитие демократических систем и антидемократические движения в современном мире. Интересовался также проблемами легитимности государственного строя, выявляя условия стабильности последнего. Разрабатывал концепцию деидеологизации — крушение идейной состоятельности и привлекательности идеологии в современном мире, что не мешало ему впоследствии признать несостоятельность этого утверждения.

Основные работы:

Political man. Garden City, 1960.

(with Bendix A.), Social mobility in industrial society. N. Y, 1966.

Работы на русском языке:

статья Третьего пути не существует. Перспективы левых движений // Политические исследования. 1991. № 5-6.

статья Политическая социология //Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

статья Политическая социология // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965.

Лукман Томас (14.10.1927, Югославия) — профессор социологии университета в Констанце (ФРГ). В настоящее время ведущий представитель феноменологической социологии знания. На формирование взглядов в особенности оказал влияние А. Шюц.

В 1966 году Лукман совместно с Бергером П. опубликовал работу под названием «Социальное конструирование реальности», предметом которой являются процессы и механизмы, с помощью которых происходит возникновение, функционирование и распространение знания в обществе. Полагал, что социология знания должна заниматься обыденным, дотеоретическим знанием, которым человек оперирует в своей повседневной жизни. Также интересовался проблемами социологии религии, а именно — субъективизированными религиозными представлениями, специфически функционирующими в современном секуляризованном обществе.

Основные работы:

(with P. Berger), The social construction of reality. N. Y., 1966.

The invisible religion. N. Y., 1967.

(with A. Schutz), The structures of the 11-vesworld Evanston, 1973.

The phenomenology and sociology. N.Y., 1978.

Работы на русском языке:

(вместе с Бергером П.) Социальное конструирование реальности. Тракта́т по социологии знания. М., 1995.

Луман Никлас (08.12. 1927, Люнебург) — немецкий социолог-теоретик, ведущий представитель системного и функционального подхода в социологии. С 1968 года является профессором общей социологии и социологии права в Билефельдском университете. Особенно на его теоретическую активность повлияли концепции Т. Парсонса и Р. Мертона. Интенсивно развивает проект радикализации функционализма, в рамках которой создал собственный вариант концепции системной теории общества, в центре которой ставит отношение «система — окружающий мир». Предметом социологии, соответственно, считает социальные системы, и которые наделяет свойством самовоспроизводства и самореференции.

Работы на русском языке:

статья Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.

статья Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии, СПб., 1994.

статья Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. № 1. Т. 1.

статья Общество, интеракция, социальная солидарность // Человек. 1996. № 3.

статья Теория общества // Теория общества. Сер. Logica Socialis, М., 1999.

статья Изменение парадигмы в системной теории // Современная зарубежная социология: 70-80-е годы. М., 1993.

Маклуэн Герберт Маршалл (21.07.1911, Канада — 31.12.1980, Торонто) — канадский социолог и культуролог. Взгляды Маклуэна сложились под влиянием Мамфорда Л. и П. Т. де Шардена. Занимался исследованием развития культуры в современном мире, в частности — преобразования средств социальной коммуникации. Резкие изменения в средствах коммуникации, полагал он, проявляются в активизации той или иной физической способности человека — устная речь во времена жизни племен, письменная коммуникация и активизация человеческой визуальности в период изобретения книгопечатания. В настоящее время электронные средства коммуникации эксплуатируют тактильные и слуховые возможности человека, создавая особый мир всесторонней сопричастности к глобальному социальному миру.

Основные работы:

At the moment of sputnik // Journal of communication. 1974, № 1.

Малиновский Бронислав Каспер (07.04.1884, Краков — 16.05.1942, Нью-Хейвен, США) — этнограф, значимый представитель функционалистского крыла английской социальной антропологии. Интересы Малиновского сосредотачиваются на вопросах семейной жизни, пола, родственных отношений, первобытного права и религии. Свои исследования он обосновал оппозиционно по отношению к эволюционистским и диффузионистским теориям культуры, полагая, согласно своей приверженности функционализму, что основой функционального взгляда на культуру является рассмотрение каждого элемента культуры, как исполняющего необходимую и жизненно-важную функцию. Поэтому культуру он определял, как средство удовлетворения основных потребностей человека. Позже данное представление о культуре было активно подвержено критике Р. Мертоном. Однако Малиновский оказал огромное влияние на общую теорию функционализма, особенно — на формирование функционалистской социологической школы в Америке.

Основные работы:

Anthropology//Encyclopedia Britannica. 1926.

Culture//Encyclopedia of the social sciences. 1931.

Маннгейм Карл (27.03.1893, Будапешт—09.01.1947, Лондон) — немецкий философ и социолог, один из создателей социологии знания. Обучался в университетах Будапешта, Фрайбурга, Гейдельберга, Парижа. В 1919 году эмигрировал в Германию, а с 1929 года являлся профессором социологии и национальной экономики на кафедре Ф. Оппенгеймера во Франкфурте. В 1933 году эмигрировал в Великобританию, где продолжительное время читал лекции по социологии в Лондонской школе экономики и политической науки. В 1945 году в Институте образования при Лондонском университете получил звание профессора педагогики. Ма формирование взглядов оказали влияние идеи Э. Ласка, Г. Риккерта, Э. Гуссерля, М. Вебера. Разрабатывал методологию социологии познания, развивал концептуальный аппарат своей методологии с помощью исследования генезиса консервативного стиля мышления в Германии. Также интересовался проблемами теории культуры, культурной и образовательной политики. Концептуализировал собственное представление о содержании понятия «идеология». Хотя и оказал достаточно значительно влияние на социально-политическую мысль, однако непосредственных продолжателей не имел.

Основные работы:

Idelogy and Utopia, N.Y., 1936.

Diagnosis of our time: Wartime essays of a sociologist, L, 1943.

Freedom, power and democratic planning. L, 1950.

Man and Society in an Age of Reconstruction. N.Y., 1940.

Работы на русском языке:

Человек и общество в век преобразования, М., 1991.

Диагноз нашего времени. М., 1994.

статья Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 1,4, 9, 11.

Маркузе Герберт (19. 07.1898, Берлин —29.07.1979, Штарнберг) — немецко-американский философ и социолог, представитель Франкфуртской школы. С 1934 года жил и работал в США. С 1954 по 1965 год являлся профессором Брандейского университета, а с 1965 года — Калифорнийского университета. На формирование взглядов оказали влияние идеи «левого» марксизма, интерпретируемого в духе неогегельянства 20-х годов. В 1964 году написал ставшую позднее чрезвычайно известной работу под названием «Одномерный человек», где рассматривал проблемы личностной лояльности «позднекапиталистическому обществу» и средства последнего воздействовать на формирование такой ментальной (в терминах Маркузе — «структура вле-

чений») и поведенческой лояльности. А также акцентировался на проблеме возможности революции в «позднекапиталистическом обществе», приписывая решающую роль молодежи, представителям национальных меньшинств, люмпенам, т.е. людям, еще не интегрированным современным индустриальным обществом. Свою критическую теорию общества Маркузе основывает на анализе «левого» варианта фрейдизма, рассматривая социальную историю индустриального общества с позиций глубинно-психологических понятий. Идеи Маркузе имели огромную популярность среди «новых левых», стремящихся во второй половине 60-х годов революционным способом переустроить капиталистическое общество «репрессивной культуры».

Основные работы:

Reason and revolution. Hegel and rise of social theory, L, 1941.

One-dimensional man, Boston, 1964.

Eros and civilization, Boston, 1955.

Работы на русском языке:

Эрос и цивилизация. К., 1995.

Одномерный человек. М., 1991.

Мерло-Понти Морис (14.03.1908, Рошфор-сюр-Мер — 04.05.1961, Париж) — французский философ экзистенциально-феноменологической ориентации, близкий к неомарксизму. Является одним из основоположников феноменологического направления в социологии. С 1944 года считается преемником Ж.-П. Сартра в лице Кондорсе. С 1945 по 1949 год преподавал философию в университете Лиона, в Сорбонне, в Высшей нормальной школе, а с 1953 года — в Коллеж де Франс. Философская концепция сложилась в результате переосмысления феноменологии Э. Гуссерля в «реалистическом» духе с последующим переводом гуссерлевских понятий на язык неомарксистской «философии практики». На развитие социологических феноменологических концепций особенно повлияли следующие идеи Мерло-Понти: идея «социального конструирования» мира, осуществляемого в ходе межличностного взаимодействия; понимание человека как существа, вырабатывающего значения и наделяющего ими свою повседневную реальность.

Основные работы:

The primacy of Perception, Chic, 1964.

Работы на русском языке:

статья Философ и социология // Вопросы социологии. 1992.

Т. 1. № 1.

Мертон Роберт Кинг (05.07.1910, Филадельфия) — американский социолог, представитель структурного функционализма. С 1957 года почетный профессор Колумбийского университета и президент Американской социологической ассоциации. Особенно акцентировал свой интерес на методологии и теории структурного функционализма, хотя помимо этого занимался проблемами социологии науки, изучения социальной структуры, бюрократии, социальной дезорганизации. Наиболее популярной стала его концепция «теория среднего уровня», созданная в оппозицию «всеохватывающей теории» структурного функционализма Т. Парсонса. Мертон полагал, что его теория может способствовать созданию реальной концептуальной связи между академической теоретической активностью и эмпирической социологией. Развивая свою позиции «теории среднего уровня», Мертон, в отличие от Парсонса, изучающего преимущественно механизмы поддержания «социального порядка», сосредоточил усилия на изучении дисфункциональных явлений, возникающих вследствие напряжений и противоречий в социальной структуре. Особенно акцентировался на изучении явления аномии, выделяя следующие типы поведенческой реакции на напряжение в социальной структуре: конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж.

Основные работы:

Social Theory and Social Structure, Glencoe, 1968; N.Y., 1957.

Approaches to the study of social Structure, N. Y, 1975.

Sociology of science, N. Y, 1973.

Mass Persuasion, N.Y, 1946.

Работы на русском языке:

статья Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в социологии. Вып. 1. М., 1968.

статья Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994; 1996.

статья Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2,3,4.

Мид Джордж Герберт (27.02.1863, Массачусетс — 26.04.1931, Чикаго) — американский социолог, философ и социальный психолог, представитель социологической концепции символического интеракционизма. На формирование взглядов особенно оказали влияние идеи Джемса и Дьюи. Исходным пунктом философии Мида является понятие акта, определяющего специфику восприятия объективной реальности действующим субъектом. Совокупность процессов межличностного взаимодействия конституирует общество и социального инди-

вида, так как действие индивида (физическое или вербальное) воспринимается другими людьми через опосредованное значение, полагаемое опытом индивидов, при этом похожесть значений в опыте того, кто действует, и того, кто воспринимает действие, предполагает возможность «принятия роли другого». Идеи Мида впоследствии оказали обширное влияние на развитие социальной психологии, педагогической психологии и социологии, в частности, на дальнейшее развитие символического интеракционизма в лице Г. Блумера и Т. Шибутани.

Основные работы:

Mind, Self and Society, Chic, 1936.

The philosophy of the act, Chic, 1938.

Работы на русском языке:

статьи От жеста к символу; Интернализированные другие и самость; Аз и Я; Психология пунитивного правосудия функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994; 1996.

Миллс Чарльз Райт(28.08.1916, шт. Техас, США— 20.03.1962, Нью-Йорк) — американский социолог и публицист леворадикальной политической ориентации. Один из идеологов движения «новых левых», претендовал на создание «новой социологии». Испытал влияние марксизма, а также прагматизма и социологических идей Веблена Т. и Вебера М. Критиковал идеологические основы капиталистического общества. Выдвинул требование наличия «социологического воображения», (т.е. способности связывать тенденции общественного развития с аналитическим осмыслением событий собственной жизни) для теоретической деятельности общественных наук. А также предложил концепцию «властвующей элиты» — союза промышленной, политической и военно-бюрократической элит — в противовес марксизму, полагая политический и военный детерминизм общественной жизни в обход экономического детерминизма. Подвергал активной критике «высокую теорию», созданную Парсонсом Т., и «абстрактный эмпиризм», представленный в трудах Лазарсфельда П. Миллс считается одним из основных основоположником радикальной социологии на Западе.

Основные работы:

The Sociological Imagination, N.Y., 1964.

Power politics and people, N. Y., 1963.

Работы на русском языке:

Властвующая элита. М., 1959.

Социологическое воображение/ М., 1998.

статья Интеллектуальное мастерство // Социологические исследования. 1994. № 1.

Морено Якоб (Джекоб) Леви (20.05.1892, Бухарест — 14.05.1974, Нью-Йорк, США) — американский психиатр и социальный психолог. Основоположник одного из направлений социальных исследований, получившего название социометрия. Учился в Венском университете по двум специальностям: философия и медицина. С 1925 года работал в США, с 1940 года — являлся основателем и руководителем Института социометрии и психодрамы. Его взгляды сформировались под воздействием идей З. Фрейда, Г. Зиммеля, Ч. Кули. Социометрия, (определяемая Морено как система методов выявления и количественного измерения эмоциональных, межличностных взаимоотношений людей в малых группах) предназначалась для изучения влияния структуры межличностных взаимоотношений на индивидуальное поведение. Исследовательская активность Морено оказала значительное влияние на развитие социологии и психологии малых групп, в особенности большую популярность приобрела тактика групповой психотерапии, направленная на преодоление конфликтных ситуаций, оптимизацию социально-психологического климата в малых группах.

Основные работы:

Sociometry and the cultural order, N. Y., 1943.

Sociodrama, a method for the analysis of social conflict, N. Y., 1944.

Psycho-drama, N. Y, 1959—1969.

Работы на русском языке:

Социометрия. М., 1994.

Мэйо Элтон (26.12.1880, Австралия — 07.09.1949, Великобритания) — американский социолог и психолог, один из основоположников американской индустриальной социологии и доктрины «человеческих отношений». Обучаясь в Шотландском университете, специализировался в области медицины и психопатологии. С 1926 года является профессором индустриальной социологии в Гарварде. На формирование взглядов оказали значительное воздействие идеи Э. Дюркгейма и З. Фрейда. С 1927 по 1932 год проводил ряд обширных экспериментов (названных Хоторнские эксперименты) в Вестерн Электрик Компани, изучая влияние различных факторов (условия и организация труда, заработная плата, межличностные отношения и стиль руководства) на повышение производительности труда на промышленном предприятии, продемонстрировав особую роль человеческого и группового фактора.

Основные работы:

The social problems of industrial civilization. L, 1945.

Ортега-и-Гассет Хосе (9.05.1883—18.10. 1955) —испанский философ, социальный мыслитель и публицист. На философию Ортега-и-Гассета оказали огромное воздействие такие направления философской мысли, как неокантианство, философия жизни и феноменология. Автор ряда мировоззренческих концепций: «дегуманизации искусства», «восстание масс». Интересуясь проблемами социальной структуры, утверждал переход от классовой структуризации общества к делению по социокультурному признаку, выражающемся в кристаллизации двух основных социальных групп: масса и элита.

Работы на русском языке:

Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

Парк Роберт Эрза (1864—1944) — основатель Чикагской социологической школы, президент Американского социологического общества (1925). Обучался в Гейдельберге, Страсбурге и Берлине, где в 1904 году представил на немецком языке докторскую диссертацию «Толпа и публика. Методологическое и социологическое исследование». В Гарварде изучал философию и физику, при этом основное его внимание было направлено на социально-психологический аспект этих наук. На формирование взглядов Парка оказали влияние В. Виндельбанд, а позже — У. Томас.

Для Парка характерен натуралистический подход к социологии, сказавшийся в заимствовании им понятий психологии, биологии и экологии для изучения общественной жизни. Занимался развитием концепции влияния естественного окружения на социальную жизнь людей, а также интересовался проблемами расовых отношений, взаимодействия различных культур.

Основные работы:

(with Burgess E.) Introduction to the Science of Sociology, Chicago, 1924.

Race and Culture, Gl., 1950.

Работы на русском языке:

статья Конкуренция и конфликт // Вопросы социологии. 1994. № 5.

статья Экология и человек // Теория общества. Ser.Logica Socialis. М., 1999.

Парсонс Толкотт (13. 12.1902, Колорадо-Спрингс — 08.05. 1979, Мюнхен) — американский социолог, один из главных представителей структурно-функционального направления в социологии. Обучался в Лондонской школе экономики, а затем, с 1927 года преподавал в Гарвардском университете. В 1949 году

был избран президентом Американской социологической ассоциации. Является создателем теории действия и системно-функциональной школы в социологии. Пытался построить общую аналитическую логико-дедуктивную теоретическую систему, охватывающую человеческую реальность во всем ее многообразии. Главными элементами его концепта были: система социального действия; инвариантный набор функциональных проблем: адаптация, целедостижение, интеграция, воспроизводство структуры. В работах 60-х годов Парсонс заинтересовался проблемами эволюции обществ, положив в основу своей эволюционной доктрины идею дифференциации, заключающейся в тенденции усложнения социальной организации и функциональной дифференциации, которые, в свою очередь, способствуют повышению стабильности общества. Теория Парсонса подвергалась жесткой критике со стороны представителей многих социологических направлений, например, наиболее яростными нападениями и обвинениями в консерватизме отличились представители конфликтологической и альтернативной социологических направлений.

Основные работы:

The structure of social action, N.Y., 1937.

The social system, N.Y., 1951.

Societies: evolutionary and comparative perspectives, New Jersey, 1966.

Social system and the evolution of action theory, N. Y.- L, 1977,

Работы на русском языке:

статья Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М., 1996.

статья Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1996.

Система современных обществ. М., 1998

Введение. Общий обзор // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

статья Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965.

Радклифф-Браун Альфред Реджиналд (17.01. 1881, Бирмингем—24.10.1955, Лондон) — английский этнограф, один из создателей «социальной антропологии» как теоретической дисциплины на базе сравнительного изучения на месте «примитивных» человеческих обществ в их целостности. Основное влияние оказали У. Уэвелл, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм. Является главой формально-структурного крыла английского антропологического функционализма, инициатор позитивистско-индук-

тивистской профаммы «естественной науки об обществе» и системного подхода в антропологии. Базовые данные для такой науки должны быть эмпирическими фактами о социальной и культурной жизни человека, собранными «в поле», в прямом контакте с изучаемыми обществами. Разделял общую склонность функционализма к трактовке социальных систем как неких суперорганизмов, которые имеют интересы, цели или «необходимые условия существования» и из чьих «потребностей» в выживании и эффективности возникли определенные социальные институты.

Основные работы:

A natural science of society, Glencoe, 1948.

Structure and function in primitive society, L, 1952.

Рорти Ричард — современный философ, которому приписывается приверженность философии неопрагматизма, занимающийся разработкой позиции отказа от философии как науки и ратующий за деконструкцию центральной части философии — теории познания.

Основные работы на русском языке:

Философия и зеркало природы. Н., 1997.

Скиннер Беррес Фредерик (20.03.1904, штат Пенсильвания) — американский психолог. Представитель бихевиоризма, определяемого им, как наука о «человеческом поведении». Являлся с 1947 года профессором психологии в Гарвардском университете. На формирование взглядов оказали непосредственное влияние представители неопозитивизма и утилитаризма. Изучая поведение животных, разработал оригинальную методику изучения человеческого поведения, рассматривающую последнее с точки зрения соотношения с «психологическим подкреплением», т.е. основывающегося на взаимовыгодном отношении индивидов друг с другом в процессе общения. Идеи Скиннера заложили основу различным вариациям его концепции, например, теории социального обмена и необихевиоризму.

Основные работы:

The behavior of organisms, N. Y., 1938.

Science and human behavior, N. Y., 1956.

Reflections on behaviorism and society, N. Y, 1978.

Работы на русском языке:

статья Технология поведения // Американская социологическая мысль. М., 1994; 1996.

Смелзер Нейл — американский социолог. Получил докторскую степень в Гарварде, а затем более 30 лет работал в Ка-

лифорнийском университете в Беркли. Сейчас является директором крупнейшего исследовательского центра в области социальных наук при Стенфордском университете. С 1995 по 1996 год занимал должность президента Американской социологической ассоциации. Является членом редколлегии многих социологических журналов, был редактором ведущего американского социологического журнала «Sociological Review». Работает в области общей теории социальных изменений и методологии сравнительных исследований.

Основные работы:

Theory of Collective Behaviour, N.Y., 1963.

Работы на русском языке:

Социология. М., 1994.

статья Социологические теории // Международный журнал социальных наук. 1994. Август. 3(6).

статья Социология: влияние извне // Социологические исследования. 1990. №4.

статья Социология экономической жизни // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Сорокин Питирим Александрович (21.01.1889, Коми АССР — 10.02.1968, США) — русско-американский социолог. В 1922 году был выслан из СССР, а с 1923 года жил в США. Рассматривал исторический процесс, как цикличную флуктуацию типов культуры, выделял три типа культуры: чувственный — в нем преобладает непосредственно чувственное восприятие действительности; идеациональный — в нем преобладает рациональное мышление; идеалистический — здесь господствует интуитивный вид познания. Кризис современной «чувственной» культуры Сорокин связывал с развитием материализма и науки и выход из него видел в будущей победе религиозной «идеалистической» культуры. Сорокин считается одним из основателей теорий социальной мобильности и социальной стратификации.

Основные работы:

Система социологии. В 2 т. М., 1993.

Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Основные черты русской нации // О России и русской философской культуре. М., 1990.

Общие черты и различия между Россией и США // Социологические исследования. 1993. № 8.

Символы в общественной жизни, Р., 1913.

О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994.

статья Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. 1993. № 3.

статья Колониальные вождения // Социологические исследования. 1990. № 2.

Программа по изучению Зырянского края // Социологические исследования. 1990. № 2.

Томас Уильям Айзек (13.08.1863, Виргиния — 05.12.1947, Калифорния) — американский социолог и социальный психолог. Учился в университетах Теннесси, Геттингена, Берлина, где изучал «психологию народов» и этнологию. С 1893 по 1918 год являлся профессором Чикагского университета, а с 1927 года — президентом Американского социологического общества. Совместно со Знанецким Ф. написал ставшую чрезвычайно известной работу под названием «Польский крестьянин в Европе и Америке», где широко использовали биографический метод. Интересовался также проблемами социологии секса. Является автором известной социологической теоремы, звучащей следующим образом: «Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительны по своим последствиям». В целом, Томасу свойствен психологизм в интерпретации социальных явлений.

Основные работы:

(with Znaneicki F.), The polish Peasant in Europe and America, N.Y., 1927.

Работы на русском языке:

(вместе со Знанецкий Ф.) статья Методологические заметки / Американская социологическая мысль. М., 1994; 1996.

Тоффлер Олвин (4.10.1928) — американский социолог и публицист. Учился в Нью-Йоркском университете в Олбани. С 1965 года О.Тоффлер работа в качестве лектора в ряде американских университетов, таких как Корнеллский университет и Новая школа социальных исследований, участвует в деятельности Фонда имени Рассела Сэйджа и Института по изучению будущего. В 1968—1983 годах О.Тоффлер периодически приглашался в качестве эксперта и консультанта по проблемам стратегического развития в крупнейшие американские корпорации. За свою работу «Столкновение с будущим» был награжден французским орденом искусств и литературы. Отличие работ Тоффлера заключается в стилевой простоте, помогающей изложению концептуальных положений в ясной форме. Интересы автора достаточно обширны, однако можно приблизительно сформулировать круг исследовательских проблем: предсказание и проектирование будущих тенденций социального развития.

Основные работы:

Футурошок. СПб., 1997.

статья Проблема власти на пороге 21 в. // Свободная мысль. 1992. №2.

статья Столкновение с будущим // Запад вблизи. М., 1982.

статья Третья волна // США: экономика, политика, идеология. 1982. №7—11.

статья Будущее труда; ст. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

статья Прогноз и предпосылки // Социологические исследования. 1987. № 5).

статья Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999.

Турен Ален Луи Жюль Франсуа (3.08.1925) — французский социолог. Окончил лицей Людовика Великого и филологический факультет университета в Париже. Являете» доктор филологии, директором Парижского центра теоретической и прикладной социологии. С 1950 по 1958 год он работал в Национальном центре научных исследований в Париже, а с 1966 по 1969 год занимал пост профессора филологического факультета университета Нантерра, с 1960 года по настоящее время является руководителем исследовательских программ Высшей школы социальных наук. Профессор Турен является автором тридцати книг, получивших большую популярность. Например, в одной из них он рассматривает проблемы модернизации и выделяет три стадии процесса модернизации на основе критерия соподчинения индивида и власти: эпоха Просвещения; «срединная стадия» при условии доминирования идеи рациональности; «программируемое» общество с возросшей ролью политической власти.

Основные работы:

Возвращение человека действующего: очерки социологии. М., 1998.

статья От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

статья Способны ли мы жить вместе // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999.

статья Тернистый путь идеологии // Курьер Юнеско. 1990. Август.

Уоллерстайн Иммануэль (16.10.1938) — американский историк экономики и социолог. Является профессором Нью-Йоркского университета в Бингамптоне, руководителем Центра Ф.Бро-

деля по исследованию экономик, исторических систем и цивилизаций. Взгляды Уоллерстайна сформировались под влиянием американской исторической социологии и европейской исторической мысли, включая К. Маркса, М. Вебера. Рассматривал генезис капитализма, используя метод исторически конкретизированного системного анализа и отвергая возможность познания социоэкономических процессов изменения на уровне отдельных взятых стран.

Основные работы:

The Modern World-system, V. 1, 2., N.Y., 1974—1976.

The Modern World-System and Evolution // Journal of World-Systems Research: Volume 1, Number 19, 1995.

Работы на русском языке:

статья Капиталистическая цивилизация // РЖ Социология, 1993, № 3-4.

статья Холодная война или третий мир? // Рубежи. 1997. № 1.

статья Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. 1992. Т.1. № 1.

Фромм Эрих (23.03.1900, Франкфурт-на-Майне — 18.03.1980, Швейцария) — немецко-американский социолог, психолог и социальный философ, представитель Франкфуртской школы, один из основателей неофрейдизма. На формирование взглядов оказали значительное влияние идеи М. Бубера, Л. Левенталья. С 1926 года изучал психоанализ в Мюнхене, а с 1934 года работал в Нью-Йоркском институте социальных исследований. Тесно сотрудничал с Г. Маркузе, К. Хорни. Интересуясь социальной историей и считая ее развитием человеческого характера в условиях враждебной ему социальной структуры, Фромм разработал типологию социальных характеров: накопительский, эксплуататорский, рецептивный (пассивный), рыночный. Критиковал идеологические основы современного ему капиталистического общества, рассматривая различные степени и формы отчуждения человека.

Работы на русском языке:

Душа человека, М., 1992.

Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1993.

Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Мужчина и женщина. М., 1998.

Человек для себя. Минск. 1992.

(вместе с Хорни К.) Психоанализ и культура. М., 1995.

Иметь или быть. М., 1988.

Фуко Мишель Поль (15. 10.1926, Франция — 25. 06.1984, США) — французский социолог, философ, историк науки, один из основоположников французского структурализма. С 1946 года учился в университете Эколь Нормаль в Париже, где с 1951 по 1955 год преподавал психологию, а с 1966 по 1968 год преподавал в Тунисе курс лекций «Человек в западной мысли». В 1948 году получил в Сорбонне степень лиценциата по философии, а год спустя — такую же степень по психологии. Основным вкладом Фуко в социологию является его историко-культурная концепция, методологически родственная структурной антропологии К. Леви-Строса. Фуко ставил перед собой задачу преодоления субъективистской ограниченности западной исторической мысли и возможно более объективного воспроизведения социальных феноменов прошлого. Занимался исследованием становления современных социальных институтов и соответствующих учреждений, например, таких как медицинская клиника, тюрьма, дом умалишенных.

Основные работы:

Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

Рождение клиники. М., 1998.

Воля к истине. М., 1996.

Археология знания. Киев, 1996.

Забота о себе. М., Киев, 1998.

статья Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991.

Хабермас Юрген (18.06.1929, Дюссельдорф) — немецкий социальный философ и социолог, представитель неомарксистского социологического направления и Франкфуртской школы, идеолог «новых левых». Испытал огромное влияние идей Т. Адорно, М. Хоркхаймера. С 1964 года является профессором университета во Франкфурте-на-Майне, а с 1970 года — содиректор Института по исследованию условий жизни научно-технического мира в Штарнберге. Ведущая тема социальной философии Хабермаса — проблема активной, «политически функционирующей» общественности, обострившаяся на Западе в середине XX века в связи с завершающим этапом конституирования капитализма в государственно-монополистической форме. Также интересовался проблемой межчеловеческого взаимодействия, в особенности — вопросом об отличии «истинной» коммуникации от «ложной», предлагая собственную концепцию интерпретации социальной коммуникации.

Основные работы:

Towards a Rational Society, L, 1971.

Between Facts and Norms, L, 1998.

Legitimation Crisis, Boston: Beacon Press, 1975.

Работы на русском языке:

Демократия. Разум. Нравственность. М., 1989; М., 1995.

статья Модерное сознание времени и его потребность в самоуверенности // Философские науки. 1997. № 2, 3, 4.

статья Формальная и эмпирическая прагматика // Современная зарубежная социология (70-80-е годы). М., 1993.

Хоманс Джордж Каспар (11.08.1910, Бостон) — американский социолог, один из авторов концепции социального обмена. На формирование взглядов оказали влияние идеи В. Парето, Скиннера Б.Ф., а также идеи приверженцев структурного функционализма, от которых он впоследствии отказался. В конце 60-х годов создал концепцию социального обмена, занимаясь, в отличие от функционалистов, изучением элементарных процессов социального взаимодействия, полагая, что социальное взаимодействие основывается на стремлении людей к получению наград и выгод и взаимном обмене ими.

Основные работы:

Contemporary Theory in Sociology // Handbook of modern sociology, Chicago, 1964.

Elementary Forms of Social Behavior, (2nd Ed.), New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.

Работы на русском языке:

статья Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994; 1996.

Хоркхаймер Макс (14.02.1895, Штутгарт—07.07.1973, Нюрнберг) — немецкий философ и социолог, один из основоположников франкфуртской школы неомарксизма.

С 1931 по 1965 год являлся директором Франкфуртского института социальных исследований, с 1931 по 1941 год — издателем «Журнала социальных исследований».

Занимался разработкой «франкфуртской» версии неомарксизма, называемой им «критическая теория». А также интересовался проблемами семьи и структурой ролевых обязанностей внутри семьи. Совместно с Адорно Т. опубликовал программное произведение «франкфуртского неомарксизма» под названием «Диалектика просвещения», а позже они вместе выпустили целый ряд работ, посвященных критике социологической методологии с позиций критической теории франкфуртской

социологической школы. Однако влияние идей Хоркхаймера, возрастая с начала 60-х годов, к концу 70-х значительно ослабевает.

Основные работы:

Eclipse of Reason, L, 1947.

(with Adorno T.). A Dialectic of Enlightenment, New-York: Continuum, 1993.

Работы на русском языке:

(с Адорно Т.) Диалектика просвещения. СПб., 1999.

(вместе с Адорно Т.) статья Психоанализ антисемитизма // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998.

Шюц Альфред (1899—1959) — австрийский социолог и философ, основатель феноменологической социологии. Изучал право в Венском университете, работал банковским служащим. В 1939 году эмигрировал в США. Руководил кафедрой социологии и социальной психологии Нью-Йоркской новой школы социальных исследований. На формирование взглядов оказали значительное влияние идеи Э. Гуссерля, М. Вебера. Шюц предложил собственную версию понимающей социологии, в которой проследил процессы становления человеческих представлений в социальном мире от единичных субъективных значений, формирующихся в потоке переживаний индивидуального субъекта, до высокогенерализованных конструкций социальных наук, содержащих эти значения в преобразованном, «вторичном» виде. Тем самым Шюц пытался решить задачу восстановить связь абстрактных научных категорий с «жизненным миром», миром повседневности, непосредственности знания и деятельности.

Основные работы:

«Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Collected, Papers. V. 1. The Problem of Social Reality. The Hague, 1962.

Работы на русском языке:

статья Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

статья Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2.

статья Понятие и формирование теории в социальных науках // Современная зарубежная социология (70-80-е годы). М., 1993.

статья Повседневное мышление и научная интерпретация человеческого действия // Современная зарубежная социология (70-80-е годы). М., 1993.

Этциони Амитай Вернер (04.02.1929, Кёльн) — американский социолог, последователь М. Вебера, сторонник системного подхода. В 1954 году закончил Еврейский университет в Иерусалиме, а в 1958-м — Университет Беркли в США. С 1958 года преподавал в Колумбийском университете, с 1980 года — профессор Университета имени Дж. Вашингтона в Вашингтоне. Интересовался проблемами политической социологии, теории организаций, теории социальных изменений. Был приверженцем системно-кибернетического подхода к изучению общества, в котором осуществляется попытка соединения методов системного подхода в социологии с идеями эволюционизма. В 1968 году написал работу под названием «Активное общество: теория социальных и политических процессов», где выступает в качестве социального проектанта, стремящегося создать такую схему общественного устройства, в которой наилучшим образом реализовались бы общечеловеческие ценности.

Основные работы:

A comparative analysis of complex organizations, N. Y., 1961.

Political unification, N. Y., 1965.

The active society, N.Y., 1968.

Social problems, N. Y., 1976.

Содержание

ОТ АВТОРА.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Часть 1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ (Аналитический обзор)	11
1.1. Французская социология	11
1.2. Германская социология	22
1.3. Американская социология	27
1.4. Британская социология.....	33
Часть 2. КРИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	36
2.1. Концепции социальных изменений	37
2.2. Критическая конфликтология.....	43
2.3. Леворадикальная социология (Франкфуртская школа).....	59
Часть 3. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	72
3.1. Феноменологическая концепция А. Шюца	72
3.2. Интеракция и идентичность в феноменологической концепции И. Гоффмана	87
3.3. Феноменология П. Бергера и Т. Лукмана	93
3.4. Концепция В. Бернхарда социологии повседневности.....	100
3.5. Этнометодология и символический интеракционизм Г. Гарфинкеля	104
Часть 4. СОЦИОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА	113
4.1. Основные принципы социологии критического реализма	113
4.2. Реализм и социальные науки	125
4.3. Социология нового трансцендентального критического реализма (У. Аутвейт)	133

Часть 6. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНО-СИСТЕМНАЯ СОЦИОЛОГИЯ.....	144
5.1. Структурная лингвистика	144
5.2. Функционализм (общие положения).....	148
5.3. Макросоциологическая перспектива П. Блау	155
5.4. Структурный функционализм Т. Парсонса	157
5.5. Функциональный анализ и «теории среднего уровня» Р. Мертонна	184
5.6 Функциональный анализ и системная теория Н. Лумана	188
5.7. Коэструктивистский структурализм Бурдьё	197

Часть 6. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	206
6.1. Основные принципы бихевиоризма.....	206
6.2. Символический интеракционизм Дж. Мида	211
6.3. Символический интеракционизм Ч. Кули..	215
6.4. Концепция социального обмена Дж. К. Хомансаи П. М. Блау	219
6.5. Проблема «человеческих отношений» Мэй О'Элтона.....	226
6.6. Психодраматическая концепция Дж. Морено	233

Часть 7. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.	239
7.1. История становления теории постиндустриального общества.....	239
7.2. Постиндустриальное общество: Д. Белл о контурах социальной системы	241
7.3. Постиндустриальное общество: аналитический обзор концепций.....	249
7.4. Постиндустриальная концепция общественного развития Р. Коэна	256

7.5. Альтернативы постиндустриальной концепции. Постмодернизм.....	261
7.6. Концепция программированного общества А. Турена	264
7.7. Постиндустриальная концепция Дж. К. Гэлбрейта.....	274
7.8. Постиндустриальные концепции: глобализация	288
7.9. Концепция глобализма	
И. Уоллерстайна	292

Часть 8. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ	303
8.1. Акционизм (методологический индивидуализм) Р. Будона и Ф. Буррико	303
8.2. Концепция методов общественных наук Ричарда Рорти.....	313
8.3. Интерпретативная методология Питера Уинча.....	321
8.4. Методологические идеи А. Шюца.....	326
8.5. Концепция социологии познания К. Маннгейма.....	336

Часть 9. СОЦИОЛОГИЯ ФЕМИНИЗМА И ТЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	345
9.1. Основные положения феминизма	345
9.2. Этика полового различия Л. Иригари	357
9.3. Радикальная феминистская концепция С. Файрстоун и К. Дельфи	367

Биографии выдающихся западных социологов современности	377
--	-----